

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

4

2023

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2023

Том 29

№ 4

Октябрь – Декабрь

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2023

Volume 29

№ 4

October – December

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ГРУППАМ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ:
5.1. ПРАВО; 5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ; 5.9. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ОСИПЕНКО ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА
доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естествознания (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА
доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

TATYANA VLADIMIROVNA OSIPENKO
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH
Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA
Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV
Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КАТЕРМИНА ВЕРОНИКА ВИКТОРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КРЮКОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет (г. Волгоград)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

VERONIKA VIKTOROVNA KATERMINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kuban State University (Krasnodar)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

IRINA VASIL'EVNA KRYUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State
Socio-Pedagogical University (Volgograd)

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associat,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ.,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник отдела классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЩЕРБАК АНТОНИНА СЕМЁНОВНА
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
русского языка, Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина (г. Тамбов)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права, Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

TATIANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
Chief Researcher of the Department of Western Classic
Literature and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

SHCHERBAK ANTONINA SEMYONOVNA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language,
Derzhavin Tambov State University (Tambov)

EDITORIAL BOARD FOREIGN STAFF

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law, University of Economy for the Bulgarian Nation
and World, Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Виноградов А.Е.**
Крестовидные подвески «скандинавского» типа как маркеры этнокультурных процессов: новый взгляд на старую проблему
- 15 **Селезнев Ф.А.**
Основание Городецкого Феодоровского монастыря в церковной историографии XIX – начала XX вв.
- 22 **Гладков А.К.**
Союз добродетелей, король-мудрец и идея политической общности в «Поликратике» Иоанна Солсберийского
- 26 **Сараева Е.Л.**
С.Ю. Витте в оценках В.А. Маклакова
- 34 **Белов А.М., Галинская О.Ю.**
Об уровне грамотности населения Костромской и Ярославской губерний в конце XIX – начале XX вв.
- 41 **Родионов А.Н.**
Укрепление Красной Армии в материалах ВЦИК и СНК в годы Гражданской войны
- 48 **Белгородский В.С., Дембицкий С.Г., Околотин В.С.**
Организация производства снарядов, мин и хлопчатобумажной целлюлозы на предприятиях Наркомата текстильной промышленности СССР в первом полугодии 1943 года
- 58 **Аккузинов А.К.**
История формирования в Казахстане и боевой путь 310-й стрелковой дивизии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)
- 65 **Тимошина И.А.**
Половозрастной состав населения Архангельской и Вологодской областей в 1980-е гг.
- 72 **Энхбат Очхуу**
Исторические аспекты зарождения и становления военно-политических отношений между Монголией (МНР) и Россией (СССР) (1860–1939 гг.)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 79 **Сапожникова Ю.Л.**
Рассмотрение религиозной тематики через систему персонажей в романе «Круглый дом» Л. Эрдрич
- 85 **Баранова К.М., Шалимова Н.С.**
Тема взросления в романе Х. Ли «Убить пересмешника»
- 92 **Курникова Н.С., Засецкова Е.Н.**
Стилистические особенности готических новелл Э.А. По и Г.Ф. Лавкрафта
- 98 **Васильева Э.В.**
Мифологемы английской литературы о вампирах в романе С. Кинга «Жребий Салема»
- 104 **Лаштабова Н.В.**
Время в романе Б. Стокера «Змеиный перевал» как сюжетобразующий элемент
- 109 **Бокарев А.С., Адриан Ю.В.**
Автобиографический миф Игоря Холина в контексте советского дискурса (на материале романа «Кошки Мышки»)
- 118 **Гавриленко В.Д.**
Образ тайги в балладах Леонида Завальнюка
- 125 **Андреянова Е.Е.**
Классификация субъектно-пространственных моделей современной инновативной поэзии: варианты и функциональные характеристики

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **A.E. Vinogradov**
Cross-shaped pendants of the “Scandinavian” type as markers of ethno-cultural processes: a new look at an old problem
- 15 **F.A. Seleznev**
The foundation of monastery in Gorodets, dedicated to Theodore Stratelates, in the church historiography of the 19th to the early 20th centuries
- 22 **A.K. Gladkov**
The union of virtues, wise king and idea of political community in *Policraticus* by John of Salisbury
- 26 **Ye.L. Sarayeva**
Sergei Witte in the estimates of Vasily Maklakov
- 34 **A.M. Belov, O.Yu. Galinskaya**
On the level of literacy of the population Kostroma and Yaroslavl provinces in the late 19th – early 20th centuries
- 41 **A.N. Rodionov**
Strengthening the Red Army in the proceedings of the All-Russia Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars during the Civil War
- 48 **V.S. Belgorodsky, S.G. Dembitsky, V.S. Okolotin**
Organisation of the production of shells, mines and cotton pulp at the enterprises of the People’s Commissariat of the Textile Industry of the USSR in the first half of 1943
- 58 **A.K. Akkuzinov**
History of formation in Kazakhstan and the combat path of the 310th Infantry Division during the Soviet-German War (1941-1945)
- 65 **I.A. Timoshina**
Sex and age composition of the population of Arkhangelsk and Vologda regions the 1980s
- 72 **Enkhbat Ochhuu**
Historical aspects of the origin and formation of military and political relations between Mongolia (Mongolian People’s Republic) and Russia (the USSR) (1860–1939)

SCIENCE OF LITERATURE

- 79 **Yu.L. Sapozhnikova**
The consideration of religious topic through a system of characters in the novel “The Round House” by Karen Louise Erdrich
- 85 **K.M. Baranova, N.S. Shalimova**
The theme of maturation in the novel “To Kill a Mockingbird” by Nelle Harper Lee
- 92 **N.S. Kurnikova, E.N. Zasetzkova**
Stylistic peculiarities of Edgar Poe’s and Howard Phillips Lovecraft’s gothic novellas
- 98 **E.V. Vasileva**
Mythologems of English vampire fiction in Stephen King’s *‘Salem’s Lot*
- 104 **N.V. Lashtabova**
Time in the novel “The Snake’s Pass” by Bram Stoker as a plot-forming element
- 109 **A.S. Bokarev, Yu.V. Adrian**
Autobiographical myth by Igor Kholin in the context of Soviet discourse (based on the novel “Cats and Mice”)
- 118 **V.D. Gavrilenko**
The image of the taiga in the ballads of Leonid Zaval’nyuk
- 125 **E.E. Andreyanova**
Classification of subject-spatial models of modern innovative poetry: variants and functional characteristics

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 133 Трубкина А.И.**
Эмотивные доминанты художественного текста:
функциональный статус
- 139 Волошина Т.Г., Профатилова С.М.,
Костина Д.М., Луханина А.Н.**
Лингвокультурологическая креолизация
нигерийских киносценарных текстов
- 145 Черкасова Н.А.**
К вопросу о формальной ассимиляции существительных-англицизмов в грамматической категории рода системы немецкого языка и его национальных вариантах
- 153 Жабин Д.В., Иванова В.Ю.**
Психолингвистический анализ звучащей речи в условиях патофизиологического (травматического) фактора стресса
- 160 Караулова Ю.А., Антюхова Е.А.**
Агональные стратегии в американском предвыборном дискурсе (на материале политических дебатов участников республиканских праймериз 2023 года)
- 168 Ильина Л.Е.**
Деструктивные элементы постфольклора:
лингвокультурный контекст

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 176 Груздев В.В., Минеева Т.Г.**
О судебном процессе
в странах средневекового Магриба XIV–XV вв.
- 182 Арзамасов Ю.Г., Арзамасов В.Ю.**
Коррупция: субъекты, современные признаки, понятие
- 191 Черкасов К.В.**
Лишение лица учёной степени: к вопросу
о неопределённости некоторых правовых последствий
- 195 Вольфсон В.Л.**
К вопросу об отрицательных обязательствах
в гражданском праве
- 205 Полстовалов О.В., Галаяутдинов Р.Р.**
Организованные формы онлайн-мошенничества:
виды, содержание и элементы
криминалистической характеристики
- 212 Зув Р.О., Надин А.Н.**
К вопросу о законодательном регулировании статуса
федеральных территорий в Российской Федерации
- 220 Серова Ю.Г.**
Общедоступные сведения
о кредитоспособности лиц в Российской империи
(историко-правовой анализ)
- 226 ТРЕБОВАНИЯ
К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ**

SCIENCE OF LANGUAGE

- 133 A.I. Trubkina**
Emotive dominants of literary text:
functional status
- 139 T.G. Voloshina, S.M. Profatilova,
D.M. Kostina, A.N. Lukhanina**
Language and cultural creolisation
in Nigerian script texts
- 145 N.A. Cherkasova**
On the issue of formal assimilation of Anglicism nouns
in the genus category of the German language system
and its national variants
- 153 D.V. Zhabin, V.Ju. Ivanova**
Psycholinguistic analysis of speech processing
under pathophysiological (traumatic) stress factor
- 160 Yu.A. Karaulova, E.A. Antyukhova**
Agonal strategies in the American election campaign
discourse (a case study of the political debates
of the 2023 Republican primary candidates)
- 168 L.E. Ilyina**
Destructive elements of post-folklore:
linguistic and cultural context
- ## JURAL SCIENCE
- 176 V.V. Gruzdev, T.G. Mineeva**
On medieval (the 14th to 15th centuries)
Maghreb countries' court
- 182 Yu.G. Arzamasov, V.Yu. Arzamasov**
Corruption: contemporary subjects signs, concept
- 191 K.V. Cherkasov**
Deprivation of a person's academic degree:
on the issue of uncertainty of some legal consequences
- 195 V.L. Volfson**
On the Issue of Negative Obligations
in the Civil Law
- 205 O.V. Polstovalov, R.R. Galyautdinov**
Organised forms of online fraud:
types, content and elements
of forensic characteristics
- 212 R.O. Zuev, A.N. Nadin**
On the issue of legislative regulation
of the status of federal territories in the Russian Federation
- 220 Yu.G. Serova**
Publicly available information
on the creditworthiness of individuals in the Russian Empire
(historical and legal analysis)
- 226 REQUIREMENTS
TO REGISTRATION OF ARTICLES**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 7–14. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 7–14. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 930.23

EDN BDHUK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-7-14>

КРЕСТОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ «СКАНДИНАВСКОГО» ТИПА КАК МАРКЕРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРУЮ ПРОБЛЕМУ

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Москва, Россия, alwynor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3041-4103>

Аннотация. Средневековые крестовидные подвески так называемого «скандинавского» типа исторически связывались с северной дружинной культурой, однако по мере накопления материальных находок из различных регионов большинство исследователей склонилось к тому, что этот феномен имеет древнерусское или более южное происхождение. Вместе с тем связь артефактов этого типа с восточнохристианскими древностями вызывает сомнения, так как известные артефакты византийских типов достаточно далеки от «скандинавских». Выдвигается предположение, что прототипом последних послужили кресты западносарматского типа, изначально связанные не с христианским культом, а с солярным или растительным сакральным миром древних кочевников. Последующее появление подвесок «скандинавского» типа сначала среди древностей Меровингов дополняет представления о германо-сарматском культурном симбиозе, известном археологам. Дальнейшее географическое распространение подвесок в Крым и бассейн Дона отражает этнические миграции, продвижение в восточнославянские земли и Скандинавию – очевидно, конфессионально-культурные процессы, так как символика сарматского креста постепенно приобретала христианский характер.

Ключевые слова: крестовидные подвески, христианизация, миграции, германцы, сарматы, салтовская культура, дунайский регион.

Для цитирования: Виноградов А.Е. Крестовидные подвески «скандинавского» типа как маркеры этнокультурных процессов: новый взгляд на старую проблему // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 7–14. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-7-14>

Research article

CROSS-SHAPED PENDANTS OF THE “SCANDINAVIAN” TYPE AS MARKERS OF ETHNO-CULTURAL PROCESSES: A NEW LOOK AT AN OLD PROBLEM

Alexey E. Vinogradov, Candidate of Historical Sciences, independent researcher, Moscow, Russia, alwynor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3041-4103>

Abstract. Medieval cruciform pendants of this “Scandinavian” type are associated with the Norse hird culture; however, as material finds from various regions accumulated, most researchers were inclined to believe that this phenomenon originated in Old Rus’, if not in even more southern realms. At the same time, the connection of problems of this type with Eastern Christian ancient doubts, since ancient artifacts of Byzantine types are quite far from the “Scandinavian” ones. It is suggested that the Western Sarmatian type crosses served as the prototype of the remaining crosses, which arose with the solar or plant sacred world of the ancient nomads rather than with the Christian cult. The subsequent appearance of pendants of the “Scandinavian” type, first among the Merovingian antiquities, complements the ideas of the Germanic-Sarmatian cultural symbiosis known to archaeologists. Increased distribution of pendants in the Crimea and the basin reflects ethnic migrations, advancement into East Slavic lands and Scandinavia – obviously confessional and cultural processes, as the symbolism of the Sarmatian cross gradually acquired a Christian character.

Keywords: Cross-shaped pendants, Christianisation, migrations, Germanic peoples, Sarmatians, Saltovo culture, Danube region.

For citation: Vinogradov A.E. Cross-shaped pendants of the “Scandinavian” type as markers of ethno-cultural processes: a new look at an old problem. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 7–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-7-14>

Введение. Вопрос о происхождении и путях распространения средневековых крестовидных подвесок так называемого «скандинавского» типа является одним из довольно значительных в историографии материальной культуры Восточной и Северной Европы. Указанная категория предметов была выявлена на территории С.-Петербургской губернии (а также Финляндии, Прибалтики) А.А. Спицыным и отнесена им к группе артефактов скандинавского происхождения [Спицын: 117, 143]. Впоследствии исследование М.В. Фехнер и других исследователей позволили уточнить географию (от Юго-Западной Руси до Новгородчины и области владимирских курганов), а также временной интервал распространения указанной категории подвесок: X–XII вв. Вместе с этими уточнениями под сомнение был поставлен основной тезис о происхождении самих артефактов из Скандинавии: утверждалось, что подвески производились где-то на территории самой Руси [Фехнер].

В настоящее время проблема исследования включает как чисто археологическую часть (так как предполагаемые «русские» мастерские и формы для изготовления данной категории предметов пока не найдены), так и этнокультурный аспект, поскольку генезис подвесок «скандинавского» типа остается под вопросом. Подготовившая наиболее подробное из последних исследований А.Ю. Кононович (Чуракова) выделяет среди данной категории артефактов три группы, из которых более древними (конец X – XI вв.) считает равноплечные кресты с тремя дисками (кружками) или полосками на концах и круговой композицией в центре [Чуракова: 160–164]. Интерес вызывают не только сами подвески, но и другие артефакты в том же стиле: так, аналоги подобного крестовидного «дизайна» обнаруживаются в готландских перстнях [Кононович].

Происхождение такого оформления связывается в соответствии с разными теориями либо с древностями Мервингов, либо с христианской Византией. Возникает парадокс: кресты рассматриваемого вида связываются со скандинавской дружинной культурой конца IX в. – начала X в., но при этом указывается, что первые кресты рассматриваемого вида появляются среди древностей VIII–IX вв. регионов с весьма проблематичной степенью влияния этой культуры: Скалистое в Крыму и Верхний Салтов на Северском Донце [Чуракова: 166]. В свете этого уточнения распространение этих артефактов на территории Руси, а тем более Скандинавии, выглядит уже стадией южной культурной экспансии, и само название «скандинавский» тип выглядит уже научным анахронизмом.

Объекты и методы исследования. Однако участие в этой схеме Византии, на наш взгляд, имеет серьезный пробел в части доказательной базы. Если для крестов Мервингов очевидны прямые аналогии,

то среди византийских предметов культа, в том числе крестов-подвесок, при всем богатстве сирийских, анатолийских, египетских вариантов прямых параллелей именно для рассматриваемых типов I и II (как и III) не обнаруживается. Есть кресты с кружным средокрестием, с расходящимися концами с дисками, но соответствующего полного набора не заметно (см. илл.) [Хайретдинова: 257–262]. По мнению Н.А. Макарова и И.Е. Зайцевой, в общем массиве древнерусской христианской металлопластики XI–XIII вв. кресты «скандинавского типа» являются едва ли не единственной группой, не имеющей близких соответствий в продукции византийских и балканских регионов. Все гипотезы их восточно-христианского происхождения основаны на рассказах о поездках русских дружинников в Византию и их крещении, но не подкреплены конкретными прототипами культовых артефактов [Макаров, Зайцева: 360–361].

Более того, по нашим наблюдениям, не обнаруживается ее и в зоне византийского влияния VIII–X вв., во всяком случае за пределами Крыма. Не говоря уже конкретно о подвесках, мы не видим подобных знаков ни среди богатейшей коллекции символов скального комплекса Мурфатлар близ Констанцы, ни на стенах болгарской Плиски, ни среди аланских находок Центрального Предкавказья. Относительно близкий из-за трех круговых пуансонных отметок на концах креста-фибулы, хотя и своеобразный из-за самой формы, экземпляр выделяется, пожалуй, только в находках из постромской Сисции на Саве [Vida: 95], но эту крепость можно отнести равно как к византийской, так и гуннской, готской и прочим соперничавшим в тех местах политиям.

Мало того, гипотеза о византийском происхождении и последующем развитии в Скандинавии артефактов рассматриваемого типа противоречит тому факту, что среди достоверных предметов византийского импорта в самой Скандинавии и местных подражаний им также ничего, во всяком случае сильно похожего на собственно подвески «скандинавского» типа, не обнаружено(?) (см.: [Андрощук: 201]).

В этой связи любопытным представляется точка зрения В.С. Аксенова, что «скандинавские» подвески отражали не только христианскую символику, но и языческую традицию амулета-оберега [Аксенов: 17]. Факт, что сам по себе крест в указанном временном аспекте вообще мог быть не связан с христианской символикой, уже отмечался, в частности, в отношении древностей Подунавья [Галл, Мэрджинян, Петер]. Крест в сочетании с языческими мотивами встречался в качестве орнамента изделий того же дунайского бассейна и сопредельных регионов еще с конца бронзового века [Пон: 239].

По нашему мнению, распространение исследования именно в сторону дунайского бассейна позво-

ляет выявить возможные истоки символики рассматриваемого типа подвесок. Достаточно четко (кресты с концами, раскрывающимися в виде трех дисков) они обнаруживаются, в частности, еще в связываемых с западными сарматами древностях II–III вв. н. э. в серии нашивок женской одежды из некрополя в Ботошани на северо-востоке современной Румынии [Archaeological Treasures of Romania: 642]. Та же традиция сохранилась в указанном регионе (бывшая Дакия и ее окрестности) и позже. Тот же мотив, по нашему мнению, отчетливо заметен и в декоре блюда № 9 из знаменитого клада из Надь-Сент-Миклош [Hampel: 28, fig. 16] (датируемого по-разному, в нашем представлении – VII – началом VIII в.), и в оформлении перстней IX в. из Обыршия-Ноуэ (Олт, Румыния) [Corbu: 8, № 7, 9] и украшений VIII–IX вв. из Ghirbom (Трансильвания, Румыния) [Tomegea: 219, fig. 8–9].

В случае с Надь-Сент-Миклошским блюдом аналогии с христианским культом сомнительны по ряду причин. Во-первых, одно находилось в составе клада вещей с отчетливой языческой, прежде всего иранско-зороастрийской, символикой. Надпись греческим уставом на самом блюде имеет разные прочтения, мы перевели как обращение к некоему божеству с просьбой даровать «здоровье, остановить порчу») [Виноградов 2018: 201], что позволяет отнести его если не к чисто языческому, то во всяком случае к культовым предметам «двоеверия», отмечаемого как феномен для VII–X вв. для бассейна левого берега Дуная [Kiss; Ţiplic, Ţiplic].

Кочевнический след, вероятно, прослеживается и в группе близких исследуемому феномену знаков на предметах так называемой выемчатой эмали позднеримского времени. Не говоря уже о том, что феномен выемчатой эмали сам по себе стал, по всей видимости, плодом взаимодействия северных варваров и поздних сарматов [Колесникова, Зиньковская: 35–36], наиболее интересующий нас образец креста с трехпальцевыми концами (из п. Валовый, Нижний Дон) относится к сарматскому погребению рубежа II–III вв. н. э. [Колесникова, Зиньковская: 33, 36].

Собственно, четырехсторонний крест, как известно, входил в сакральный круг кочевников задолго до появления христианства. При этом небезынтересно, на наш взгляд, то обстоятельство, что к кресту и другому набору символов ираноязычных народов, например, древней Маргианы добавлялся такой знак, как изображение трехлепесткового цветка (тюльпана) [Крюкова]. Близкий по рисунку, но трактуемый несколько иначе иранский символ («знак огня на алтаре») налагается уже на концы креста в некоторых изображениях восточного Прикаспия [Богданов, Астафьев: 140]. Возможно, тот же знак или знаки уже в модернизированном виде трезубца был широко

представлен в сарматских древностях Северного Причерноморья.

В силу того, что сарматы, согласно античным авторам и археологическим данным, пришли в Европу из Центральной/Средней Азии, то смена флористического ландшафта (тюльпаны в степях Причерноморья распространены менее обильно) могла вызвать последующее переосмысление изначальной символики трехлепесткового цветка или «лепестков огня» (и появление уже на всех концах креста трехлепестковых, как крест из Скалистого [Веймарн, Айбабин: 44, рис. 23, 26], затем трехлинейных и трехдисковых изображений с солярной семантикой). Не случайно В.С. Аксёновым среди рассматриваемых им изображений на салтовских подвесках отмечается стилизованный трехлепестковый цветок на стебле [Аксёнов: 17].

Что же касается появления аналогов рассматриваемой категории подвесок среди древностей Меровингов, то здесь представляется возможным непосредственное заимствование азиатского символа германским миром. Степной импульс сильно воздействовал на германцев еще на заре эпохи Великого переселения народов. Тогда в германском мире появилась традиция «инкрустировать наконечники копий знаками, похожими на тамги сарматской знати» [Левада: 195], та же символика украшает и германские стрелы в III–IV вв. [Энговатов: 231]. Возможно, это происходило на фоне связей, в том числе брачных союзов германцев с аристократическими сарматскими кланами, а возможно, носило характер присвоения и освоения культурных трофеев [Воронятов, Мачинский: 62, 69, 71]. Ввиду того, что сведения о сарматах, во всяком случае в среднем Подунавье, на границах тогдашнего германского мира, имеются и для периода ранних Меровингов, нельзя исключать, что эти межэтнические аристократические браки привели и к заимствованию западными варварскими королевствами и других восточных символов, переосмысленных в духе христианства.

Собственно, сама модификация символа, появление креста с трехдисковыми концами, могла происходить не только в рамках чистого заимствования знаковых «сарматизмов», но и распространенным переосмыслением их в духе традиционных представлений местных народов. Так, в Причерноморье, например, появился «гибридный» знак боспорской и сарматской традиций [Драчук, 98]. Местная «гибридность», на наш взгляд, могла бы объяснить различия в культурных символах сарматов и близкородственных им племен, например алан Предкавказья. В свою очередь, крест из Сисции может рассматриваться как опыт перенесения этой традиции на запад на пути к Меровингам, уже в германскую культурную среду.

Не слишком удивительной предстает в этом свете и возможность появления символики сарматской традиции к востоку от Нижнего Дуная. Могильник Скалистое, где отмечена подвеска рассматриваемого типа, большинством исследователей связывается с готами, и хотя сам склеп, где найден артефакт, не датирован точно в кругу других древностей IV–IX вв., однако нельзя не отметить, что само появление готов в Крыму связано с их частичным возвращением в V–VI вв. с полей гуннских войн в бывшем римском Подунавье, то есть как раз западной Сарматии [Амброз].

Аналогичная картина выходит и в отношении салтовских древностей Подонцовья. Большинство исследователей сходится в отношении сравнительно «свежего» миграционного характера СМК: например, предшествующие ей (до VIII вв.) аланские памятники на Донце не найдены [Тортика: 10–11]. Точные векторы миграций и состав этих переселенцев не ясны: первоначальные предположения об исключительно аланском или болгарском характере дополняются гипотетическим угорским, абхазо-адыгским (в отношении населения, оставившего кремационные могильники) и др. компонентами.

По традиции считается, что значительные культурные параллели между этими памятниками и древностями Нижнего Дуная (взгляд С.А. Плетневой и М.А. Артамонова на нижнедунайские средневековые культуры как локальные варианты СМК и позже признавался «диалектически верным» [Козлов: 6]) вызваны миграциями на запад части донских салтовцев, прежде всего болгар. В частности, отмечается «много общего» между керамикой (кухонными горшками) VIII–IX веков двух регионов, и в основном не столько на фактической аргументации, сколько на апелляции к авторитету С.А. Плетневой делается вывод, что налицо миграция населения и гончарных традиций на Дунай [Суханов].

Однако такой традиционный взгляд основывался на устаревших датировках, прежде всего нижнедунайской культуры (Дриду). За последние десятилетия исследований ее нижние границы опустились до VIII [Gabriel], если не до рубежа VII–VIII вв. [Опряну: 109–110], хотя начальные датировки салтовских памятников остались прежними: вторая половина, если не конец VIII вв. [Плетнева: 52–53]. Это дает основания полагать, что миграции культур, если не этносов, происходили в указанное время не только с востока на запад, но и наоборот. Что немаловажно, древности Пастырского и других кладов и захоронений Среднего Поднепровья VII – середины VIII в. отражают дунайскую традицию и, видимо, были оставлены ремесленниками-переселенцами из балкано-дунайского региона [Родинкова: 253–256]. В свою очередь, дальнейший путь этих переселенцев,

вероятно, шел на северо-восток, то есть в донской салтовский регион [Комар: 142]. Особенности погребального обряда некоторых групп населения Подонья того времени также наводит на мысль о миграции или возвращении туда из придунайских земель, возможно, поздних сарматов [Флерова: 80].

Заключение. На наш взгляд, все это позволяет предполагать формирование «классической» версии рассматриваемой категории подвесок в сарматской языческой среде бассейна Нижнего Дуная, а затем распространение в иноэтничной местной среде и культурную миграцию на запад (Франкская империя) и этнокультурную – на восток, в Подонье и Подонцовье. Что касается дальнейшего маршрута этих культурных символов на север и северо-запад, то, на наш взгляд, следует отметить ряд обстоятельств.

Само по себе появление салтовских предметов в восточнославянских и соседних с ними землях – не новость. В частности, исследователи выделяют «представительную группу вещей салтовского происхождения или подражаний им» в могильниках смоленской группы культуры длинных курганов, а также среди волынцевско-роменских находок, в основном середины VIII – 1-й половины IX в. [Енуков]. Салтовские артефакты, по-видимому, по тем же торговым маршрутам, что и восточные дирхамы, проникали и на Балтику. В этой связи распространение подвесок и других крестовидных артефактов, выдержанных в указанной традиции вплоть до Скандинавии и других областей Балтии, неудивительно. Однако в какой степени этот северный маршрут был связан также с этническими миграциями и когда и в какой степени происходило переосмысление некогда языческого степного символа в христианском ключе, как это было связано с окончательной гибелью салтовских поселений в первой половине X в., остается под вопросом.

Список литературы

Аксёнов В.С. Символы христианской веры в захоронениях Салтово-маяцкой культуры с территории Харьковщины // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячений актуальним проблемам салтово- та хозарознавства / упоряд. Г.Є. Свистун. Харків: О.О. Савчук; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2013. Вип. 3. С. 15–20.

Амброз А.К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма VI–VII вв. // Краткие сообщения Института археологии. 1968. Вып. 113. С. 10–23.

Андросук Ф. Русь и византийские контакты Скандинавии в XI–XIV вв. // Stratum plus. 2014. № 5. С. 199–212.

- Богданов Е.С., Астафьев А.Е. Плита с выбивками из завалов «Вала Байлама» (Западный Казахстан) // Археология Казахстана. 2023. № 2 (20). С. 131–147.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 204 с.
- Виноградов А.Е. В поисках начальной Руси. Латинский след в русском этногенезе. Москва: Ломоносовъ, 2018. 256 с.
- Виноградов А.Е. Об этнониме Rutheni в средневековой Трансильвании // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 7–14.
- Воронятов С.В., Мачинский Д.А. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Германия-Сарматия II: сб. по археологии народов Центральной и Восточной Европы памяти М.Б. Щукина. Курск; Калининград, 2010. С. 57–77.
- Галл Э., Мэрджинян Ф., Петер С. К «мобильности» символов. Знак креста на горшке из погр. 20а в Печика-Дувенбек // Stratum plus. 2020. № 5. С. 401–410.
- Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья: тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наукова думка, 1975. 174 с.
- Енуков В.В. Древности днепро-донской лесостепи и проблема формирования культуры смоленских длинных курганов // Ученые записки: электрон. науч. журнал Курского гос. ун-та. 2020. № 4 (56). С. 1–13.
- Козлов В.И. Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII – начала XI вв. н. э. (Балкано-дунайская культура): автореф. дис. канд. ист. наук. Ленинград: Ин-т археологии, 1991. 29 с.
- Колесникова А.Ю., Зиньковская И.В. Бронзовые изделия круга выемчатых эмалей с памятников юга Восточной Европы // Via in tempo. История. Политология. 2020. № 1 (47). С. 30–40.
- Комар А.В. Поляне и Северяне // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010. Москва: Ун-т Д. Пожарского, РФСОН, 2012. С. 128–191.
- Кононович А.Ю. Крестовидная подвеска «с тремя дисками на концах» из Гочевского археологического комплекса // IV МНК «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». Санкт-Петербург, 2019. С. 261–263.
- Крюкова В.Ю. О гонурских тюльпанах // Труды Маргианской археологической экспедиции. Москва: Старый сад, 2012. Т. 4: Исследования Гонур Депе в 2008–2011 гг. С. 222–237.
- Левада М.Е. «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2006. Вып. 11. С. 194–251.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Кресты «скандинавского типа» на памятниках Суздальского Ополя: новые находки // Археологические вести; Ин-т истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, 2020. Вып. 28. С. 347–365.
- Опряну К.Х. Северодунайские земли провинции Дакия в период зарождения румынского языка (II–VIII вв.) // История Румынии. Москва: Весь мир, 2005. С. 37–120.
- Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII вв.). Воронеж: Из-во Воронежского ГУ, 2003. 248 с.
- Родинкова В.Е. Женский костюм днепровских племен в эпоху великого переселения народов: современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: Материалы Школы молодых археологов. Москва: ИА РАН, 2011. С. 239–265.
- Спицын А.А. Владимирские курганы // Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург: Тип. Управления уделов, 1905. Вып. 15. С. 84–172.
- Суханов Е.В. Культурные традиции создания форм горшков в VIII–IX веках в Причерноморье // Боспорские исследования. Керчь; Симферополь: ЦАИ БФ «Деметра», 2021. Вып. 43. С. 154–173.
- Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII – третья четверть X вв.). Харків: ХГАК, 2006. 554 с.
- Фехнер М.В. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. Москва: Наука, 1968. С. 210–214.
- Флёрова В.Е. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа? // Российская археология. 2001. № 2. С. 71–82.
- Хайрединова Э.А. Византийские золотые кресты раннесредневекового времени из Керчи // Боспорские исследования. 2018. Т. 37. С. 246–262.
- Чуракова А.Ю. Подвески-кресты «скандинавского типа» в контексте погребальной культуры Древней Руси XI–XII вв. // Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. Санкт-Петербург: Издательский дом «Бранко», 2017. С. 159–177.
- Энговатов Н.Н. Находки рунических камней на территории СССР // Скандинавский сборник VI. Таллин, 1963. С. 229–255.
- Archaeological Treasures of Romania Dacian and Roman Roots, (Exhibition). Madrid, 2022, 758 p.
- Carlsson D. Viking Jewellery from the island of Gotland. Sweden, 2004, Fyndr, No. 11, 17 p.
- Corbu E. Sudul româniei în evul mediu timpuriu (secolele VIII–XI). Repere arheologice muzeul brăilei. Brăila, editura Istros, 2006, Podoabele, No. 7, 9, p. 8.
- Gabriel V. Situl arheologic Brăila Cartier Brăilița, campania 2018. Analiza antropologică a resturilor scheletice de incinerare Revista de Arheologie.

Antropologie și Studii Interdisciplinare (RAASI), 2020, Numărul 2, pp. 217-253.

Hampel J. Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós sogenannter «Schatz des Attila». Budapest, F. Kilian, 1885, 190 s.

Ilon G. Customized Sacrificial Semiotics? The Motifs of a Sword Unearthed in Hajdúböszörmény and Its Analogies in Western Hungary: Csöngé. Representations, signs and symbols: proceedings of the symposium on religion and magic. Cluj-Napoca, Mega, 2015, pp. 215-245.

Kiss A.P. Between Wotan and Christ? Deconstruction of the Gepidic system based on the written and archaeological sources. Gepids after the fall of the Gun Empire Collapse. Budapest, 2019, pp. 369-408.

Sorbu E. Sudul româniei în evul mediu timpuriu (secolele VIII–XI). Repere arheologice muzeul brăilei. Brăila, Istros, 2006, 200 p.

Țiplic I.M. and Țiplic M.E. Between cremation and inhumation. The re-birth of Christianity in Transylvania (7th – 10th Century A.D.). European Journal of Science and Theology, 2014, June, vol. 10, No. 3, pp. 171-177.

Tomegea G. Accesorii vestimentare și podoabe în necropolele birituale din Transilvania (Sec. VII–IX) Analele Banatului. S. N., Arheologie – Istorie, XIX, 2011, pp. 209-220.

Vida T. Christianity in the Carpathian basin during Late Antiquity and the early Middle Ages (5th to 8th century ad). Saint Martin and Pannonia. Christianity on the Frontiers of the Roman world. Pannonhalma – Szombathely, Pannonhalmi Főapátság, 2016, pp. 93-106.

References

Aksjonov V.S. *Simvolij hristianskoj very v zahoronenijah Saltovo-majackoj kul'tury s territorii Har'kovshhiny* [Symbols of the Christian faith in the burials of the Saltovo-Mayatskaya culture from the territory of the Kharkov region]. *Saltovo-majac'ka arheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennja: zbirnik naukovih prac', prisvjachenij aktual'nim problemam saltovo- ta hozaroznavstva* [Saltovo-Mayatska archaeological culture: problems and research: a collection of scientific works dedicated to the current problems of Saltovo-Mayatskaya cultural studi], ed. G.Č. Svistun. Harkiv, OKZ «Harkivs'kij naukovno-metodichnij centr ohoroni kul'turnoi spadshhini» Publ., 2013, iss. 3, pp. 15-20. (In Russ.)

Ambroz A.K. *Dunajskie jelementy v rannesrednevekovoj kul'ture Kryma VI–VII vv.* [Danube elements in the early medieval culture of Crimea in the 6th–7th centuries]. *Kratkie soobshhenija Instituta Arheologii* [Brief communications of the Institute of Archeology], 1968, iss. 113, pp. 10-23. (In Russ.)

Androshuk F. *Rus' i vizantijskie kontakty Skandinavii v XI–XIV vv.* [Rus' and Byzantine contacts of Scandinavia in the 11th–14th centuries]. *Stratum plus*, 2014, No. 5, pp. 199-212. (In Russ.)

Bogdanov E.S., Astaf'ev A.E. *Plita s vybivkami iz zavalov «Vala Bajlama» (Zapadnyj Kazahstan)* [A slab with knockouts from the rubble of “Vala Baylama” (Western Kazakhstan)]. *Arheologija Kazahstana* [Archeology of Kazakhstan], 2023, No. 2 (20), pp. 131-147. (In Russ.)

Churakova A.Ju. *Podveski – kresty «skandinavskogo tipa» v kontekste pogrebal'noj kul'tury Drevnej Rusi XI–XII vv.* [Pendants - crosses of the “Scandinavian type” in the context of the funeral culture of Ancient Rus' of the 11th–12th centuries]. *Élite ou Égalité... Severnaja Rus' i kul'turnye transformacii v Evrope VII–XII vv.* [Élite ou Égalité... Northern Rus' and cultural transformations in Europe in the 7th-12th centuries]. St. Petersburg, Izdatel'skij dom “Branko” Publ., 2017, pp. 159-177. (In Russ.)

Drachuk V.S. *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ja: tamgoobraznye znaki severopontijskoj periferii antichnogo mira pervyh vekov nashej jery* [Sign systems of the Northern Black Sea region: tamga-like signs of the North Pontic periphery of the ancient world of the first centuries of our era]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1975, 174 p. (In Russ.)

Eukov V.V. *Drevnosti dnepro-donskoj lesostepi i problema formirovanija kul'tury smolenskih dlinnyh kurganov* [Antiquities of the Dnieper-Don forest-steppe and the problem of the formation of the culture of the Smolensk long mounds]. *Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University], 2020, No. 4 (56), pp. 1–13. (In Russ.)

Fehner M.V. *Krestovidnye priveski «skandinavskogo tipa»* [Cross-shaped pendants of the “Scandinavian” type]. *Slavjane i Rus'* [Slavs and Rus']. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 210-214. (In Russ.)

Fljorova V.E. *Hazarские курганы с ровиками: Central'naja Azija ili Vostochnaja Evropa?* [Khazar burial mounds with ditches: Central Asia or Eastern Europe?]. *Rossijskaja arheologija* [Russian archeology], 2001, No. 2, pp. 71-82. (In Russ.)

Gall Je., Mjerdzhinjan F., Peter S. *K «mobil'nosti» simvolov. Znak kresta na gorshke iz pogr. 20a v Pechika-Duvenbek* [Towards the “mobility” of symbols. The sign of the cross on a pot from the burial. 20a in Pechika-Duvenbek]. *Stratum plus*, 2020, No. 5, pp. 401-410. (In Russ.)

Hajredinova Je.A. *Vizantijskie zolotyje kresty rannesrednevekovogo vremeni iz Kerchi* [Byzantine golden crosses of the early medieval period from Kerch]. *Bosporiskie issledovanija* [Bosporus Research], 2018, vol. 37, pp. 246-262. (In Russ.)

Jengovatov N.N. *Nahodki runicheskikh kamnej na territorii SSSR* [Finds of runic stones on the territory of the USSR]. *Skandinavskij sbornik VI* [Scandinavian collection VI]. Tallin, 1963, pp. 229-255. Kozlov V.I. *Naselenie*

stepnogo mezhdurech'ja Dunaja i Dnestra konca VIII – nachala XI vv. n. je. (Balkano-dunajskaja kul'tura): avtoref. dis. kand. ist. nauk [Population of the steppe interfluvium of the Danube and Dniester at the end of the 8th – beginning of the 11th centuries. n. e. (Balkan-Danubian culture): abstract thesis]. Leningrad, In-t arheologii Publ., 1991, 29 p. (In Russ.)

Kolesnikova A.Ju., Zin'kovskaja I.V. *Bronzovye izdelija kruga vyemchatyh jemalej s pamjatnikov juga Vostochnoj Evropy* [Bronze products of a circle of champlévé enamels from monuments in the south of Eastern Europe]. *Via in tempore. Istorija. Politologija* [Via in tempore. Story. Political science], 2020, No. 1 (47), pp. 30-40. (In Russ.)

Komar A.V. *Poljane i Severjane* [Polians and Severians]. *Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy: 2010* [The most ancient states of Eastern Europe: 2010]. Moscow, Un-t D. Pozharskogo Publ., RFPES, 2012, pp. 128-191. (In Russ.)

Kononovich A.Ju. *Krestovidnaja podveska «s tremja diskami na koncah» iz Gochevskogo arheologičeskogo kompleksa* [Cross-shaped pendant “with three disks at the ends” from the Gochev archaeological complex]. *IV MNK «Jepoha vikingov v Vostochnoj Evrope v pamjatnikah numizmatiki VIII-XI vv.»* [IV MNK “The Viking Age in Eastern Europe in numismatic monuments of the 8th–11th centuries”]. St. Petersburg, 2019, pp. 261-263. (In Russ.)

Krjukova V.Ju. *O gonurskih tjul'panah* [About Gonur tulips]. *Trudy Margianskoj arheologičeskoj jekspedicii. T. 4. Issledovanija Gonur Depe v 2008-2011 gg.* [Proceedings of the Margiana Archaeological Expedition. T. 4. Research by Gonur Depe in 2008-2011]. Moscow, Saryj sad Publ., 2012, pp. 222-237. (In Russ.)

Levada M.E. *«Drugie germancy» v Severnom Pričernomor'e pozdnego rimskogo vremeni* [“Other Germans” in the Northern Black Sea region of the late Roman period]. *Bosporskie issledovanija* [Bosporus Studies]. Simferopol', Kerch', 2006, iss. 11, pp. 194-251. (In Russ.)

Makarov N.A., Zajceva I.E. *Kresty «skandinavskogo tipa» na pamjatnikah Suzdal'skogo Opol'ja: novye nahodki* [Crosses of the “Scandinavian type” on the monuments of Suzdal Opolje: new finds]. *Arheologičeskie vesti; In-t istorii material'noj kul'tury RAN* [Archaeological news; Institute of History of Material Culture RAS]. St. Petersburg, 2020, iss. 28, pp. 347–365. (In Russ.)

Orprjanu K.H. *Severodunajskie zemli provincii Dakija v period zarozhdenija rumynskogo jazyka (II–VIII vv.)* [North Danube lands of the province of Dacia during the period of the birth of the Romanian language (II–VIII centuries)]. *Istorija Rumynii* [History of Romania]. Moscow, Ves' mir Publ., 2005, pp. 37-120. (In Russ.)

Pletneva S.A. *Kochevniki juzhnorusskikh stepej v jepohu srednevekov'ja (IV–XIII vv.)* [Nomads of the South Russian steppes in the Middle Ages (IV-XIII centu-

ries)]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo GU Publ., 2003, 248 p. (In Russ.)

Rodinkova V.E. *Zhenskij kostjum dneprovskih plemen v jepohu velikogo pereselenija narodov: sovremennoe sostojanie issledovanij* [Women's costume of the Dnieper tribes during the era of the great migration of peoples: current state of research]. *Novye issledovanija po arheologii stran SNG i Baltii. Materialy Shkoly molodyh arheologov* [New research on the archeology of the CIS and Baltic countries: materials of the School of Young Archaeologists]. Moscow, IA RAN Publ., 2011, pp. 239-265. (In Russ.)

Spicyn A.A. *Vladimirskie kurgany* [Vladimir burial mounds]. *Izvestija Imperatorskoj arheologičeskoj komissii* [News of the Imperial Archaeological Commission]. St. Petersburg, Tip. Upravlenija udelov Publ., 1905, iss. 15, pp. 84-172. (In Russ.)

Suhanov E.V. *Kul'turnye tradicii sozdanija form gorshkov v VIII-IX vekah v Pričernomor'e* [Cultural traditions of creating pot shapes in the 8th–9th centuries in the Black Sea region]. *Bosporskie issledovanija* [Bosporus Research]. Kerch', Simferopol', CAI BF “Demetra” Publ., 2021, iss. 43, pp. 154-173. (In Russ.)

Tortika A.A. *Severo-Zapadnaja Hazarija v kontekste istorii Vostochnoj Evropy (vtoraja polovina VII – tret'ja četvert' X vv.)* [Northwestern Khazaria in the context of the history of Eastern Europe (second half of the 7th - third quarter of the 10th centuries)]. Harkiv, HGAK Publ., 2006, 554 p. (In Russ.)

Vejmarn E.V., Ajbabin A.I. *Skalistinskij mogil'nik* [Skalistinsky burial ground]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 204 p. (In Russ.)

Vinogradov A.E. *V poiskah nachal'noj Rusi. Latinskij sled v ruskom jetnogeneze* [In search of initial Rus'. Latin trace in Russian ethnogenesis]. Moscow, Lomonosov Publ., 2018, 256 p. (In Russ.)

Vinogradov A.E. *Ob jetnonime Rutheni v srednevekovoj Transil'vanii* [About the ethnonym Rutheni in medieval Transylvania]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2022, vol. 28, No. 2, pp. 7-14. (In Russ.)

Voronjatov S.V., Machinskij D.A. *O vremeni, obstojatel'stvah i smysle pojavlenija sarmatskikh tamg na germanskikh kop'jah* [About the time, circumstances and meaning of the appearance of Sarmatian tamgas on German spears]. *Germanija-Sarmatija II: sbornik po arheologii narodov Central'noj i Vostochnoj Evropy pamjati M.B. Shhukina* [Germany-Sarmatia II. Collection on the archeology of the peoples of Central and Eastern Europe in memory of M.B. Shhukin]. Kursk, Kaliningrad, 2010, pp. 57-77. (In Russ.)

Archaeological Treasures of Romania Dacian and Roman Roots, (Exhibition). Madrid, 2022, 758 p.

Carlsson D. *Viking Jewellery from the island of Gotland*. Sweden, 2004, Fyndr, No. 11, 17 p.

Corbu E. Sudul româniei în evul mediu timpuriu (secolele VIII–XI). Repere arheologice muzeul brăilei. Brăila, editura Istros, 2006, Podoabele, No. 7, 9, p. 8.

Gabriel V. Situl arheologic Brăila Cartier Brăilița, campania 2018. Analiza antropologică a resturilor scheletice de incinerare. Revista de Arheologie. Antropologie și Studii Interdisciplinare (RAASI), 2020, Numărul 2, pp. 217-253.

Hampel J. Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós sogenannt „Schatz des Attila“. Budapest, F. Kilian Publ., 1885, 190 s.

Ilon G. Customized Sacrificial Semiotics? The Motifs of a Sword Unearthed in Hajdúböszörmény and Its Analogies in Western Hungary: Csöngé. Representations, signs and symbols: proceedings of the symposium on religion and magic. Cluj-Napoca, Mega Publ., 2015, pp. 215-245.

Kiss A.P. Between Wotan and Christ? Deconstruction of the Gepidic system based on the written and archaeological sources. Gepids after the fall of the Gun Empire Collapse. Budapest, 2019, pp. 369-408.

Sorbu E. Sudul româniei în evul mediu timpuriu (secolele VIII–XI). Repere arheologice muzeul brăilei. Brăila, Istros Publ., 2006, 200 p.

Țiplic I.M. and Țiplic M.E. Between cremation and inhumation. The re-birth of Christianity in Transylvania (7th – 10th Century A.D.). European Journal of Science and Theology, 2014, June, vol. 10, No. 3, pp. 171-177.

Tomegea G. Accesorii vestimentare și podoabe în necropolele birituale din Transilvania (Sec. VII–IX) Analele Banatului. S. N., Arheologie – Istorie, XIX, 2011, pp. 209-220.

Vida T. Christianity in the Carpathian basin during Late Antiquity and the early Middle Ages (5th to 8th century ad). Saint Martin and Pannonia. Christianity on the Frontiers of the Roman world. Pannonhalma – Szombathely, Pannonhalmi Főapátság, 2016, pp. 93-106.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 30.10.2023.

The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 30.10.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 15–21. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 15–21. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 23

EDN XAJGPW

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-15-21>

ОСНОВАНИЕ ГОРОДЕЦКОГО ФЕОДОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Селезнев Федор Александрович, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, fseleznev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0934-3312>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу церковной историографии вопроса о времени основания Городецкого Феодоровского монастыря. Рассматривается происхождение дат основания монастыря (1152, 1154, 1164 гг.). Определено, что первая дата (1152 г.) появляется в книге по истории монастыря, изданной в 1890 году. Она выведена автором, архимандритом Феодосием, чисто логически. Вторая дата (1154 г.) опирается только на умозрительные построения авторов книг по истории обители 1870 и 1913 годов. Опирается в историческом источнике имеет лишь положение об учреждении Городецкого монастыря в 1164 году. Эта дата значилась в летописце, хранившемся в Феодоровской обители. В статье даётся характеристика названного документа.

Ключевые слова: Городецкий Феодоровский монастырь, Городец, Китежский летописец, Юрий Долгорукий, Георгий Всеволодович, история Древней Руси.

Для цитирования: Селезнев Ф.А. Основание Городецкого Феодоровского монастыря в церковной историографии XIX – начала XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 15–21. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-15-21>

Research article

THE FOUNDATION OF MONASTERY IN GORODETS, DEDICATED TO THEODORE STRATELATES, IN THE CHURCH HISTORIOGRAPHY OF THE 19TH TO THE EARLY 20TH CENTURIES

Fedor A. Seleznev, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, fseleznev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0934-3312>

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the church historiography of the question of the time of the founding of monastery, dedicated to Theodore Stratelates, in Gorodets. The origin of the date of foundation of the monastery (1152, 1154, 1164) is considered. It is determined that the first date (1152) appears in the book on the history of the monastery, published in 1890. It is deduced by the author, Archimandrite Theodosius, purely logically. The second date (1154) is based only on the speculative constructions of the authors of books on the history of the monastery in 1870 and 1913. The only support in the historical source is the provision on the establishment of Gorodets monastery in 1164. This date was listed in the chronicle kept in Theodore cloister. The article gives a description of the named document.

Keywords: monastery in Gorodets dedicated to Theodore Stratelates, Gorodets, Kitezh chronicler, Yuri Dolgorukiy, Georgy II Vsevolodovich, Old Rus' history.

For citation: Seleznev F.A. The foundation of monastery in Gorodets, dedicated to Theodore Stratelates, in the church historiography of the 19th to the early 20th centuries. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 15–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-15-21>

В сочинениях краеведов XIX – начала XX вв., принадлежавших к духовному сословию, назывались три даты основания Городецкого Феодоровского монастыря (1152, 1154, 1164). Однако такое авторитетное издание, как современная «Православная энциклопедия», критически воспринимает утверждения о возникновении этой обители в XII в., относя данное событие к 1700 году [Бахарева: 135]. Неужели, однако, в сочинениях церковных историков прошлого полностью отсутствует рациональное зерно? Чтобы ответить на заданный вопрос, необходимо подвергнуть церковную историографию по обозначенному предмету комплексному анализу. Цель данной статьи: определить, имеет ли какая-то из указанных выше дат возникновения Городецкого Феодоровского монастыря (1152, 1154, 1164) опору в исторических источниках.

Прежде всего, укажем, что толчком к началу изучения истории Городецкого Феодоровского монастыря стало повеление Николая I, отданное в 1827 г., собрать сведения о древних крепостях, монастырях и церквях. По линии Министерства внутренних дел это задание было доведено до нижегородского гражданского губернатора Н.И. Кривцова, а он перенаправил его в Нижегородскую духовную консисторию. Среди посланных туда отчетов из нижегородских храмов и монастырей имеется и документ, подписанный «строителем» Городецкого Феодоровского монастыря иеромонахом Илларионом. По характеристике самого автора, текст этот представлял «из описания в оном монастыре хранящегося выбранное»¹. Иначе говоря, он опирался на документы из монастырского архива. Недавно этот документ был нами опубликован [Селезнев].

Отчет Иллариона разбит цифрами на несколько разделов. Некоторые из них посвящены не примечательным фактам истории монастыря (что требовалось властям), а его земельным тяжбам и хозяйственным неурядицам. Полностью исторический характер носил лишь первый раздел, где излагалось прошлое обители от её основания до сожжения Батыем. Исходя из содержательной разнородности разделов, можно предположить, что каждый из них опирался на какой-то отдельный источник. Что же послужило основой для первого, интересующего нас, раздела?

Ответ на этот вопрос позволяет дать представление в Синод епископа Нижегородского и Арзамасского Амвросия от 5 декабря 1832 года. Оно начинается следующими словами: «Вверенной мне Епархии заштатного Городецкого Феодоровского монастыря строитель Амвросий в поданном к предместнику моему преосвященному Афанасию прошении изъяснил, что означенный Феодоровский монастырь, как видно из *летописца* (курсив мой. – Ф. С.), сооружен в 1164 году великим князем Георгием Всеволодовичем и существует уже 667 лет»².

Итак, в Феодоровском монастыре хранился какой-то *летописец*, где было указано, что эта обитель была построена князем Георгием Всеволодовичем в 1164 году. Такая же информация содержится в первом разделе отчета Иллариона³. Отсюда правомерно сделать вывод о том, что Илларион черпал сведения из упомянутого Амвросием летописца. Причем их анализ позволяет сделать вывод о том, что они идентичны содержанию так называемого «Китежского летописца».

В обоих произведениях (и в «Китежском летописце», и в первом разделе отчета Иллариона) главным героем является князь Георгий Всеволодович, а его отец «во святом крещении» носит имя Гавриил и княжит во Пскове; Георгий Всеволодович наследует после отца псковское княжение. И в отчете Иллариона, и в «Китежском летописце» Георгий Всеволодович получает от Михаила Черниговского «грамоты» на построение городов и храмов «в обладаемой им России». Совпадает и последовательность дальнейших событий: Георгий Всеволодович возводит церкви в Новгороде, Пскове, Москве, Переславле-Залесском, Ростове; в Ростове при копании рвов для фундамента храма были обретыены мощи епископа Леонтия, крестившего ростовчан; Андрея Боголюбского, имевшего тогда княжение в Ростове, Георгий Всеволодович отправляет «для устройства храмов Божиих» в Муром, а сам едет в Ярославль; из Ярославля Георгий Всеволодович путешествует вниз по Волге; в Городце (Малом Китеже) он пристает к берегу и возводит там крепость; жители начинают его молить внести в город «чудотворный образ Божия матери Федоровские»; князь хочет выполнить их просьбу, но образ невозможно сдвинуть с места; тогда Георгий Всеволодович повелевает построить вне города монастырь и оставить икону в нём. Все эти подробности присутствуют в обоих анализируемых текстах. Правда, имеются и небольшие отличия. Мирское имя отца Георгия Всеволодовича («во святом крещении» – Гавриила) в отчете Иллариона – Всеволод Ярославич, а в «Китежском летописце» – Всеволод Мстиславич. По-разному эти источники называют время Батыева нашествия: 6747 («Китежский летописец»), 6797 (отчет Иллариона)⁴.

Мы не будем рассматривать вопрос о том, почему данные из отчета Иллариона оказались во многом тождественны содержанию «Китежского летописца» и чем обусловлены имеющиеся небольшие отличия. Эта тема требует отдельного исследования. Мы лишь можем предположить, что у «Китежского летописца» и летописца, которым пользовался Илларион (назовём его для краткости «Феодоровский летописец»), был общий протограф. В ходе работы над «Китежским летописцем» протограф подвергся некоторой переработке, в ходе которой, в частности,

было исправлено отчество псковского князя Всеволода и дата разорения городецкого монастыря Батыем. Что касается «Феодоровского летописца», находившегося в одноимённом монастыре, то он полностью совпадал с протографом, и все анахронизмы последнего были воспроизведены Илларионом в отчете. При этом неясным, с его точки зрения, местам Илларион дал своё толкование.

Он, например, счел нужным разъяснить вопрос о времени основания Городца. Из «Китежского летописца» мы узнаём, что в 6672 (1164) г. князь Георгий Всеволодович ездил по городам Руси и повелевал строить в них храмы. 23 мая 1164 г. соответствующие работы в присутствии Георгия Всеволодовича и Андрея Боголюбского начинаются в Ростове Великом. Затем Георгий явился в Ярославль, сел в струг и поплыл вниз по Волге. Пристал он в Малом Китеже, «что на берегу Волги стоит», и «построил» его.

Отсюда как будто видно, что Малый Китеж к моменту прибытия Георгия Всеволодовича (1164 г.) уже стоял на берегу Волги. Зачем же было его «строить»? Илларион даёт этому противоречию объяснение: князь «пристает к именуемому ныне селу Городцу на возвышенном около села месте устрояет город, и ограждает оной Земляным валом, который и по сие время существует, сей город, наименовав Малым Китежем, собирает в оный для населения жителей»⁵. Иными словами, по Иллариону, Городец существовал ещё до 1164 г., но являлся селом. Городом его сделал князь Георгий в 1164 г., поставив укрепления и заселив.

Интересно, что никаких вопросов у Иллариона не вызвала дата разорения Батыем Городца и Феодоровского монастыря, указанная в первоисточнике – 6797 (1289) год. Она без комментариев была перенесена в отчет Иллариона⁶.

А вот сюжет с внесением в Малый Китеж Феодоровской иконы Божьей Матери подвергся в докладе Иллариона существенному домысливанию. В «Китежском летописце» прямо не сказано, как эта святая появилась в Малом Китеже. Можно, однако, понять, что икона была привезена с собой князем. Напротив, согласно Иллариону, «чудотворный образ Божия матери Феодоровские», находился, «как вероятно полагать надобно, поелику сие объяснение в описании упущено, в часовне при распутиях или перекрестках против ныне существующего монастыря имеющих, каковая часовня как в древности поставилась, так и ныне преимущественно и обыкновенно отверста»⁷. Иными словами, по предположению Иллариона, Феодоровская икона Божьей Матери ещё до приезда Георгия Всеволодовича находилась в Городце и помещалась в часовне, стоявшей на перекрестке напротив существовавшего в XIX в. монастырского комплекса, занимавшего, как полагал Илларион, то же место, что и в момент основания в древности.

«Феодоровский летописец», а также его пересказ Илларионом оказали влияние на последующие тексты по истории монастыря, составлявшиеся в его стенах, в частности на сочинение его «строителя» Варлаама. Труд этот ученым отыскать не удалось. О его содержании можно судить только по выдержкам, приводимым В.Л. Комаровичем. В основном они тождественны тексту Иллариона. Но у Варлаама есть два важных отличия: отец Георгия Всеволодовича назван Всеволодом II Ольговичем, а не Всеволодом Ярославичем; кроме того, приход Батыев датирован 6747 (1239), а не 6797 (1289) годом [Комарович: 90].

Обе эти поправки характеризуют их автора как человека исторически образованного и стремившегося освободить «Феодоровский летописец» от явных анахронизмов. Видимо, поэтому киевский князь Всеволод Ярославич (1030–1093) заменяется им на другого киевского правителя с таким именем – Всеволода II Ольговича (ум. 1146), наиболее близкого по периоду жизни к описываемым событиям 1164 года. Поход Батыев тоже максимально приближается к летописным датам.

Не имел ли отношение к этим поправкам (да и к самому написанию «истории» Варлаама) прибывший в 1833 г. на жительство в Городецкий Феодоровский монастырь архимандрит П.И. Каменский (1765–1845)? Выдающийся китаевед, член-корреспондент Санкт-Петербургской Императорской академии наук по разряду литературы и древностей Востока, он интересовался эпохой Древней Руси и монгольского нашествия. 11 ноября 1840 г. Каменский записал в своём дневнике: «...в предыдущие дни и сегодня занимался списыванием двух статей из лекций С.-Петербургской Духовной Академии, преподанных профессором Яковом Васильевичем Орловым, моим коротким другом, о смутных временах междоусобий Российских князей и о завладении Россией Татарами или Мунгалами Чингизского рода»⁸.

В январе 1844 г. к знаменитому старцу приезжали нижегородский историк-краевед, редактор неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей» П.И. Мельников и профессор Казанского университета И.Я. Горлов⁹. В ходе встречи, конечно, не мог не зайти разговор о прошлом обители. Но, похоже, П.И. Мельников отнёсся к её истории, написанной в 1835 г., с недоверием. Он не стал помещать в «Нижегородских губернских ведомостях» рассказ о Феодоровском монастыре, в то время как другим городецким святыням он посвятил большой материал¹⁰. Более того, публикуя позднее в газете статью «Смерть Александра Невского в Городце», Мельников ни одним словом не упомянул о Феодоровском монастыре: князь в этой заметке принимает схиму перед кончиной, но не сказано где¹¹.

При этом с самой историей Варлаама П.И. Мельников, видимо, был знаком, а может быть, даже имел её текст или выписки из него. Эти материалы он, как представляется, передал в руки иеромонаха Макария (Миролюбова), с которым сблизился в 1848 г. на почве интереса к местной истории. Начиная с 1848 г. сочинения Макария начинают регулярно появляться на страницах «Нижегородских губернских ведомостей». Одно из них называлось «Древнее историческое значение Городецкого Федоровского монастыря» и, по нашему предположению, опиралось на историю Варлаама. Во всяком случае, как и в ней, у Макария сказано, что Городецкий Федоровский монастырь был основан «в 1164 году, по повелению великого князя Георгия Всеволодовича»¹². Другой источник получения этих сведений Макарием маловероятен. Одна дата, имевшаяся у Варлаама, в публикации Макария подвергнута корректировке: нашествие Батые, когда «Городецкий монастырь был разорен до основания», датировано 1238 годом (точно по летописям), а не 1239 годом¹³.

Через год (1849) в Московской университетской типографии вышла первая книга, последовательно излагавшая всю историю монастыря. В ней было указано, что «сие описание» составлено «при строителе Городецкого Федоровского монастыря иеромонахе Афанасии», то есть с одобрения монастырских властей. Кроме того, текст прошёл цензуру в Московской духовной академии¹⁴.

В этой книге Городец и Федоровский монастырь в 1164 г. (так же как в «Китежском летописце» и «Федоровском летописце», пересказанном в отчете Иллариона) основывает псковский князь Георгий Всеволодович. Отцом Георгия Всеволодовича в книге Афанасия был назван Всеволод Ярославич, что также сближает её с отчётом Иллариона и «Федоровским летописцем». Но нашествие Батые отнесено к 1239 г., как и в истории Варлаама¹⁵. Что касается обстоятельств основания Городца и появления в нём Федоровской иконы Божьей Матери, то Афанасий воспользовался разъяснениями Иллариона: князь Георгий «прибыл в местечко малый Китеж, названное после Городцом, где по возвышенности местоположения, устроил вновь город, и оградил великим земляным валом, пребывающим в целости и доньне»; «икона же Божьей Матери Одигитрии, наименованная впоследствии Федоровскою», находилась ещё до приезда князя в часовне в малом Китеже, а потом по просьбам жителей была перенесена во вновь построенную обитель¹⁶.

Здесь важно обратить внимание на замечание автора о том, что икона стала называться Федоровскою «впоследствии». Подобная ремарка была, видимо, нужна, чтобы согласовать изложение со «Сказанием о явлении и чудесах Федоровской иконы Бого-

матери», из которого вытекало, что святыня получила своё наименование в Костроме, поскольку после обретения местным князем Василием была помещена в церкви Феодора Стратилата. Впрочем, явно эта мысль Афанасием не была высказана, хотя краткие сведения из «Сказания...» в книге приводятся.

Таким образом, изначальная точка зрения на время основания Федоровского монастыря была установлена в произведениях, написанных его настоятелями или под их руководством на основе хранившегося в обители текста по её истории («Федоровского летописца»), с которым содержательно совпадал «Китежский летописец». Как и в «Китежском летописце», в этих произведениях в качестве даты возникновения Городца и монастыря указывался 1164 г., а его создателем назывался князь Георгий Всеволодович, погибший в битве с монголами.

Но Георгий Всеволодович, пытавшийся дать отпор Батые в 1238 г., не мог действовать в 1164 г., ибо появился на свет двадцать с лишним лет спустя. По мере накопления исторических знаний эта нестыковка стала всё сильнее бросаться в глаза. И если священник городецкой Архангельской церкви Феодор Весницкий в своем описании древнего вала села Городца, направленном в 1856 г. епископу Иеремии, без всяких сомнений, согласно книге иеромонаха Афанасия, указывал, что Городец основан в 1164 г. князем Георгием Всеволодовичем, то неизвестный читатель его рукописи сделал на полях карандашную пометку: «Ещё не родился в этом году» [Давыдов: 8].

Это противоречие попытался разрешить нижегородский краевед Н.И. Храмцовский (1818–1890). 29 августа 1864 г. «Нижегородские губернские ведомости» напечатали статью Н.И. Храмцовского под названием «Заметки о Нижнем Новгороде». Там в примечании к основному тексту было написано, что Городец и Федоровский монастырь были основаны в 1164 г. Юрием Долгоруким (а не Юрием Всеволодовичем, как считалось до этого)¹⁷. Однако здесь опять возникала хронологическая нестыковка с летописями, на что сразу же обратил внимание читатель Иван Богданов из Кириллова (часть Городца). В письме редактору «Нижегородских губернских ведомостей» (А.С. Гацискому) он указал, что Городец если и основан князем Юрием Долгоруким, «то не в 1164 году, а если и в 1164 году, то не Юрием Долгоруким», поскольку этот князь скончался в 1157 году¹⁸.

В 1865 г. новое решение проблемы основания Городца предложил преподаватель Нижегородской духовной семинарии И.С. Тихонравов (1810–1877). В газете «Нижегородские епархиальные ведомости» под псевдонимом «Зеленец» он опубликовал статью «О христианстве, как оно началось и распространялось в пределах нынешней Нижегородской епархии»,

где доказывал, что Городец Волжский основан Георгием (Юрием) Долгоруким в 1152 году.

Вот ход размышлений нижегородского любителя истории. Сначала он вспоминает о «Городце на Днепре», опорном пункте Юрия Долгорукого в Южной Руси, который его соперник князь Изяслав разрушил в 1152 году. Разумеется, отмечает Тихонравов, «вероломный поступок Изяслава разогорчил Георгия до глубины души». И в память о потерянном Городце на Днепре он построил Городец на Волге. Ведь «левый берег под нашим Городцом, – писал Тихонравов, – столь же высок и обрывист, как и под Киевским; такие же и здесь обширные виды на окрестные места, как и там». Следовательно, «все эти черты разительного сходства очень легко могли породить в Георгии мысль заложить тут город»¹⁹.

Пытливый преподаватель семинарии выдвинул ещё несколько предположений, касающихся начальной истории Городца: первый храм города, согласно Тихонравову, был воздвигнут во имя Архистратига Михаила, и Юрий Долгорукий лично присутствовал на его освящении; князь населил Городец «жителями из Ростовского и Суздальского краев»; жители городецкие состояли тогда не из одних русских – «были между ними и разные инородцы, язычники»; они были обращены в христианство; язычников «по преданию» крестили в озере, донныне в Городце существующем, оттого оно прослыло «Святым»²⁰.

О Феодоровском монастыре в работе И.С. Тихонравова не сказано ничего. Тем не менее его сочинение сильно повлияло на создание новой концепции ранней истории этой обители, причём одобренной её властями.

В 1867 г. управление ей принял игумен Феодосий, сразу начавший благоустраивать монастырь и задавшийся целью повысить его статус. В 1869 г. он просит епархиальное начальство ходатайствовать перед высшей церковной властью о превращении заштатного Феодоровского Городецкого монастыря в штатный. Чтобы показать древность и историческое значение Феодоровского монастыря, была подготовлена новая книга о нём, вышедшая в 1870 г. в Санкт-Петербурге.

От текста строителя Афанасия в книге 1870 г. остались мысль об одновременности основания Городца и монастыря и схожее описание обстоятельств возникновения обители. В книге 1870 г., как и в издании 1849 г., утверждалось, что ещё до основания Городца на его месте стояла часовня с древней иконой Божьей Матери Одигитрии, «неизвестно откуда принесенная и кем оставленная здесь». Использование нарратива из статьи Тихонравова (о древнем храме Архистратига Михаила, будто бы поставленном Юрием Долгоруким), позволило автору обогатить свой рассказ новыми подробностями и выстроить логическую цепь событий: после постройки Город-

ца его жители пожелали перенести икону из часовни в новый храм Архистратига Михаила, но святыня «оставалась неподвижною»; тогда «Георгий Владимирович Долгорукий» повелел «устроить на месте часовни иноческую обитель в честь Пресвятой Богородицы», где и находилась икона, пока в 1238 г. монастырь не был сожжен татарами. Затем икона чудесным образом оказалась в Костроме, где получила название Феодоровской, поскольку была помещена в церкви Феодора Стратилата²¹.

Книга 1870 г. опиралась на документы из монастырского архива. Однако «Феодоровский летописец», который, как уже говорилось выше, использовался в докладе Иллариона (1827), а также в книге строителя Афанасия (1849) и совпадал с «Китежским летописцем», привлечён не был. Более того, информация из него подверглась сомнению. В петербургском издании было указано на отсутствие «достаточных оснований» для того, чтобы называть основателем Городца и обители при нём псковского князя Георгия Всеволодовича, а время построения относить к 1164 г., ибо указываемые при этом обстоятельства «несогласны с историческими данными». Поэтому в петербургской книге Городец и Феодоровский монастырь создаёт не Георгий Всеволодович, а «Георгий Владимирович Долгорукий», и не в 1164 г., а «около 1154 года»²².

Можно высказать предположение о том, что последняя дата (1154) родилась из мысли автора о вкрадшейся в текст летописца, хранившегося в Феодоровском монастыре, описке, превратившей цифру «5» в «6», а Юрия Долгорукого в Юрия Всеволодовича. Но это только наша догадка.

Введенная в книге 1870 г. новая дата основания Городца (1154) не была принята автором «Летописи села Городца» священником Аполлоном Соколовским. Начальный период в истории Городца он описал, целиком опираясь на версию И.С. Тихонравова, прямо указав на его статьи как на источник своих сведений об «исторической стороне удельного Городца». Поэтому, как и у Тихонравова, у Соколовского Городец основывает князь Георгий Владимирович в 1152 г. в память об утерянном Городце, находившемся около Киева²³.

Видимо, под влиянием статьи Соколовского, опубликованной в официальных «Нижегородских епархиальных ведомостях», монастырские власти тоже приняли в качестве даты основания Городца 1152 год. Именно эта дата указана в следующей книге по истории Феодоровского монастыря, принадлежащей перу его архимандрита Феодосия. В том же 1152 г., одновременно с городом, согласно указанному произведению был основан и Городецкий Феодоровский монастырь²⁴. Эта же мысль была повторена и во втором издании книги²⁵.

А вот автор вышедшей в 1913 г. в Санкт-Петербурге книги «История Феодоровского Городецкого монастыря (Нижегородской губ.) и построение в С.-Петербурге храма в память 300-летнего юбилея царствования Императорского Дома Романовых» развел эти два события (основание города и обители). Он согласился с датой возникновения Городца в 1152 г., но время учреждения Феодоровского монастыря счел необходимым отодвинуть на 1154 г., чему дал подробное обоснование. Суть его в том, что после закладки города, то есть сооружения укреплений, должно было пройти какое-то время – примерно два года, необходимые для наполнения нового города жителями и постройки в нём храма Архистратига Михаила, куда жители захотели перенести из старинной часовни икону Божьей Матери²⁶.

Хотя этому объяснению не откажешь в определённой логике, всё же оно уязвимо. Ведь деревянный храм мог быть построен за один строительный сезон, одновременно с городом. Тогда же могло произойти и учреждение монастыря. Исходя из этого, дьякон Дм. Днепровский в статье, вышедшей в 1914 г., уверенно писал: «По благочестивому обычаю благоверных князей русских, основание Городка Радилова сопровождалось закладкой храма, – существующая и поныне церковь Михаила Архангела, – построением обители в честь Пр. Богородицы, – ныне Феодоровский монастырь, – и сооружением укреплений в виде рва и вала с частоколом-огородом наверху. События эти, надо думать, произошли вскоре после 1152 года»²⁷.

Таким образом, церковная историография XIX – начала XX вв. оставила нами три возможных даты возникновения Городецкого Феодоровского монастыря: 1152, 1154 и 1164 годы. При этом средняя дата (1154) должна быть отвергнута, поскольку опирается только на умозрительные построения авторов книг по истории обители 1870 и 1913 годов. Чисто логически выведена и первая дата – 1152 год. Она появляется только в 1890 г. в книге архимандрита Феодосия. Опираясь в историческом источнике лишь положение об учреждении Городецкого монастыря в 1164 году. Эта дата значилась в летописце, хранившемся в Феодоровской обители. Вопрос о происхождении этого источника и его связи с содержательно совпадавшим с ним «Китежским летописцем» требует дальнейшего изучения.

Примечания

¹ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 577. Оп. 556. Д. 300. Л. 22.

² ЦАНО. Ф. 585. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.

³ ЦАНО. Ф. 577. Оп. 556. Д. 300. Л. 22.

⁴ Ср.: ЦАНО. Ф. 577. Оп. 556. Д. 300. Л. 22–22 об.; Путь к граду Китежу: князь Георгий Всеволодович

в истории, житиях, легендах / подг. текстов и исследований А.В. Сиренова. Санкт-Петербург, 2003. С. 170–171.

⁵ ЦАНО. Ф. 577. Оп. 556. Д. 300. Л. 22 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Можаровский А. Архимандрит Петр Каменский, начальник Российско-императорской X миссии в Пекине (продолжение) // Нижегородские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1889. № 19. 1 окт. С. 843.

⁹ Мельников П.И. Городецкие церкви // Прибавления к «Нижегородским губернским ведомостям» № 8 и 9. 1845. 3 марта. С. 106.

¹⁰ Мельников П.И. Указ. соч.

¹¹ [Мельников П.И.] Смерть Александра Невского в Городце // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофиц. № 42 и 43. 1845. 27 окт.

¹² Макарий, иеромонах. Древнее историческое значение Городецкого Феодоровского монастыря // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофиц. № 49. 1848. 25 авг. С. 195.

¹³ Там же.

¹⁴ Исторические сведения о Городецком монастыре пресвятыя богородицы феодоровския, Нижегородской губернии, Балахнинского уезда, отстоящего от губернского города в 50-ти, а от уездного в 15 верстах, вверх по Волге на луговой стороне. Москва, 1849. С. 31.

¹⁵ Там же. С. 5, 10.

¹⁶ Там же. С. 8–10.

¹⁷ [Храмцовский Н.И.] Заметки о Нижнем Новгороде // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофиц. 1864. 29 авг. № 35. С. 275.

¹⁸ Богданов И. Письмо редактору // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофиц. 1864. 10 окт. № 41. С. 315.

¹⁹ Тихонравов И.С. О христианстве, как оно началось и распространялось в пределах нынешней Нижегородской Епархии // Нижегородские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1864. 1 сент. № 17. С. 36–37.

²⁰ Там же. С. 37–39.

²¹ Историческое описание Городецкого Феодоровского монастыря и его настоящее состояние. Санкт-Петербург, 1870. С. 7–11.

²² Там же. С. 2–3.

²³ [Соколовский А.] Летопись села Городца Балахнинского уезда Нижегородского уезда // Нижегородские епархиальные ведомости. Часть неофиц. 1886. 1 фев. № 3. С. 10, 11, 15.

²⁴ Историческое описание Феодоровского монастыря в связи с минувшим политическим значением села Городца Нижегородской губернии Балахнинского уезда. Нижний Новгород, 1890. С. 1, 4.

²⁵ Историческое описание Феодоровского монастыря в связи с минувшим политическим значением села Городца Нижегородской губернии Балахнинского уезда. 2-е изд. Нижний Новгород, 1900. С. 4.

²⁵ Историческое описание Городецкого Феодоровского монастыря и его настоящее состояние. Санкт-Петербург, 1870. С. 7–8, 11.

²⁶ Историческое описание Феодоровского монастыря в связи с минувшим политическим значением села Городца Нижегородской губернии Балахнинского уезда. Нижний Новгород, 1890. С. 6–7.

²⁷ История Феодоровского Городецкого монастыря (Нижегородской губ.) и построение в С.-Петербурге храма в память 300-летнего юбилея царствования Императорского Дома Романовых. Санкт-Петербург, 1913. С. 14–16.

²⁸ Днепровский Дм. Древний вал и крестовые сосны в с. Городце // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: сборник. Т. XVII, вып. IV. Нижний Новгород, 1914. С. 1.

Список литературы

Бахарева Н.Н. Городецкий в честь Феодоровской иконы Божией матери мужской монастырь // Православная энциклопедия. Москва: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XII. С. 134–138.

Давыдов А.И. Древности Городца в восприятии его жителя середины XIX века // Городецкие чтения: материалы науч.-практ. конф. VIII Городецкие чтения. Секция «Городецкий край в документах, музейных экспонатах и воспоминаниях». Городец: [б. и.], 2015. С. 6–19.

Комарович В.Л. Китежская легенда: опыт изучения местных легенд. Москва; Ленинград: изд-во АН СССР, 1936. 184 с.

Селезнев Ф.А. Отчет строителя Иллариона (1827 г.) – самый ранний текст по истории Городецкого Феодоровского монастыря Нижегородской губернии // Нижегородский краевед: сборник науч-

ных статей / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. Нижний Новгород: Центр краеведческих исследований ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. Вып. 7. С. 163–173.

References

Bahareva N.N. *Gorodeckij v chest' Feodorovskoj ikony Bozhiej materi muzhskoj monastyr'* [Gorodetsky Monastery in honor of the Feodorovskaya Icon of the Mother of God]. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Cerkovno-nauch. centr «Pravoslavnaya enciklopediya» Publ., 2006, vol. 12, pp. 134–138 (In Russ.).

Davydov A.I. *Drevnosti Gorodca v vospriyatii ego zhitelya serediny XIX veka* [The antiquities of Gorodets in the perception of its inhabitants in the middle of the XIX century]. *Gorodeckie chteniya* [Gorodetsky readings: materials of the scientific and practical conference VIII Gorodetsky readings]. Gorodec, 2015, pp. 6–19 (In Russ.).

Komarovich V.L. *Kitezhszkaya legenda: opyt izucheniya mestnyh legend* [Kitezh Legend: the experience of studying local legends]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1936, 184 p (In Russ.).

Seleznnev F.A. *Otchet stroitelya Illariona (1827 g.) – samyj rannij tekst po istorii Gorodeckogo Feodorovskogo monastyrya Nizhegorodskoj gubernii* [The report of the builder Illarion (1827) is the earliest text on the history of the Gorodetsky Feodorovsky Monastery of the Nizhny Novgorod province]. *Nizhegorodskij kraeved: sb. nauch. st.* [Nizhny Novgorod local historian: collection of scientific articles]. Nizhny Novgorod, Centr kraevedcheskih issledovanij NNGU im. N.I. Lobachevskogo Publ., 2023, vol. 7, pp. 163–173 (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.10.2023; одобрена после рецензирования 05.11.2023; принята к публикации 07.11.2023.

The article was submitted 03.10.2023; approved after reviewing 05.11.2023; accepted for publication 07.11.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 22–25. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 22–25. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.2. Всеобщая история

УДК 321.01

EDN YMITOS

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-22-25>

СОЮЗ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ, КОРОЛЬ-МУДРЕЦ И ИДЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В «ПОЛИКРАТИКЕ» ИОАННА СОЛСБЕРИЙСКОГО

Гладков Александр Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук, gladkov2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2655-5015>

Аннотация. В статье, основанной на анализе трактата «Поликратик, или О забавах света и заветах философов» (1159), автор исследует социальные и политические представления видного английского интеллектуала, дипломата и писателя Иоанна Солсберийского (1115/1120–1180), и прежде всего рассуждения о добродетельном государе, его власти, обязанностях и функциях, а также обществе («здоровом» и «больном»), рассматриваемых в контексте средневековой теории «политического тела». Автор изучает ключевые идеи мыслителя, в том числе о «срединном пути», по которому должен идти благочестивый правитель, избегая крайностей в поступках и суждениях, а также выясняет трактовку Иоанном закона и справедливости как регуляторов жизни.

Ключевые слова: «Поликратик», Иоанн Солсберийский, средневековая политическая мысль, идеальный государь.

Для цитирования: Гладков А.К. Союз добродетелей, король-мудрец и идея политической общности в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 22–25. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-22-25>

Research article

THE UNION OF VIRTUES, WISE KING AND IDEA OF POLITICAL COMMUNITY IN *POLICRATICUS* BY JOHN OF SALISBURY

Alexander K. Gladkov, assistant professor, senior scholar of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, gladkov2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2655-5015>

Abstract. In the article, based on the analysis of the treatise *Policraticus, on the Frivolities of Courtiers and the Footprints of Philosophers* (1159), the author explores the social and political ideas of the prominent English intellectual, diplomat and writer John of Salisbury (1115/1120–1180), and above all the arguments about the virtuous sovereign, his power, duties and functions, as well as society (“healthy” and “ill”), considered in the context of the medieval theory of the “body politic”. The author studies the key ideas of the thinker, including the “middle way” that a pious ruler should follow, avoiding extremes in actions and judgements, and also finds out John’s interpretation of law and justice as regulators of life.

Keywords: Policraticus, John of Salisbury, medieval political thought, ideal sovereign.

For citation: Gladkov A.K. The union of virtues, wise king and idea of political community in *Policraticus* by John of Salisbury. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 22–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-22-25>

Общим местом практически во всей политической литературе эпохи Средневековья являются рассуждения об идеальном государе, конструирование авторами образа украшенного добродетелями и достоинствами правителя, который в соответствии с первоначальным значением самого слова будет осуществлять власть по праву, закону и справедливости. Данному канону следовало большинство латинских писателей, не является исключением и Иоанн Солсберийский (1115/1120–1180) – яркий представитель западноевропейской интеллектуальной элиты XII в., англичанин, с одинаковым самозабвением предававшийся учёным занятиям, итогом которых стали оригинальные философско-богословские, исторические и общественно-политические труды, и участвовавший по поручению архиепископов Кентерберийских Теобальда и Фомы Бекета в ответственных дипломатических переговорах по обе стороны Ла-Манша. Прошедший обучение во французских школах, Иоанн по вполне объективным причинам стал посредником и одновременно проводником разных культур, и все же в своих пространственных рассуждениях он демонстрировал себя прежде всего как христианский мыслитель, благоговейно, но довольно критично относившийся к античному знанию.

Из-под пера Солсберийца в 1159 г. вышел трактат «Поликратик, или О забавах света и заветах философов» («Polycraticus sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum») [Ioannis Saresberiensis], оказавшийся одним из немногих по-настоящему масштабных сочинений в XII в. [Born: 471-475; Kleineke: 23-47], детально разбирающих проблемы политической власти, общественного порядка и церковного служения. До него существовала богатая традиция, с одной стороны, «королевских зеркал», известных в том числе по каролингским трактатам, а с другой – не менее дидактичных в своей основе произведений XI в.; схоласт продолжил и развил данную практику теоретизирования, однако во многом и преодолел ее [Massey: 357-372; Taylor: 133-157].

Ключевой для Иоанна идеей, красной нитью проходящей через «Поликратик», является мысль о неразрывной связи, единстве государя и его народа, об их взаимном – онтологическом – влиянии, обнаруживаемом как на политическом, экономическом и моральном уровнях, так и в первую очередь на духовном. Схоласт прибегает к довольно популярной в Средние века метафоре «политического тела» [Гладков: 125–138], описывая структуру общества, в которой лидирующее положение занимает голова, то есть правитель, а подданные – в зависимости от сословной принадлежности – органы и члены. Для схоласта мир – это живая «целостность», каждый ее элемент (человек) находится в сложном взаимодействии с себе подобными, потому-то всякое ин-

дивидуальное деяние – злое или благое – напрямую воздействует на все «тело». Как всякий организм, находящийся в развитии, государство функционирует по особым законам, Божественному и человеческому, и справедливости, также включающей в себя два измерения: трансцендентный и мирской. «Lex Dei» и «justitia Dei» («aequitas Dei») – мерила абсолютные – регулируют и регламентируют жизнь, задают «правило» («regula viva»), определяя каждому члену тела то место и назначение в общей иерархии, которое предначертано свыше; законы и справедливость человеческие, соответственно, никоим образом не должны противоречить высшим и незыблемым установлениям Творца. Именно «lex Dei» и «justitia Dei» («aequitas Dei») создают этическую градацию того, что хорошо, а что плохо, и беспристрастно оценивают последствия ущерба, причиненного одному или многим членам «политического тела». Иоанн Солсберийский, описывая, например, эффект от ранения головы, то есть короля, или иных органов, всякий раз делает оговорку: данное деяние совершено несправедливо, незаконно, лукавым, обманным путем – и подчеркивает, что последствия сказываются на всей целокупности [Ioannis Saresberiensis: vol. 2, 6, 25, 73]. Увязывая макро- и микрокосм в общую систему, уподобляя одно другому, схоласт – вполне в духе классической традиции, но в большей степени патристической – развивает идею о моральной ответственности индивида перед обществом и, наоборот, – общества перед индивидом. Король хоть и является представителем этого великого «множества» (позднее Фома Аквинский употребит данный термин применительно к народу), но предстоит лишь Богу, несет ответственность только перед Ним и Его служителями – хранителями «lex Dei», запечатленным на страницах Священного Писания. Схоласт, с одной стороны, вписывает правителя в общий структурный контекст, всякий раз подчеркивая, что он – «голова единого тела», но, с другой стороны, выводит монарха из сферы действия человеческого закона. Солсбериец буквально утверждает, что государь свободен от «пут» закона [Ioannis Saresberiensis: vol. 1, 4, 1; 2] и одновременно является его слугой [Ioannis Saresberiensis: vol. 1, 4, 2, 237]; речь в данном случае идет об известной максиме римского права «princeps legibus solutus – princeps legibus alligatus». Суть кажущегося противоречия проста: властитель, как и все члены политической общности, подчинен единому универсальному Божественному закону, которым ни он, ни его подданные не могут поступиться, тогда как «lex humana», являющийся плодом законотворческой деятельности людей, не абсолютен и не способен в полной мере учесть все нюансы социальной жизни; иными словами, государь – слуга «lex Dei» и раб «justitia Dei» [Ioannis Saresberiensis: vol. 1, 4, 2,

238], однако – в силу особой мистической природы своей власти и первенствующего положения в «политическом теле» – признает действие законов человеческих, но может и выйти из их подчинения. Воплощая «образ Божественного величия» [Ioannis Saresberiensis: vol. 1, 4, 1, 236], правитель, по сути, сам является в некотором роде источником и воплощением закона, а его воля – сама справедливость.

Конечно, в данном случае мы имеем дело с идеалом государя – главой («*caput*»), оберегающей и мудро управляющей всем «политическим телом»; образ совершенного правителя, описываемого Иоанном Солсберийским на страницах «Поликратика», формируется в русле христоподражательной парадигмы. «*Imitatio Christi*» было для религиозного сознания средневекового человека важнейшей установкой на совершенствование внутреннего устройства, благочестие, преодоление страстей и пороков «мира сего» ради обретения жизни вечной; она же – эта установка – находит приложение и к области политической действительности, сообразующейся с областью духовной. Для Иоанна нет мелочей в становлении человеческой личности, которыми можно было бы пренебречь; поэтому с такой обстоятельностью описывает схоласт все опасности, подстерегающие индивида на жизненном пути. Обращает внимание – в рамках размышлений о государе и его окружении – на такие, казалось бы, «несущественные» забавы, как охота, азартные игры, гадания и иные магические спекуляции, распространенные не только в придворном обществе, но и в обычной жизни. И за всем этим автор «Поликратика» усматривает действие тех злокозненных сил, которые всячески пытаются отвратить человека – в перспективе вечности – от спасения души, а в плоскости социальной и политической действительности – от его служения (или «обязанностей», описываемых схоластом, по сути же представляющих разновидность «*ministerium*»). Солсбериец заявляет о высокой ответственности каждого члена «политического тела» не только за самого себя, семью и близких, но и за все государство в целом; потому-то, подчеркивает он, всякое злоупотребление («*abusus*», «*malus*») – властью ли, удовольствиями или чем угодно – способствует постепенной утрате в человеке «Божественного образа» и его замещению «образом дьявола» («*imago diaboli*»). Вот почему охотник («зверолов пред Господом») и колдун, лицемер и льстец, тиран и узурпатор, блудник и игрок, одним словом – закоренелый грешник (тот, через кого пришло искушение, или тот, кто это искушение принял), предстающий в разных социальных обликах, утвердившийся в своем нечестии, отрицающий покаяние и исправление, – богоотступник, враг («*hostis Dei*»), само существование которого противоречит высокой миссии «политического тела». Каждый по-своему

вредит государству или, напротив, способствует его процветанию, все дело в мере благодати («*gratia*»), внутреннем установлении и прилагаемых усилиях. Данный принцип применим не только к земледельцам, описываемым Иоанном в качестве «ног» «политического тела», или рыцарям и чиновникам – «рукам», но и к самому королю – голове.

Конечно, ответственность правителя, которая возложена на него Всевышним, так велика, что никто из смертных по своему желанию не может понести столь тяжелое бремя; служение государя – «*ministerium regis*» – особое и состоит не только в исполнении своих обязанностей, многочисленных и трудных, но и в постоянном совершенствовании. Благочестивому властителю должно помнить о примере высшего достоинства – «царе царей» Христе, а потому необходимо стяжать добродетели, включающие смирение, скромность, щедрость, милосердие и др. Каждая из них ценна сама по себе, необходима всякому члену единого «политического тела», но лишь в совокупности, в союзе они способны просветить главу на мудрое руководство ради «общего блага». Служба государя – особая; полагается ему сторониться льстецов, предпочитая опытных и просвещенных советников, не быть рабом плоти, избегать алчности, корысти и расточительности, знать законы и военное искусство, вершить справедливый суд, блюсти устои веры, стоять на страже церкви, изгонять блудниц, шутов и колдунов, защищать сырых и немощных, равно относясь ко всем [Ioannis Saresberiensis: vol. 1, 4, 6; vol. 2, 7; 8; 6, 20; 24, 25]. Любопытно, что схоласт понимает под мудростью правителя сочетание знаний, опыта и умеренности, подчеркивая особую важность именно этой «золотой» добродетели [Ioannis Saresberiensis: vol. 1, 4, 8, 262]; ведь даже в стяжании блага нужно знать меру [Ioannis Saresberiensis: vol. 1, 4, 9, 266]. Однако все, что касается толкования законов, Божественного и человеческого, находится в компетенции знатоков.

«Союз добродетелей» позволяет праведному государю, признающему себя слугой («*servus*») не только Бога, закона, но и народа, править одновременно справедливо и снисходительно [Ioannis Saresberiensis: vol. 1, 4, 8, 262-266]. Всякий раз, когда король, выступая в качестве врача («*medicus*») «политического тела», применяет власть на благо подданным, вынужденно причиняя им боль, сам он скорбит и страдает [Ioannis Saresberiensis: vol. 1, 4, 8, 262].

Удивительным образом удается Иоанну Солсберийскому выявить нити взаимодействия и взаимовлияния всех «элементов» единого организма, подчеркнуть и обосновать, что метафорические раны, нанесенные извне, как и болезни, возникшие изнутри, воздействуют на все члены без исключения; на них же возложена ответственность и забота о здо-

ровье «политического тела». Категория «всеобщности» («universitatem») [Ioannis Saresberiensis: vol. 2, 8, 18, 359] является ключевой при описании механизмов функционирования государства, каждый социальный элемент которого (от знати, служителей церкви до представителей «безмолвствующего большинства») вовлечен, включен в общее дело, а само уподобление его «политическому телу» носит сакральный характер.

Список литературы

Гладков А.К. Власть, общество, тело: антропоморфная парадигма в политической мысли средневековой Западной Европы // Вопросы истории. 2020. No. 12 (1). С. 125–138.

Born L.K. The perfect prince: a study in thirteenth and fourteenth-century ideals. *Speculum*, 1928, vol. 3, No. 4, pp. 470-504.

Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis. Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII. Recognovit et prolegomenis, apparatu critico, commentario, indicibus instruxit Cl.C.I. Webb, introd. by P. McNulty. New York, Arno press, 1979, vol. 1-2, 368 p., 511 p.

Kleineke W. Englische Fürstenspiegel vom Policraticus Johans von Salisbury bis zum Basilikon Doron König Jakobs I. Halle (Saale), 1937, 223 s.

Massey H.J. John of Salisbury: some aspects of his political philosophy. Classica et Mediaevalia, 1969, vol. 28, pp. 357-372.

Taylor Q. John of Salisbury, the Policraticus, and political thought. Humanitas, 2006, vol. 19, No. 1-2, pp. 133-157.

References

Gladkov A.K. *Vlast, obshestvo, telo: antropomorf-naya paradigma v politicheskoy misli srednevekovoy Zapadnoy Evropi* [Power, society, body: the anthropomorphic paradigm in political thought of medieval West Europe]. *Voprosi istorii* [Questions of history], 2020, No. 12 (1), pp. 125-138. (In Russ.)

Born L.K. The perfect prince: a study in thirteenth and fourteenth-century ideals. *Speculum*, 1928, vol. 3, No. 4, pp. 470-504.

Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis. Policratici sive de nugis curialium et vestigiis philosophorum libri VIII. Recognovit et prolegomenis, apparatu critico, commentario, indicibus instruxit Cl.C.I. Webb, introd. by P. McNulty. New York, Arno press Publ., 1979, vol. 1-2, 368 p., 511 p.

Kleineke W. Englische Fürstenspiegel vom Policraticus Johans von Salisbury bis zum Basilikon Doron König Jakobs I. Halle (Saale), 1937, 223 s.

Massey H.J. John of Salisbury: some aspects of his political philosophy. Classica et Mediaevalia, 1969, vol. 28, pp. 357-372.

Taylor Q. John of Salisbury, the Policraticus, and political thought. Humanitas, 2006, vol. 19, No. 1-2, pp. 133-157.

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2023; принята к публикации 23.11.2023.

The article was received in the editorial office on 05.10.2023; approved after review on 22.11.2023; accepted for publication on 23.11.2023.

С.Ю. ВИТТЕ В ОЦЕНКАХ В.А. МАКЛАКОВА

Сараева Елена Леонидовна, доктор исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, els5656@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>

Аннотация. В статье анализируются идеи юриста, члена ЦК кадетской партии В.А. Маклакова о влиянии председателя Совета министров С.Ю. Витте на процесс российской политической трансформации в 1905–1906 гг. Источниками исследования послужили: воспоминания В.А. Маклакова, С.Ю. Витте, П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, П.А. Извольского. Раскрываются идеи Маклакова об обстоятельствах изменения представлений С.Ю. Витте о форме правления в России. Доказывается, что Маклаков воспринимал Витте в октябре 1905 – апреле 1906 г. как сторонника устойчивого конституционного развития России. Интерпретированы представления Маклакова о причинах попыток Витте создать союз с либералами: это соглашение обеспечивало проведение либеральных реформ. В статье реконструированы суждения Маклакова о причинах обращения Витте к политике репрессий в отношении революционеров: они осуществляли неправомерные действия. Раскрыто обоснование Маклаковым причин отказа правыми и либералами поддерживать политику Витте. Выявлены различия во взглядах Маклакова и Милюкова на политику Витте в 1905–1906 гг. Маклаков характеризовал Витте как крупного государственного деятеля, который смог убедить императора ввести конституцию с целью создания правового государства, но ему пришлось использовать и репрессии для подавления революции. Первое направление деятельности Витте привело к критике его политики консерваторами, а кадеты не согласились с предложенным вариантом конституции и осудили расправу с радикалами. По мнению Маклакова, отсутствие поддержки влиятельных политических сил стало одной из причин написания Витте заявления об отставке. Маклаков выделил значимые идеи Витте: укрепление законности, организацию взаимодействия правительства и либеральной общественности.

Ключевые слова: В.А. Маклаков, С.Ю. Витте, П.Н. Милюков, конституционно-демократическая партия, Манифест 17 октября 1905 г., Основные законы Российской империи 23 апреля 1905 г.

Для цитирования: Сараева Е.Л. С.Ю. Витте в оценках В.А. Маклакова // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 26–33. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-26-33>

Research article

SERGEI WITTE IN THE ESTIMATES OF VASILY MAKLAKOV

Yelena L. Sarayeva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, els5656@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>

Abstracts. The ideas of Vasily Maklakov, the lawyer, a member of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party, about the influence of Sergei Witte, the Chairman of the Council of Ministers, on the process of Russian political transformation in 1905-1906 are analysed in the article. What served as sources for the study are recollections of Vasily Maklakov, Sergei Witte, Pavel Milyukov, Alexander Kiesewetter, Alexander Izvolsky. Vasily Maklakov's ideas about the circumstances of the change in Sergei Witte's perceptions of the form of government in Russia are revealed. It is proved that from October 1905 to April 1906, Vasily Maklakov perceived Sergei Witte as a supporter of Russia's sustainable constitutional development. Vasily Maklakov's perceptions of the reasons for Sergei Witte's attempts to co-operate with the liberals are interpreted as follows – such an agreement would ensure liberal reforms. Maklakov's judgements about the reasons for Witte's shift to repressive policies against the revolutionaries – they were carrying out wrongdoing – are reconstructed in the article. Maklakov's justification of the reasons for the right and liberal politicians' refusal to support Witte's policy is revealed. The differences in Maklakov's and Milyukov's views on Witte's policy in 1905-1906 are disclosed. Maklakov characterised Witte as a great statesman able to persuade the emperor to introduce a constitution in order to create a state of law; however, to suppress the revolution, the said nobleman had to use repression as well. Witte's first line of action led to criticism of his policies by conservatives, while constitutional democrats disagreed with the proposed version of the constitution and condemned the ill-treatment towards radicals. According to Maklakov, the lack of support from

influential political forces was one of the reasons why Witte had to resign. Maklakov highlighted Witte's significant ideas – strengthening the rule of law, organising the government's interaction with the liberal public.

Keywords: Vasily Maklakov; Sergei Witte, Pavel Milyukov; constitutional democrats; October Manifesto on Improvement of State Order, 1905; Russian Imperial Basic Laws as of April 23, 1905.

For citation: Sarayeva Y.L. Sergei Witte in the estimates of Vasily Maklakov. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 26–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-26-33>

Актуальность исследования заключается в необходимости осмысления роли личности в переломные эпохи российской истории, когда государство и общество стоят перед выбором ценностной основы, направлений развития цивилизации. С.Ю. Витте (1849–1915) своими идеями и политикой оказал огромное влияние на российский исторический процесс в начале XX в. Осмысление его роли в истории страны дали уже его современники. Одна из наиболее интересных оценок его личности и политики принадлежит юристу, либералу В.А. Маклакову (1869–1957), который раскрыл свое понимание альтернативы развития России, продуманной Витте в октябре 1905 – апреле 1906 г., дал характеристику личности министра, способного менять исторические обстоятельства.

Степень разработанности проблемы. Советских историков, как отмечает Н.И. Дедков, не интересовала общественно-политическая концепция Маклакова, поскольку они акцентировали внимание на борьбе партий, а не на деятельности отдельных их представителей [Дедков 2005]. Современные историки проявляют значительный интерес к идейному наследию В.А. Маклакова: дана характеристика его мировоззрения как консервативного либерализма, поскольку он видел решение национальных задач во взаимодействии власти с общественностью; выявлены его основные политико-правовые и социальные ценности: законность, самодеятельность свободной личности [Гайда 2017; Гайда 2018; Дедков 2005; Карпович 1997; Парахин 2022]. Исследователи анализируют представления Маклакова о роли государства в российской истории, акцентируя внимание и на высокой оценке власти, отстоявшей Россию в условиях внешнеполитических вызовов, и породившей многочисленные социальные проблемы, поскольку долгое время она не воспринимала права человека [Будницкий 1999; Кочешков, Сараева 2018; Сараева 2021]. В современной историографии актуализирована проблема восприятия конституции различными политическими и государственными деятелями, интеллектуалами в 1905–1907 гг. [Селезнев 2023; Соловьев 2019а; Соловьев 2019б; Туманова 2023; Холяев 2022; Wartenweiler 1999]. Однако исследователи уделили недостаточное внимание оценкам Маклакова влияния «здоровых элементов» во власти на конституционный выбор в годы революции 1905–1907 гг. Маклаков был убежден в том, что развитие государственности зависело не только от фор-

мы правления, но и политических деятелей, их способности решать актуальные национальные задачи.

Цель исследования – реконструирование и интерпретация мнений В.А. Маклакова о деятельности С.Ю. Витте как представителя «здоровых элементов» во власти в 1905–1906 гг., в годы острого социально-политического кризиса в России. Новизна работы заключается в анализе представлений Маклакова о роли Витте в политической трансформации России в 1905–1906 гг.

Источниками исследования являются тексты В.А. Маклакова, большая часть которых была написана в эмиграции; воспоминания С.Ю. Витте и его современников. Маклаков в эмиграции стремился понять причины разрушения основ российского государственности в 1917 г. С этой целью он выявлял альтернативы развития страны в конце XIX – начале XX в., акцентировал внимание на долговременных национальных задачах, сформулированных Витте в интересах России. Этот подход к оценке деятельности Витте в широком российском политическом контексте определяет большое значение идей Маклакова. Он изучал тексты Витте, имел возможность беседовать с ним уже после его отставки, задавать ему вопросы о причинах принятия им тех или иных решений в должности председателя Совета министров. Будучи членом ЦК кадетской партии со времени ее создания, активно вовлеченный в политический процесс, Маклаков был хорошо осведомленным современником, а его принципиальность и честность определили высокую степень достоверности воспроизведения собственных мнений и суждений лиц, с кем участвовал в дискуссиях и чьи тексты он читал. Витте воспринимал Маклакова наряду с П.Н. Милюковым лидером кадетов [Витте: 550].

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957), талантливый адвокат, один из лидеров партии кадетов, депутат Государственной думы II, III и IV созывов. Его единомышленник А.А. Кизеветтер характеризовал его как блестящего полемиста, логически ясно развивавшего мысль, просто, без аффектации объяснявшего юридическую сторону обсуждаемого вопроса на съездах, митингах, в Государственной думе [Кизеветтер]. Социально-политическими ценностями В.А. Маклакова были свобода и права личности, самоуправление общества, законность, правовое государство. Смелость и независимость мысли, анализ всех проблем в контексте законодательства, истори-

ческих обстоятельств определили его высокий авторитет в среде интеллектуалов. Он рассматривал государство как сочетание двух элементов – власти и общества [Маклаков. Законность в русской жизни]. В отличие от многих либералов начала XX в., Маклаков отмечал большую роль самодержавия в сохранении целостности государства. Главной ошибкой российской власти на протяжении длительного времени он считал непонимание традиционными, «старыми» силами необходимости учета интересов всех социальных групп населения. Другим недостатком системы управления в России, с точки зрения Маклакова, было «отсутствие законности в нашем государственном обиходе». Он доказывал в 1909 г., что власть «не отрицала необходимости строгой законности для существования государства», но она сама ею не дорожила [Маклаков. Законность в русской жизни].

С точки зрения Маклакова, задачу создания правового государства в России могли решить только «новые силы» в правительстве. «Новое» направление в политике власти XIX – начала XX в., по мнению Маклакова, представляли собой ее попытки обеспечить правопорядок в стране и проведение либеральных реформ. Он писал, что эти задачи формулировали «здоровые элементы» в правительстве, способные понять актуальные для России ориентиры развития.

Маклаков считал, что император Николай II мог сам сделать выбор в пользу конституционной монархии, но встал на защиту самодержавия [Маклаков 1936: 135–136]. За него задачу реформирования монархии решил С.Ю. Витте, «против воли» [Маклаков 1936: 408] государя в условиях подъема общественного движения в 1905–1906 гг. Маклаков относил С.Ю. Витте к «здоровым элементам» в «правящем классе», понимавшим необходимость конституции и реформ. Витте объяснял в воспоминаниях, что он не хотел быть номинальным главой правительства при безвольном императоре, он полагал, что Николай II не увольнял его, надеясь, что Сергей Юльевич сможет взять внешние займы и вернуть войска из Маньчжурии. Однако сам Витте продумал программу реформ. Его способности к решению государственных дел отмечали видные политики и общественные деятели.

Василий Алексеевич связывал преобразование самодержавия в конституционную монархию с деятельностью Витте, добившегося создания законодательной Государственной думы в октябре 1905 г. и внесения изменений в Основные государственные законы в апреле 1906 г. Их значение Маклаков видел в том, что власть теперь должна была подчиняться законам. Он следил за публикациями Витте, разделял его мысль о том, что недостаточно издать закон, надо добиться его применения на практике. В лекции, прочитанной 17 марта 1909 г. в Тенишев-

ском училище и изданной в «Вестнике Европы» в том же году, Маклаков процитировал слова Витте о том, что требуется время на усвоение новых правовых норм населением и администрацией. «Между выраженным с наибольшею искренностью принципом, – писал гр. Витте, – и осуществлением его в законодательных нормах, и в особенности проведением этих норм в нравы общества и приемы правительственных агентов, не может не пройти некоторого времени» [Маклаков. Законность в русской жизни]. Маклаков был убежден, что для развития российской государственности издание законов 23 апреля 1906 г. имело «гигантское значение», но большинство либералов до конца не осознали, что начался новый период трансформации правоотношений во всех сферах, включая правительственную [Маклаков. Законность в русской жизни].

Назначение Витте председателем Совета министров 19 октября 1905 г. Маклаков назвал «лучшим», «знаменательным выбором», поскольку Сергей Юльевич имел навыки государственной деятельности, знал образ мыслей императора и имел опыт взаимоотношений с ним, умел использовать свойственные для российской бюрократии и самодержавия механизмы и способы принятия решений, участвовал в написании Манифеста, разделяя его идеи, понимал необходимость переговоров с либеральной общественностью. По мнению Маклакова, Манифест 17 октября 1905 г. и Основные законы 23 апреля 1906 г. были «разумной политикой» [Маклаков 1936: 408–409]. Василий Алексеевич высоко оценивал способности Витте к государственной деятельности: «По своим государственным дарованиям он был крупнейшей фигурой этого времени. Никто из прославленных общественных деятелей не мог выдержать сравнения с ним» [Маклаков 1936: 410]. Маклаков выделял такие качества Витте, необходимые для крупного государственного деятеля, как понимание долговременных национальных задач, убеждение в важности проведения либеральных реформ в политико-правовой и социально-экономических сферах. Маклаков понимал, что для мышления Витте не был свойственен догматизм, он мог идти на компромиссы, был готов воспринимать идеи единомышленников и оппонентов, обладал смелостью в формулировании целей и осторожен в выборе методов их достижения и союзников. «...Россия нуждалась в реформе, а Витте был реформатором по натуре. Если он и был осторожным, то смелость и новизна его не пугали. Коренные недостатки нашего строя он понимал; был давнишним сторонником либеральных реформ и основной реформы – крестьянской; пытался их проводить еще при Самодержавии. При нем конституция должна была быть средством преобразования России, а не способом борьбы с революцией» [Маклаков 1936: 410–411].

Маклаков дал характеристику Витте, не столько основываясь на воспоминаниях о личных встречах с ним в 1907 г. и позднее, сколько на анализе изданных им законов. «Моих личных впечатлений для этого мало; они односторонни. Я Витте часто видал и в условиях, благоприятных для откровенной беседы; но познакомился с ним только в 1907 г., когда он был уже в опале. Я не знал его в эпоху его всемогущества» [Маклаков 1936: 249]. Совершенно очевидно, что Маклаков считал Николая II слабым монархом, поскольку страну в конце 1905 – начале 1906 гг. из кризиса вывел Витте, обладавший «всемогуществом». По утверждению Маклакова, Витте был искренним с ним, поскольку Василий Алексеевич ничем не мог навредить бывшему председателю правительства: «...он был вспыльчив и резок, в спорах часто неприятен; недостаточно собою владел, чтобы скрывать свои настроения. В нем было мало придворного и даже просто светского человека. Двоедушные и умелые карьеристы бывают другими» [Маклаков 1936: 249]. Скорее всего, одна из причин высокой оценки деятельности Витте, которую дал Маклаков, заключалась в схожести их взглядов по основным вопросам трансформации социально-политической системы в России.

Маклаков, зная воззрения Витте, утверждал, что министр осуждал привилегии высшего сословия, праздность многих его представителей, ценил просвещенных дворян, имевших денежные средства и желание включиться в предпринимательскую деятельность. Витте надеялся, что они могли стать «строителями» «новой России», для этого должны «работать на новой дороге. Витте презирал тех праздных людей, которые мечтали о безвозвратном прошлом, о привилегиях, о поддержке их за государственный счет во имя прежних заслуг» [Маклаков 1936: 251]. Он ценил творцов, «созидателей ценностей», связывал будущее России с активными «буржуями». С точки зрения Маклакова, Витте относил к творцам «новой России» всех деятельных, просвещенных, предприимчивых людей независимо от словесной принадлежности.

Важной особенностью определения Витте задач преобразования России, считал Маклаков, было знание конкретной российской реалии, интересов общества и государства. Витте знал теории, но был практиком. Продумывая политику, он «подходил к ней не от теоретических предпосылок либерализма, а от конкретных нужд русской действительности» [Маклаков 1936: 252]. «Главной заслугой» Витте до 1905 г. Маклаков считал постановку вопроса о проведении крестьянской реформы, которая ликвидировала бы «зависимость крестьян от общины», превратила бы их в мелких земледельцев. Витте эту задачу сформулировал ранее Столыпина, считал ее ключевой проблемой в России [Маклаков 1936: 252].

Маклаков отмечал, что еще до 1905 г. Витте рекомендовал себя как деятельный реформатор, но в то же время и защитник самодержавия. Видимо, эти его качества повлияли на назначение императором Витте председателем правительства в октябре 1905 г. Однако, в отличие от государя, Витте был готов ограничить власть законами, рекомендовал конституцию в октябре 1905 г., но не использовал этот термин, понимая его неприемлемость для государя: «Самодержавие не было для него идолом» [Маклаков 1936: 411]. Маклаков полагал, что Витте изменил свое мнение о форме правления в России, когда в октябре 1905 г. убедился в том, что Николай II не способен самостоятельно решать важнейшие государственные дела в условиях острого политического кризиса, проявить волю, дать грамотный анализ происходящих событий и определять цели политики: «Только разочарование в Самодержавии, способности Николая II быть Самодержцем, примирило его с конституцией. <...> Прежнее Самодержавие он защищать отказался», стал «виновником конституции», настоял на политической реформе. Маклаков воспроизвел мысль Витте: «Самодержавие невозможно без Самодержца» [Маклаков 1936: 418–419, 421]. Благодаря преобразованиям, осуществленным по инициативе Витте, власти в 1905–1906 гг. удалось сохранить государственный аппарат, обеспечивавший управляемость страной.

Важным направлением деятельности Витте в 1905 г. Маклаков считал попытки включения либералов в состав правительства [Маклаков 2006: 14–15]. Он воспроизвел мнение Сергея Юльевича о том, что нельзя было передавать общественным деятелям ключевые министерские посты, поскольку они не имели бюрократического опыта. Еще до назначения на должность председателя Совета министров Витте 18 октября 1905 г. предложил Д.Н. Шипову, одному из видных земских деятелей, встретиться с ним: «...в такой комбинации назначение Витте было лучшим, которое можно было придумать» [Маклаков 1936: 410].

После того, как Витте «связал свою судьбу с Манифестом», он должен был заключить союз с либералами, сторонниками реформ, считал Маклаков. «Витте и либеральное общество могли быть полезны друг другу, без чего нет прочных союзов» [Маклаков 1936: 411]. Аналогичную идею о важности создания «жизнеспособного» правительства развивал в своих воспоминаниях дипломат П.А. Извольский. Он участвовал в переговорах Витте с либералами, многих из которых он знал лично и разговаривал с ними, одновременно он убеждал в этом императора, когда имел возможность встретиться с ним. Проект Витте «...казался единственно возможным в то время». «В течение этих переговоров я принял на себя энергичную защиту

перед императором идеи образования жизнеспособного правительства, составленного из людей, искренне расположенных и способных воплотить в жизнь конституционные реформы» [Извольский]. Извольский свидетельствовал, что Витте был намерен провести реформы, чтобы противостоять революционерам. Он, как и Маклаков, считал, что Витте обладал «выдающимся талантом» вести переговоры. Согласно Извольскому, Витте был «глубоко разочарован» непониманием либералами важности образования объединенного правительства [Извольский].

Правительство Витте взяло курс на либеральные реформы. Однако кадеты и после издания Манифеста и внесения изменений в Основные государственные законы в апреле 1906 г. воспринимали власть как своего противника в их борьбе за более радикальную политическую реформу и продолжали ее критиковать. Маклаков сожалел, что союз власти с либералами не состоялся, эта альтернатива не была реализована. С его точки зрения, одна из основных причин отсутствия соглашения между этими силами – разное отношение правительства и кадетов к революции. Общество не проявило свою политическую зрелость, не поддержало «здоровые элементы» во власти. По мнению Маклакова, это ослабило позиции Витте, «точки опоры у него более не было», он не мог опереться на либеральное общество, требовавшее созыва Учредительного собрания, в его распоряжении был только административный аппарат, а революция все с большей силой проявляла свой разрушительный потенциал. Витте сожалел, что «культурные классы» населения не проявили «благоразумие» и «не отрезали <...> от себя революционные хвосты» [Витте: 598]. Он объяснял это отсутствием у них государственного и политического опыта.

Витте воспринимал революцию как угрозу государству, борьба с ней стала важнейшей его задачей с ноября 1905 г. Кадеты сразу после издания Манифеста не поддержали власть и ее борьбу с революцией: «...либеральное общество отказало Витте в поддержке» [Маклаков 1936: 414].

Маклаков дал оценку причин обращения власти к репрессиям и степени их правомерности. Он оценивал действия сторонников левых партий как противоправные, поскольку они обратились к насилию, «явочным порядком» захватывали частную собственность и избивали дворян, подготовили и провели вооруженное восстание в Москве. Его критика беззакония радикалов принципиально отличалась от их героизации либеральной прессой, оказавшей им моральную поддержку в 1905 г. [Маклаков: 414]. Маклаков видел одну из причин этой поддержки в непонимании, незнании либералами, к каким жертвам и разрушениям может привести «настоящая революция». В 1905 г. кадеты были уверены, что революция

лишь сметала «обветшалые преграды самодержавного режима», но не представляла угрозы самому государству и цивилизации. Маклаков занимал противоположную позицию: правительство должно было защищать государство от хаоса, это было «долгом всякой государственной власти». Недоверие масс к власти он характеризовал как плод ее долговременной политики неуважения к народу [Маклаков 1936: 417]. 1905–1906 гг. выявили конфликт интересов этих сил, который приобретал все более непримиримый характер, и на это либералам надо было обратить особое внимание, чтобы выбрать, с кем они дальше будут решать задачи.

Правительство Витте не получило поддержки либерального общества и использовало государственный аппарат, свою «идеологию и приемы» для борьбы с незаконными действиями левых сил. Витте не сразу применил репрессивные меры для подавления революции. Маклаков полагал, что это выжидание Витте следует объяснять его «ошибкой»: он ждал поддержки общественности с целью выработки общей программы реформ, полагая, что либералы не должны одобрять насилие бунтовщиков [Маклаков 1936: 418]. П.Н. Милуков объяснял, что кадеты и после Манифеста продолжили свою тактику «соединения» «с революционной угрозой», поскольку именно она привела к политической реформе [Милуков: 320], он считал главной задачей добиться более существенного ограничения власти императора, а не предотвращение революционного беззакония.

Маклаков отмечал, что позицию Витте во власти ослабляли и консерваторы, которые обвинили его в измене императору [Маклаков 1936: 420]. «Черные сотни» организовали погромы, убийства, а оппозиционеры обрушились с критикой на Витте, обвиняя в бездействии, требовали отставки. «Витте терял всякую почву», ему нужно было делать выбор [Маклаков 1936: 419–420].

Витте поручил министру внутренних дел П.Н. Дурново подавить революцию, боролись с которой старыми методами: аресты, судебные процессы, расстрелы баррикад в Москве. Государственная власть, использовавшая войска, артиллерию, оказалась сильнее дружинников с револьверами. По мнению Маклакова, власть сама вышла за рамки законов, расправляясь со сторонниками революционного насилия. Репрессии власти были «дальше необходимости», поскольку от обстрелов погибали невинные, на Пресне был разрушен целый квартал; Семеновский полк в Коломне расстреливал жителей по спискам охранного отделения без суда и следствия. Маклаков, зная факты, утверждал, что восстание в Москве подавляли жестоко: «...усмирителям была обеспечена безнаказанность» [Маклаков 1936: 429], убивали по подозрению. Власть перешла «гра-

ницы законной самозащиты» [Маклаков 1936: 428]. Эти репрессии стали одной из причин критики либералами правительства, создавали Витте образ палача народа, хотя он не был непосредственно виновен в произволе военных и полицейских.

По мнению Маклакова, революционное настроение в стране в декабре 1905 г. не было общим, глубоким, умеренные требования средних слоев общества были удовлетворены Манифестом; «мирные обыватели» успокоились. Либералы не встали на сторону власти, их отношения с революционерами Маклаков назвал «браком по расчету» – использовали друг друга [Маклаков 1936: 427–428].

Витте, формируя правительство, упорно звал либералов, спрашивал их советы. Либералы осенью 1905 г. отказались пойти на компромисс с Витте. Они выдвинули неприемлемые для власти условия, которые Маклаков охарактеризовал как требование «капитуляции». Василий Алексеевич недоумевал, как кадеты могли предлагать императору ввести конституцию, которая передала бы власть правительству, формируемому парламентом. С его точки зрения, на это Николай II не пошел бы в 1905 г., а значит, кадеты сами отказывались создавать почву для сотрудничества, и Витте это хорошо понимал. Маклаков имел свое индивидуальное мнение по вопросу компромисса политических сил: интересы России требовали не разгрома монархии, а соглашения с ней, чтобы не допустить новой революции. С его точки зрения, этого не понимали лидеры кадетской партии, которые не демонстрировали практической зрелости, хотели навязать власти свою волю [Маклаков 1936: 451].

Причину настойчивых попыток проведения переговоров Витте с либералами Маклаков объяснял его непониманием, почему общественность не может прагматично определить приоритеты в условиях революции и изменить отношение к правительству, воспринять новые тенденции в его политике. Слишком долго самодержавие не боролось с произволом чиновников, авторитет бюрократии в стране был низким, ей не доверяли. Маклаков полагал, что Витте трудно было защищать монархию, поскольку «самодержавие довело страну до общего недовольства и взрыва» [Маклаков 1936: 457].

Отставку Витте 22 апреля 1906 г. кадеты оценили как свою заслугу, как уступку императора оппозиции, а значит, можно продолжить натиск на власть. Маклаков воспринял уход Витте из Совета министров как победу правых, не заинтересованных в продолжении конституционного реформирования политической системы. Маклаков был уверен, что правые выражали позицию Николая II, который не простил Витте введения конституции [Маклаков 1936: 545]. Ни те, ни другие, сожалел Маклаков, не поняли, что отставка Витте – это ослабление позиции «здо-

ровых элементов» во власти, способных проводить либеральные реформы. За полгода своего премьерства Витте удалось издать ряд важных конституционных законов: избирательный – 11 декабря 1905 г., о Государственной думе и Государственном совете – 20 февраля 1906 г., Основные законы – 23 апреля 1906 г.

Таким образом, в начале XX в. Маклаков видел угрозы России в революционном беззаконии, с одной стороны, и произволе бюрократии, с другой. Спасение страны он искал в создании правового государства. В решении этой задачи, полагал он, должны были участвовать «здоровые элементы» в правительстве и общественность.

Исторический контекст деятельности Витте, по мнению Маклакова, был неблагоприятным: в 1905–1906 гг. левые партии использовали незаконные вооруженные методы борьбы, провоцируя власть на репрессии и тем самым создавая ей негативный образ; правые силы не разделяли идеи Манифеста и Витте как председателя Совета министров; кадеты критиковали конституционные основы государственности за их ограниченность; император далеко не во всех начинаниях поддерживал премьер-министра. Витте мог опираться только на «здоровые элементы» во власти, но в бюрократии преобладали консерваторы. Не имея прочной опоры, он через полгода премьерства вынужден был уйти в отставку. Маклаков считал, что Россия стояла перед выбором – революционный хаос или союз всех сил, заинтересованных в правопорядке. Витте выбрал конституционный вектор движения страны в 1905–1906 гг.

В условиях высоких рисков и альтернативности политического процесса в России, по мнению Маклакова, Витте энергично отстаивал вариант развития страны, который сохранял сильное государство, давал общественности права и свободы, позволял вести борьбу с революционным экстремизмом. Эту программу Маклаков оценивал как прагматичную, поскольку она обеспечивала постепенное наведение правопорядка и согласование интересов разных сил. Маклаков высоко оценивал роль Витте в российской истории 1905–1906 гг., поскольку ему удалось осознать необходимость конституционного развития России. Решительными шагами Витте в этом направлении стали введение Манифеста, создание Совета министров, издание в новой редакции Основных законов 23 апреля 1906 г.; Витте понимал, какие силы должны поддерживать эту политику. Маклаков полагал, что благодаря этой политике было сохранено государство и открылась перспектива наведения правопорядка в стране.

Маклаков выделял новые черты в деятельности Витте: развитие страны по конституционному пути при сохранении сильной власти монарха, попытки

разработать программу преобразований страны и согласовать ее с либералами, стремление найти опору государства в земстве; новое идейное оформление правительственной политики – постановка задачи наведения правопорядка; однако в условиях революционного беззакония власть вынужденно пошла на применение репрессий. По мнению Маклакова, Витте не удалось примирить правительство с общественностью в силу различных причин: самодержавие вызывало недовольство у многих; либералы не сознавали опасности революционной ломки политической системы.

Маклаков не абсолютизировал ни политические, ни социальные ценности, был уверен в необходимости защиты и российской государственности, и права личности на самостоятельность. С его точки зрения, виттевская программа решения накопившихся политических и социальных проблем позволяла укреплять законность в системе управления и обязать власть создавать условия развития гражданского общества, она определяла долговременные задачи развития страны. Ее значение понял П.А. Столыпин, который своими реформами продолжил курс Витте и дал новый импульс российской модернизации. Для Маклакова значимой чертой политики Витте было определение задач, которые можно было решить в данной исторической ситуации.

Интерпретация политики Витте, данная в текстах Маклакова, отличается системным подходом: выявлены интересы разных политических и общественных сил, объяснены мотивы их взаимодействия или противостояния, прослежено влияние долговременных и кратковременных обстоятельств на принятие Витте мер конституционного или репрессивного характера.

Список литературы

Будницкий О.В. Маклаков и Миллюков: два взгляда на русский либерализм // *Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы.* Москва: РОССПЭН, 1999. С. 416–428.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания. Москва: Мысль, 1991. 708 с.

Гайда Ф.А. Российский либерал начала XX столетия в политике // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2017. № 6. С. 28–43.

Гайда Ф.А. Особенности национального политического опыта российского либерала начала XX века // *Российский либерализм: итоги и перспективы изучения.* Орел: ОГУ, 2018. С. 174–184.

Дедков Н.И. Консервативный либерализм Василия Маклакова. Москва: АИРО-XX, 2005. 223 с.

Извольский А.П. Воспоминания. URL: http://dugward.ru/library/xxvek/izvolskiy_vospom.html

Карпович М.М. Два типа русского либерализма. Маклаков и Миллюков // *Опыт русского либерализма.* Антология. Москва: Канин, 1997. С. 387–407.

Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881–1914). URL: http://dugward.ru/library/kizevetter/kizevetter_na_rubeje.html

Кочешков Г.Н., Сараева Е.Л. Историко-культурные истоки февральского революционного кризиса 1917 г.: идеи лидеров Прогрессивного блока // *Диалог со временем.* 2018. № 65. С. 300–317.

Маклаков В.А. Законность в русской жизни. URL: <https://uchimsya.com/a/pN2S0GIW> (дата обращения: 30.04.2023).

Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. Москва: Центрполиграф, 2006. 335 с.

Маклаков В.А. Власть и общественность на заре старой России (воспоминания современника). Париж: Изд-во журн. «Иллюстрированная Россия», 1936. 617 с.

Миллюков П.Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. Т. 1. Москва: Современник, 1990. 446 с.

Парахин А. С. Общие и разделяющие вопросы партии и союза 17 октября // *Клио.* 2022. № 3 (183). С. 85–90.

Сараева Е.Л. Восприятие кадетами Основных государственных законов в период работы Первой Государственной думы: идеи В.А. Маклакова // *Вестник Костромского государственного университета.* 2021. Т. 27, № 4. С. 17–26.

Селезнев П.С. Образы будущего России в нарративе крупнейших либеральных партий начала XX в. / Селезнев П.С., Пономарев Н.А., Титов Т.В., Митрахович С.П. // *Былые годы.* 2023. № 18 (1). С. 494–502.

Соловьев К.А. Самодержавие и конституция: Политическая повседневность в России в 1906–1917 гг. Москва: Новое литературное обозрение, 2019а. 352 с.

Соловьев К.А. Василий Маклаков и земский либерализм // *Полилог.* 2019б. Т. 3, № 2. URL: https://polylogos-journal.ru/index.php?dispatch=products.print_publication&product_id=5572&format=pdf (дата обращения: 23.03.2023)

Туманова А.С. Конституционная реформа 1905–1906 гг. в восприятии элиты российского общества URL: https://www.hse.ru/data/2013/12/17/1338127796/5.%20Туманова%20А.С._конституц.%20реформа.pdf (дата обращения: 23.03.2023).

Холяев С.В. Либеральный лагерь в России: конкуренция вместо коалиции (конец XIX – начало XX в.) // *Современная научная жизнь.* 2022. № 2. С. 36–40.

Wartenweiler D. Civil Society and Academic Debate in Russia 1905–1914. New York, 1999, 252 с.

References

Budnitskii O.V. *Maklakov i Miliukov: dva vzgliada na russkii liberalizm* [Two views on Russian liberalism]. *Liberalizm v Rossii: istoricheskie sud'by i perspektivy* [Liberalism in Russia: historical destinies

and prospects]. Moscow, Rosspen Publ., 1999, pp. 416-428. (In Russ.)

Gaida F.A. *Rossiiskij liberal nachala XX stoletija v politike* [The Russian liberal of the early twentieth century in politics]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, economics, law], 2017, No. 6, pp. 28-43.

Gaida F.A. *Osobennosti nacional'nogo politicheskogo opyta rossijskogo liberala nachala XX veka* [Features of the national political experience of the Russian liberal of the early twentieth century]. *Rossiiskij liberalizm: itogi i perspektivy izuchenija* [Russian liberalism: results and prospects of study]. Orel Publ., 2018, pp. 174-184.

Dedkov N.I. *Konservativnyi liberalizm Vasiliia Maklakova* [The conservative liberalism of Vasily Maklakov]. Moscow, AIRO-KhKh Publ., 2005, 223 p. (In Russ.)

Izvol'sky A.P. *Vospominaniia* [Memoirs]. URL: http://dugward.ru/library/xxvek/izvol'skiy_vospom.html (access date: 22.06.2023).

Karpovich M.M. *Dva tipa russkogo liberalizma. Maklakov i Miljukov* [Two types of Russian liberalism. Maklakov and Milyukov]. *Opyt russkogo liberalizma. Antologija* [The experience of Russian liberalism. Anthology]. Moscow, Kanin Publ., 1997, pp. 387-407.

Kholyaev S.V. *Liberal'nyj lager' v Rossii: konkurencija vmesto koalicii (konec XIX – nachalo XX v.)* [The Liberal camp in Russia: competition instead of coalition (late XIX – early XX century)]. *Sovremennaja nauchnaja zhizn* [Modern Scientific Life], 2022, No. 2, pp. 36-40.

Kiesewetter A.A. *Na rubezhe dvuh stoletij (Vospominaniia 1881–1914)* [At the turn of two centuries (Memoirs 1881-1914)]. URL: http://dugward.ru/library/kizevetter/kizevetter_na_rubeje.html (access date: 22.06.2023).

Kocheshkov G.N., Saraeva E.L. *Istoriko-kul'turnye istoki fevral'skogo revoliutsionnogo krizisa 1917 g.: idei liderov Progressivnogo bloka* [The historical and cultural origins of the February revolutionary crisis of 1917: the ideas of the leaders of the Progressive Bloc]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], 2018, No. 65, pp. 300-317. (In Russ.)

Maklakov V.A. *Zakonnost' v russkoj zhizni* [Legality in Russian life]. URL: <https://uchimsya.com/a/pN2S0GIW> (дата обращения: 30.04.2023)

Maklakov V.A. *Pervaia Gosudarstvennaia дума. Vospominaniia sovremennika 27 apreliia – 8 iulia 1906 g.* [The First State Duma. Memories of a contemporary 27 April – 8 July]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2006a, 335 p. (In Russ.)

Maklakov V.A. *Vlast' i obshchestvennost' na zakate staroi Rossii (vospominaniia sovremennika)* [Power and the public at the sunset of old Russia (memories of a contemporary)]. Parizh, Izd. zhurn. Illiustrirovannaia Rossiia Publ., 1936, 617 p. (In Russ.)

Miliukov P.N. *Vospominaniia (1859–1917)* [Memoirs 1859–1917], in 2 vols., vol. 1. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, 446 p. (In Russ.)

Osnovnye gosudarstvennye zakony [Basic state laws]. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* [Russian legislation of the X-XX centuries]. Moscow, Iuridicheskaja literatura Publ., 1994, vol. 9, pp. 43-51. (In Russ.)

Parakhin A.S. *Obshhie i razdeljajushhie voprosy partii i sojuza 17 oktjabrja* [General and dividing issues of the party and the Union on October 17]. *Klio* [Clio], 2022, No. 3 (183), pp. 85-90. (In Russ.)

Saraeva E.L. *Vospriiatie kadetami Osnovnyh gosudarstvennyh zakonov v period raboty Pervoj Gosudarstvennoj dumy: idei V.A. Maklakova* [Perception by cadets of the Basic state Laws during the work of the First State Duma: V.A. Maklakov's ideas]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2021, vol. 27, No. 4, pp. 17-26. (In Russ.)

Seleznev P.S., Ponomarev N.A., Titov T.V., Mitrakhovich S.P. *Obrazy budushhego Rossii v narrative krupnejshih liberal'nyh partij nachala XX v.* [Images of the future of Russia in the narrative of the largest liberal parties of the early XX century]. *Bylye gody* [Bygone Years], 2023, No. 18 (1), pp. 494-502. (In Russ.)

Soloviev K.A. *Samoderzhavie i konstitucija: Politicheskaja povsednev-nost' v Rossii v 1906–1917 gg.* [Autocracy and the Constitution: Political Everyday Life in Russia in 1906-1917]. Moscow, New Literary Review Publ., 2019a, 352 p. (In Russ.)

Soloviev K.A. *Vasilij Maklakov i zemskij liberalizm* [Vasily Maklakov and zemsky liberalism]. *Polylog* [Polylogue], 2019b, vol. 3, No. 2. URL: https://polylogos-journal.ru/index.php?dispatch=products.print_publication&product_id=5572&format=pdf (access date: 03.23.2023). (In Russ.)

Tumanova A.S. *Konstitucionnaja reforma 1905–1906 gg. v vospriiatii jelity rossijskogo obshhestva* [Constitutional reform of 1905-1906 in the perception of the elite of Russian society]. URL: https://www.hse.ru/data/2013/12/17/1338127796/5.%20Туманова%20А.С._конституц.%20reform.pdf (access date: 03.23.2023). (In Russ.)

Witte S.Y. *Selected memoirs*. Moscow, Mysl Publ., 1991, 708 p.

Wartenweiler D. *Civil Society and Academic Debate in Russia 1905–1914*. New York, 1999, 252 c.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 30.10.2023.

The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 30.10.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 34–40. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 34–40. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 37.015

EDN SJGXLO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-34-40>

ОБ УРОВНЕ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Белов Андрей Михайлович, доктор исторических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, belovi_1957@mail.ru

Галинская Оксана Юрьевна, преподаватель-исследователь, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, oknikitina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4647-0185>

Аннотация. Проведенные в России в 60–70-е годы XIX в. реформы способствовали индустриальному развитию страны, но наряду с изменениями в экономике не менее масштабными были изменения и в социокультурной сфере. Благодаря массовой мобильности населения после отмены крепостного права в общее социокультурное движение были вовлечены представители разных сословий. Одним из важных показателей социальной модернизации российского общества стал изменившийся уровень грамотности населения, вызванный потребностью в грамотных кадрах для растущей промышленности, транспорта, сферы коммуникаций и управления. В статье на примере Костромской и Ярославской губерний показана динамика изменения уровня грамотности населения в конце XIX – начале XX вв., который превышал общероссийские показатели как по городскому, так и по сельскому населению, что было связано с успешной реализацией государственной политики в сфере образования, последствиями введения нового военного устава 1874 года и особенностями социально-экономического развития губерний, связанными с развитыми отходническими промыслами.

Ключевые слова: губернский город, модернизация, грамотность населения, сфера образования, реформы, рынок труда.

Для цитирования: Белов А.М., Галинская О.Ю. Об уровне грамотности населения Костромской и Ярославской губерний в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 34–40. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-34-40>

Research article

ON THE LEVEL OF LITERACY OF THE POPULATION KOSTROMA AND YAROSLAVL PROVINCES IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Andrey M. Belov, Doctor of Historical Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, belovi_1957@mail.ru

Oksana Yu. Galinskaya, Lecturer and researcher, Kostroma State University, Kostroma, Russia, oknikitina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4647-0185>

Abstract. The reforms carried out in Russia in the 1860-70s contributed to the industrial development of the country, but along with the changes in the economy changes in the socio-cultural sphere were no less large-scale. Due to the mass mobility of the population after the abolition of serfdom, representatives of different estates were involved in the general socio-cultural movement. One of the important indicators of the social modernisation of Russian society included the changed level of literacy of the population, caused by the need for competent personnel for the growing industry, transport, communications and management. Using the example of Kostroma and Yaroslavl provinces, the article shows the dynamics of changes in the literacy rate of the population in the late 19th – early 20th centuries which exceeded all-Russian indicators, both for urban and rural populations and was associated with the successful implementation of state policy in the field of education, the consequences of the introduction of the new Military Charter as of 1874 and the peculiarities of the socio-economic development of the provinces associated with the developed craftsmen's internal migration.

Keywords: provincial city, modernisation, literacy of population, education, reforms, labour market.

For citation: Belov A.M., Galinskaya O.Yu. On the level of literacy of the population Kostroma and Yaroslavl provinces in the late 19th – early 20th centuries. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 34–40. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-34-40>

До периода реформ 1860–70-х гг. система образования была доступна для определенных сословий, при этом для значительной части населения наличие образования не имело практической ценности и не влияло на карьерные условия и повышение уровня жизни. Но промышленная революция ускорила процесс технологического обновления российских предприятий, что повысило спрос на технических специалистов, а также на работников с элементарными знаниями и общекультурным уровнем. В этой связи образование стало определяющим фактором при подготовке специалистов для растущей российской экономики, и в этом качестве создание образовательного потенциала связано с формированием и развитием экономического потенциала страны в пореформенный период.

Умение читать и писать становится важным условием как в целом для развития индустриального общества, так и для участия в социокультурной и общественной жизни на уровне индивида. Грамотность начинает рассматриваться как важное и обязательное условие для получения работы и возможности дальнейшего выстраивания профессиональной карьеры. Факт включения вопроса о грамотности населения в бланки для проведения Всероссийской переписи 1897 г., итоги которой должны были предоставить информацию о результативности проведенных реформ и зафиксировать изменения в обществе, указывал на значимость данной информации для правительства.

В начале пореформенного периода в Костромской и Ярославской губерниях из-за численного превосходства сельского населения над городским общий уровень грамотности был низким. Например, в Костромской губернии в 1867 г. доля безграмотных мужчин достигала 84 %, а женщин – 98 % [Янсон: 121]. Как указывалось в ежегодном отчете костромского губернатора В.И. Доргобужина за 1871 г., «если образование крестьянских мальчиков в Костромской губернии нельзя признать удовлетворительным, то женское образование у сельских сословий следует признать существующим в такой слабой степени, что в некоторых местностях вовсе нет грамотных девочек»¹. При этом в северо-западных уездах Костромской губернии отмечалась иная картина. Здесь доля грамотных жителей городов составляла: в городе Солигаличе – 36 %, а в Чухломе – 45 %. Для сравнения, в Костроме – губернском центре – доля грамотных в этот же период составляла 40 %². Причина распространения грамотности на северо-западе губернии была связана с массовым отходом взрослого, прежде всего мужского, населения в Петербург и Москву.

В Ярославской губернии в 1887 г. из числа детей учебного возраста (от 7 до 12 лет) грамоте не обуча-

лось 19 277 мальчиков и 30 686 девочек, то есть почти 50 тыс. детей. Исходя из собранных губернским управлением данных, основными причинами непосещения школ были: удаленность школы – 33 %, «нерадение родителей об образовании детей» – 31 %, бедность – 27 % и 9 % – другие причины³.

Особенностью этого периода в обеих губерниях было несоответствие между числом учащихся и числом грамотных, отражаемых в официальных документах. С одной стороны, к грамотным, умеющим читать и писать, относили и тех, кто знал только церковнославянское чтение, но не умел ни читать, ни писать. А с другой стороны, уезды с высокой долей среди населения отходников по грамотности стояли значительно выше всех остальных уездов, но при этом число учащихся и особенно мальчиков в них этому не соответствовало. Данное несоответствие объяснялось обучением детей грамоте вне школ, по домам. «Как правило, обучение проводилось зимой или грамотными родителями-питерщиками, или каким-либо деревенским грамотеем из солдат... или питерщиков» [Жбанков: 94].

Если в Костромской губернии отходники были в основном из северо-западных уездов, то в Ярославской губернии отходнические промыслы были развиты повсеместно. С 1868 г. по 1870 г. на заработки уходило до 11 % населения Костромской губернии [Янсон: 371] и 25 % взрослого мужского населения Ярославской губернии⁴.

Ориентация населения на такие промыслы была важной особенностью, способствующей развитию грамотности, так как в столичных городах, куда в основном и уходили жители обеих губерний, грамотные работники могли найти работу быстрее, и она была более высокооплачиваемой. Поэтому и причину распространения грамотности среди населения в этих районах видели в преимуществах, которые давало знание грамоты для будущей карьеры в торговле и промышленности.

Как отмечалось в одном из описаний населения Ярославской губернии, «очень естественно, что грамотность между ярославскими крестьянами должна быть распространена гораздо больше, чем между крестьянами других губерний, ибо для промышленных людей грамотность сделалась необходимым условием: неграмотные редко попадают в услужники в лавках, в половые, маркитанты, в прикащики, в подрядчики, одним словом без грамотности нельзя занять какой-нибудь выгодной должности»⁵.

Костромская губерния была основным поставщиком маляров для всей России. Так, в 1911 г. из 41 тыс. маляров только «один уезд Костромской губернии» направил на строительные работы почти 20 тыс. человек [Большаков, Васильев, Власюк: 141]. Ярославцы в Петербурге преуспевали в торговом деле.

В большинстве случаев мальчики становились учениками в торговых заведениях сразу после окончания сельской школы (27 % ярославских торговцев в Санкт-Петербурге было моложе 18 лет) [Лурье: 134]. В 1897 г. в Петербурге было создано Ярославское благотворительное общество, которое содержало детский приют, бесплатную столовую для бедняков и безработных, убежище для приезжающих в столицу на промысел мальчиков-ярославцев.

Поэтому не случайно, что костромской земский врач Д.И. Жбанков относил северо-западные уезды Костромской губернии и Ярославскую губернию к «бабьей стороне» – край, где «мальчики отдаются в Питер раньше, чем они успеют обучиться сельским работам» [Жбанков: 20].

К началу XX в., на протяжении пореформенного периода, уровень грамотности в обеих губерниях значительно вырос. По данным переписи 1897 г., Ярославская губерния входила в число 10 губерний Европейской России с наиболее высоким процентом грамотности среди населения (36 %), а Костромская губерния была на 16-м месте среди губерний Европейской России, с уровнем грамотности населения в 24 % [Рашин: 308–309]. В среднем по России данный показатель составлял 21 %.

Среди населения губернских городов уровень грамотности был значительно выше, чем в среднем по губернии. По итогам переписи 1867 г. уровень грамотности среди жителей Костромы составлял 40 %, а в 1897 г. он вырос уже до 54 %⁶. Наиболее грамотными были лица духовного сословия, среди них процент грамотности составлял 89 %, затем шли дворяне 85 %, среди городского сословия грамотных было более половины – 57 %, а среди сельского сословия – 43 %.

Аналогичная ситуация складывалась и в Ярославле, где по данным переписи 1897 г. процент грамотного населения составлял 52 % [Бесчаснов, Троицкий: 1]. По сословиям распределение грамотных было таким же, как и в Костроме: наибольший процент грамотных был среди лиц духовного звания – 89 %, среди дворян он составлял 85 %, среди городского сословия – 58 %, а среди сельского сословия – 42 %.

Таким образом, к концу XIX в. уровень грамотности в Костроме и Ярославле был выше среднероссийского показателя по городскому населению России, который составлял 45 % [Рашин: 297].

На основании данных переписи 1897 г. в обеих губернских центрах в разрезе возрастных групп наибольший уровень грамотности отмечался в возрастной группе от 10 до 19 лет. В Костроме он достигал 82 % от всей численности группы, а в Ярославле – 79 %. Более половины от численности возрастных групп грамотные составляли также в группах 20–29 лет (68 % в Костроме и 64% в Ярославле), 30–

39 лет (59 % в Костроме и 56 % в Ярославле) и 40–49 лет (53 % в Костроме и 50 % в Ярославле).

Таким образом, именно молодое трудоспособное население губернских центров было наиболее грамотным. Из этого можно сделать вывод, что важным фактором, повлиявшим на уровень грамотности населения, была государственная политика и, в частности, проведенные реформы в сфере образования, выделение бюджетных средств на развитие сети учебных заведений, хотя их всегда не хватало и расходы на образование никогда не были первочередными.

Это подтверждает и рост количества учебных заведений, который влиял на изменение соотношения числа учащихся к общему числу жителей губерний. Если в 1871 г. данное соотношение составляло 1:115 в Костромской губернии и 1:78 в Ярославской, то в 1914 г. оно снизилось до 1:16 в Костромской губернии и 1:19 в Ярославской.

Как отмечалось в ежегодном отчете ярославского губернатора И.С. Унковского, «постоянное с каждым годом увеличение числа учебных заведений и учащихся по уездам, в которых правильно организованные училища или школы в прежнее время составляли редкость, служит лучшим доказательством того, что простой народ постепенно освобождается от векового застоя на пути умственного развития и грамотность с каждым годом более и более распространяется в сельском населении»⁷.

Дополнительным стимулом к распространению грамотности в обеих губерниях стало введение военного устава 1874 г., по которому получившие образование молодые люди наделялись льготами при отбывании воинской повинности. В частности, сокращались сроки действительной службы в зависимости от уровня образования новобранцев [Киреев: 5]. В результате введение льгот повлияло на отношение сельского населения к обучению, на что обращал внимание и костромской губернатор В.И. Доргобужинов: «Прежние недостатки школьного дела: позднее открытие училищных занятий, небрежное отношение учащихся к посещению училища... значительно изменились к лучшему. В некоторых уездах учебный год был открыт тотчас по окончании полевых работ, учащиеся стали поступать в школы единовременнее»⁸.

На примере Ярославской губернии можно показать положительную динамику по изменению численности грамотных новобранцев за 20 лет: в 1874 г. на каждую сотню новобранцев приходилось 40 чел. неграмотных, в 1894 г. – 14 чел. А уже в 1900 г. среди новобранцев, например, Угличского уезда не было ни одного неграмотного.

В дальнейшем, как отмечалось в ежегодных отчетах губернаторов, даже приходилось отказывать всем желающим учиться ввиду нехватки школьных поме-

щений. Например, в отчете ярославского губернатора Б.В. Штюмера за 1906 г. сообщалось, что сельское население... недовольствуясь начальными училищами, все более и более предъявляет запросы на училища с повышенным курсом, т. е. на двухклассные училища... с 5 летним курсом»⁹.

Историк педагогики Н.В. Чехов отмечал, что при отсутствии новых после 1897 г. данных по уровню грамотности по губерниям, данные по оценке грамотности можно было производить только по степени грамотности новобранцев. И в связи с этим указывал, что в 1905 г. Ярославская губерния относилась к числу трех российских губерний с максимальным процентом грамотных: Санкт-Петербургская (95 %), Ярославская (94 %) и Московская (89 %) [Чехов: 154].

Постепенно грамотность становится одним из важных критериев на рынке труда, например, по ряду отраслей требования к грамотности специалистов были установлены изначально при поступлении на работу.

Так, открытие в 1887 г. железнодорожного сообщения между Костромой и Ярославлем вызвало потребность в железнодорожных служащих, к которым предъявлялись обязательные требования по грамотности. Служащим приходилось заполнять значительный объем станционной отчетности, а именно: документы по службам движения, железнодорожным сборам, коммерческим операциям. Впоследствии при разрешении на железнодорожных станциях осу-

ществления почтовых и банковских операций объем отчетности возрос в несколько раз. Число книг и бланков, заполняемых служащими, достигало 444 ед. [Палибин: 2].

Требования по грамотности предъявлялись и к чиновникам почтово-телеграфного ведомства, к работе которых были также и особые требования по секретности. Телеграфисты и телефонисты давали подписку о неразглашении информации. Сотрудники ведомства сдавали внутренние экзамены на знание специальности, и, как указывалось в инструкции телеграфиста, это должны быть люди вполне грамотные, имеющие хороший и четкий почерк, знающие первые четыре правила арифметики, географию России.

Серьезные изменения произошли и в системе городского управления. Массовый приток населения в города выявил необходимость регулирования вопросов городского хозяйства и оперативного управления многочисленными процессами на местах, ранее этого периода не возникавших. «Городская жизнь потребовала такой сложной и обдуманной организации, которая еще 50–100 лет тому назад представлялась фантастической» [Семенов: 30].

В 1860-е гг. в Костромской думе отмечалось «полнейшее отсутствие... не только интеллигентных, но зачастую и грамотных работников», поэтому по причине их безграмотности им полагалась именная печать, которую они прикладывали вместо подписи [Скворцов: 2]. Но в пореформенный пери-

Таблица 1

Ведомость о движении документов Ярославской городской управы в период с 1892 по 1898 гг.¹¹

Год	Входящие документы	Исходящие документы	Документы, издаваемые городским головой
1892	3 172	3 392	234
1893	3 924	4 177	219
1894	3 999	3 867	232
1895	4 194	3 958	165
1896	4 520	4 442	159
1897	4 905	4 813	190
1898	5 411	7 267	142

Таблица 2

Ведомость о движении документов Костромского городского общественного управления в период с 1892 по 1898 гг.¹²

Год	Входящие документы	Исходящие документы	Число дел, решенных городской думой
1892	5 923	2 854	110
1893	6 550	3 422	154
1894	6 515	3 452	143
1895	6 456	3 320	159
1896	6 600	3 138	153
1897	6 741	3 881	190

од безграмотность представителей власти исключала возможность для продвижения по службе, а грамотность для представителей городского управления становится нормой, необходимой для исполнения служебных обязанностей. По подсчетам российского историка Б.Н. Миронова, нагрузка на чиновника в конце XIX – начале XX вв. только по обработке деловой документации возросла в 15 раз¹⁰, что подтверждает и количество входящих и исходящих документов в управы Костромы и Ярославля (табл. 1, 2).

Несмотря на отсутствие требований по грамотности к рабочим кадрам, крупные промышленные предприятия городов в пореформенный период строят собственные фабричные школы для детей рабочих и воскресные школы для взрослых. Например, на льнопрядильной и ткацкой фабрике (Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры) содержалась школа на 700 учащихся с 18 преподавателями. А Товарищество Большой Ярославской мануфактуры в начале XX в. содержало школу на 600 чел. и читальный зал на 1500 чел. В периодической печати также начинают публиковаться объявления о поиске прислуги, чья грамотность становится одним из требований для получения места: «требуется мальчик грамотный в кондитерское заведение...» или «нужна девочка, умеющая читать, от 10–11 лет...» [Костромской листок: 4], то есть в городах растет спрос и на грамотную прислугу.

Потребность в грамотных кадрах подтверждает и рост числа городских учебных заведений. Если в губернии за их открытие и содержание отвечали губернские земства, то в городах – городские общественные управления. В соответствии с введением Городового положения содержание учебных заведений было отнесено к городским расходам, поэтому расширение городской сети учебных заведений зависело от доходов городов.

Из числа светских учебных заведений наиболее быстрыми темпами росли низшие и специальные средние заведения, именно они давали специализированные знания и практические навыки, что как раз и снижало отчасти дефицит технических кадров. Данная тенденция была общероссийской. В январе 1890 г. в Петербурге состоялся I съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, настоятельная потребность в котором остро осознавалась российской промышленностью. По данным Департамента торговли и мануфактуры в России из 21 800 чел., заведующих фабричной и заводской промышленностью, техническое образование имели менее 7 % управленцев (1 471 чел.) [Федоров: 15].

В 1872 г. Ярославская дума совместно с губернским земством возбудила ходатайство об учреждении в Ярославле реальной гимназии. Но реальное училище открылось в городе только в 1907 г. К 1913 г.

Ярославль имел: 1 высшее учебное заведение – Демидовский лицей; 8 средних общеобразовательных заведений – 2 мужских и 5 женских гимназий, реальное училище; 10 специальных (средних и низших) заведений – кадетский корпус, духовную семинарию, одно мужское и два женских духовных училища, техническое училище с ремесленной школой, мужское коммерческое училище, городскую торговую школу, сельскохозяйственную школу, фельдшерскую школу.

В отличие от Ярославля, из-за ограниченности городских доходов в Костроме не хватало средств на расширение существующих и тем более на создание новых учебных заведений. В конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. на протяжении ряда лет в отчетах костромских губернаторов указывалось на тесноту помещений единственной в городе губернской гимназии и ввиду этого – невозможность увеличения численности учащихся. В частности, в отчете костромского губернатора Н.Е. Андреевского говорилось, что «на расширение же и приспособление здания с большими удобствами пока рассчитывать нельзя, по неимению на это средств»¹³.

Но даже при существующих проблемах в Костроме росло число специальных учебных заведений. К 1913 г. в губернском центре существовало 4 гимназии, реальное училище, 2 промышленных училища им. Ф.В. Чижова, землемерное училище, духовная семинария, епархиальное¹⁴ женское училище, учительская семинария, 2 высших начальных училища, 3 частных училища, торговая школа. В отличие от Ярославля в Костроме не было высших учебных заведений, хотя в 1913 г. Комиссией при Государственной думе по ознаменованию 300-летнего юбилея Дома Романовых разрабатывался проект учреждения в Костроме Романовского педагогического института.

Таким образом, особенности развития губерний и ориентация населения обеих губерний на отход в столичные города способствовали развитию грамотности, значимость и практическая польза от которой осознается как необходимое условие при трудоустройстве в торговле и промышленности. Благодаря социально-экономическим изменениям и технологическому обновлению промышленных предприятий растет спрос на грамотных управленцев, технически грамотных специалистов, что приводит к расширению числа учебных заведений и их специализации и изменению критериев на рынке труда.

Примечания

¹ Обзор Костромской губернии за 1871 год: приложение ко всеподданейшему отчету Костромского губернатора. Кострома, 1872. С. 70. URL: <http://elibrary.ru/nodes/14647-za-1871-god-1872> (дата обращения: 25.11.2023).

² Материалы для статистики Костромской губернии. Кострома: Губернская типография, 1870. Вып. 1. С. 9–39. URL: <http://shpl.dlibrary.org/ru/nodes/83518-vur-1-1870> (дата обращения: 24.11.2023).

³ Обзор Ярославской губернии за 1887 год: приложение ко всеподданейшему отчету Ярославского губернатора. Ярославль: Тип. губернского правления, 1888. С. 50. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/55826-za-1888-god-1889> (дата обращения: 25.11.2023).

⁴ Обзор Ярославской губернии за 1876 г.: приложение ко всеподданейшему отчету Ярославского губернатора. Ярославль: Тип. губернского правления, 1877. С. 44. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/40971-za-1876-god-1877> (дата обращения: 22.11.2023).

⁵ Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 год. Ярославль: Губ. тип., 1863. С. 75. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_v19_rc_13_51746?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 24.11.2023).

⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 18. Костромская губерния / Изд. центр. Стат. комитета МВД. Санкт-Петербург: Тип. СПб. акц. общ. бум. и писчего дела в России, 1903. С. VI. URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/16069> (дата обращения: 22.11.2023).

⁷ Обзор Ярославской губернии за 1872 год: приложение ко всеподданейшему отчету Ярославского губернатора. Ярославль: Тип. губернского правления, 1873. С. 52–53. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/40967-za-1872-god-1873> (дата обращения: 22.11.2023).

⁸ Обзор Костромской губернии за 1875 год: приложение ко всеподданейшему отчету Костромского губернатора. Кострома, 1876. С. 36–37. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/14651-za-1875-god-1876> (дата обращения: 25.11.2023).

⁹ Обзор Ярославской губернии за 1906 год: приложение ко всеподданейшему отчету Ярославского губернатора. Ярославль: Тип. губернского правления, 1907. С. 61. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/55838-za-1906-god-1907> (дата обращения: 22.11.2023).

¹⁰ Миронов Б.Н. Проблема «недоуправления» Российской империей и кризис процессов модернизации // Первый международный Петербургский исторический форум (29.10.2019 – 03.11.2019). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hVJ9UDk2VmY> (дата обращения: 20.11.2023).

¹¹ Сосчитано по отчетам Ярославской городской управы за период с 1892 по 1898 гг.

¹² Отчет Костромской городской управы за 1903 год. Кострома: губернская типография, 1904. 519 с.

¹³ Обзор Костромской губернии за 1880 год: приложение ко всеподданейшему отчету Костромского губернатора. Кострома, 1881. С. 32. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/14656-za-1880-god-1881> (дата обращения: 25.11.2023).

Список литературы

Бесчаснов П.А., Троицкий Н.А. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Вып. 50. Ярославская губерния / под ред. Н.А. Троицкого. Санкт-Петербург: Тип. кн. В.П. Мещерского, 1904. 233 с.

Жбанков Д.Н. Бабыя сторона: Статистико-этнографический очерк. Кострома: Губернская типография, 1891. 140 с.

Киреев А.Ф. Устав о всеобщей воинской повинности с разъяснениями о правах и льготах по образованию и семейному положению. Москва: Тип. Лебедева, 1879. 36 с.

Лурье Л.Я. Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. Санкт-Петербург: БВХ-Петербург, 2011. 288 с.

Объявления // Костромской листок. 1893. 4 янв.

Очерки истории строительной техники России XIX – начала XX веков / В.В. Большаков, И.Г. Васильев, А.И. Власюк и др. Москва: Изд-во литературы по строительству, 1964. 369 с.

Палибин Н. Упрощение станционной отчетности // Железнодорожник. 1905. 4 янв. С. 2–4.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки / под ред. акад. С.Г. Струмилина. Москва: Гос. стат. изд-во, 1956. 352 с.

Семенов В.Н. Благоустройство городов, Москва: Тип. П.П. Рябушинского, 1912. 184 с.

Скворцов Л. Очерк истории г. Костромы // Костромской Поволжский вестник. 1908. 19 дек. С. 2.

Федоров И. Фабричная промышленность и техническое образование // Технический сборник и вестник промышленности. 1890. № 1. С. 15.

Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX века. Москва: Польза, 1912. 224 с.

Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика России и западно-европейских государств. Т. 1. Территория и население. Санкт-Петербург: Тип. М. Стасюлевича, 1878. 372 с.

References

Beschasnov P.A., Troitskii N.A. *Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 goda*. Вып. 50. *Iaroslavskaiia guberniia* [The first general census of the Russian Empire in 1897. Vol. 50. Yaroslavl province], ed. by N.A. Troitskii. Saint Petersburg, Tipografiia Kn. V.P. Meshcherskogo Publ., 1904, 233 p. (In Russ.)

Chehov N.V. *Narodnoe obrazovanie v Rossii s 60-h gg. XIX veka* [Public education in Russia since the 60s. 19th century]. Moscow, Knigoizdatel'stvo Pol'za Publ., 1912, 224 p. (In Russ.)

Fedorov I. *Fabrichnaja promyshlennost' i tehniceskoe obrazovanie* [Factory industry and technical education]. *Tehnicheskij sbornik i vestnik promyshlennosti*

nosti [Technical collection and industry newsletter], 1890, No. 1, p. 15. (In Russ.)

Janson Ju. Je. *Sravnitel'naja statistika Rossii i zapadno-evropejskih gosudarstv. T. 1. Territorija i naselenie* [Comparative statistics of Russia and Western European countries. Vol. 1. Territory and population]. Saint Petersburg, Tip. M. Stasjulevicha Publ., 1878, 372 p. (In Russ.)

Kireev A. F. *Ustav o vseobshhej voinskoj povinnosti s raz'jasnenijami o pravah i l'gotah po obrazovaniju i semejnomu polozheniju* [Charter on universal military service with explanations of rights and benefits based on education and marital status]. Moscow, Tip. Lebedeva Publ., 1879, 36 p. (In Russ.)

Lur'e L. Ja. *Pitershhiki. Russkij kapitalizm. Pervaja popytka* [Petersburgers. Russian capitalism. First try]. Saint Petersburg, BVH-Peterburg Publ., 2011, 288 p. (In Russ.)

Ob'javlenija [Advertisements]. *Kostromskoj listok* [Kostromskoj listok]. 1893, 4 Janv. (In Russ.)

Oчерки истории строител'noj tehniki Rossii XIX – nachala XX vekov [Essays on the history of construction equipment in Russia in the 19th – early 20th centuries], V. V. Bol'shakov, I. G. Vasil'ev, A. I. Vlasjuk et al. Moscow, Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu Publ., 1964, 369 p. (In Russ.)

Palibin N. *Uproshhene stancinnoj otchetnosti* [Simplified station reporting]. *Zheleznodorozhnik* [Railway worker], 1905, 4 Janv., pp. 2-4. (In Russ.)

Rashin A. G. *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.): statisticheskie oчерki* [Population of Russia for 100 years (1811-1913): statistical essays], ed. by S. G. Strumilina. Moscow, Gos. stat. izd-vo Publ., 1956, 352 p. (In Russ.)

Semenov V. N. *Blagoustrojstvo gorodov* [Urban improvement]. Moscow, Tip. P. P. Rjabushinskogo Publ., 1912, 184 p. (In Russ.)

Skvorcov L. *Oчерk istorii g. Kostromy* [Essay on the history of Kostroma]. *Kostromskoj Povolzhskij vestnik* [Kostroma Povolzhsky Vestnik], 1908, 19 December, p. 2. (In Russ.)

Zhbankov D. N. *Bab'ja storona: statistiko-jetnograficheskiy oчерk* [Woman's side: statistical and ethnographic essay]. Kostroma, Gubernskaja tipografija Publ., 1891, 140 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 30.10.2023.

The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 30.10.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 41–47. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 41–47. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470)''1918/1920''

EDN DWFXXM

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-41-47>

УКРЕПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ В МАТЕРИАЛАХ ВЦИК И СНК В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Родионов Александр Николаевич, адъюнкт, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, rodionov_aleksandr91@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2792-2953>

Аннотация. В данной статье представлен вклад ВЦИК и СНК как высших государственных органов власти в становлении военной мощи молодой Советской республики. Рассмотрен первый опыт принятия военных решений в документах ВЦИК и СНК по созданию и укреплению вооруженных сил страны. По итогам исследования сделан вывод о роли ВЦИК и СНК в деле проработки вопросов военного характера в структурах органов государственной власти Советского государства в период его формирования. При написании статьи автором использован ряд новых, ранее не известных исследователям документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации.

Ключевые слова: военное строительство, ВЦИК, декрет, Красная армия, РСФСР, СНК, Советская Республика, съезд Советов.

Для цитирования: Родионов А.Н. Укрепление Красной Армии в материалах ВЦИК и СНК в годы Гражданской войны // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 41–47. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-41-47>

Research article

STRENGTHENING THE RED ARMY IN THE PROCEEDINGS OF THE ALL-RUSSIA CENTRAL EXECUTIVE COMMITTEE AND THE COUNCIL OF PEOPLE'S COMMISSARS DURING THE CIVIL WAR

Alexander N. Rodionov, postgraduate student, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia, rodionov_aleksandr91@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2792-2953>

Abstract. This article presents the contribution of the All-Russia Central Executive Committee and the Council of People's Commissars as the highest state authorities in the formation of the military power of the young Soviet Republic. The first experience of making military decisions in the documents of the All-Russia Central Executive Committee and the Council of People's Commissars on the creation and strengthening of the armed forces of the country is considered. According to the results of the study, the conclusion is made about the role of the All-Russia Central Executive Committee and the Council of People's Commissars in the development of military issues in the structures of public authorities of the Soviet state in the period of its formation. When writing the article, the author used a number of new, previously unknown to researchers documents stored in the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: military construction, All-Russia Central Executive Committee, decree, Red Army, Russian Socialist Federative Soviet Republic, Council of People's Commissars, Soviet Republic, Congress of Soviets

For citation: Rodionov A.N. Strengthening the Red Army in the proceedings of the All-Russia Central Executive Committee and the Council of People's Commissars during the Civil War. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 41–47. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-41-47>

Введение. С первых дней победы Октябрьской социалистической революции II Всероссийский съезд Советов принял воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», в котором постановил, что «...вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [Ленин 35: 11–12], основал Всероссийский центральный исполнительный комитет (далее – ВЦИК) как новый высший законодательный, распределительный и контролирующий орган советской власти и Совет народных комиссаров (далее – СНК) как высший коллегиальный орган исполнительной и распорядительной власти. Таким образом, де-юре Съезд оформил свою власть в форме республики Советов¹ [Завгородний: 66].

Высшие государственные органы власти в деле поддержки Красной армии и флота. Первоначально в состав ВЦИК вошел 101 человек, 62 из которых являлись большевиками [Максимова: 112]. Анализ архивных источников показал, что в период с 1917 по 1921 г. в состав ВЦИК входили следующие отделы: финансовый, военный, казачий, советской пропаганды, хозяйственно-продовольственный и др. Все они в тяжелое для страны время прорабатывали военные вопросы законодательного характера по линии армии и флота. Первым председателем ВЦИК был Лев Борисович Каменев, позже на его смену пришел Яков Михайлович Свердлов² [Бондаренко: 73].

СНК РСФСР был образован до созыва Учредительного собрания с целью управления страной Временным правительством, то есть для осуществления высшей коллегиальной исполнительной и распорядительной власти в стране. Так как эсеры отказались принимать участие в работе правительства, возглавляемого Владимиром Ильичем Лениным, его состав был полностью большевистским. Отметим, что СНК также осуществлял многогранную деятельность по вопросам военного строительства и укреплению армии и флота [Бондаренко: 74].

Таким образом, законодательным правом были наделены три органа, которые сыграли ключевую роль в становлении и укреплении Красной Армии и флота: Всероссийский съезд Советов и его ВЦИК, а также возглавляемый лидером государства В.И. Лениным – СНК.

Впоследствии военная интервенция и Гражданская война потребовали перестроить всю деятельность высших государственных органов власти и управления применительно к военным условиям. В этой обстановке выстоять и выдержать натиск превосходящих сил врага можно было при условии, если все силы республики, все ее материальные ресурсы будут разумно и целеустремленно направлены на решение задач обороны, если в стране будет создан революционный порядок, исключающий возможность врагам изнутри парализовать жизнь социалистического государства.

Большое гражданское противостояние – «окаянные дни» (по Ивану Алексеевичу Бунину) – создали для молодого Советского государства смертельную угрозу. «Наша страна попала опять в войну», – указывал Ленин, выступая на заседании ВЦИК 29 июля 1918 г.: «И исход революции зависит теперь всецело от того, кто победит в этой войне... весь вопрос о существовании Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, весь вопрос российской социалистической революции свелся к вопросу военному» [Ленин 37: 1–2; 14–15].

Сложнейшей проблемой, которую пришлось решать Советской России, являлось поддержание на должном уровне и повышение боевой способности Красной Армии. Важнейшими направлениями деятельности ВЦИК и СНК стали вопросы формирования, мобилизации, комплектования Красной армии, ее всестороннее экономическое и материально-техническое обеспечение.

В декрете «О выборном начале и об организации власти в армии», принятом СНК 16 декабря 1917 г. подчеркивалось, что армия подвластна рабоче-крестьянскому правительству, так как вся полнота власти в пределах каждой воинской части была у Советов и солдатских комитетов. Распускались офицерские организации, отменялись все чины и звания императорской армии. Внедрялся принцип выборности командного состава, основанный на общем голосовании вплоть до полкового командира.

Непростая политическая обстановка заставила СНК 15 января 1918 г. принять декрет «О рабоче-крестьянской Красной Армии». В нем была поставлена задача перейти к созданию «новой армии, которая явится оплотом советской власти» [Валк, Обичкин: 356]. 29 января 1918 г. СНК принял декрет о создании рабоче-крестьянского Красного флота.

Красная Армия стала более демократической в своей организации. После прихода большевиков к власти были созданы воинские советы, которые олицетворяли принцип демократии в армии. В их состав входили представители солдат и матросов, через которых красноармейцы имели возможность влиять на принимаемые решения в советах.

Проанализировать перспективы военного строительства молодой Советской республики в годы Гражданской войны и в первой половине 1920-х годов помогают работы одного из создателей Красной Армии, наркома по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета Советской республики в 1918–1924 гг. Льва Давидовича Троцкого [Троцкий], а также труды исследователей о нем как политике-руководителе Красной Армии и военном теоретике [Васецкий; Каршин; Емельянов; Дойчер]. Так, в своих исследованиях А.Г. Кавтарадзе, В.В. Каминский, А.В. Ганин отмечают, что одной из идей Л.Д. Троц-

кого в военном строительстве молодой республики стала активно реализуемая в стране практика привлечения на службу старых военных специалистов и их опыта работы в интересах советской власти [Кавтарадзе; Каминский; Гапин; Смирнова; Абинякин; Рахимов].

Последнее обстоятельство порождало проблему доверия к командирам, которую большевики пытались решить введением института военных комиссаров. Они следили за политической лояльностью и идеологическим соответствием солдат и офицеров бывшей царской армии.

В Красной Армии активно проводилась политическая индоктринация с целью укрепления идеологической лояльности к большевикам и их идеям. Коммунистическая пропаганда играла важную роль в армейской жизни. Под властью большевиков устранялись привилегии офицеров и военной аристократии. Все члены армии стали подвержены одинаковым условиям обслуживания, дисциплине и наказаниям. Большевики применяли жесткие меры в отношении дезертиров и тех, кто не выполнял приказы. Открытые дезертиры подвергались наказаниям, включая казнь. Это создавало страх и служило средством укрепления дисциплины.

В целом укрепление дисциплины в Красной Армии происходило за счет комбинации политической индоктринации, демократического участия в управлении военными подразделениями, устранения привилегий, жестких мер в отношении нарушителей и систематического обучения военнослужащих.

Создание Красной Армии и флота, составных частей военной организации Советского государства, можно разделить на два этапа: первый этап – добровольное комплектование (октябрь 1917 г. – апрель 1918 г.), второй – комплектование на основе обязательной военной службы (май 1918 г. – декабрь 1920 г.) [Шойгу, Булгаков, Березин: 48].

Основу Красной Армии и флота составили трудящиеся классы. На принципах добровольности вступить в ряды вооруженных сил возможно было при поручительстве войсковых комитетов и партийных, профсоюзных организаций. Этот принцип возник из-за отсутствия необходимых инструментов нового правительства для организации мобилизации и из-за нежелания населения участвовать в войне.

Главным органом управления Красной Армией был СНК. Управление армией в значительной степени выполнялось через Комиссариат по военным делам и созданную при нем Всероссийскую коллегию.

В армии и во флоте создавались институты военных комиссаров, которые являлись уполномоченными представителями партии и советской власти. Отмечая их роль и место в вооруженных силах, V Всероссийский съезд Советов указал: «На посты военных ко-

миссаров, которым поручается судьба армии, должны ставиться лишь безупречные революционеры, стойкие борцы за дело пролетариата и деревенской бедноты» [Голуб, Найда, Алахвердинов: 141].

В марте 1918 г. в Красную Армию добровольно вступили свыше восьми тысяч бывших офицеров и генералов царской армии, вследствие того что СНК легализовал привлечение военных специалистов (далее – военспецов) [Голуб, Найда, Алахвердинов: 144–146].

Военные комиссары контролировали военспецов, пресекали любые попытки ослабить армию и через коммунистов претворяли в войсках политическую волю партии.

Одной из самых трудных проблем, с которой пришлось столкнуться высшим государственным органам власти в деле строительства армии нового типа, являлась проблема создания командных кадров. Ленин подчеркивал: «Рабочий класс должен дать людей, способных управлять государством и стать командирами, тогда социалистическая армия будет действительно социалистической, где будет офицерский состав, обновленный участием красных офицеров» [Ленин 28: 342]. В этой связи власть стала создавать военные школы для подготовки командных кадров пролетарской армии из рабочих и трудящихся крестьян. Важное значение советское руководство придавало политическому воспитанию личного состава вооруженных сил, видя в этом важнейшее условие их боеспособности [Голуб, Найда, Алахвердинов: 157–182].

С ухудшением обстановки в стране весной 1918 г. началась иностранная военная интервенция. В связи с этим ВЦИК принял декрет от 22 апреля 1918 г., который ввел обязательную всеобщую воинскую службу в России. Это решение было подтверждено V Всероссийским съездом Советов, который провозгласил: «На каждом честном и здоровом гражданине в возрасте от 18 до 40 лет лежит долг по первому зову Советской республики встать на ее защиту от внешних и внутренних врагов» [Голуб, Найда, Алахвердинов: 139–140]. Принцип выборности командного состава был заменен их назначением. В статье 19 Конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г., предписывалась всеобщая воинская обязанность, что означало, что каждый гражданин имел общий долг защищать социалистическое Отечество. Важно отметить, что рабочие и трудящиеся были признаны почетными защитниками революции с применением оружия, в то время как военные специалисты обязаны были следовать указаниям советской власти и занимать соответствующие должности [Герасимов: 124].

Таким образом, система обязательной воинской повинности позволила руководству страны к концу 1918 г. создать большую постоянную армию. В Крас-

ную Армию в то время входило 12 армий, состоящих из 42 стрелковых и 3 кавалерийских дивизий.

В сентябре 1918 г. ВЦИК создал Революционный военный совет Республики (далее – РВСР), тем самым объявил Советскую республику военным лагерем. Он был подчинен непосредственно СНК и ВЦИК и в годы Гражданской войны являлся высшей военной властью в стране.

Роль ВЦИК и СНК в организации тыла для обеспечения военных нужд. Для достижения победы в войне был необходим прочный тыл. В.И. Ленин отмечал: «Война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации» [Ленин 39: 321]. Молодая Советская республика соединила воедино фронт и тыл, основу прочности которого составляла сплоченная в сложных, постоянно меняющихся условиях военно-политической обстановки, грамотная работа исполнительного комитета и правительства.

Условия войны вынудили руководство внести изменения в экономическую политику советской власти, выработанную Лениным весной 1918 г. Блокада и разруха народного хозяйства создавали неимоверные трудности: в стране был голод, свирепствовали болезни, не хватало топлива и сырья для промышленности [Кубланов: 77]. В этих условиях только централизованное, планомерное использование ограниченных ресурсов республики могло обеспечить необходимый минимум продовольствия для Красной Армии, а также предметов военного снабжения, без которого вообще невозможно успешно вести вооруженную борьбу. Война потребовала перестроить работу всей промышленности на военный лад с целью успешного решения задач.

Согласно декрету СНК, принятому 8 апреля 1918 г., в задачи всех учрежденных военкоматов входили организация, снабжение, обеспечение и улучшение условий для войсковых частей, размещенных на их территории.

Советское правительство национализировало крупную и поставило под свой контроль среднюю и мелкую промышленность. Вместе с тем была организована централизация руководства Вооруженными силами Республики и их материально-технического обеспечения. Так, в марте 1918 г. Лев Давидович Троцкий возглавил объединенный наркомат, состоящий из упраздненных Народного комиссариата по военным делам и Народного комиссариата по военноморским делам. Также был учрежден инспекторат при Высшем военном совете, ведавший снабжением действующей армии. В его состав входили военно-хозяйственный инспектор, инженер по санитарной части, начальник военных сообщений, а также инспектор артиллерии. Управление промышленностью было строго централизовано [Голуб, Найда, Алахвердинов:

238–241]. Все это позволило использовать имевшиеся в стране средства промышленного производства для нужд обороны.

Несмотря на огромные трудности, многие предприятия постепенно увеличивали выпуск продукции, в том числе боеприпасов и вооружения. Важным этапом в формировании регулярной Красной Армии в вопросах ее тылового обеспечения была передача всех задач по формированию и обеспечению войск от местных органов советской власти в специально созданные военные органы управления [Голуб, Найда, Алахвердинов: 247].

Исключительную остроту в условиях военной интервенции и Гражданской войны приобрел продовольственный вопрос. Необходимо было наладить бесперебойное снабжение продовольствием Красной Армии.

III Всероссийский съезд Советов в январе 1918 г. заявил, что торговля хлебом как на внутреннем, так и на внешнем рынках должна быть контролируемой государством монополией. Далее, декретами ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г. была введена «продовольственная диктатура». В то же время СНК принял решение о введении военного положения на всей территории страны и мобилизации всех надежных частей армии «...для систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива» [Голуб, Найда, Алахвердинов: 279–282].

1 января 1919 г. Совнарком РСФСР принял декрет «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства» [Голуб, Найда, Алахвердинов: 335–336].

В условиях войны была введена всеобщая трудовая повинность. Эта экономическая политика вошла в историю под названием «военный коммунизм». Она основывалась на коммунистической идеологии превращения страны в единый военный лагерь с центральным управлением всеми хозяйственными процессами.

Таким образом, структура тыла позволяла быстро решать трудные задачи тылового обеспечения войск в сложных военно-политических и экономических условиях.

Заключение. Документы ВЦИК и СНК, принятые в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны, свидетельствуют о том, что данные высшие государственные органы власти и управления осуществили крупную организаторскую работу по укреплению обороны страны в критически важный период истории.

Одним из важнейших моментов стало указание III Всероссийского съезда Советов в январе 1918 г. о том, что торговля хлебом как на внутренних, так и на внешних рынках должна быть государственной монополией. Это было критически важным мероприятием

тием в условиях военных действий, так как обеспечение продовольствием военных и гражданского населения стало наивысшим приоритетом.

Далее, декреты ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г. ввели «продовольственную диктатуру», что означало централизацию и контроль над всеми аспектами продовольственной сферы, включая производство, распределение и регулирование цен на продукты. Это было необходимо для обеспечения армии и гражданского населения продовольствием в условиях Гражданской войны и интервенции.

Важно отметить, что СНК приняло также решение о введении по всей стране военного положения и мобилизации всех надежных частей армии для систематических военных операций, включая завоевание, освобождение, сбор и транспортировку хлеба и топлива. Эти меры были необходимы для обеспечения войск необходимыми ресурсами и для поддержания их боеспособности.

Свою деятельность высшим органам государственной власти и управления приходилось строить в сложных условиях: так, задачи организации борьбы на фронтах, военного строительства, материально-технического обеспечения и других важнейших военных вопросов жизни Красной Армии решались параллельно.

Однако, как и в любой кризисной ситуации, существовали недостатки и сложности. Многие сотрудники, участвовавшие в организации военных мероприятий, были неопытными, что могло сказаться на эффективности решений. Кроме того, материально-техническое обеспечение часто было недостаточным, что затрудняло выполнение многих задач.

Тем не менее система высших государственных органов власти и управления продемонстрировала свою жизнеспособность и способность адаптироваться к сложным обстоятельствам. Эти усилия и действия позволили создать многомиллионную Красную Армию и в конечном итоге одержать победу в Гражданской войне.

Примечания

¹ ВЦИК, согласно статье 3 Конституции РСФСР, являлся в период между Всероссийскими съездами Советов носителем верховной власти в РСФСР. См.: Большая советская энциклопедия: в 51 т. Т. 13 / под ред. О.Ю. Шмидта. Москва: Советская энциклопедия, 1929. С. 649–650.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р1235. Оп. 78. Д. 1. Л. 4.

Список литературы

Абинякин Р.М. Изменение численности бывших офицеров начальствующего РККА в 1920-е годы // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 18–21.

Бондаренко Е.Ю. История государственного управления России. Тихоокеанский институт дистанционного образования и технологий. Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 2001. 118 с.

Валк С.Н., Обичкин Г.Д. Декреты Советской власти: в 14 т. Москва: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. 1. 626 с.

Васецкий И.А. Троцкий. Опыт политической биографии. Москва: Республика, 1992. 350 с.

Гагин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: справочные материалы. Москва: Русский путь, 2009. 894 с.

Герасимов Г.И. Деятельность высших военных коллегиальных органов по повышению боеспособности Красной Армии (1921 – июнь 1941 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2020. 489 с.

Голуб П.А., Найда С.Ф., Алахвердинов Г.Г. [и др.]. Из истории Гражданской войны в СССР: сб. документов и материалов: в 3 т. Т. 1. Москва: Советская Россия, 1960. 854 с.

Дойчер И. Троцкий. Вооруженный пророк, 1879–1921: пер. с англ. Москва: Центрполиграф, 2006. 252 с.

Емельянов Ю.В. Троцкий: мифы и личность. Москва: Вече, 2003. 477 с.

Завгородний А.Ф. Деятельность государственных органов и общественно-политических организаций по социальной защите военнослужащих Красной Армии и их семей в межвоенный период (1921 – июнь 1941 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2001. 405 с.

Кавтарадзе Ю.И. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. Москва: Наука, 1988. 276 с.

Каминский В.В. Некоторые особенности политики большевиков по отношению к «лицам Генштаба» (конец 1917 – 1918 гг.). Санкт-Петербург: Нестор, 2000. 34 с.

Каршин Ю.Я. Лев Троцкий – военный теоретик. Клинец: Изд-во Клинец. гор. тип., 2003. 335 с.

Кубланов А.Л. Совет Рабочей и Крестьянской обороны. Москва: Изд. ЛГУ им. А.А. Жданова, 1975. 256 с.

Ленин В.И. Воззвание II Всероссийского съезда Советов «Рабочим, солдатам и крестьянам!» о низложении Временного правительства и переходе власти к Советам. 25 октября 1917 г. // В.И. Ленин. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 35. Москва: Изд. политической литературы, 1962. 600 с.

Ленин В.И. Доклад на II Всеросс. съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 39. 5-е изд. Москва: Изд. политической литературы, 1970. 623 с.

Ленин В.И. О войне, армии и военной науке // Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 28. 5-е изд. Москва: Изд. политической литературы, 1969. 838 с.

Ленин В.И. Речь на объединенном заседании ВЦИК, московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г. // Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 37. 5-е изд. Москва: Изд. политической литературы, 1969. 748 с.

Максимова О.Д. Законотворчество в советском государстве в 1917–1936 годах: дис. ... д-р. юрид. наук. Москва, 2015. 484 с.

Рахимов Р.Н. Дважды «заложники»: офицеры Генерального штаба в годы Гражданской войны в современной историографии // КЛИО. 2014. № 6 (90). С. 56–59.

Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России: стратегия выживания и пути интеграции. 1917–1936 гг. Москва: Мир истории, 2003. 296 с.

Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 605 с.

Троцкий Л.Д. К истории русской революции. Москва: Политиздат, 1990. 446 с.

Шойгу С.К., Булгаков Д.В., Березин Б.В. и др. Материально-техническое обеспечение Красной армии во время Гражданской войны и в межвоенный период: Военно-теоретический труд: в 5 т. Т. 1 / под общ. ред. С.К. Шойгу; ВАМТО. Санкт-Петербург, 2016. 467 с.

References

Abinyakin P.M. *Izmenenie chislennosti byvshih oficerov nachal'stvuyushchego RKKA v 1920-e gody* [Change in the number of former officers of the commanding Red Army in the 1920s]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal], 2012, No. 5, pp. 18-21.

Bondarenko E.Ju. *Istorija gosudarstvennogo upravlenija Rossii* [History of Public Administration in Russia]. Vladivostok, Dal'nevostochnyj gosudarstvennyj universitet Publ., 2001, 118 p. (In Russ.)

Dojcher I. *Trockij. Vooruzhennyj prorok, 1879–1921* [Trotsky. The Armed Prophet, 1879–1921]: trans. from Eng. Moscow, 2006, 252 p. (In Russ.)

Gapin A.V. *Korpus oficerov General'nogo shtaba v gody Grazhdanskoj vojny (1917–1922 gg.)* [Corps of General Staff officers during the Civil War 1917–1922: reference materials]. Moscow, 2009, 894 p.

Gerasimov G.I. *Dejatel'nost' vysshih voennyh kolegial'nyh organov po povysheniju boesposobnosti Krasnoj Armii (1921 – ijun' 1941 gg.)* [Activity of the highest military collegiate bodies to improve the combat effectiveness of the Red Army (1921 - June 1941)]. Moscow, 2020, 489 p. (In Russ.)

Golub P.A., Najda S.F., Alahverdinov G.G. i dr. *Iz istorii Grazhdanskoj vojny v SSSR: sbornik dokumentov i materialov: v 3 t.* [From the History of the Civil War in the USSR: Collection of Documents and Materials: in 3 vol.]. Moscow, Izd. Sovetskaja Rossija Publ., 1960, vol. 1, 854 p. (In Russ.)

Kaminskij V.V. *Nekotorye osobennosti politiki bol'shevikov po k «licam Genshtaba» (konec 1917–1918 gg.)* [Some features of the Bolshevik policy towards “persons of the General Staff” (late 1917–1918)]. St. Petersburg, 2000, 34 p.

Karshin Yu.Ya. *Trockij - voennyj teoretik. tipografii* [Leon Trotsky – military theorist]. Moscow, 2003, 335 p.

Kavtaradze Yu.I. *Voенnye specialisty sluzhbe Respubliki Sovetov 1917–1920 gg.* [Military specialists in the service of the Republic of Soviets, 1917–1920]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 276 p.

Kublanov A.L. *Sovet Rabochej i Krest'janskoj obozrony* [Workers' and Peasants' Defense Council]. Moscow, Izd. LGU im. A.A. Zhdanova Publ., 1975, 256 p. (In Russ.)

Lenin V.I. *Vozzvanie II Vserossijskogo s'ezda Sovetov «Rabochim, soldatam i krest'janam!» o nizlozhenii Vremennogo pravitel'stva i perehode vlasti k Sovetam. 25 oktjabrja 1917 g.* [Proclamation of the Second All-Russian Congress of Soviets “To Workers, Soldiers and Peasants!” on the deposition of the Provisional Government and the transfer of power to the Soviets, October 25, 1917]. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]: in 55 vols., vol. 35. Moscow, Izd. politicheskoy literatury Publ., 1962, 600 p. (In Russ.)

Lenin V.I. *Doklad na II Vserossijskom s'ezde kommunisticheskikh organizacij narodov Vostoka 22 nojabrja 1919 g.* [Report at the II All-Russian Congress of Communist Organizations of the Peoples of the East, November 22, 1919]. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]: in 55 vols., vol. 39. Moscow, Izd. politicheskoy literatury Publ., 1970, 623 p. (In Russ.)

Lenin V.I. *O vojne, armii i voennoj nauke* [On war, the army and military science]. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]: in 55 vols., vol. 28. Moscow, Izd. politicheskoy literatury Publ., 1969, 838 p. (In Russ.)

Lenin V.I. *Rech' na ob'edinennom zasedanii VCIK, moskovskogo soveta, fabrichno-zavodskih komiteetov i professional'nyh sojuzov Moskvy 29 ijulja 1918 g.* [Speech at a joint meeting of the All-Russian Central Executive Committee, the Moscow Soviet, factory committees and trade unions of Moscow on July 29, 1918]. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]: in 55 vols., vol. 37. Moscow, Izd. politicheskoy literatury Publ., 1969, 748 p. (In Russ.)

Maksimova O.D. *Zakonotvorchestvo v sovetskom gosudarstve v 1917–1936 godah* [Legislation in the Soviet State in 1917–1936]. Moscow, 2015, 484 p. (In Russ.)

Rahimov R.N. *Dvazhdy «zalozhniki»: oficerj General'nogo shtaba v gody Grazhdanskoj vojny v sovremennoj istoriografii* [Twice “hostages”: officers of the General Staff during the Civil War in modern historiography]. *KLIO* [CLIO], 2014, No. 6, pp. 56–59 (In Russ.)

Shojgu S.K., Bulgakov D.V., Berezin B.V. i dr. *Material'no-tehnicheskoe obespechenie Krasnoj armii vo vremja Grazhdanskoj vojny i v mezhoennyj period: Voенно-teoreticheskij trud* [Material and technical support of the Red Army during the Civil War and in the interwar period: Military-theoretical work]: in 5 vols., vol. 1. St. Petersburg, VAMTO Publ., 2016, 467 p. (In Russ.)

Smirnova T.M. *«Byvshie lyudi» Sovetskoj Rossii: strategiya vyzhivaniya i puti integracii. 1917–1936 gody* [“Former people” of Soviet Russia: strategy of survival and ways of integration. 1917–1936]. Moscow, Izd. dom «Mir istorii» Publ., 2003, 296 p.

Trockij L.D. *Moya zhizn'. Opyt avtobiografii* [My life: Experience of autobiography]. Irkutsk, 2001, 605 p.

Trockij L.D. *K istorii russkoj revolyucii* [To the history of the Russian revolution]. Moscow, 1990, 446 p. (In Russ.)

Valk S.N., Obichkin G.D. *Dekrety Sovetskoj vlasti* [Decrees of Soviet power]: in 14 vols., vol. 1. Mos-

cow, Gos. izd-vo polit. literatury Publ., 1957, 626 p. (In Russ.)

Vaseckij I.A. *Trockij. Opyt politicheskoy biografii* [Trotsky. Experience of political biography]. Moscow, 1992, 350 p.

Zavgorodnij A.F. *Dejatel'nost' gosudarstvennyh organov i obshhestvenno-politicheskikh organizacij po social'noj zashhite voennosluzhashhih Krasnoj Armii i ih semej v mezhoennyj period (1921 – ijun' 1941 gg.)* [Activity of state bodies and socio-political organizations on social protection of Red Army soldiers and their families in the interwar period (1921 – June 1941)]. Moscow, 2001, 405 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 05.11.2023; принята к публикации 07.11.2023.

The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 05.11.2023; accepted for publication 07.11.2023.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА СНАРЯДОВ, МИН И ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ЦЕЛЛЮЛОЗЫ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ НАРКОМАТА ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1943 ГОДА

Белгородский Валерий Савельевич, доктор социологических наук, профессор, ректор Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия, info@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7798-6742>

Дембицкий Сергей Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор, первый проректор – проректор по образовательной деятельности Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии, Дизайн. Искусство), Москва, Россия, dembitkij-sg@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8845-5875>

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Аннотация. В данной статье исследуется организация производства снарядов, мин и деталей к ним, а также хлопчатобумажной целлюлозы на предприятиях Народного комиссариата текстильной промышленности СССР в первом полугодии 1943 года. Важное внимание уделено решению вопросов по обеспечению их металлом, топливом, электроэнергией, химикатами и другими материалами. От предприятий требовалось не только произвести, но и полностью отгрузить указанную продукцию снаряжательным заводам. Благодаря слаженному управлению и производственной кооперации, несмотря на многочисленные проблемы, большинство заводов и фабрик наркомата не только устойчиво выполняли, но и значительно перевыполняли производственные задания. В статье представлена ежемесячная динамика выполнения плана по производству боеприпасов, которая в целом была положительной. Ее получение стало возможным в результате анализа приказов наркомата, хранящихся в фонде № 1689 Государственного архива Ивановской области, впервые вводимых в научный оборот. Исследованные в хронологическом порядке, они позволяют получить представление о росте потребностей действующей армии в боеприпасах и порохе в ходе и в предверии ключевых сражений Великой Отечественной войны. Категорические требования со стороны наркомата к начальникам главных управлений и директорам предприятий о необходимости безусловного выполнения установленных планов дополняют его эмоционально. Статья адресована специалистам в области истории отечественной текстильной промышленности, аспирантам, магистрантам и студентам высших учебных заведений.

Ключевые слова: Народный комиссариат текстильной промышленности СССР, Государственный комитет обороны, Совет народных комиссаров СССР, государственное управление, постановления, приказы, боеприпасы, хлопчатобумажная целлюлоза, социалистическое соревнование, трудовые достижения.

Для цитирования: Белгородский В.С., Дембицкий С.Г., Околотин В.С. Производство снарядов, мин и хлопчатобумажной целлюлозы на предприятиях Наркомата текстильной промышленности СССР в первом полугодии 1943 года // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 48–57. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-48-57>

Research article

ORGANISATION OF THE PRODUCTION OF SHELLS, MINES AND COTTON PULP AT THE ENTERPRISES OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF THE TEXTILE INDUSTRY OF THE USSR IN THE FIRST HALF OF 1943

Valery S. Belgorodsky, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia, info@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7798-6742>

Sergey G. Dembitsky, Doctor of Economic Sciences, Professor, First Vice-Rector – Prorector of Educational Activities of Kosygin Russian State University (Technology, Design. Art), Moscow, Russia, dembikij-sg@rguk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8845-5875>

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Acting Head of the Department of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Abstract. This article examines the organisation of the production of shells, mines and parts for them, as well as cotton pulp at the enterprises of the People's Commissariat of the Textile Industry of the USSR in the first half of 1943. Importance and attention is paid to solving the issues of providing them with metal, fuel, electricity, chemicals and other materials. The enterprises were required not only to produce, but also to fully ship the specified products to the equipment factories. Thanks to well-coordinated management and production cooperation, despite numerous problems, most of the factories and factories of the People's Commissariat not only steadily fulfilled, but also significantly exceeded production tasks. The article presents the monthly dynamics of the implementation of the ammunition production plan, which was generally positive. Its receipt became possible as a result of the analysis of the orders of the People's Commissariat stored in the fund No. 1689 of the State Archive of Ivanovo Region, introduced into scientific circulation for the first time. Examined in chronological order, they allow us to get an idea of the growing needs of the acting army in ammunition and gunpowder during and in anticipation of the key battles of the East Front of World War II. Categorical demands from the People's Commissariat to the heads of the main departments and directors of enterprises about the need for unconditional fulfillment of the established plans complement it emotionally. The article is addressed to specialists in the field of the history of the Soviet textile industry, graduates, masters and undergraduates of higher educational institutions.

Keywords: People's Commissariat of Textile Industry of USSR, State Defence Committee, Council of People's Commissars of USSR, state administration, resolutions, orders, ammunition, cotton pulp, socialist competition, labour achievements.

For citation: Belgorodsky V.S., Dembitsky S.G., Okolotin V.S. Organisation of the production of shells, mines and cotton pulp at the enterprises of the People's Commissariat of the Textile Industry of the USSR in the first half of 1943. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 48–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-48-57>

Постановка проблемы и историография.

В годы Великой Отечественной войны предприятия текстильной промышленности производили для нужд действующей армии и гражданского населения не только ткани, но и корпуса снарядов, мин, деталей к ним, а также хлопчатобумажную целлюлозу для изготовления пороха. Постановка этой задачи осуществлялась через решения Государственного комитета обороны (далее ГКО) и Совета народных комиссаров (далее СНК) СССР, которая затем дублировалась приказами Народного комиссариата текстильной промышленности (НКТП) СССР. В настоящее время эти документы доступны для исследования и содержат важный пласт исторической информации по теме государственного управления, в том числе и в текстильной промышленности, в военный период. Между тем она еще не нашла должного отражения как в российской, так и в региональной историографии. К числу современных работ по данной теме следует отнести научное издание А.К. Сорокина [Сорокин 2022], коллективную монографию

В.С. Белгородского, С.Г. Дембицкого, В.С. Околотина и А.Ю. Гаврилова [Белгородский, Дембицкий, Околотин, Гаврилов 2023], а также ряд трудов одного из авторов данной статьи, имеющих региональный характер [Околотин 2017; 2019; 2019]. Однако в указанных исследованиях тема организации производства боеприпасов и хлопчатобумажной целлюлозы на заводах НКТП СССР в первом полугодии 1943 г. не охвачена. На преодоление этого пробела в исторических знаниях и направлена данная статья.

Итак, 14 января 1943 г. нарком НКТП СССР И.Н. Акимов на основании постановления ГКО № 2694 сс подписал приказ о производстве боеприпасов в январе и 1 квартале 1943 г. на предприятиях наркомата. Согласно его содержанию начальникам главных управлений (далее главки) наркомата и директорам предприятий, производившим боеприпасы, предписывалось обеспечить безусловное выполнение установленного плана. В приказе подчеркивалось, что ГКО считает производство снарядов важнейшей военно-хозяйственной и политической

задачей как для производителей, так и для поставщиков необходимых им материалов, а также местных партийных и советских органов.

Своим приказом И.Н. Акимов запретил наркомату текстильной промышленности РСФСР Г.И. Бабашкину, начальникам главков и директорам предприятий использовать отпускаемые материалы на иные цели. Одновременно он потребовал от них, и в первую очередь от директоров фабрик «Трехгорная мануфактура» (Додонкин), им. Калинина (Стрючков), «Кардо-Лента» (Мадунцев), «БИМ» (Якимов) и Барнаульского меланжевого комбината (Кустарев), обеспечить полную реализацию выделенных им для этого фондов. Начальнику «Главмашдетали» (Сушин) и директору Шпульно-кагушечной фабрики им. Дзержинского (Тимаков) надлежало обеспечить получение патронной бумаги за счет фондов Наркомбумпрома в количестве 96 тонн с равномерной отгрузкой по месяцам.

До их сведения было доведено, что указанным постановлением ГКО все перевозки готовых корпусов снарядов, мин, других элементов, спецкупушки, штамповки, литья, кокса, снарядной заготовки калиброванной и автоматной стали, катанных труб, кислоты крепкой азотной, аммиака, олеума, порохов, аммиачной селитры, спиртов, глицерина, коллакसेлина, пороховой целлюлозы, картона для абтюрации, минных гильз и картечи приравнивались к военным грузам под литером «Б». Более того, механический завод Барнаульского меланжевого комбината, московская фабрика «Кардо-Лента» и завод № 507 НКТП СССР по поставкам сырья и материалов, бронированию рабочей силы и автотранспорта, обеспечению подвижным составом и электроэнергией приравнивались к предприятиям наркомата боеприпасов. Рабочим и ИТР данных предприятий полагалась выдача дополнительного обеда без вырезки талонов из продкарточек. Для стахановцев, изготавливавших порох, корпуса 82-мм и 120-мм мин было предписано «немедленно оформить в Наркомторге организацию дополнительного закрытого улучшенного питания... а также оформить получение дополнительно на 1 квартал 1943 г. вторых обедов и табака». Своим приказом И.Н. Акимов также запретил указанным руководителям в любой форме поднимать вопрос о снятии или сокращении производства боеприпасов. Более того, он призвал их принять все меры к увеличению выпуска данной продукции¹.

В тот же день, 14 января 1943 г., И.Н. Акимов подписал еще один приказ. Он касался обеспечения в 1-м квартале 1943 г. заводов НКТП СССР, изготавливавших боеприпасы и их смежников, тканями, текстильным сырьем и отбельным линтером (хлопковый пухом). Выполнение данного задания было возложено на наркомов текстильной промышленности

РСФСР Г.И. Бабашкина и Азербайджанской ССР Нагиева, а также начальников Главшелкопрома (Евсеева), Главльнопрома (Пиковский), Главтекстильсбыта (Лаврентьев), Главмосхлоппрома (В.Г. Трохов), 2-го Главивхлоппрома (И.А. Пугачев), 3-го Главивхлоппрома (В.М. Спорышев) и Главновхлоппрома (Чистотинов). Начальнику Главтекстильснаба (Стеценко) предписывалось принять к исполнению один из пунктов постановления ГКО, которым Наркомхимпром (Первухин) обязывался отпустить в счет фондов НКТП СССР целевым назначением Серпуховской и Подгорной котонинным фабрикам, выпускавшим отбельный хлопок, 160 тонн каустической соды и 80 тонн жидкого хлора². Перевозка указанных материалов приравнивалась к оперативным воинским грузам под литером «Б». В завершение приказа И.Н. Акимов предупредил всех ответственных лиц о том, что невыполнение его указаний «будет рассматриваться как срыв обеспечения работы заводов НКБ», а виновные «будут привлекаться к строгой ответственности по законам военного времени»³.

30 января 1943 г. И.Н. Акимов подписал приказ № 31-с, вновь касавшийся производства боеприпасов на заводах наркомата. Он был издан на основании распоряжения СНК СССР от 23 января 1943 г. № 1548 – рс. Согласно его содержанию Г.И. Бабашкину, начальникам Главмосхлоппрома, Главмашдеталь, 1-го, 2-го и 3-го Главивхлоппромов, Главкорда и Главльнопрома, а также директорам предприятий, производивших корпуса 45-мм осколочных снарядов, предстояло при их изготовлении в целях экономии металла перейти со спецзаготовок диаметром 52-мм на спецзаготовки диаметром 50-мм⁴.

На осуществление экономии инструментальных сталей и правильное использование изношенного инструмента был направлен приказ № 58с от 27 февраля 1943 г., подписанный зам. наркома НКТП СССР по боеприпасам Н.Е. Чесноковым. Он обязал Наркомтекстиль РСФСР, начальников главков и директоров предприятий, задействованных в производстве 45-мм и 76-мм снарядов, деталей к реактивным снарядам М-13 и М-20, а также корпусов 50-мм, 82-мм и 120-мм мин возвращать московской конторе Главтекстильснаба для восстановления не менее 70 % инструмента, полученного ранее⁵.

На организацию производства снарядов и мин был направлен еще один приказ Н.Е. Чеснокова № 41 сс от 11 февраля 1943 года. Он был издан во исполнение постановления ГКО № 2825 от 5 февраля 1943 г. «Об ужесточении контроля ГКО за деятельностью наркоматов и главных управлений при СНК СССР в вопросах производства вооружения и боеприпасов и поставок для НКВ и НКБ». Во избежание ситуаций, когда наркомы текстильной промышленности союзных республик, руководители главков и предприя-

тий могли стремиться к снижению установленных для них заданий по производству снарядов, мин, пороха и их компонентов, он приказал им взять под личную ответственность выполнение плановых заданий по указанным видам продукции⁶.

Представляет интерес выписка из приказа И.Н. Акимова № 50 сс от 22 февраля 1943 года. Согласно ее содержанию начальнику Главтекстильснаба Стеценко было приказано полностью выбрать фонды на поставку металла, материалов и кокса для целевого производства 76-мм снарядов, 82-мм и 120-мм мин на заводах наркомата. Наркому РСФСР Г.И. Бабашкину, начальникам главков и директорам предприятий под угрозой привлечения к уголовной ответственности было запрещено использовать указанные материалы на какие-либо другие цели⁷.

При подведении итогов социалистического соревнования среди предприятий наркомата было предложено учитывать не только выполнение ими пла-

на по выпуску боеприпасов, но и своевременность их отгрузки снаряжательным заводам. Начальнику транспортного отдела НКТП СССР Страшнову было приказано обеспечивать своевременную подачу вагонов под готовые изделия в заявленных количествах и передвигать эти грузы как оперативные военные первой категории. Аналогичное требование распространялось и на вагоны с металлом и материалами для предприятий наркомата, производивших боеприпасы. В заключение И.Н. Акимов предупредил всех ответственных лиц, что «невыполнение установленных заданий по производству мин, снарядов и литья для них будет рассматриваться ГКО как государственное преступление, а виновные в срыве привлекаться к судебной ответственности»⁸.

На основании распоряжения СНК СССР № 4481-рс «Об улучшении учета корпусов снарядов, мин, отгружаемых с механических заводов и ускоренной их поставки на снаряжающие заводы» И.Н. Акимов приказом № 61

Таблица 1

Сведения по предприятиям наркомата о выполнении плана по производству боеприпасов за январь и февраль 1943 г. (в процентах)¹¹

	Наименования предприятий	Январь	Февраль
1	Вичужский механический завод	280,3	212,7
2	Фурмановский механический завод	100,1	123,4
3	Майдаковский механический завод	163,5	244,9
4	Раменский механический завод	133,3	101,4
5	Егорьевский механический завод	107,5	120,4
6	Барнаульский механический завод: – по первому виду изделий; – по второму виду изделий	119,0 104,5	100,1 101,1
7	Ташкентский механический завод	105,0	104,0
8	Фабрика «Кардо-Лента»	100,7	103,7
9	Глуховский механический завод	106,0	101,7
10	Челночно-бердочный завод	120,0	100,0
11	Костеревский комбинат им. Коминтерна: – по первому виду изделий; – по второму виду изделий	152,0 127,0	106,9 107,0
12	Фабрика им. Калинина	115,9	110,6
13	1-я Ситценабивная фабрика	110,0	110,0
14	Кожзавод «Красный Дубитель»	112,5	121,4
15	Давыдовский механический завод: – по первому виду изделий; – по второму виду изделий	130,5 127,1	Простой из-за отсутствия кокса и чугуна
16	Завод им. Барышникова: – по первому виду изделий; – по второму виду изделий	70,0 103,1	110,6 Простой из-за отсутствия кокса
17	Механический завод при фабрике им. К. Либкнехта	–	100,0
18	Кунцевская фабрика № 4: – по первому виду изделий; – по второму виду изделий	– –	104,4 126,0
19	Завод № 12: Заказ 19 Заказ 36 Заказ 52	– – –	133,3 102,3 108,4

**Сведения по предприятиям наркомата о выполнении плана
по производству боеприпасов за март 1943 г., в %¹³**

п/п	Наименование предприятий	Выполнение плана
1	Вичужский механический завод	227,5
2	Механический завод им. Бырышникова: по первому изделию по второму второму изделию	101,0 101,3
3	Фабрика «Кардо-Лента»	101,4
4	Челночно-бердочный завод	180,0
5	Кожевенный завод «Красный Дубитель»	106,2
6	Машзавод № 12 По первому изделию По второму изделию По третьему изделию	100,5 106,6 100,0
7	Фурмановский механический завод	114,9
8	Механический завод при фабрике «БИМ им. Молотова»	106,4
9	Глуховский механический завод	100,3
10	1-я Ситценабивная фабрика	110,0
11	Серпуховская котонинная фабрика	102,0
12	Институт шелка	190,5
13	Фабрика им. Калинина	108,0
14	Барнаулский механический завод По второму изделию	113,4
15	Механический завод при фабрике им. К. Либкнехта	129,8
16	Егорьевский механический завод	172,2
17	Щелковский хлопчатобумажный комбинат	104,0
18	Механический завод при Ивановском меланжевом комбинате им. Фролова	100,0
19	Завод «Красная маевка»	Не имел установленного плана, но производил выпуск боеприпасов

с от 6 марта 1943 г. обязал начальника транспортного отдела Страшнова, руководителей главков и директоров предприятий о введении НКПС индексов для перевозки мин и снарядов. Так, транспорты с корпусами 45-мм артиллерийских снарядов получали индекс 904, а с 76-мм – индекс 906. Транспорты с корпусами реактивных снарядов М-13 получали индекс 903 и с корпусами М-20 – индекс 907. Товарным составам, перевозившим корпуса 50-мм, присваивался индекс 910, а с 82 мм – индекс 920. При этом директора предприятий обязывались сообщать начальникам железных дорог, а также станций формирования указанных грузов точное наименование и номенклатуру отгружаемых корпусов снарядов и мин⁹.

Согласно новому приказу НКТП СССР № 71 сс от 16 марта 1943 г. за подписью И.Н. Акимова, начальникам Главновхлоппрома и ГУИВа, а также директорам Ташкентского текстильного комбината им. Сталина и завода № 507 предстояло обеспечить в текущем месяце «безусловное выполнение плана производства и поставки элементов боеприпасов» соответствующей спецификации. Начальникам главков В.Г. Трохову и К.Г. Косьюко, а также директорам Ивановской подгорной фабрики Г.С. Смирнов-

скому и Серпуховской котонинной фабрики Тарасову под их личную ответственность предстояло обеспечить выполнение мартовского плана производства и поставки снаряжающим заводам отбельного линтера и хлопковой целлюлозы. Данное указание также распространялось на предприятия, изготавливавшие 76-мм снаряды, картечь, 82-мм и 120-мм мины и другие компоненты¹⁰.

О достигнутых результатах в январе и феврале свидетельствует приказ НКТП СССР № 75 сс от 25 марта 1943 года (табл. 1).

Как говорилось в приказе, ряд предприятий наркомата не выполнил установленные задания. Среди них были названы: Завод № 10 им. Королева (г. Иваново), Родниковский и Калининский механические заводы, Шпульно-катушечная фабрика им. Дзержинского, Петушинская фабрика «Катушка» и завод № 507. Руководителям данных предприятий было предложено принять решительные меры к выполнению установленных заданий¹².

Приказ № 78 сс от 31 марта 1943 г. по наркомату был издан на основании постановления ГКО № 3095 сс от 29 марта 1943 г. «О мерах обеспечения бесперебойного производства и поставок целлюло-

зы для пороховых заводов». Данный приказ был подписан заместителем наркома Г.А. Малявиным и был адресован руководителям главков наркомата, в чьем ведении находились предприятия по производству хлопчатобумажной целлюлозы. Так, начальникам Мосхлоппрома В.Г. Трохову и 2-го Главивхлоппрома И.А. Пугачеву было приказано организовать в течение апреля 1943 г. на Московской фабрике им. Свердлова и Ивановской подгорной котонинной фабрике производство отбельного линтера. Начальнику транспортного отдела НКТП СССР Страшнову надлежало обеспечить выделение вагонов фабрикам под отгрузку готового линта пороховым заводам. Для обеспечения Ивановской подгорной фабрики рабочей силой

начальнику 3-го Главивхлоппрома К.Г. Косько было дано указание направить на нее с подведомственных текстильных предприятий 80 рабочих.

В приказе НКТП СССР № 98 с были подведены итоги социалистического соревнования за март 1943 г. Они свидетельствовали об очередных достижениях предприятий текстильной промышленности по производству боеприпасов (табл. 2).

Директора указанных предприятий были премированы в размере месячного оклада. А директору института шелка Ерофееву и начальнику мастерской Ведерникову кроме премий были объявлены благодарности. В числе заводов и фабрик, не выполнивших план, были названы: завод № 10 им. Королева,

Таблица 3

Сведения по предприятиям наркомата о выполнении плана по производству боеприпасов за апрель 1943 г., в %¹⁵

п/п	Наименование предприятий	Выполнение плана
1	Вичужский механический завод	166,0
2	Фурмановский механический завод	149,0
3	Майдаковский механический завод	136,0
4	Механический завод при фабрике им. К. Либкнехта	131,0
5	Завод им. Барышникова: – по первому изделию; – по второму изделию	122,0 104,0
6	Егорьевский механический завод	157,0
7	Давыдовский механический завод: – по первому изделию; – по второму изделию	166,0 120,0
8	Завод № 9	100,0
9	Фабрика им. Калинина	110,0
10	Фабрика «Трехгорная мануфактура»: – по первому изделию; – по второму изделию	107,0 101,0
11	По фабрике «БИМ им. Молотова»	106,0
12	Механический завод при Глуховском комбинате	102,0
13	Механический завод при Барнаульском комбинате: – по первому изделию; – по второму изделию	110,0 100,0
14	1-я Ситценабивная фабрика	118,0
15	Завод «Красный Дубитель»	125,0
16	Костеревский комбинат: – по первому изделию; – по второму изделию	106,0 100,0
17	Челночно-бердочный завод	100,0
18	Завод «Красная маевка»	100,0
19	Институт шелка	160,0
20	Щелковский хлопчатобумажный комбинат: – по первому изделию – по второму изделию	127,0 160,0
21	Серпуховская котонинная фабрика	110,0
22	Завод № 507: – по первому изделию; – по второму изделию	103,0 106,0
23	Ивановская подгорная котонинная фабрика	111,0

Калининский и Ташкентский механические заводы, Петушинская фабрика «Катушка» и Костеревский комбинат им. Коминтерна. Одновременно заместитель наркома Н.Е. Чесноков призвал начальников главков и директоров других предприятий мобилизовать трудовые коллективы «на успешное выполнение плана второго квартала 1943 года»¹⁴.

Приказом по НКТП СССР № 138 с от 9 июня 1943 г. были подведены апрельские итоги социалистического соревнования на предприятиях наркомата по выпуску боеприпасов и элементов вооружения. Сведения о выполнении и перевыполнении ими планов за апрель 1943 г. представлены в таблице 3.

В числе предприятий, не выполнивших задания, установленные ГКО, вновь были названы: Калининский механический завод, Завод № 10 им. Королева, Ореховский деревообделочный завод и Петушинская фабрика «Катушка»¹⁶.

Несмотря на трудовые успехи в апреле 1943 г., при дальнейшем выполнении плана 2-го квартала возник ряд проблем. Они были выявлены контрольно-инспекторской группой наркомата в мае 1943 г. при проверке ряда предприятий. По ее итогам И.Н. Акимов издал приказ № 131с от 29 мая 1943 года. В его констатирующей части он отметил, что нарком Г.И. Бабашкин, начальники главных управлений НКТП СССР (В.Г. Трохов, П.А. Панкратьев, И.А. Пугачев, К.Г. Косько, Чистотинов и др.), а также директора

предприятий снизили темпы работы и не обеспечили выполнение плана. В числе особенно отстающих в выполнении плана он назвал Шпульно-катушечную фабрику им. Дзержинского и Калининский механический завод.

Кроме того, говорилось в приказе, многие предприятия задержали отгрузку продукции, несмотря на наличие у них большого количества готовой продукции. Так, по состоянию на 19 мая было отгружено только 32 280 корпусов 45-мм осколочных снарядов при плане на май – 114 тыс. штук. В результате на складах заводов скопилось 158 498 снарядных корпусов, в том числе на заводе № 9 – 66 300 и на Раменском механическом заводе – 9 250 штук.

Аналогичная ситуация возникла с производством и отгрузкой корпусов 82-мм мин. На ту же дату по всем предприятиям было отгружено лишь 5 800 корпусов мин при плане отгрузки в количестве 93 тыс. штук. В итоге на складах предприятий накопилось 132 607 корпусов. Из них на фабрике «Кардо-Лента» – 62 400 и на Ташкентском механическом заводе – 18 965 мин.

При проверке выяснилось, что основной причиной срыва отгрузки снарядов и мин стало отсутствие спецукупорки. В свою очередь ее изготовление было задержано из-за невыборки фондов на отходы 1,5-мм кровельного железа. Такое положение с изготовлением спецукупорки и отгрузкой готовой продукции,

Таблица 4

Сведения по предприятиям наркомата о выполнении плана по производству боеприпасов за май 1943 г., в %¹⁸

п/п	Наименование предприятий	Выполнение плана
1	Вичужский механический завод	100,0
2	Тейковский механический завод	105,4
3	Майдаковский механический завод	232,8
4	Завод им. Барышникова: – по первому изделию; – по второму изделию	135,9 101,2
5	Механический завод при Глуховском хлопчато-бумажном комбинате им. Ленина	100,0
6	Механический завод при Ташкентском комбинате им. Сталина	104,0
7	Московский челночно-бердочный завод	100,0
8	Завод «Красная Маевка»	120,0
9	Завод № 507: – по первому изделию; – по второму изделию; – по третьему изделию	100,1 100,0 107,5
10	1-я Ситценабивная фабрика	123,7
11	Завод «Красный Дубитель»	125,0
12	Серпуховской механический завод	111,5
13	Щелковский хлопчато-бумажный комбинат: – по первому изделию; – по второму изделию	140,8 100,1
14	Серпуховская котонинная фабрика	103,5
15	Ивановская подгорная котонинаая фабрика	109,9

Таблица 5

Сведения по предприятиям наркомата о выполнении плана
по производству боеприпасов за июнь 1943 г., в %²⁰

п/п	Наименование предприятия	Наименование главного управления	Выполнение плана, в %
1	Вичужский механический завод	Главмашдеталь	100,0
2	Завод им. Барышникова: – по первому изделию; – по второму изделию	Главмашдеталь	101,0 112,0
3	Шпульно-катушечная фабрика им. Дзержинского: – по первому виду; – по второму виду; – по третьему виду; – по четвертому виду; – по пятому виду; – по шестому виду	Главмашдеталь	102,5 102,7 133,0 104,4 107,5 107,6
4	Фабрика «Кардо-Лента»	Главмашдеталь	106,2
5	Челночно-бердочный завод	Главмашдеталь	100,0
6	Завод «Красная Маевка»	Главмашдеталь	120,0
7	Кожзавод «Красный дубитель»	Главмашдеталь	146,6
8	Машзавод № 12: – по первому виду; – по второму виду; – по третьему виду; – по четвертому виду	Главмашдеталь	101,0 100,0 100,0 100,0
9	Мехзавод № 9	Главльнопром	101,7
10	Барнаулский мехзавод: – по первому виду; – по второму виду	Главновхлоппром	106,6 100,5
11	Ташкентский мехзавод	Главновхлоппром	101,0
12	Завод № 507; – по первому виду; – по второму виду	ГУИВ	100,0 105,5
13	Глуховский мехзавод	Главмосхлоппром	100,0
14	Фабрика им. Свердлова: – по первому виду; – по второму виду	Главмосхлоппром	104,3 103,8
15	1-я Ситценабивная фабрика	Главмосхлоппром	100,3
16	Серпуховской мехзавод	Главмосхлоппром	123,4
17	Серпуховская котонинная фабрика	Главмосхлоппром	120,3
18	Фабрика «БИМ им. Молотова»	2-й Главивхлоппром	101,4
19	Ивановская подгорная котонинная фабрика	3-й Главивхлоппром	116,9
20	Мехзавод при фабрике им. К. Либкнехта	Наркомтекстиль РСФСР	100,5
21	Мехзавод «Пролетарский авангард»	Наркомтекстиль РСФСР	102,7
22	Егорьевский мехзавод	Наркомтекстиль РСФСР	100,5
23	Меленковский льнокомбинат: – по первому виду; – по второму виду	Наркомтекстиль РСФСР	120,6 143,7
24	Давыдовский мехзавод	Наркомтекстиль РСФСР	137,6
25	Шелковский хлопчатобумажный комбинат: – по первому виду; – по второму виду	Наркомтекстиль РСФСР	116,1 100,2
26	Семеновская красильно-отделочная фабрика	Наркомтекстиль РСФСР	131,6
27	Институт шелка (ЦНИИШ)	Технический отдел НКТП СССР	169,8

по утверждению И.Н. Акимова, возникло из-за недостаточного принятия управленческих мер. Считая указанное положение недопустимым, И.Н. Акимов приказал Г.И. Бабашкину, начальникам главков и директорам соответствующих предприятий под персональную ответственность принять срочные меры к выполнению плана изготовления и отгрузки боеприпасов¹⁷.

О результатах работы предприятий наркомата по производству боеприпасов и элементов вооружения в мае свидетельствует приказ И.Н. Акимова № 152 с от 6 июля 1943 года (табл. 4).

Среди предприятий, не выполнивших задания, были названы: Кардолентная фабрика им. 7-й годовщины Октября, Калининский механический завод, Ореховский деревообделочный завод, Петушинская шпульно-катушечная фабрика и механический завод № 12 (г. Шуя)¹⁹.

Итоги социалистического соревнования в июне были озвучены в приказе И.Н. Акимова № 179с от 30 июня 1943 года. Согласно приведенным в нем данным число предприятий, выполнивших и перевыполнивших план по производству боеприпасов и элементов вооружения, увеличилось. О трудовых достижениях предприятий НКТП СССР свидетельствует следующая таблица (табл. 5).

Среди предприятий, не выполнивших план, установленный ГКО, были названы: Калининский механический завод Наркомтекстиля РСФСР, Костеревский комбинат им. Коминтерна и Петушинская шпульно-катушечная фабрика «Главмашдетали».

Как и в предыдущие месяцы, за успешное выполнение плана в размере месячного оклада были премированы руководители и главные инженеры заводов и механических мастерских. Они же из фондов предприятий премировали особо отличившихся рабочих, ИТР и служащих на суммы от 4 до 20 тыс. рублей²¹.

Таким образом, в сложнейших военных условиях предприятия НКТП СССР осуществляли производство корпусов снарядов и мин, компонентов к реактивным снарядам М-13 и М-20, а также хлопчатобумажной целлюлозы и отбельного линтера для изготовления пороха. Важность этой работы определялась постановлениями ГКО и СНК СССР, которые не только устанавливали плановые задания, но и принимали исключительные меры к обеспечению производственного процесса предприятий металлом, химикатами, топливом, электроэнергией и подвижным составом. По сути, в экстремальных условиях путем мобилизации имеющихся ресурсов была сформирована довольно эффективная производственная кооперация. Она дополнялась мерами по продовольственному и материальному стимулированию рабочих и ИТР, а также по возложению персональной ответственности на аппарат наркомата, наркомов

текстильной промышленности союзных республик, руководителей главных управлений и директоров предприятий. Потребности действующей армии в боеприпасах максимально росли, и предприятия текстильной промышленности СССР внесли посильный вклад в их обеспечение.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 14. Л. 15–16.
- ² ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 14. Л. 17.
- ³ ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 14. Л. 27–28.
- ⁴ ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 14. Л. 45.
- ⁵ ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 14. Л. 62.
- ⁶ ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 14. Л. 52.
- ⁷ ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 14. Л. 76.
- ⁸ ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 14. Л. 77.
- ⁹ ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 14. Л. 66.
- ¹⁰ ГАИО. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 14. Л. 74–75.
- ¹¹ ГАИО. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 14. Л. 78–79.
- ¹² ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 14. Л. 81.
- ¹³ ГАИО. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 14. Л. 136.
- ¹⁴ ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 14. Л. 136–139.
- ¹⁵ ГАИО. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 14. Л. 176–177.
- ¹⁶ ГАИО. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 14. Л. 179.
- ¹⁷ ГАИО. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 14. Л. 174–175.
- ¹⁸ ГАИО. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 14. Л. 195.
- ¹⁹ ГАИО. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 14. Л. 197.
- ²⁰ ГАИО. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 14. Л. 257.
- ²¹ ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 1. Д. 14. Л. 252–256.

Список литературы

- Белгородский В.С., Дембицкий С.Г., Околотин В.С., Гаврилов А.Ю.* Деятельность Народного комиссариата текстильной промышленности СССР в 1939–1942 гг. (по материалам Московской и Ивановской областей). Москва: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2023. 400 с.
- Околотин В.С.* Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 1: 22 июня – 31 декабря 1941 года. 2-е изд., испр. и доп. Иваново: А-Гриф, 2017. 344 с.
- Околотин В.С.* Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 2: 1 января – 31 декабря 1942 года. Иваново: А-Гриф, 2019. 624 с.
- Околотин В.С.* Производство 45-мм артиллерийских снарядов на заводах Ивановской области в 1942 году // Вестник КГУ. № 1. 2019. С 61–66.
- Сорокин А.К.* В штабах Победы. Очерки истории государственного управления в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг./А.К. Сорокин. Москва: Политическая энциклопедия. 2022. 239 с.

References

- Belgorodskij V.S., Dembiczkij S.G., Okolotin V.S., Gavrilov A.Yu. *Deyatel'nost' Narodnogo komissariata*

tekstil'noj promy'shlennosti SSSR v 1939–1942 gg. (po materialam Moskovskoj i Ivanovskoj oblastej) [The activity of the People's Commissariat of the Textile Industry of the USSR in 1939-1942 (based on the materials of the Moscow and Ivanovo regions)]. Moscow, Kosygin Russian State University Publ., 2023, 400 p. (In Russ.).

Okolotin V.S. *Ivanovskaya oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Kn. 1: 22 iyunya – 31 dekabrya 1941 goda* [Ivanovo region during the Great Patriotic War. Book 1: June 22 – December 31, 1941], 2nd edition. Ivanovo, A-Grif Publ., 2017, 344 p. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskaja oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Kn. 2: 1 janvarja – 31 dekabrya 1942 goda* [Ivanovo oblast during the great Patriotic war. Vol. 2: January 1 – December 31, 1942]. Ivanovo, A-Grif Publ., 2019. (In Russ.).

Okolotin V.S. *Proizvodstvo 45 mm artillerijskix snaryadov na zavodax Ivanovskoj oblasti v 1942 godu* [Pro-

duction of 45 mm artillery shells at the factories of the Ivanovo region in 1942]. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2019, No. 1, pp. 61-66. (In Russ.)

Sorokin A.K. *V shtabax Pobedy. Oчерки istorii gosudarstvennogo upravleniya v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [In the Victory headquarters. Essays on the history of public administration in the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945]. Moscow, Politicheskaya e'nciklopediya Publ., 2022, 239 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 30.10.2023.

The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 30.10.2023.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ И БОЕВОЙ ПУТЬ 310-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

Аккузинов Асет Кайролдинович, кандидат политических наук, докторант кафедры истории воин и военного искусства, Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва, Россия, altinay_akku@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5015-6546>

Аннотация. Целью статьи является анализ формирования и боевого пути 310-й стрелковой дивизии, сформированной в 1941 г. на территории Казахской ССР. Актуальность исследования определялась необходимостью изучения истории формирования казахстанской дивизии со дня издания приказа Ставки Верховного Главного командования СССР, выполнения этого приказа руководством Казахской ССР, участия органов военного управления республики в реализации намеченных целей на местах посредством организации взаимодействия между органами местного управления и военного управления, командованием дивизии, Средне-Азиатским военным округом, в территориальную ответственность которого входила республика. Изучением темы в разные годы занимались авторы советского периода и современных Казахстана и России. В работе использованы труды исследователей, посвященные истории Великой Отечественной войны, исторические документы Архива Президента Республики Казахстан (г. Алматы), Государственного архива города Алматы и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (г. Подольск). Приводятся особенности проводимой работы по формированию 310-й стрелковой дивизии, обнаруживаются тенденции комплектования воинских частей дивизии начальствующим, младшим командным и рядовым составом подразделений. Раскрывается боевой путь казахстанской дивизии в годы войны, устанавливаются отдельные страницы героизма ее солдат и командиров на полях сражения, ставшие личным примером для поднятия патриотических чувств советских граждан. Делается вывод, что 310-я стрелковая дивизия из Казахстана внесла весомый вклад в достижение Победы СССР над Германией.

Ключевые слова: СССР, Казахстан, Великая Отечественная война, стрелковая дивизия.

Для цитирования: Аккузинов А.К. История формирования в Казахстане и боевой путь 310-й стрелковой дивизии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 58–64. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-58-64>

Research article

HISTORY OF FORMATION IN KAZAKHSTAN AND THE COMBAT PATH OF THE 310TH INFANTRY DIVISION DURING THE SOVIET-GERMAN WAR (1941-1945)

Asset K. Akkuzinov, Candidate of Political Sciences, doctoral student of the Department of History of War and Military Art, Military Academy of the General Staff of the Armed, Moscow, Russia, altinay_akku@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5015-6546>

Abstract. The purpose of the article is to analyse the formation and combat path of the 310th Infantry Division, formed in 1941 in the territory of Soviet Kazakhstan. Topicality of the paper was determined by the need to study the history of the formation of the Kazakhstani division, from the date of issuance of the order of the Supreme Command of the USSR, the implementation of this order by the leadership of Soviet Kazakhstan, the participation of the military authorities of the republic in the implementation of the planned goals on the ground through the organisation of interaction between local government and military administration, the command of the division, the Central Asian Military District in the territorial responsibility of which included the republic. The authors of the Soviet period as well as modern Kazakhstan and Russia studied the topic in different years. The researchers' works devoted to the history of the war against the Axis, historical documents of the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (Almaty), the State Archive of Almaty and the Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation (Podolsk) are used in the work. The peculiarities of the ongoing work on the formation of the 310th rifle division are given, the tendencies of staffing the military units of

the division with senior, junior commanding and rank-and-file personnel of the units are revealed. The combat path of the Kazakhstani division during the war is revealed, some pages of heroism of its soldiers and commanders on the battlefields which became a personal example to raise the patriotic feelings of Soviet citizens, are established. It is concluded that the 310th Infantry Division from Kazakhstan made a contribution to the achievement of the Soviet victory over Germany.

Keywords: USSR, Kazakhstan, World War II (East Front), rifle division.

For citation: Akkuzinov A.K. History of formation in Kazakhstan and the combat path of the 310th Infantry Division during the Soviet-German War (1941-1945). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 58–64 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-58-64>

В исторической науке Казахстана периоду Великой Отечественной войны отводится особое место. Начало изучению участия республики в исторической вехе советского государства было положено еще в годы Отечественной войны, продолжение эта тема получила в послевоенные годы вплоть до настоящего времени.

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения истории формирования казахстанской дивизии со дня издания приказа Ставки Верховного Главного Командования СССР, выполнения этого приказа руководством Казахской ССР, участия органов военного управления республики в реализации намеченных целей на местах посредством организации взаимодействия между органами местного управления и командованием дивизии, Средне-Азиатским военным округом (САВО), в территориальную ответственность которого входила республика. К изучению темы в разные годы обращались советские, российские и казахстанские авторы: М.А. Абдыкалыков, А.М. Панкратова [Абдыкалыков, Панкратова: 670], А.Н. Нусупбеков [Нусупбеков: 5–31], М.К. Козыбаев [Козыбаев: 27–56], Т.Б. Балакаев, К.С. Алдажуманов [Балакаев, Алдажуманов: 113–124], П.С. Белан [Белан: 336], С.Н. Покровский [Покровский: 130], Н.Е. Едыгенов [Едыгенов 1972: 208; Едыгенов 2015: 192], А.А. Джунисбаев [Джунисбаев: 256], Н.Т. Асилов [Асилов: 82] и другие исследователи.

Целью статьи является анализ формирования, комплектования и отражение боевого пути 310-й стрелковой дивизии, сформированной на территории Казахской ССР. Задача исследования – показать боеготовность, героизм командиров и бойцов казахстанской дивизии. Автором для решения научной задачи использован метод источниковедения. В работе раскрываются сложности и успехи дивизии в годы Великой Отечественной войны.

Формирование дивизии. Приказом Верховного Главного Командования с 15 июля по 16 августа 1941 г. из рабочих, служащих и колхозников Акмолинской области Казахской ССР была сформирована 310-я стрелковая дивизия (сд). Дивизия формировалась в Акмолинске по сокращенному штату военного времени¹. При формировании дивизии социальный состав ее был следующий: рабочие – 30 %, колхозни-

ки – 60 %, трудовая интеллигенция – 10 %. По национальному составу в дивизию входили: русские – 30 %, казахи – 40 %, украинцы – 25 %, представители других национальностей Советского государства – 5 %. В дивизии была значительная партийно-комсомольская прослойка: коммунисты – 8,5 %, комсомольцы – 7 %. Обученных военному делу в сформированной дивизии было 40 %, малообученных и не имевших ранее военной подготовки – по 30 %².

Командный состав только на 15 % был кадровым. Офицерский состав комплектовался из числа выпускников пехотных училищ Алма-Аты и Ташкента. Остальной командно-начальствующий состав – 80 % – из запаса, призванного Акмолинским и Карагандинским ОБК. По возрастному составу личный состав был не старше 35 лет³.

Организационно 310-я сд состояла из:

- 1) управления дивизии;
- 2) 1080-го, 1082-го, 1084-го стрелковых полков (сп);
- 3) 860-го артиллерийского полка (ап);
- 4) 376-го отдельного дивизиона 45 мм пушек;
- 5) 582-го отд. зенитно-арт. дивизиона;
- 6) 206-го отд. разведбатальона;
- 7) 765-го отд. бат. связи;
- 8) 600-го отд. саперного бат.;
- 9) 398-й отд. хим. роты;
- 10) 295-го отд. автотранспорт. бат.;
- 11) 245-го отд. медсанбата;
- 12) 448-го отд. полевого хлебозавода;
- 13) 129-й штабной батарее начальника артиллерии 310-й сд;
- 14) 69-го отдельного взвода регулирования;
- 15) 33-го походной артиллерийской ремонтной мастерской;
- 16) 45-го ГУРТ скота;
- 17) 9-й походной мастерской по ремонту обуви;
- 18) 22-й военной прокуратуры;
- 19) 5-й полевой почтовой станции;
- 20) 19-й полевой кассы Госбанка 3-го отделения;
- 21) отдельного стрелкового взвода 3-го отделения.

Всего дивизия насчитывала 13 249 штатных единиц⁴. Значительное количество красноармейцев, командиров и политработников имели опыт боевых действий в финляндской войне.

Комдивом назначили полковника Н.М. Замировского, который командовал в период с 15.07.1941

по 30.05.1942 г., военкомом – полкового комиссара С.И. Шаманина, начштабом дивизии – полковника М.И. Кружкова. В последующем дивизией командовали полковник М.А. Орлов (1 июля – 23 декабря 1942), полковник Н.В. Рогов (24 декабря 1942 – 27 апреля 1944), полковник П.В. Полувешкин (28 апреля – 15 мая 1944), полковник Н.В. Рогов (16–30 мая 1944), полковник П.В. Полувешкин (31 мая – 3 июня 1944), полковник Н.А. Кошкин (4 июня – 14 июля 1944), полковник Н.В. Рогов (15 июля 1944 – 9 мая 1945).

Начальники политических отделов дивизии: старший батальонный комиссар В.А. Романюк (3 июля 1941 – 5 июля 1942), старший батальонный комиссар К.А. Кустов (7 июля 1942 – 16 июня 1943) [Сборник ГУК МО СССР: 564].

В этот период руководством республики был усилен контроль за мобилизационной работой партийных комитетов. Так, постановлением бюро ЦКП(б) Казахстана от 26 марта 1941 г. «Об итогах проверки моб. оборонной работы в отдельных обкомах, горкомах, райкомах КП(б)К» многие партийные комитеты добились улучшения постановки мобилизационной работы. Активизировалась агитационно-пропагандистская работа, были радиофицированы призывные пункты республики, предоставлялись лучшие помещения для формируемых частей, постановленный на учет автотранспорт передавался в соединения Красной армии, активизировалось взаимодействие с САВО. При формировании дивизии активное участие принимали партийные организации Акмолинской области и непосредственно Секретарь областно-го КПК (б) Купаев (в архивах инициалы не указаны)⁵.

К 17 июля 1941 г. дивизия была укомплектована личным составом на 100 %, материальная часть – на 50 %, получила полностью снаряжение и обмундирование. В момент формирования и сколачивания дивизия занималась боевой и политической подготовкой. Учеба проходила в степи, вне населенных пунктов. Тридцатого июля 1941 г. бойцы дивизии были приведены к военной присяге. Недостающую часть дивизия получила в пути на станции Тихвин⁶.

Боевой путь дивизии. 18 августа 1941 г. части 310-й сд девятнадцатью эшелонами отбыли в действующую армию, в состав Северо-Западного фронта. Дивизия последовала по маршруту – Акмолинск – Челябинск – Куйбышев – Москва – Вологда – Тихвин, куда и прибыла 27 августа в распоряжение командующего 52-й отдельной армией (ОА) генерал-лейтенанта Н.К. Клыкова⁷. До 5 сентября 1941 г. дивизия находилась в непрерывных маршах, пройдя по разным направлениям около 400 км⁸.

С 8 сентября 1941 г. дивизия в составе 54-й ОА принимала участие в Синявинской наступательной операции (10 сентября – 28 октября 1941 г.), предпринятой с целью восстановления сухопутных коммуни-

каций Ленинграда с остальной страной. Непосредственное соприкосновение с противником произошло 7–9 сентября в районе Путилово и Гайтолово Ленинградской области [Асилов: 82].

В октябре – ноябре 1941 г. в Киришском районе Ленинградской области происходили кровопролитные бои с немецко-фашистскими войсками. Немецкое командование предприняло попытку окружения Ленинграда вторым кольцом блокады, продвигаясь от Новгорода до реки Волхов, стремясь захватить город Волхов и соединиться у города Лодейное Поле с финскими войсками⁹.

С 20 октября 1941 г. 54-я армия (А) вновь переходит в наступление в ходе 2-й Синявинской операции 1941 г. Силами 310-й сд с 122-й танковой бригадой (тбр) и 3-й гвардейской стрелковой дивизией (гв. сд) с 16-й тбр армия переходит в наступление вновь от Гонтовой Липки на Рабочий поселок № 7 – Синявино, вновь продвинулась за реку Черную. С 28 октября 1941 г. армия была вынуждена остановить свое наступление на Мгу и Синявино.

С 28 октября 1941 г. части 310-й сд, ведя оборонительные бои, оказались в окружении и выходили из него с боями в район деревень Пчева и Витки. За полтора месяца дивизия потеряла до 65 % личного состава¹⁰. Дивизия из Казахстана преградила путь наступлению немецких войск, обороняя силами 1080-го и 1084-го сп деревню Пчева на Киришском плацдарме, не пропустила врага, но и сама понесла невосполнимые потери. Особенно большие потери понес 1084-й стрелковый полк – он перестал существовать в таком виде, каким был сформирован в Акмолинске. Оставшийся личный состав (42 чел.) 1084-го сп с одним станковым пулеметом был передан в состав 1082-го сп¹¹.

5 ноября 1941 г. 1-й отдельный стрелковый полк (осп), сформированный из частей 281-й сд, входившей в состав 8-й армии Ленинградского фронта (ЛФ), на самолетах был переброшен из-под Ленинграда на Киришский плацдарм, к реке Волхов, и введен в состав 310-й сд. Противник неоднократно пытался ликвидировать плацдарм обороняемой дивизией на берегу реки, но все его попытки успеха не имели¹².

Получив пополнение, 310-я сд с начала ноября до конца декабря 1941 г. участвовала в составе Волховской оперативной группы 54-й армии Ленинградского фронта в Тихвинской наступательной операции. 18 ноября перешла в наступление и выбила немцев из пяти населенных пунктов. Особенно тяжелые бои были за поселок Куколь, где было уничтожено 150 гитлеровцев, и деревню Раменье Волховского района, где противник оставил сотню трупов своих солдат и офицеров. За освобождение населенных пунктов Куколь, Селище, Ременье, Концы, Ко-

лодец от немецких оккупантов и за стойкую оборону дивизия получила благодарность от Военного совета 54 А¹³.

С 5 февраля 1942 г. дивизии увеличили участок обороны на широком фронте до 30 км: с юга Зеленцы, с севера Кирши. Ведя непрерывную активную разведку, истребляя живую силу врага, дивизия вела артиллерийский и минометный огонь по вражеским укреплениям и отражала атаки противника, изматывая его силы. В ходе боев были захвачены трофеи, пленные и документы. Особенно характерными боевыми эпизодами этого периода времени являются действия разведчиков: 4 апреля 1941 г. разведгруппа в составе 25 человек ночью переправилась на западный берег реки Волхов. Однако, достигнув переднего края обороны противника, они были окружены. Разведчики 310-й сд приняли бой. В результате контратака противника была отбита. Противник на поле боя оставил 36 трупов, потери разведчиков составили 7 бойцов.

8 апреля 1942 г., выполняя приказ Военного совета 4-й армии захватить боем живого «языка», группа разведчиков под командованием подполковника Новикова (инициалы в архиве не указаны), имея 3-дневную подготовку и наблюдение, на рассвете в течение 1,5 минуты внезапно ворвалась на лыжах в расположение блиндажей и деревоземляных огневых точек (ДЗОТ) противника, уничтожила 6 ДЗОТов-блиндажей, захватила двух пленных, пулемет и документы. В этом бою стрелками и артиллерией было истреблено 200 солдат и офицеров противника. Командование дивизии и разведотряд Новикова получил за это благодарность, а 10 человек – участников разведки боем – были представлены к правительственным наградам¹⁴.

29 мая 1942 г. силою одной пехотной дивизии и двух полков при массированном огневом воздействии, поддержке авиации и танков, после двухчасовой артподготовки противник перешел в наступление на позиции 1080-го сп дивизии. В течение четырех дней личный состав полка вел упорные бои, парализуя все попытки врага ликвидировать плацдарм на западном берегу реки Волхов 310-й сд, созданный для переброски основных сил соединения, уничтожая большое количество живой силы и техники противника, в результате чего плацдарм был удержан. В этих боях личный состав проявил подлинный героизм, за что получил благодарность от Военного совета 4-й армии и Волховского фронта¹⁵.

22 декабря 1942 г. дивизия снова переходит из подчинения 54-й армии в 4-ю армию, в состав северной оперативной группы генерала П.Ф. Привалова. 26 декабря овладевает населенным пунктом Рысино, после чего лесом, по глубокому снегу совершает 25-километровый марш в район Леготково – Чирково, принимает участие в освобождении поселков Леготково, Чирково и Мыслово¹⁶.

В феврале 1943 г. 310-я сд, действуя в составе 52-й армии, выполняет задачу по отвлечению ударных сил противника, наступая на Новгород, тем самым давая возможность войскам Северо-Западного фронта действовать на основном направлении наступления. На реке Малый, в западной части, дивизия захватила плацдарм, тем самым выполнила задачу командования, что было отмечено на Военном совете 52-й армии 5 апреля 1943 г.

14 января 1944 г. дивизия переходит в подчинение 59-й армии и ведет наступление на противника севернее Новгорода. После трех месяцев ожесточенных боев, позволившей дивизии пройти более 400 км до Пскова, овладевает важным участком железной и шоссейной дорог Псков – Остров, после чего для восстановления и пополнения выводится в резерв фронта. За выполнение боевых задач, массовый героизм солдат, сержантов и офицеров 310-й сд удостоилась наименования «Новгородской»¹⁷.

18 апреля 1944 г. 310-я стрелковая Новгородская дивизия (снд) вошла в состав 99-го стрелкового корпуса (ск) вновь созданного 3-го Прибалтийского фронта (ПФ), а 10 июня 1944 г. в составе корпуса была переброшена на рубеж реки Свирь, где участвовала в составе 99-го ск 7-й армии Карельского фронта (КФ) во втором этапе Выборгско-Петрозаводской стратегической наступательной операции – Свирско-Петрозаводской операции (21 июня – 9 августа 1944 г.).

10 июня 1944 г. для развития успеха и преследования войск противника 310-я снд переподчиняется командованию 7-й армии Карельского фронта (КФ). 20 июня дивизия перешла в наступление в районе Лодейное Поле. Прорвав оборону противника и ведя упорные наступательные бои, продвинулась на 300 км.

После получения приказа Ставки Верховного Главного командования (ВГК) о прекращении военных действий против финских войск в ноябре 1944 г. 310-я снд в составе 4-го ск была выведена в резерв Ставки ВГК и включена в состав 32-й армии. С 30 ноября 1944 г. по 15 января 1945 г. находилась на переформировании в городе Шахунья Горьковской (ныне Нижегородской) области сначала в составе 7-го ск, а с 6 декабря 1944 г. – в составе 134-го ск 32-й армии. В дальнейшем войскам 2-го Белорусского фронта (БФ) предлагалось начать наступление 24 февраля 1945 г. в общем направлении на Кёзлин (Польша) с целью расчленив вражескую группировку.

22 февраля 1945 г. 19-я армия сменила правофланговые части 1-го БФ и приступила к подготовке наступления. В 22 часа 23 февраля 1945 г. 310-я сд заняла боевой порядок во втором эшелоне 134-го ск. До занятия обороны совершила 400-километровый марш. Из второго эшелона корпуса дивизия была введена в бой 26 февраля с задачей овладеть городом Хаммерштайн (на правом берегу реки Рейн, в юго-за-

падной части Германии). При поддержке танков и самоходных установок воины частей 310-й сд овладели городом в тот же день¹⁸.

Дивизия с боями при поддержке танков и артиллерии продвигалась в направлении Кёзлина (польский город, захваченный немецко-фашистскими войсками в годы Второй мировой войны, ныне Кошалин – город в Польше, в Западно-Поморском воеводстве; расположен в 5 км от побережья Балтийского моря). 27 февраля 1945 г. соединение вело бои за деревню Айкфир (Восточная Померания, на северо-востоке Германии). В этом бою отличились артиллеристы 860-го артиллерийского полка (ап) 310-й сд. Утром противник предпринял атаку на наступающие подразделения 1080-го сп. Шли два «тигра» и четыре самоходные установки (САУ), но отважные артиллеристы не дрогнули и в упор расстреляли танки противника. Особенно отличился 1-й дивизион, которым командовал капитан Жабай Есолов (призванный Чимкентским горвоенкоматом): 1-й и 2-й дивизионы полка, развернувшись на прямую наводку, открыли огонь. Ж. Есолов, сам встав у орудия, вел огонь по противнику. Под ураганным огнем гитлеровцев дивизион подавил огневые точки противника. Проявили героизм и храбрость командиры орудий 860-го ап сержант Ф.Д. Махоткин (призванный Сталинским районным военным комиссариатом (РВК) Акмолинской обл.), сержант Л.Ф. Пермяшкин (призванный Щучинским РВК Акмолинской обл.), младший сержант И.Н. Полищук (призванный Эркеншиликским РВК Акмолинской обл.). Ветеран дивизии ефрейтор А.Б. Морозов из Акмолинской области в боях за населенные пункты Мариенфельд, Штайнберг (город в восточной части Германии), Хаммерштайн и Кёзлин все время обеспечивал командира батареи данными о противнике, находясь в боевых порядках пехоты. Корректируя огнем батареи, ефрейтор А.Б. Морозов уничтожил пулеметы с расчетами и создал возможность поддерживаемому подразделению успешно выполнить задачу с незначительными потерями. За этот подвиг воин-казахстанец был представлен к ордену Славы II степени. Действуя совместно с танкистами 3-го гвардейского танкового корпуса (гв. тк), воины 310-й сд в упорных боях 5 марта 1945 г. овладели городом Кёзлин. В ходе боя за город особое мужество и храбрость проявили начальник штаба 1082-го сп капитан В.Е. Кульдяев из Уральска и заместитель командира 860-го ап майор И.В. Кульнич из Акмолинской области¹⁹.

Необходимо отметить, что Хамерштайн и Кёзлин являлись важными опорными пунктами для выхода к Балтийскому морю, а 310-я сд первой из войск фронта вышла на побережье Балтийского моря, отрезав группировку немецко-фашистских войск в Восточной Померании²⁰.

В результате почти четырехлетних боевых действий дивизия нанесла противнику следующие потери: 1) уничтожено живой силы противника – 28 595 солдат и офицеров; 2) захвачено в плен – 2 150 военнослужащих; 3) взяты трофеи: лошадей – 852, винтовок – 4 320, автоматов – 1 200, пулеметов – 630, орудий разного калибра – 121, велосипедов – 640, снарядов – 430 000, патронов – 6 300 000, мин – 187 000, разных складов – 53, автомашин – 56, тягачей – 25, танков – 12, метательных приборов – 6, мотоциклов – 38, противотанковых ружей – 24 и много другого военного имущества; 4) уничтожено военной техники противника: минометов – 163, различных орудий – 89, пулеметов – 403, автоматов – 681, винтовок – 1 320, автомашин – 59, мотоциклов – 58, велосипедов – 318, раций – 27, ружей ПТР-39; 5) освобождено населенных пунктов за 4 года – 510. После окончания боев в Восточной Померании дивизия была переброшена на Гдынское направление Второго Белорусского фронта²¹.

14 марта 1945 г. дивизия перешла в наступление в районе населенного пункта Вицлин. Преодолев сильное сопротивление противника, дивизия прорвала его оборону и, ведя упорные бои в трудных условиях горно-лесистой местности, насыщенной инженерными сооружениями, когда каждую сопку приходилось брать с боями, подошла к сильно укрепленному пункту противника Виттомин, прикрывающему подступы к городу Гдыня (Польша). 23 марта 1945 г. части дивизии после упорных боев овладели опорным пунктом противника Виттомин.

26 марта 1945 г., продолжая наступление, части дивизии первыми в 19-й армии ворвались в город Гдыня и завязали бои. Противник упорно сопротивлялся с большими для себя потерями, оставлял квартал за кварталом, и к исходу дня 28 марта 1945 г. был достигнут берег Балтийского моря. В этих боях рядовой, сержантский и офицерский состав дивизии проявил массовый героизм.

В последующем, принимая участие в Штеттинско-Ростокской наступательной операции (20 апреля – 5 мая 1945 г.), в соответствии с приказом 19-й армии, совершив с 28 по 30 апреля 1945 г. 90-километровый марш, дивизия вышла на восточный берег пролива Дивенов напротив города Волин (Польша). Усилиями частей трех дивизий (с запада – 321-й стрелковой Чудовско-Дновской Краснознаменной дивизии, с юго-запада – 86-й стрелковой Тартуской дивизии) к 8 часам 30 минутам 5 мая 1945 г. город и порт Свиномюнде (Польша) был полностью взят. Со взятием Свиномюнде острова Воллин и Узедом были полностью очищены от противника. Дивизия завершила боевые действия [Асилов: 84].

За время боев на подступах к Гдыне и в самом городе дивизия нанесла противнику следующие

потери: 1) уничтожено живой силы противника – 2 900 солдат и офицеров; 2) захвачено в плен – 2 120 военнослужащих; 3) взяты трофеи: автомашин – 1 198; мотоциклов – 800; велосипедов – 1 500; винтовок – 4 600; пулеметов – 980; зенитных орудий – 46; орудий разного калибра – 52; автоматов – 930; разных складов – 73; повозок с грузами – 480; тягачей – 95; паровозов – 60; вагонов разных – 1 280; бронепоездов – 2; пароходов разных – 6; катеров – 7; лошадей – 300; склад с оружием – 1; холодильник с мясом – 1 и много другого военного имущества. За 4 года боевых действий в дивизии награждены правительственными наградами 6 540 человек²².

К 4 июня 1945 г. дивизия была передислоцирована в район города Наугард (Польша) и к 15 июля 1945 г. расформирована. Всего 310-я Новгородская стрелковая дивизия находилась в составе действующей армии 1 273 дня. За всю войну соединение уничтожило по неполным данным 23 505 солдат и офицеров противника, свыше 1-й тыс. военной техники противника, 510 населенных пунктов было освобождено. Героические подвиги воинов дивизии отмечены наградами, 8 674 человек награждены орденами и медалями Советского Союза²³. За четыре года боевых действий правительственных наград удостоены из личного состава дивизии 6 540 человек²⁴.

Таким образом, исследование показало основные вехи создания и боевого пути дивизии: решение о формировании 310-й стрелковой дивизии было принято 15 июля 1941 г., а полное его комплектование личным составом, вооружением, военной техникой и слаживание частей, подразделений было завершено уже через месяц, 16 августа 1941 г. Руководство созданием дивизии, мобилизацией, призывом населения республики в состав формирования через призывные пункты Казвоенкомата осуществлял штаб Средне-Азиатского военного округа. В результате проведенной масштабной работы по формированию, комплектованию личным составом, обеспечению вооружением, техникой, организации взаимодействия с штабом военного округа, проведения боевой подготовки, слаживания частей и подразделений 310-й сд, практический опыт получили органы военного и местного управления, комитеты партии районов, областей и непосредственно руководство Казахской республики и САВО. Обретенный опыт был использован при формировании других стрелковых, кавалерийских дивизий, отдельных бригад и полков, маршевых подразделений для Красной армии в годы войны.

Славный боевой путь 310-й стрелковой Новгородской дивизии является историческим фактом, примером героизма и мужества бойцов и командиров этого воинского формирования. Актуализация истории формирования и боевого пути дивизии как примера духовной непоколебимости советских граждан и про-

явления патриотизма на современном этапе способствует укреплению духовных основ казахстанского общества и изучению военной истории страны, развитию духовности граждан Казахстана. Трудности и испытания, выпавшие на долю прославленной казахстанской дивизии, требуют дальнейшего глубокого исследования в рамках научного труда, научно-исследовательской работы. Вместе с тем сегодня с уверенностью можно утверждать, что 310-я стрелковая дивизия в годы Великой Отечественной войны внесла весомый вклад в достижение Победы СССР над Германией.

Примечание

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, г. Подольск (ЦА МО РФ). Ф. 1618. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

² ЦА МО РФ. Ф. Ф. 204. Оп. 89. Д. 161. Л. 100.

³ ЦА МО РФ. Ф. Ф. 204. Оп. 89. Д. 161. Л. 100.

⁴ ЦА МО РФ. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 2. Л. 270.

⁵ Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708. Оп. 1/1. Д. 2. Л. 358.

⁶ ЦА МО РФ. Ф. Ф. 204. Оп. 89. Д. 161. Л. 101.

⁷ ЦА МО РФ. Ф. Ф. 204. Оп. 89. Д. 161. Л. 101.

⁸ ЦА МО РФ. Ф. 416. Оп. 10437. Д. 9. Л. 264.

⁹ ЦА МО РФ. Ф. 1618. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

¹⁰ ЦА МО РФ. Ф. 310 сд. Оп. 484186с. Д. 1. Л. 2.

¹¹ ЦА МО РФ. Ф. 1084 сп. Оп. 234037с. Д. 1. Л. 3.

¹² ЦА МО РФ. Ф. 1084 сп. Оп. 234037с. Д. 1. Л. 3–5.

¹³ ЦА МО РФ. Ф. Ф. 204. Оп. 89. Д. 161. Л. 109.

¹⁴ ЦА МО РФ. Ф. Ф. 204. Оп. 89. Д. 161. Л. 111.

¹⁵ ЦА МО РФ. Ф. 1618. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

¹⁶ ЦА МО РФ. Ф. Ф. 204. Оп. 89. Д. 161. Л. 109.

¹⁷ ЦА МО РФ. Ф. 1618. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

¹⁸ ЦА МО РФ. Ф. 1368. Оп. 122864с. Д. 4. Л. 72.

¹⁹ Государственный архив г. Алматы (ГАА). Ф. 419. Оп. 1. Д. 19. Л. 16.

²⁰ ЦА МО РФ. Ф. 1618. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

²¹ ЦА МО РФ. Ф. 1618. Оп. 1. Д. 13. Л. 5 об.

²² ЦА МО РФ. Ф. 1618. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

²³ ГАА. Ф. 419. Оп. 1. Д. 19. Л. 177.

²⁴ ЦА МО РФ. Ф. 1618. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

Список литературы

Абдыкалыков М.А., Панкратова А.М. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. 670 с.

Алдажуманов К.С., Джунисбаев А.А. Национальные воинские соединения Казахстана на фронтах войны (1941–1945). Алматы: Полиграфия-сервис и К, 2021. 256 с.

Асилов Н.Т. Воинские формирования Казахстана на фронтах Великой Отечественной войны. Нур-Султан: Военно-исторический музей ВС РК, 2021. С. 82–84.

Балакаев Т.Б., Алдажуманов К.С. Историография Казахстана периода Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы истории Советского Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 113–124.

Белан П.С. На всех фронтах: казахстанцы в сражениях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Галым: Алматы, 1995. 336 с.

Едыгенов Н.Е. Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Алма-Ата: Наука, 1972. 208 с.; Едыгенов Н.Е. Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд. Алматы: Елтаным, 2015. 192 с.

Козыбаев М.К. Избранные труды: в 2 т. Алматы: Елтаным, 2015. Т. 2. С. 27–56.

Командование корпусного и дивизионного звена Советских Вооруженных Сил периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. Главного управления кадров МО СССР. Москва: Изд-во Военной академии им. М.В. Фрунзе, 1964. 564 с.

Нусупбеков А.Н. Казахстанцы в битве под Москвой // Казахстан в Великой Отечественной войне: Очерки. Алма-Ата: Наука, 1968. Вып. 1. С. 5–31.

Покровский С.Н. Казахские соединения на Курской дуге. Алма-Ата, 1973. 130 с.

References

Abdykalykov M.A., Pankratova A.M. *Istoriya Kazakhskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of the Kazakh SSR from ancient times to the present day]. Alma-Ata, KazOGIZ Publ., 1943, 670 p. (In Russ.)

Aldazhumanov K.S., Dzhunisbayev A.A. *Natsionalnyye voynskiyе soyedineniya Kazakhstana na frontakh voyny (1941–1945)* [National military formations of Kazakhstan at the war fronts (1941–1945)]. Almaty, Poligrafiya-servis i K Publ., 2021, 256 p. (In Russ.)

Asilov N.T. *Voynskiyе formirovaniya Kazakhstana na frontakh Velikoy Otechestvennoy voyny* [Military formations of Kazakhstan at the fronts of the Great Patriotic War]. Nur-Sultan, Military History Museum of the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan Publ., 2021, pp. 82–84. (In Russ.)

Balakayev T.B., Aldazhumanov K.S. *Istoriografiya Kazakhstana perioda Velikoy Otechestvennoy voyny* [Historiography of Kazakhstan in the period of the

Great Patriotic War]. *Aktualnyye problemy istorii Sovetskogo Kazakhstana* [Actual problems of the history of Soviet Kazakhstan]. Alma-Ata, 1980, pp. 113–124. (In Russ.)

Belan P.S. *Na vsekh frontakh: kazakhstantsy v srazheniyakh Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [On all fronts: Kazakhstanis in the battles of the Great Patriotic War 1941–1945]. Galym, Almaty Publ., 1995, 336 p. (In Russ.)

Edygenov N.E. *Uchastiye kazakhstantsev v partizanskom dvizhenii v Belorussii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Participation of Kazakhstanis in the partisan movement in Belorussia during the Great Patriotic War]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 208 p.; Edygenov N.E. *Uchastiye kazakhstantsev v partizanskom dvizhenii v Belorussii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Participation of Kazakhstanis in the partisan movement in Belorussia during the Great Patriotic War], repeat edition. Almaty, Eltanym Publ., 2015, 192 p. (In Russ.)

Komandovaniye korpusnogo i divizionnogo звена Sovetskikh Vooruzhennykh Sil perioda Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: sbornik Glavnogo upravleniya kadrov MO SSSR [Command of corps and division level of the Soviet Armed Forces of the period of the Great Patriotic War 1941–1945: Collection of the Main Personnel Directorate of the USSR Ministry of Defence]. Moscow, Publishing House of the Frunze Military Academy named by M.V. Frunze Publ., 1964, 564 p. (In Russ.)

Kozybayev M.K. *Izbrannyye trudy: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols.]. Almaty Eltanym, 2015, vol. 2, pp. 27–56. (In Russ.)

Nusupbekov A.N. *Kazakhstantsy v bitve pod Moskvoy* [Kazakhstanis in the Battle of Moscow]. *Kazakhstan v Velikoy Otechestvennoy voyne: ocherki* [Kazakhstan in the Great Patriotic War: collection]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1968, vol. 1, pp. 5–31. (In Russ.)

Pokrovskiy S.N. *Kazakhstanskiye soyedineniya na Kurskoy duge* [Kazakhstani formations at the Kursk Bulge]. Alma-Ata, 1973, 130 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 30.10.2023.

The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 30.10.2023.

ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ В 1980-Е ГГ.

Тимошина Ирина Андреевна, аспирант института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета, Вологда, Россия, irinatimoshina@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2672-3923>

Аннотация. В статье рассмотрен половозрастной состав населения Архангельской и Вологодской областей в 1980-е гг. На основе опубликованных материалов Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг. и статистических данных текущего учёта населения автором выделены особенности состава населения по полу, возрасту и проанализировано его распределение по полу в укрупнённых возрастных группах. В распределении населения по полу в изучаемом регионе в 1980-е гг. наблюдалась тенденция превышения численности женщин над численностью мужчин. Но к 1989 году индекс феминизации, показывающий отношение числа женщин на 100 мужчин, в обеих областях постепенно сокращался. Шёл процесс выравнивания половой структуры населения. Возрастной состав жителей региона рассмотрен с экономической точки зрения, для выделения общих изменений в укрупнённых возрастных группах. По итогу анализа материалов переписей населения 1979 и 1989 гг. сделан вывод об уменьшении численности самой обширной и экономически активной группы населения трудоспособного возраста и увеличении доли лиц старше трудоспособного возраста. Население обеих областей постепенно старело «сверху». В структуре распределения жителей Архангельской и Вологодской областей и в целом РСФСР по полу в укрупнённых возрастных группах в 1980-е гг. определено, что в группах населения моложе трудоспособного и трудоспособного возрастов превалировали мужчины. В группе старше трудоспособного возраста количество мужчин резко сокращалось, чему во многом способствовала мужская сверхсмертность.

Ключевые слова: половой состав населения, возрастной состав населения, структура населения, женщины, мужчины, Архангельская область, Вологодская область.

Для цитирования: Тимошина И.А. Половозрастной состав населения Архангельской и Вологодской областей в 1980-е гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 65–71. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-65-71>

Research article

SEX AND AGE COMPOSITION OF THE POPULATION OF ARKHANGELSK AND VOLOGDA REGIONS THE 1980S

Irina A. Timoshina, postgraduate student, Institute of Social and Human Sciences, Vologda State University, Vologda, Russia, irinatimoshina@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2672-3923>

Annotation. Sex and age composition of the population of Arkhangelsk and Vologda regions in the 1980s is considered in the article. On the basis of published materials of the All-Union population censuses of 1979 and 1989 as well as statistical data of the current population count, the peculiarities of the population composition by sex and age are highlighted by the authoress; moreover, the distribution of the population by sex in enlarged age groups is analysed. With regard to the distribution of population by sex in the study region in the 1980s, there was a tendency for the number of women to exceed the number of men. However, by 1989, the feminisation index, which shows the ratio of the number of women to one hundred men, had been gradually decreasing in both regions. The process of equalisation of the sex structure of the population had had its effect. The age composition of the inhabitants of the area is considered from the economic point of view in order to highlight general changes in the enlarged age groups. According to the results of the analysis of the materials of the 1979 and 1989 population censuses, the conclusion about the decrease in the number of the most extensive and economically active group of the working-age population and about the increase in the share of persons above the working age is made. The population of both regions was gradually ageing «from above». In the structure of distribution of residents of Arkhangelsk and Vologda regions and in the Russian Republic as a whole by sex in enlarged age groups in the 1980s, it is certain that in the groups of population younger than able-bodied and working age, men prevailed. In the group above working age, the number of men declined sharply, largely fuelled by the enormous male mortality rate.

Keywords: population sex composition, population age composition, population structure, women, men, Arkhangelsk Region, Vologda Region.

For citation: Timoshina I.A. Sex and age composition of the population of Arkhangelsk and Vologda regions in the 1980s. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 65–71 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-65-71>

Одной из основных демографических характеристик населения является пол и возраст. В отечественной исторической науке исследование половозрастного состава населения в последнее десятилетие РСФСР не теряет своей актуальности. Историки обращаются к особенностям половозрастной пирамиды жителей России в конце существования СССР как к одной из основных демографических проблем, чтобы обозначить изменения в её структуре, произошедшие с момента Всесоюзной переписи 1989 года по настоящее время.

Среди работ, посвящённых половозрастному составу населения России в 1980-е гг., одним наиболее ранних является исследование, проведённое Е.М. Андреевым, Е.А. Квашой, Т.Л. Харьковой. Авторы, рассматривая половозрастную пирамиду населения России в 1989 году, выделяют её главные черты – старение и сокращение диспропорции полов [Андреев, Кваша, Харькова]. Отдельно нужно выделить монографию под редакцией Ю.А. Полякова и В.Б. Жиромской «Население России в XX в.». Всего вышло 3 тома, наибольший интерес, в рамках изучаемой темы, представляет том 3, книга 2, в которой комплексно рассматривается половозрастная структура населения и проанализированы причины изменений, происходивших в ней с 1980 по 1990 гг. К концу 1980-х гг., по подсчётам авторов, соотношение мужчин и женщин в РСФСР выровнялось, преодолев тем самым демографические провалы, вызванные Великой Отечественной войной [Поляков, Жиромская: 25–28].

Вопрос возрастной структуры народов РСФСР поднимают М.Б. Денисенко и О.А. Хараева. Историки сравнивают возрастную состав населения России по материалам переписей 1970, 1979 и 1989 гг. Они делают вывод, что большинство малочисленных народов России имели высокую долю детского населения – до 35 % и низкую долю лиц пожилого возраста – 6–8 %, по сравнению со среднероссийскими показателями. Титульная нация – русские – имели к 1989 году лишь 23 % детского населения и 16 % населения старших возрастов. На этот процесс, по мнению авторов, влияла модернизация рождаемости в рамках второго демографического периода в России [Денисенко, Хараева: 66–83].

Наряду с общероссийскими особенностями половозрастного состава населения в 1980-е гг., исследователи выделяют его региональные особенности. Е.Ю. Литвинец проанализировала особенности половозрастной структуры населения на основе данных

переписей 1979 и 1989 гг. По материалам Свердловской области историк выделила более глубокую, чем в целом по России, диспропорцию полов, которая негативно влияла на демографическое развитие региона [Литвинец 227–237].

Среди территорий Европейского Севера России, куда входят Архангельская, Вологодская, Мурманская области, республика Карелия и республика Коми, половозрастной состав, как одна из демографических характеристик населения в 1980-е гг., наиболее полно изучен в республике Коми [Фаузер, Смирнова: 168–192]. В территориальных рамках Архангельской, Вологодской и Мурманской областей особенности половозрастного состава населения индустриальных городов Европейского Севера России описала Р.С. Колокольчикова. Главной особенностью городов данного типа являлось демографически активное молодое население. Автор, в частности, рассматривает город Череповец Вологодской области. В 1980-е гг. в Череповце средний возраст женщин составлял 33 года, мужчин – 28 лет. При этом мужчин и женщин, по данным переписи населения 1979 года, было примерно одинаковое количество – 49 % и 51 % соответственно. Эти факторы способствовали увеличению рождаемости и росту численности населения города до конца 1980-х гг. [Колокольчикова: 53–57].

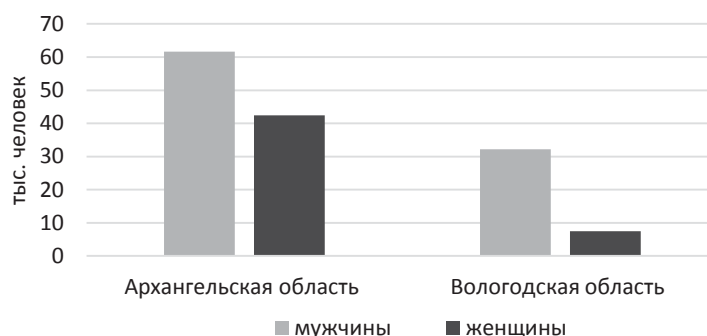
Работ, посвящённых комплексному анализу состава населения по полу и возрасту Архангельской и Вологодской областей в 1980-е гг., не опубликовано. Зарубежная историография по данному вопросу отсутствует, так как тема имеет сугубо региональный характер, а исследование ограничено узкими в историческом плане временными рамками. Особенности половозрастного состава и структуры населения Архангельской и Вологодской областей в 1980-е гг. составляют предмет настоящей статьи.

Половозрастной состав показывает распределение мужского и женского населения в разных возрастных группах и их соотношение. Важной частью половозрастного состава населения является его половая структура. Для определения структуры населения по полу используют абсолютные и относительные показатели. Абсолютные показывают разницу в количестве мужчин и женщин. Относительные рассчитываются на 1000 или 100 человек противоположного пола. Они демонстрируют удельный вес каждого пола в общей численности населения. В таблице 1 представлена абсолютная численность мужчин и женщин по опубликованным материалам Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг.

Таблица 1

Распределение населения по полу в Архангельской и Вологодской областях по данным Всесоюзных переписей населения¹

Год	Мужчины (тыс.)	Женщины (тыс.)	Мужчины (% ко всему населению)	Женщины (% ко всему населению)
<i>Архангельская область</i>				
1979	702,8	763,3	47,9	52,1
1989	764,4	805,7	48,7	51,3
<i>Вологодская область</i>				
1979	598,4	710,9	45,7	54,3
1989	630,6	718,4	46,7	53,3

Рис. 1. Прирост населения по полу в Архангельской и Вологодской областях в 1980-е гг. (тыс. чел.)

Абсолютное преобладание количества женщин или мужчин называется «женским» или «мужским» перевесом. Исторически так сложилось, что женщин численно больше, чем мужчин. По данным таблицы 1, в Архангельской области «женский» перевес в 1979 году составлял 60,5 тыс. человек, в 1989 году – 41,3 тыс. человек. За десятилетие показатель сократился в 1,5 раза. В Вологодской области в 1979 году «женский перевес» составил 112,5 тыс. человек, в 1989 году – 87,8 тыс. человек. За межпереписной период он стал меньше в 1,2 раза.

Распределение населения по полу в Архангельской и Вологодской областях отражали общероссийские тенденции превышения числа женщин над числом мужчин. Но в Архангельской области этот разрыв в процентном соотношении был меньше. К 1989 году диспропорция полов в Архангельской области практически сократилась. Женщин было лишь на 2,6 % больше, чем мужчин. В Вологодской области наблюдалась та же тенденция выравнивания соотношения численности мужчин и женщин. Но разрыв к 1989 году составлял 6,6 % в сторону преобладания женского населения, что было в 3 раза больше, чем в Архангельской области.

Отношение числа женщин к числу мужчин называется коэффициентом феминизации. При численном преобладании женщин рассчитывают именно этот коэффициент. В 1979 году в Архангельской области на 100 мужчин приходилось 108 женщин, коэффициент феминизации составлял 108. В 1989 году это со-

отношение менялось. На 100 мужчин было 104 женщины, коэффициент феминизации сократился до 104. В Вологодской области за десятилетие коэффициент феминизации сократился со 118 до 113.

На изменение коэффициента феминизации влияет прирост населения. В Архангельской области женщин за десятилетие с 1979 по 1989 г. стало больше на 42,4 тыс. человек (+5,5 %), в Вологодской – на 7,5 тыс. человек (+1 %). Количество мужчин-архангелогородцев за этот период выросло на 61,6 тыс. человек (+8,8 %), вологжан – на 32,2 тыс. человек, или +5,1 %. Показатели прироста населения по полу нагляднее представить в виде диаграммы (рис. 1).

В целом по обеим областям прирост мужского населения – втрое больше, чем женского. В Архангельской области прирост мужского населения был в 1,5 раза больше, чем женского, в Вологодской – в 5 раз. Тем не менее, несмотря на увеличение доли мужчин и более высокие темпы прироста мужского населения по сравнению с женским, женщин к концу 1980-х гг. всё ещё было больше, чем мужчин.

Неотъемлемой частью половозрастного состава населения выступает возрастная структура. Под возрастной структурой подразумевается распределение населения по возрастным группам.

Основным источником для анализа возрастной структуры являются переписи населения 1979 и 1989 гг., в которых данные систематизированы по однолетним и пятилетним возрастным группам. На основе пятилетних групп можно выделить бо-

Распределение населения по укрупнённым возрастным группам
в Архангельской и Вологодской областях в 1980-е гг.¹

	Архангельская область				Вологодская область			
	Тыс. человек		В % к итогу		Тыс. человек		В % к итогу	
	1979 г.	1989 г.	1979 г.	1989 г.	1979 г.	1989 г.	1979 г.	1989 г.
Всё население	1466,0	1569,7	100 %	100 %	1309,3	1349,0	100,0	100,0
Моложе трудоспособного возраста	345,6	396,6	23,5	25,3	291,5	329,3	22,3	24,4
Трудоспособного возраста	924,5	931,6	63,1	59,3	781,6	744,2	59,7	55,2
Старше трудоспособного возраста	195,9	241,5	13,4	15,4	236,2	275,5	18,0	20,4

лее общие группы населения с экономической точки зрения: моложе трудоспособного, трудоспособного и старше трудоспособного возраста. Анализ возрастной структуры населения с этой позиции позволит выделить общие тенденции в распределении населения по укрупнённым возрастным группам и его динамику за десятилетие.

За период между Всесоюзными переписями населения 1979 и 1989 года в возрастной структуре населения региона произошли значительные изменения (табл. 2).

В таблице 2 представлены укрупнённые возрастные группы, сформированные по пятилетним возрастным периодам, как это представлено в разработочных таблицах переписей населения. Моложе трудоспособного – возраст 0–15 лет, трудоспособный возраст – 15–54 у женщин, 15–59 у мужчин. Возраст старше трудоспособного начинался с 55 лет у женщин, с 60 лет у мужчин. Численность населения Архангельской и Вологодской областей с 1979 по 1989 г. увеличилась в группе моложе трудоспособного возраста на 2,2 %. Увеличение происходило равномерно в обеих областях. В эту категорию входили дошкольники и школьники.

Самая обширная группа – население трудоспособного возраста – сокращалась. В Архангельской области численность населения в этой группе сократилась на 3,8 %, в Вологодской – на 4,5 %. На Вологодчине демографически молодыми оставались лишь Вологда и Череповец, где население до 18 лет в два раза превосходило численность лиц преклонного возраста².

Увеличение численности населения в группе старше трудоспособного возраста и в Архангельской, и в Вологодской областях составило 2,2 %. При увеличении доли лиц пожилого возраста в общей численности населения используется понятие «демографическое старение» и рассчитывается коэффициент старения.

Коэффициент старения населения определяется как доля лиц в возрасте старше 60 лет по отношению к общей численности населения. Наиболее широкое распространение в демографических исследованиях получила шкала Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета [Чи-

стова: 490]. Для исчисления уровня старости населения Архангельской и Вологодской областей к концу 1980-х гг. необходимо посчитать долю жителей старше 60 лет. Согласно переписи населения 1989 года, лиц старше 60 лет в Архангельской области было 196,1 тыс. человек, в Вологодской – 219,1 тыс. человек³. По отношению к общему количеству населения архангелогородцы старше 60 лет составляли 12,5 %, вологжане этой же возрастной группы – 16, %.

Согласно шкале демографического старения Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета, 12–14 % населения старше 60 лет в общей численности населения региона показывают, что всё население находится на начальном уровне демографической старости (Архангельская область к концу 1980-х гг.). Процентная доля в 16–18 % считается высоким уровнем демографической старости (Вологодская область в конце 1980-х гг.).

Таким образом, в 1980-е гг. можно выделить общие тенденции в изменении возрастной структуры населения Архангельской и Вологодской областей. В этот период в регионе наблюдалось сокращение трудовых ресурсов. Такое положение обуславливалось сменой поколений: в 1980-е годы в трудоспособный возраст начала вступать самая малочисленная за все послевоенные годы группа молодёжи, родившаяся в конце 1960-х – начале 1970-х годов. А выбывала из трудоспособного возраста достаточно многочисленная группа 1925-х и последующих годов рождения [Колокольчикова: 54–55].

Другая тенденция – старение населения. Процесс, когда происходит увеличение доли пожилого населения, при этом не сокращается численность детей, в демографии определяется как старение «сверху». На данный процесс влияло увеличение продолжительности жизни. Средняя продолжительность жизни в РСФСР в 1989 году составила 64,4 года. В Архангельской области она увеличилась с 66,8 лет в 1985 году до 69,4 лет в 1989 году [Шельгин: 37]. В Вологодской области средняя продолжительность жизни выросла с 68,2 лет в 1985 году до 70,1 лет к 1989 году⁴. По данным переписи 1989 года, средний возраст населения на Вологодчине составил 35,3 года против 34,7 лет в 1979 году. Самое молодое население

Таблица 3

**Численность населения по полу в основных возрастных группах
(по данным переписей населения 1979 и 1989 годов, тыс. человек)⁶**

Возрастная группа	1979 год		1989 год	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
<i>РСФСР</i>				
Моложе трудоспособного	16232	15742	18288	17707
Трудоспособного возраста	41544	41387	43440	40306
Старше трудоспособного	5387	17049	6946	20250
<i>Архангельская область</i>				
Моложе трудоспособного	175,9	169,6	200,7	195,2
Трудоспособного возраста	487,7	436,7	507,9	424,5
Старше трудоспособного	39,0	156,9	55,3	185,9
<i>Вологодская область</i>				
Моложе трудоспособного	136,6	132,6	158,2	153,5
Трудоспособного возраста	417,0	386,3	410,1	351,6
Старше трудоспособного	63,0	191,7	61,2	206,0

ние проживало в Череповце (33 года), а самое «старое» – в сельской местности Устюженского района (44 года)⁵.

Выявив общие тенденции полового и возрастного состава населения в отдельности, необходимо рассмотреть половой состав населения Архангельской и Вологодской областей по отношению к РСФСР в основных возрастных группах. Он представлен в таблице 3.

Исходя из данных таблицы 3, можно говорить о диспропорции в количестве мужчин и женщин в группах моложе трудоспособного и трудоспособного возрастов в сторону преобладания мужчин в целом по России. По данным обеих переписей, мальчиков было больше, чем девочек, на 3 %. В 1979 году трудоспособных мужчин больше, чем женщин, на 0,4 %, в 1989 году – на 7,2%. А в старших возрастах наблюдалось резкое сокращение количества мужского населения и большее количество (65 % против 35 %) женщин пожилого возраста. Соотнося общероссийские тенденции с региональными, видим аналогичную картину. Если в возрастных группах моложе трудоспособного и трудоспособного возраста количество мужчин в целом по областям превышало количество женщин в 1,2 раза, то в группе старше трудоспособного возраста к 1989 году женского населения в обеих областях было больше, чем мужского, в 3 раза. Исходя из этого, можно говорить о мужской сверхсмертности в старших возрастах, значительно повлиявшей на соотношение полов. К.В. Шельгин, исследовавший данный феномен на примере Архангельской области, сделал вывод, что причиной резкого сокращения численности мужчин в группах трудоспособного и старше трудоспособного возрастов являлась алкоголь-ассоциированная смертность. Высокое, по сравнению с женским населением, употребление алко-

голя и более тяжелый физический труд вызывали сердечно-сосудистые заболевания. Именно заболевания сердца и сосудов были причиной смерти большей части мужского населения [Шельгин: 40–41].

Помимо дифференциации смертности, на распределение населения в 1980-е гг. влияла производственная специфика региона. Архангельская область, приравненная к региону Крайнего Севера и имевшая развитую промышленность, притягивала мужское население трудоспособного возраста. Это частично компенсировало мужскую сверхсмертность в трудоспособном возрасте и обуславливало превышение численности мужчин над числом женщин [Константинов: 129–131]. В Вологодской области молодые мужчины переезжали в развитый металлургический центр, Череповец, и промышленно развитую Вологду, что также способствовало большей численности мужчин трудоспособного возраста в целом по области, чем трудоспособных женщин.

Таким образом, распределение населения по полу в Архангельской и Вологодской областях соответствовало общим тенденциям превышения численности женщин над численностью мужчин в 1980-е г. Но к 1989 году, особенно в Архангельской области, диспропорция полов практически сгладилась, на что влиял больший, по сравнению с женским, прирост мужского населения. Благодаря этому коэффициент феминизации сократился за десятилетие в Архангельской области со 108 до 104, в Вологодской области – с 118 до 113.

Распределение населения по укрупненным экономическим группам также отражало общероссийские тренды. Численность населения в группе моложе трудоспособного возраста с 1979 по 1989 гг. равномерно увеличилась в обеих областях. Самая обширная группа населения трудоспособного возраста сократи-

лась на 4 % в целом по региону. И в Архангельской, и в Вологодской областях наблюдалось увеличение доли пожилых лиц, что говорит о демографической старости населения. Шёл процесс старения населения «сверху», так как численность детей не сокращалась, а увеличивалась численность пожилых людей за счёт роста средней продолжительности жизни.

Анализ распределения населения по полу в укрупнённых возрастных группах показал, что в группах моложе трудоспособного и трудоспособного возрастов численно преобладали мужчины, а в группе старше трудоспособного – женщины.

Диспропорция полов в сторону преобладания мужчин в группе моложе трудоспособного возраста определялась общими тенденциями превышения числа мальчиков над числом девочек при рождении. Преобладание мужчин в группе трудоспособного возраста во многом обуславливалось интенсивной трудовой миграцией. Специфика промышленной базы региона и экономические инструменты по привлечению молодых специалистов на территорию Крайнего Севера, к которой была приравнена Архангельская область, активизировали миграции молодых людей в трудоспособном возрасте, что способствовало численному превосходству мужчин в общей численности данной группы населения до конца 1980-х гг. В возрасте старше трудоспособного доля мужчин резко сокращалась, что было вызвано мужской сверхсмертностью.

Примечания

¹ Составлено и рассчитано по: таблице 9с «Распределение населения по национальности и родному языку» (см.: Всесоюзная перепись населения 1979 года // Демоскоп Weekly: электрон. версия бюллетеня «Население и общество». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=14 (дата обращения: 27.08.2023)); таблице 2 «Распределение населения союзных и автономных республик, автономных областей и округов, краев и областей по населению по полу и возрасту» (см.: Всесоюзная перепись населения 1989 года // Демоскоп Weekly: электрон. версия бюллетеня «Население и общество». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_89.php?reg=6 (дата обращения: 27.08.2023)).

² Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 637. Оп. 1. Д. 238.

³ Подсчитано по: таблице 9с «Распределение населения по национальности и родному языку» (см.: Всесоюзная перепись населения 1979 года // Демоскоп Weekly: электрон. версия бюллетеня «Население и общество». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79_gs.php?reg=14 (дата обращения: 27.08.2023)); таблице 2 «Распределение населения союзных и автономных республик, автономных областей и округов, краев и областей по населению

по полу и возрасту» (см.: Всесоюзная перепись населения 1989 года // Демоскоп Weekly: электрон. версия бюллетеня «Население и общество». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_89.php?reg=6 (дата обращения: 27.08.2023)).

⁴ Вологодская область в цифрах 1980–1990 гг. Вологда: Госкомстат РСФСР, 1991. С. 30.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Составлено по: Население России за 100 лет (1897–1997): ст. сб. // Госкомстат России. Москва, 1998. 222 с.; таблице 2 «Распределение населения союзных и автономных республик, автономных областей и округов, краев и областей по полу и возрасту» (см.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года // Демоскоп Weekly: электрон. версия бюллетеня «Население и общество». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_89.php?reg=4 (дата обращения: 26.08.2023)); Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6127.

Список литературы

Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харькова Т.Л. Динамика изменения половозрастной структуры населения России // Демоскоп Weekly: электрон. версия бюллетеня «Население и общество». URL: <https://polit.ru/article/2005/10/06/demoscope215/1345724304000/> (дата обращения: 31.08.2023).

Денисенко М.Б., Хараева О.А. Возрастная структура народов РСФСР, 1959–1989 // Население и кризисы: Региональные и этнические особенности демографического развития России и СССР; под. ред. И.А. Даниловой, М.Б. Денисенко. Москва: МАКС Пресс, 2004. Вып. 10. С. 66–83.

Колокольчикова Р.С. Демографические процессы и гендерные особенности населения в индустриальных городах Европейского Севера России (вторая половина 1960-х – середина 1980-х гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. С. 53–57.

Константинов А.С. Миграционные процессы в условиях трансформации территориально-поселенческой структуры в Архангельской области (1926–1989 гг.) // АИС. 2014. № 16. С. 116–132.

Литвинец Е.Ю. Динамика половозрастного состава населения Свердловской области в 1980–1990-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2005. № 5. С. 227–237.

Население района в зеркале переписи 1989 года // Сельская новь. № 59. С. 1.

Население России в XX в.: Исторические очерки. Т. 3. Кн. 2 / Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2012. 292 с.

Фаузер В.В., Смирнов А.В. Население Республики Коми: от советского прошлого к арктическому будущему // ЭКО. 2021. № 9. С. 168–192.

Чистова Е.В. Подход к определению стадии демографического старения населения на региональном уровне // Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. 2017. Т. 2. С. 489–496.

Шельгин К.В. Основные эволюции естественного движения населения Архангельской области // Экология человека. 2009. № 10. С. 36–43.

References

- Andreev E.M., Kvasha E.A., Khar'kova T.L. *Dinamika izmeneniia polovozrastnoi struktury naseleniia Rossii* [Dynamics of changes in the gender and age structure of the Russian population]. *Demoskop Weekly: electron. versiiia biulletenia «Naselenie i obshchestvo»* [Demoscope Weekly: electronic version of the newsletter "Population and Society"]. URL: <https://polit.ru/article/2005/10/06/demoscope215/1345724304000/> (access date: 31.08.2023). (In Russ.)
- Chistova E.V. *Podkhod k opredeleniiu stadii demograficheskogo stareniiia naseleniia na regional'nom urovne* [An approach to determining the stage of demographic aging of the population at the regional level]. *Demograficheskii potentsial stran EAES: VIII Ural'skii demograficheskii forum* [Demographic potential of the EAEU countries: VIII Ural Demographic Forum]. Ekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN Publ., 2017, vol. 2, pp. 489-496. (In Russ.)
- Denisenko M.B., Haraeva O.A. *Vozrastnaja struktura narodov RSFSR, 1959–1989*. [The age structure of the RSFSR 1959–1989]. *Naselenie i krizisy: Regional'nye i jetnicheskije osobennosti demograficheskogo razvitiia Rossii i SSSR* [Population and crises: Regional and ethnic features of demographic development in Russia and the USSR], ed. by I.A. Danilovoj, M.B. Denisenko. Moscow, MAKS Press Publ., 2004. vol. 10, pp. 66-83. (In Russ.)
- Fauzer V.V., Smirnov A.V. *Naselenie Respubliki Komi: ot sovetskogo proshlogo k arkticheskomu budushchemu urovne* [The population of the Komi Republic: from the Soviet past to the Arctic future]. *EKO* [EKO], 2021, No. 9, pp. 168-192. (In Russ.)
- Kolokol'chikova R.S. *Demograficheskie protsessy i gendernye osobennosti naseleniia v industrial'nykh gorodakh Evropeiskogo Severa Rossii (vtoraia polovina 1960-kh – seredina 1980-kh gg.)* [Demographic processes and gender characteristics of the population in the industrial cities of the European North of Russia (the second half of the 1960s - mid 1980s)]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2011, No. 1, pp. 53-57. (In Russ.)
- Konstantinov A.S. *Migratsionnye protsessy v usloviakh transformatsii territorial'no-poselencheskoi struktury v Arkhangel'skoi oblasti (1926–1989 gg.)* [Migration processes in the conditions of transformation of the territorial settlement structure in the Arkhangelsk region (1926-1989)]. *AiS* [AiS], 2014, No. 16, pp. 116-132. (In Russ.)
- Litvinets E.Iu. *Dinamika polovozrastnogo sostava naseleniia Sverdlovskoi oblasti v 1980-1990-e gg.* [Dynamics of the gender and age composition of the population of the Sverdlovsk region in the 1980s and 1990s.]. *Dokument. Arkhiv. Istoriia. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity]. Ekaterinburg, Ural. un-ta Publ., 2005, No. 5, pp. 227-237. (In Russ.)
- Naselenie raiona v zerkale perepisi 1989 goda* [The population of the district in the mirror of the 1989 census]. *Sel'skaia nov'* [Rural nov], No. 59, p. 1. (In Russ.)
- Naselenie Rossii v XX v. Istoricheskie ocherki* [The population of Russia in the XX century: Historical essays], vol. 3, iss. 2; Ju.A. Poljakov, V.B. Zhiromskaja. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija Publ., 2012, 292 p. (In Russ.)
- Shelygin K.V. *Osnovnye evoliutsii estestvennogo dvizheniia naseleniia Arkhangel'skoi oblasti* [The main evolutions of the natural movement of the population of the Arkhangelsk region]. *Ekologija cheloveka* [Ecology of people], 2009, No. 10, pp. 36-43. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.09.2023; одобрена после рецензирования 06.11.2023; принята к публикации 07.11.2023.

The article was submitted 14.09.2023; approved after reviewing 06.11.2023; accepted for publication 07.11.2023.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАРОЖДЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ МОНГОЛИЕЙ (МНР) И РОССИЕЙ (СССР) (1860–1939 ГГ.)

Энхбат Очхуу, майор вооруженных сил Монголии, адъюнкт, Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва, Россия, ochkhuu1025@gmail.com

Аннотация. В статье на основе нормативных правовых документов анализируются исторические вехи зарождения и становления военно-политических отношений Монголии и России за продолжительный отрезок времени – начиная с 60-х гг. XIX столетия и вплоть до начала Второй мировой войны. Именно политика, проводимая Россией и СССР, наряду с разнообразными внешними и внутренними факторами, оказала решающее значение в получении Монголией независимости и суверенитета. В статье рассматривается: характер влияния России (СССР) на становление и укрепление монгольской армии; участие военных инструкторов русской императорской армии и военных представителей РККА в формировании и подготовке монгольских частей и подразделений в 1910–20-е гг.; исследуются основные аспекты военно-политического сотрудничества между СССР и Монголией в 1930-е гг. и накануне Второй мировой войны, в частности особенности и вопросы поставок вооружения в войсковые части монгольской армии, размещение советских частей на территории МНР, а также помощь Красной армии в отражении японской агрессии на реке Халхин-Гол в 1939 г. На основании ранее опубликованных архивных источников и материалов проводится детальный анализ организации и строительства вооруженных сил МНР, их боевой подготовки и комплектования. В статье делается вывод об определяющем влиянии военно-политических отношений между Россией и Монголией в исследуемый период на формирование монгольского государства и его вооруженных сил, а также укреплению положения Монголии на международной арене.

Ключевые слова: Российская империя, РСФСР, СССР, Маньчжурия, Монголия, МНР, Китай, монголо-российские отношения, военно-политические отношения.

Для цитирования: Очхуу Э. Исторические аспекты зарождения и становления военно-политических отношений между Монголией (МНР) и Россией (СССР) (1860–1939 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 72–78. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-72-78>

Research Article

HISTORICAL ASPECTS OF THE ORIGIN AND FORMATION OF MILITARY AND POLITICAL RELATIONS BETWEEN MONGOLIA (MONGOLIAN PEOPLE'S REPUBLIC) AND RUSSIA (THE USSR) (1860–1939)

Enkhbat Ochhuu, Major of the Mongolian Armed Forces, adjunct, the Russian Federation's Armed Forces General Staff military academy, Moscow, Russia, ochkhuu1025@gmail.com

Abstract. Historical milestones of the birth and formation of military and political relations between Mongolia and Russia over a long period of time, from the 1860s up to the beginning of World War II are analysed in the article on the basis of normative legal documents. It was the policies pursued by Russia and the USSR, along with a variety of external and internal factors, that were decisive in Mongolia's gaining independence and sovereignty. The nature of the influence of Russia (USSR) on the formation and strengthening of the Mongolian army is considered in the article; as well as the participation of military instructors of the Russian Imperial Army and military representatives of the Russian Communist Red Army in the formation and training of Mongolian military troops and military units in the 1910-1920s; the main aspects of military and political cooperation between the USSR and Mongolia in the 1930s and on the eve of World War II are studied, in particular the specifics and issues of supplying weapons to the military units of the Mongolian army, as well as the role of the Soviet Union in the development of the Mongolian army. On the basis of previously published archival sources and materials, a detailed analysis of the organisation and construction of the Mongolian People's Republic's armed forces, their combat training and manning is carried out. Conclusion about the determining influence of military-political relations between Russia and

Mongolia in the studied period on the formation of the Mongolian state and its armed forces, as well as on strengthening of Mongolia's position in the international arena is made in the article.

Keywords: Russian Empire, Russian Soviet Federative Socialist Republic, USSR, Manchuria, Mongolia, Mongolian People's Republic, China, Mongolian-Russian relations, military-political relations.

For citation: Ochhuu E. Historical aspects of the origin and formation of military and political relations between Mongolia (Mongolian People's Republic) and Russia (the USSR) (1860–1939). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 72–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-72-78>

На современном этапе Монголия и Россия имеют огромный потенциал развития международного сотрудничества, в основе которого лежит исторический опыт и разносторонний характер развития политических, экономических, военных, дипломатических и культурных взаимоотношений. В начале XX в. Российская империя, затем РСФСР, а чуть позже и СССР помогли монгольскому государству в обретении независимости, выступая гарантом сохранения суверенитета Монголии.

2 ноября 1860 г. в Пекине было подписано важное дипломатическое соглашение между Российской империей и Китаем – Пекинский трактат. Этот документ согласовывал границы сопредельных территорий двух стран, а также предоставлял российскому правительству право иметь консульство в оккупированной Китаем Монголии [Дополнительный договор]. Уже на следующий год российское представительство было открыто в Урге [Дополнительный договор: ст. 5]. Первым российским консулом в Монголию был назначен подполковник К.Н. Боборыкин, через два года в этой должности его сменил Я.П. Шишмарев, проработавший в посольстве почти столетия, с 1863 по 1911 гг. [Монгол-Оросын харилцааны: 15].

В эти годы Россия заявляла о своих военно-политических и экономических интересах не только в Монголии, но и предпринимала попытки распространять влияние в целом на данный регион. Так, 28 июля 1911 г. в телеграмме из Монголии, направленной российским консульством в адрес руководителей дипломатического ведомства, отмечалось: «...Реформы, проводимые китайцами, направлены на полное закабаление Монголии» [Международные отношения: 271]. Однако в дипломатическом ведомстве был сделан вывод о том, что у России недостаточно сил, чтобы противодействовать Китаю. На данном этапе решено было не вмешиваться в конфликт.

Имеющиеся в распоряжении исследователей документы, а также некоторые исторические факты подтверждают, что первые попытки по установлению военных отношений между Монголией и Российской империей были предприняты в 1911 г. В начале XX в. империя Цин потерпела поражение, после чего в стране установилась республиканская форма правления. Воспользовавшись ситуацией, монгольские феодально-географические силы в конце декабря 1911 г. провозгласили о создании монархии.

В целях расширения своего влияния во Внутренней Монголии 18 апреля (1 мая) 1912 г. российское правительство подписало с руководством образовавшейся монархии «Соглашение о предоставлении Россией Монголии ссуды на содержание монгольских войск и русских инструкторов» [Российско-монгольское военное сотрудничество: 25]. Далее договорно-правовой основой для последующего развития связей в военной области между двумя монархиями послужило «Дружественное соглашение о признании Россией автономной Монголии», подписанное 21 октября (3 ноября) 1912 года [Российско-монгольское военное сотрудничество: 28–29].

Развивая связи с Россией, Монголия не только смогла укрепить свою независимость, но и выстроить отношения с другими государствами. Однако отношения с Россией являлись приоритетным направлением в политике монгольских правителей. Подтверждением этому служит посещение России руководителем Богды-ханства Т.О. Намнансурэном и министром иностранных дел М. Хандоржом в 1912 г. В ходе этого визита обсуждались вопросы политической и финансовой поддержки, получения оружия, оказания помощи в обучении армии и укреплении обороны Монголии. В результате этого визита монгольское руководство получило часть необходимых кредитов и небольшое количество оружия.

Следующее «Соглашение о предоставлении Россией Монголии беспроцентной ссуды на содержание войск, приобретение оружия и организацию администрации» от 15 (28) января 1913 г. способствовало выделению российским правительством монгольскому 2 млн рублей для содержания войск, приобретения оружия, а также решения других вопросов монгольской стороной [Российско-монгольское военное сотрудничество: 40–41]. Все это послужило основой для создания армии монгольского государства, а ее началом можно считать образование при активном участии русских военных инструкторов конной бригады в составе 1900 человек [Российско-монгольское военное сотрудничество: 21]. По «Соглашению между Россией и Монголией об организации и снабжении Монгольской бригады с помощью русских военных инструкторов» от 3 (16) февраля 1913 г. [Российско-монгольское военное сотрудничество: 42–43] Россия признавала право монгольского правительства на автономию, а также установила свои исключительные

торговые права в Монголии. Все эти действия можно рассматривать как признание фактического статуса Монголии¹.

Важным событием в развитии двухсторонних отношений стало заключение в феврале 1913 г. первого соглашения «Об обучении монгольских войск» (срок действия соглашения – 1 год). В соответствии с этим документом монгольское правительство обязано было пригласить военных инструкторов из России в следующем количестве: 17 офицеров и 42 унтер-офицера [Отечественная военная история: 121]. Кроме того, в конце 1913 – начале 1914 г. правительствам двух государств удалось договориться о закупках для Монголии 20 000 винтовок с 20 000 000 патронов, 4 пулеметов с 400 000 патронов и боеприпасов в объеме выделенного кредита на 3 млн рублей [Российско-монгольское военное сотрудничество: 92–93]. А 1 июня 1914 г. по новому соглашению с монгольским правительством русские военные инструкторы (22 офицера) были направлены в монгольские воинские части, а начальнику инструкторов присвоен чин советника при монгольской армии.

Следует заметить, что Монголии на том историческом этапе развития все же не удалось стать полностью независим государством, затраченных усилий оказалось недостаточно. Так, в 1915 г. в Кяхте прошла трехсторонняя конференция с участием Монголии, России и Китая. На Кяхтинской конференции обсуждался вопрос государственного устройства Монголии. Итогом переговоров стало решение о расширении прав Монголии как автономии в составе Китая, без получения суверенитета.

Несмотря на поставки оружия и боеприпасов из России, Монголия в середине 1919 г. утратила контроль над Богды-ханством после оккупации его территории китайской армией. На эти действия непосредственно повлияло доминирование над Монголией соседних государств, прежде всего Японии. В этих условиях монгольское руководство попросило военной поддержки у РСФСР. После согласованных решений и необходимых процедур от советского правительства последовала помощь. 26 июня 1921 г. на территорию Монголии для уничтожения укрывавшихся там белогвардейских войск генерала Р.Ф. Унгерна фон Штернберга был введен советский экспедиционный корпус под командованием К.А. Неймана – командира 35-й Сибирской дивизии в составе 5-й армии [Жабаева: 105]. Совместными усилиями советских войск и монгольских отрядов в сжатые сроки значительные силы барона Р.Ф. Унгерна были разгромлены, и 6 июля была освобождена столица Монголии – г. Урга (с 1639 г. по 1924 г., позднее – переименована в г. Улан-Батор).

Необходимо подчеркнуть, что это была первая военная операция с важнейшей для Красной армии

задачей по разгрому остатков антибольшевистских вооруженных формирований, скрывавшихся в Монголии и совершавших нападения на стратегические объекты молодой республики Советов. В дальнейшем по просьбе монгольской стороны на ее территории временно размещались подразделения Красной армии, что непосредственно способствовало укреплению и самой Монгольской народной армии (далее – МНРА). Также Советская Россия оказывала помощь монгольской армии и военными советниками [Жалсапова: 120–123].

Военные советники из Советской России, которые, как правило, направлялись в Монголию из частей и соединений Красной армии, дислоцировавшихся рядом с монгольской территорией, принимали активное участие в создании и подготовке МНРА. Следует учитывать, что до 1923 г. все советники из РСФСР выполняли свои обязанности разрозненно, тогда они не были объединены в общую группу. При этом они работали в каждом подразделении Главного штаба монгольских войск, оказывая всестороннюю организационную помощь. В 1921 г., докладывая руководителю дипломатического ведомства Г.В. Чичерину о результатах работы по укреплению монгольской армии, уполномоченный представитель наркомата иностранных дел РСФСР по Сибири и Монголии Б.З. Шумяцкий² сообщал: «Я уже Вам сообщал в черновиках проект организации монгольской армии. Этот проект разработан военными специалистами. Мною лично прокорректирован и согласован с временным правительством, которое, подсчитав все возможности, сочло возможным декретировать основную идею проекта необходимость постоянной нарревармии...» [Советско-монгольские отношения: 103]. Спустя некоторое время он детализировал свой доклад: «В настоящее время проект этот, став уже законом, начал осуществляться. Подобранные мною инструктора и центральная фигура, и душа всего этого плана – начальник штаба – встали уже на работу, и машина уже завертелась, лично руковожу устройством и военного, и хозяйственного, и административного аппарата» [Советско-монгольские отношения: 103].

Следует отметить, что монгольское руководство высоко оценивало работу советских военных специалистов, многие из которых были удостоены высоких государственных наград Монголии за вклад в организацию и строительство МНРА. Так, Д.И. Косич был награжден орденом Драгоценного жезла 1-й степени, а А.К. Бойко, Н.М. Гловацкий, В.И. Дмитренко и А.И. Якимович – орденами Драгоценного жезла 2-й степени. Все остальные военные инструкторы получили аттестаты в порядке, соответствующем их должностям [Документы внешней политики СССР: 110].

Военно-политическое сотрудничество Монголии и Советской России стало легитимным 5 ноября 1921 г., когда было подписано «Соглашение между Правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Народным Правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией» [Документы внешней политики СССР: 58–61]. Так, в ст. 3 указанного соглашения записано, что государства обязались «не допускать на своей территории образования или пребывания правительств, организаций, групп или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против другой стороны или свержение ее правительства и правительств союзных с ней государств» [Документы внешней политики СССР: 59]. Также подписанное соглашение имело важное значение для сохранения независимости Монголии в том смысле, что теперь она стала полноправным субъектом международных отношений. После подписания документа из Советской России в Монголию в 1922 г. было поставлено 3 000 винтовок, 2 млн винтовочных патронов, 3 000 сабель, 4 пулемета, 40 000 пулеметных патронов, 6 пушек и 3 000 артиллерийских снарядов, а также предоставлена финансовая помощь для формирования и укрепления монгольской регулярной армии [Капица: 14–15].

Для более плодотворного военного и политического сотрудничества между странами в Монголию был назначен полномочный представитель СССР. Первым советским представителем в этой высокой должности работал Алексей Николаевич Васильев. За три года службы (1923–1925) А.Н. Васильев многое сделал для установления и развития дипломатических отношений между Монголией и Советским Союзом [Отечественная военная история: 56].

26 ноября 1924 г. в Монголии была принята и вступила в силу Конституция, а столица Урга переименована в Улан-Батор (в переводе на русский язык – «Красный богатырь»). После принятия первой Конституции и провозглашения себя республикой Монголия оказалась перед необходимостью сделать исторический выбор – определить союзное государство, на которое можно было опереться для дальнейшего внутреннего и внешнего развития, добрососедских отношений и партнерства. Монгольское руководство отчетливо понимало, что для реализации таких возможностей необходимо продолжать развивать и укреплять отношения с СССР.

В 1924 г. министр военных дел Монголии С. Магсаржав посетил Советский Союз. Во время его встречи с заместителем председателя РВС СССР М.В. Фрунзе подробно обсуждался вопрос получения кредита на развитие монгольской армии. В результате достигнутых договоренностей СССР согласился предоставить МНР кредит в размере 1 млн золотых

рублей (3,3 млн тугриков) сроком на 5 лет по годовой процентной ставке [Монгол-Оросын харилцааны он дарааллын товчоон: 103]. Кредитом предусматривались поставки оружия в сумме 500 тыс. рублей на нужды МНРА в течение 1925–1927 гг. [Рошин: 72]. Важно отметить, что это была первая большая финансовая поддержка со стороны Советского Союза, направленная на укрепление обороноспособности МНР.

24 января 1925 г. советское правительство информировало монгольское руководство о выводе воинских частей Красной армии, дислоцировавшихся в Монгольской Народной Республике [Российско-монгольское военное сотрудничество: 266–268].

В начале 1930-х годов произошло резкое обострение международной обстановки на Дальнем Востоке, вызванное агрессивной политикой Японии. Дальнейшие шаги японского правительства привели к оккупации в конце 1931 г. Северо-Восточного Китая и создания на захваченной территории государства Маньчжоу-Го. Одновременно с обострением обстановки на Дальнем Востоке тяжелое положение сложилось и для МНР из-за размещения японских войск в Маньчжоу-Го. Следует понимать, что эти государства длительное время оспаривали право на владение участком реки Халхин-Гол, из-за чего часто возникали конфликтные ситуации [Новиков: 236, 239]. Действия японского правительства руководство СССР расценивало как будущую угрозу полномасштабного вторжения на советскую и монгольскую территории. Исчерпав все средства мирного урегулирования конфликтной ситуации, руководство СССР приняло ряд мер для отпора агрессорам. Так, чтобы противодействовать захватническим планам Японии, Советский Союз существенно усилил части и соединения Красной армии в дальневосточном регионе.

Из-за обострившейся на Дальнем Востоке обстановки советско-монгольские отношения в 1930-е гг. переходят в разряд особо важных. Сложившаяся ситуация создавала опасения в устойчивости позиций СССР в Монголии. В этот период правительство Советского Союза стало предельно тщательно заниматься монгольскими делами.

Обеспокоенность положением, создавшимся на Дальнем Востоке и особенно вокруг Монголии, стала основным вопросом, который обсуждался в октябре 1934 г. в ходе визита монгольской делегации во главе с П. Гэндэнэном³ в Советский Союз. Гостей с Востока принимали лично И.В. Сталин и В.М. Молотов. На встрече И.В. Сталин предложил монгольским коллегам увеличить численность МНРА до 12 тыс. человек, пообещав ежегодное выделение средств в размере 6 млн тугриков в течение 5 лет (при общих расходах монгольского государства 16–17 млн тугриков в год) в качестве компен-

саци расходов на армию [Вооруженный конфликт: 113]. Кроме того, стороны договорились об оказании взаимной помощи в предотвращении военной угрозы, в том числе и от нападения третьей стороны на МНР и СССР [Монгол-Оросын харилцааны: 170–171]. Уже 6 июля 1935 г. в соответствии с этими договоренностями советское правительство сделало заявление о защите прав, неприкосновенности и целостности территории МНР, а вскоре части и подразделения Красной армии были переброшены в Монголию.

В январе 1936 года ситуация резко ухудшилась, и правительство МНР письменно обратилось к руководителям СССР с просьбой о срочной военной помощи. В феврале советская сторона согласилась на просьбу о дополнительном вводе войск на монгольскую территорию. А уже 12 марта 1936 г. страны заключили «Протокол о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой» сроком на 10 лет [Российско-монгольское военное сотрудничество: 346]. В соответствии с протоколом СССР оказывал военную помощь в укреплении МНРА. Она выражалась в том, что в Монголию были направлены смешанная эскадрилья из 16 истребителей и штурмовиков, учебная группа в составе 40 машин с пулеметными установками и 20 броневых автомобилей. Кроме того, была предоставлена финансовая помощь в размере 6 млн рублей на нужды монгольской армии.

В итоге военная поддержка СССР способствовала тому, что МНРА имела в своем составе три кавалерийские дивизии, две бронетанковые бригады, авиационную часть и подразделения связи. Соответственно, в каждой дивизии было 12 артиллерийских орудий, 18 единиц бронетанковой техники, 68 пулеметов, 1 261 винтовка, 180 пистолетов, 33 автомашины, 24 тачанки, а также более 2 000 лошадей и верблюдов [Новиков: 105].

Поскольку внешняя угроза для Монголии только возрастала, то руководством СССР было принято решение о формировании и передислокации 57-го особого стрелкового корпуса на территорию Монголии. В 1939 г. корпус был преобразован в 1-ю армейскую группу, которая имела на вооружении 542 артиллерийских орудия и миномета, 498 танков, 385 боевых машин и 515 самолетов [Лүндэн: 4].

При этом важно понимать, что оказанная СССР военная помощь Монгольской Народной Республике была своевременной, так как 28 мая 1939 г. Япония нарушила восточные границы монгольского государства [Коломиец: 128]. Начались боевые действия на Халхин-Голе, которые продолжались почти три месяца. К 23 августа 1939 г. главные силы японской 6-й армии совместными усилиями советских и монгольских войск были окружены в пределах

территории МНР, к 27 августа рассеяны на две части, а к утру 31 августа ликвидированы. В итоге этого сражения СССР и МНР удалось одержать победу над японскими войсками в этом регионе. 16 сентября 1939 г. в Москве между СССР и Японией был подписан протокол о прекращении огня. Данный документ способствовал окончанию битвы на реке Халхин-Гол [Вооруженный конфликт: 46].

Таким образом, зарождение и становление монголо-российских отношений в области военного сотрудничества сыграли важнейшую роль в создании и функционировании монгольской армии и укреплении государственного суверенитета Монголии. Необходимо также подчеркнуть, что начало сотрудничества с Монголией положила Российская империя, дальнейшее развитие эти отношения получили в сотрудничестве с Советской Россией (РСФСР), а затем с Советским Союзом. Последующее укрепление добрососедских и дружественных отношений между Монголией и Россией в различных областях сотрудничества с опорой на общие исторические и морально-нравственные ценности являются гарантией эффективного противодействия вызовам и угрозам в современных условиях непростой мировой военно-политической обстановки.

Примечания

¹ Форма неполного признания страны в международно-правовом смысле, при которой между двумя странами могут быть установлены консульские, торговые и экономические, но не официально дипломатические отношения.

² Б.З. Шумяцкий был награжден орденом Красного Знамени МНР под № 1.

³ 1934 год стал вершиной политической карьеры П. Гэндэна, его работы в должности премьер-министра и члена президиума монгольского ЦК. П. Гэндэн, будучи премьер-министром, лично подписал больше 20 соглашений и других документов по развитию монголо-советских отношений, активным образом участвовал в их практическом претворении, в проведении мер в области политического, военного, дипломатического, экономического и культурного сотрудничества с СССР.

Список литературы

Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май – сентябрь 1939 г.: Документы и материалы / отв. сост. А.Р. Ефименко, И.И. Кудрявцев. Москва: Новалис, 2014. 520 с.

Документы внешней политики СССР. Т. 4. 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. Москва: Госполитиздат, 1960. 840 с.

Жабаева Л.Б. Становление российско-монгольского сотрудничества в военной области (первая по-

ловина 1920-х годов) // Вестник Восточно-Сибирского государственного технологического университета. 2012. № 1 (36). С. 101–107.

Жалсапова Ж.Б. Деятельность русских военных инструкторов в Монголии (1912–1916 гг.) // Власть. 2008. № 12. С. 120–123.

Катица М.С., Иваненко В.И. Дружба, завоеванная в борьбе: (Советско-монгольские отношения). Москва: Международные отношения, 1965. 219 с.

Коломиец М.А. Танки на Халхин-Голе. «Необъявленная война» Сталина: боевое крещение советских танкистов. Москва: Яуза, 2013. 128 с.

Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств: 1878–1917. Сер. 2: 1900–1913. Т. 18. Ч. 1: 14 мая 1911 г. – 13 ноября 1911 г. Москва: Госполитиздат, 1938. XVII, 470 с.

Новиков М.В. Победа на Халхин-Голе. Москва: Политиздат, 1971. 110 с.

Отечественная военная история: в 3 т. Т. 2, 3. Москва: Издательский дом «Звонница-МГ», 2003. 656 с.

Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сборник документов: в 2 ч. Ч. 1. Москва: ИД «Граница», 2019. 360 с.

Роцин С.К. П. Гэндэн, монгольский национальный лидер. Штрихи биографии. Москва: Институт востоковедения РАН, 2008. 160 с.

Советско-монгольские отношения. 1921–1974: Документы и материалы: в 2 т. Т. 1: 1920–1940. Москва: Международные отношения, 1975. 590 с.

Лүндэн Г. Монгол-Оросын цэргийн харилцаа. Монгол-Оросын хооронд дипломат харилцаа тогтоосны 100 жилийн ойн // Батлан хамгаалах, Зэвсэгт хүчний төв хэвлэл “Соёмбо” сонин. 2021. № 37 (10766).

Монгол-Оросын харилцааны он дарааллын товчоон 1911–2021 // Монгол Улсын Гадаад харилцааны яам. Монгол Улсын ШУА-ийн Олон улс харилцааны хүрээлэн. Эрхэлсэн Оохнойн Батсайхан. Улаанбаатар хот., 2021.

References

Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 4. 19 marta 1921 g. – 31 dekabrya 1921 g. [Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 4. March 19, 1921 – December 31, 1921.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960, 840 p. (In Russ.)

Kapica M.S., Ivanenko V.I. *Druzhiba, zavoevannaja v bor'be: (Sovetsko-mongol'skie otnoshenija)* [Friendship won in struggle: (Soviet-Mongolian relations)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1965, 219 p. (In Russ.)

Kolomiec M.A. *Tanki na Halhin-Gole. «Neobjavlenaja vojna» Stalina: boevoe kreshhenie sovetskih tankistov* [Tanks at Khalkhin Gol. Stalin's “undeclared war”: the baptism of fire of Soviet tank crews]. Moscow, Jauza Publ., 2013, 128 p. (In Russ.)

Mezhdunarodnye otnoshenija v jepohu imperia-lizma: Dokumenty iz arhivov carskogo i vremennogo pravitel'stv: 1878–1917. Ser. 2: 1900–1913. T. 18. Ch. 1: 14 maja 1911 g. – 13 nojabrya 1911 g. [International relations in the era of imperialism: Documents from the archives of the tsarist and provisional governments: 1878-1917. Ser. 2: 1900-1913. Vol. 18, part 1: May 14, 1911 – November 13, 1911]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1938, XVII, 470 p. (In Russ.)

Novikov M.V. *Pobeda na Halhin-Gole* [Victory at Khalkhin Gol]. Moscow, Politizdat Publ., 1971, 110 p. (In Russ.)

Otechestvennaja voennaja istorija: v 3 t. T. 2, 3 [Domestic military history: in 3 vols., vol. 2, 3]. Moscow, Izdatel'skij dom «Zvonnica-MG» Publ., 2003, 656 p. (In Russ.)

Rossijsko-Mongol'skoe voennoe sotrudnichestvo (1911–1946): sbornik dokumentov: v 2 ch. Ch. 1 [Russian-Mongolian military cooperation (1911–1946): collection of documents: in 2 parts, part 1]. Moscow, ID «Granica» Publ., 2019, 360 p. (In Russ.)

Roshhin S.K. *P. Gjendjen, mongol'skij nacional'nyj lider. Shrihi biografii* [P. Genden, Mongolian national leader. Biographical touches]. Moscow, Institut vosto-kovedenija RAN Publ., 2008, 160 p. (In Russ.)

Sovetsko-mongol'skie otnoshenija. 1921–1974. Dokumenty i materialy: v 2 t. T. 1: 1920–1940 [Soviet-Mongolian relations. 1921-1974. Documents and materials: in 2 vols., vol. 1: 1920-1940]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1975, 590 p. (In Russ.)

Vooruzhennyj konflikt v rajone reki Halhin-Gol. Maj-sentjabr' 1939 g. Dokumenty i materialy [Armed conflict in the area of the Khalkhin Gol River. May - September 1939. Documents and materials], resp. comp. A.R. Efimenko, I.I. Kudrjavcev. Moscow, Novalis Publ., 2014, 520 p. (In Russ.)

Zhabaeva L.B. *Stanovlenie rossijsko-mongol'skogo sotrudnichestva v voennoj oblasti (pervaja polovina 1920-h godov)* [The formation of Russian-Mongolian cooperation in the military field (the first half of the 1920s)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the East Siberian State Technological University], 2012, No. 1 (36), pp. 101-107. (In Russ.)

Zhalsapova Zh.B. *Dejatel'nost' russkih voennyh in-struktorov v Mongolii (1912–1916 gg.)* [Activities of Russian military instructors in Mongolia (1912–1916)]. *Vlast'* [Power], 2008, No. 12, pp. 120-123. (In Russ.)

Lyndjen G. *Mongol-Orosyn cjergijn harilcaa. Mongol-Orosyn hoorond diplomat harilcaa togtoosny 100 zhilijn ojn* [Mongolian-Russian military relations. 100th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Mongolia and Russia]. *Batlan hamgaalah, Zjevsjegt hychnij tov hjevljel “Sojombo” sonin* [Defense and Armed Forces Central Publication “Soyombo” newspaper], 2021, No. 37 (10766). (In Mongolian).

Mongol-Orosyn harilcaany on daraalyn товчоон 1911–2021 [Bureau of Chronology of Mongolian-Russian Relations 1911–2021]. *Mongol Ulsyn Gadaad harilcaany jam* [Ministry of Foreign Affairs of Mongolia], Mongol Ulsyn ShUA-ijn Olon uls harilcaany хүгжлэл. Jerhjelsjen Oohноjn Batsajhan. Ulaanbaatar хот., 2021. (In Mongolian).

Статья поступила в редакцию 24.10.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 15.12.2023.

The article was submitted 24.10.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 15.12.2023.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 79–84. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 79–84. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира (американская литература)

УДК 821(73).09"20"

EDN QIYYCY

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-79-84>

РАССМОТРЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ «КРУГЛЫЙ ДОМ» Л. ЭРДРИЧ

Сапожникова Юлия Львовна, доктор филологических наук, доцент, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, sapojnikova.engl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5565-3813>

Аннотация. Роман «Круглый дом» Луизы Эрдрич повествует о событиях в жизни семьи Куттс, индейцев, проживающих на территории резервации. Основная сюжетная линия связана с тяжким преступлением, жертвой которого становится мать Джо Куттса, но по ходу повествования писательница описывает многие особенности культуры и истории племени оджибве. Одним из важнейших аспектов жизни индейцев, который она затрагивает, становится религия. Различие религиозных воззрений отдельных членов племени объясняется историей пребывания их предков на континенте и их взаимодействием с белыми. Луиза Эрдрич не просто констатирует сосуществование традиционных индейских верований и католической веры внутри племени (для чего она акцентирует внимание на соответствующих персонажах, которые являются приверженцами той или иной религиозной практики), но и прослеживает истоки подобного положения дел. При этом писательница не изображает католицизм и религиозные верования коренного населения как противоборствующие представления о мире. Она пытается примирить эти две религии и утверждает, что люди не обязательно должны выбрать что-то одно в попытке удовлетворить свои духовные потребности, они могут сочетать эти религиозные практики.

Ключевые слова: американская литература, «Круглый дом» Луизы Эрдрич, индейцы, религия, анимизм, тотемизм, католическая вера.

Для цитирования: Сапожникова Ю.Л. Рассмотрение религиозной тематики через систему персонажей в романе «Круглый дом» Л. Эрдрич // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 79–84. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-79-84>

Research Article

THE CONSIDERATION OF RELIGIOUS TOPIC THROUGH A SYSTEM OF CHARACTERS IN THE NOVEL “THE ROUND HOUSE” BY KAREN LOUISE ERDRICH

Yulia L. Sapozhnikova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Smolensk State University, Smolensk, Russia, sapojnikova.engl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5565-3813>

Abstract. The novel “The Round House” by Karen Louise Erdrich relates about the events in the life of the Coutts family, Native Americans living on the territory of a reservation. The main plot is connected with a serious crime, the victim of which is the mother of Joe Coutts, but in the course of the narrative the writer describes many features of the culture and history of Ojibwe tribe. Religion belongs to the most important aspects of Indian life she focuses on. The difference in the religious views of individual members of the tribe is accounted for by the history of their ancestors’ residence on the continent and their interaction with whites. Louise Erdrich not only states the coexistence of traditional Indian beliefs and the Catholic faith within the tribe (for which she concentrates on the relevant characters who are adherents of a particular religious practice), but also traces the origins of this state of affairs. At the same time the writer does not portray Catholicism and the religious beliefs of the indigenous population as opposing ideas about the world. She tries to reconcile these two religions and argues that people do not necessarily have to choose one thing in an attempt to satisfy their spiritual needs; instead, they combine religious practices.

Keywords: American literature, “The Round House” by Louise Erdrich, Indians, religion, animism, totemism, Catholic faith.

For citation: Sapozhnikova Y.L. The consideration of religious topic through a system of characters in the novel “The Round House” by Karen Louise Erdrich. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 79–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-79-84>

В последние десятилетия в литературе США все более важную роль играют представители национальных меньшинств, что становится очевидным, если, например, изучить списки победителей различных литературных премий. Достаточно вспомнить присуждение Пулитцеровской, а позднее Нобелевской премий афро-американской писательнице Тони Моррисон. Лауреатами Пулитцеровской премии также становились Луиза Эрдрич (2021), писательница с индейскими корнями; афро-американские авторы Эдвард Джонс (2004) и Колсон Уайтхед (2017 и 2020); писатели бенгальского (Джумпа Лахири, 2000), доминиканского (Джуно Диас, 2008) и вьетнамского (Вьет Нгуен Тан, 2016) происхождения и др. Всех этих писателей объединяет интерес к «мультикультурным персонам» (термин искусствоведа Р. Хьюза) [Егорова], которые находятся меж двух миров, своей этнической группы и американской культуры, и пытаются выстроить свою идентичность с учетом этой двойственности культурного наследия. Через введение подобных героев названные авторы показывают не только жизнь одного человека, имеющего подобный бэкграунд, но и затрагивают тему «судьбы народа, его портрет и историческую проблему его судьбы на сопоставлении ценности традиции и цивилизации» [Егорова: 29]. Такая специфика текстов обуславливает необходимость использования в исследовании наряду с другими методами биографического и культурно-исторического методов.

Героями книг Луизы Эрдрич выступают коренные американцы. Сама она зарегистрирована в качестве члена племени индейцев Чиппева. Отец писательницы – американец немецкого происхождения, а в роду у матери были индейцы племени оджибве и французы.

Материалом нашего рассмотрения становится роман «Круглый дом» Луизы Эрдрич, получившей за него Национальную книжную премию в 2012 году. Этот роман повествует о семье 13-летнего Джо Кутса, мать которого подверглась жестокому насилию. Поскольку невозможно было точно определить, к чьей юрисдикции (штата или резервации) относится земля, на которой было совершено преступление, насильник сумел избежать наказания. Помимо основной сюжетной линии, связанной с описанным преступлением, Луиза Эрдрич дает экскурсы в культуру и историю племени оджибве, уделяя особое внимание религии, так как она является одной из базовых категорий в процессе познания мира, формирования системы ценностей, а значит, и самоидентификации. По мнению литературоведа К. Рейнуотер, проблему мировосприятия персонажей произведений коренных американцев нужно рассматривать через призму конфликтующих кодов, среди которых одним из ведущих становится оппозиция «христианство – шаман-

ство» [Rainwater]. Интерес к названной оппозиции обусловил выбор романа «Круглый дом» в качестве материала исследования, так как его сюжет построен вокруг преступления, за которое главный герой хочет отомстить, а значит, текст постоянно затрагивает вопросы греха, вины и искупления, центральных для религии.

Религиозный аспект жизни индейцев напрямую связан с историей их пребывания на континенте и дальнейшим взаимодействием с белыми.

В основе религиозных верований индейцев лежит анимизм, под которым понимается вера в существование душ и духов. Данный термин был предложен английским этнологом и культурологом Э.Б. Тайлором, который в вере в отделимых от тела духов видел древнейшую основу возникновения религии. По его мнению, эта религия создавалась «дикарем-философом» как результат размышлений над причинами видений и смерти [Доржиева, Батмаева]. Для коренных жителей видимый повседневный мир был пронизан невидимым миром духа. Во многих культурах индейцев проницаемость миров обеспечивалась шаманом, который использовал силу духа для перемещения между мирами взад и вперед, подобно тому, как речная выдра перемещается между сушей и водой. Шаманы, имеющие доступ к миру духов, пользовались почетом, и приветствовались, если они делились этим доступом с другими [Quinlan].

Также для верований коренных жителей был характерен тотемизм, представление о родстве племени с каким-то видом растений или животных, так называемым тотемом, который воспринимался как «родич и друг» и на которого пытались воздействовать через магию. На языке племени оджибве слово «тотем» означает «его род», а потому к тотему относились как к реальному предку. Племя носило его имя и поклонялось ему [Доржиева, Батмаева].

Кроме того, для картины мира индейцев была свойственна концепция Верховного Божества, которая, «как правило, представляла собой понятие о Высшей силе персонифицированного характера, разлитой повсюду в природе и присутствующей в каждом предмете»; оно охватывало «различные классы духов в их совокупности и мир в его единстве» [Ващенко 1997: 48]. Некоторые европейцы, впервые столкнувшиеся с индейцами, ошибочно связывали эту концепцию с монотеизмом [Ващенко 1997]. Однако большинство европейцев (среди них, например, был Ж. Картье, мореплаватель, положивший начало французской колонизации Северной Америки), отмечали, что у индейцев нет веры в Бога в том понимании, которое вкладывал «цивилизованный» мир [Доржиева, Батмаева]. Соответственно, в Америку направлялись миссионеры, ставившие целью обратить индейцев в истинную веру. Марк Николас описал подобную прак-

тику как попытку «вырвать из их сознания древний уклад жизни и заменить его новой культурой» (цит. по: [Егорова: 58]).

Проповеди миссионеров порой оказывали настолько сильное впечатление на индейцев, что они отказывались от верований предков. Достаточно вспомнить раскол в среде ирокезов на христиан и язычников, который произошел в 1670 г. В результате этого раскола часть племен приняла католичество и переселилась вместе с миссионером в Канаду, там они основали так называемую группу «молящиеся индейцы Квебека», за что Ирокезская Лига объявила их предателями. Кроме того, во время войн с европейцами индейцы поняли, что Бог белых намного сильнее, чем их Великий Дух, ведь им удавалось одержать верх над лучшими индейскими воинами. Это значило, что религия белых была более действенной. Поэтому индейцы либо стали включать в свои религиозные практики отдельные элементы христианства, или вообще обращались в новую веру [Доржиева, Батмаева]. Это продолжилось и в конце XIX века, когда начали возникать движения (к ним относились, например, «Пляска духов», «Религия мечтателей» и пейотизм, или «туземная американская церковь»), которые соединяли аборигенные традиции и разные вариации христианского вероучения, а также использовали смешанную символику [Ващенко 2003].

В XX веке практически все стороны жизни аборигенов были регламентированы, были организованы англоязычные «индейские школы» (по сути, школы-интернаты), в которых священники старались искоренить все традиционные верования учеников и воспитывали их в католической вере [Ващенко 2009].

Сама писательница признается, что никогда не имела дела с какой-то другой религией, кроме католицизма. «Хотя традиционная религия оджибве процветает, я не чувствую себя комфортно, обсуждая ее. Наверное, у меня есть свои претензии к католицизму. Хотя ты никогда не меняешься, если вырос католиком – у тебя это есть. У тебя есть этот символизм, это чувство вины, все эти тексты, и ты на самом деле не можешь этого изменить. Об этом легко говорить, потому что ты должен каким-то образом освободиться от этого» (цит. по: [Шостак: 71]). Неоднозначность отношения Л. Эрдрич к католицизму ощущается и в другом ее интервью. В нем она заявляет, что ее самое заветное желание – «стараться держаться подальше от Бога. Я действительно не хочу, чтобы Бог замечал меня. Я просто хочу иметь возможность заниматься своими повседневными делами и стараться сохранять эту очень спокойную рутинную жизнь» (цит. по: [Шостак: 71]). Наконец, в своем разговоре с журналистом Марком Энтони Роло она проводит параллели между христианским вероучением и верой индейцев и признает: «Я ду-

маю, что подлинное послание Христа о любви очень похоже на основное учение оджибве. В конце концов, ничто в церковной догме не является настолько чистым» (цит. по: [Шостак: 71]). Подобное отношение к религии находит отражение и в произведениях писательницы.

Как отмечает К. Рейнуотер, книги Л. Эрдрич изобилуют противоречивыми культурными кодами, на которые читатель должен реагировать: отсылки к Библии или опора на христианскую традицию соседствуют с различными аспектами шаманской традиции американских индейцев. Их одновременное присутствие в качестве культурных кодов затрудняет попытки читателя выбрать однозначную и непротиворечивую интерпретационную структуру [Rainwater]. Эта сложность возникает и при рассмотрении романа «Круглый дом» Л. Эрдрич, так как большинство персонажей этого произведения или связаны с церковью, или занимаются религиозными и духовными практиками, при этом они придерживаются двух разных традиций: своей традиционной религии и католицизма.

По мере развития повествования писательница пытается объяснить причины сосуществования этих двух религий внутри одного племени: «Священники и монахини жили в нашей резервации с самого ее основания. Даже приверженцы традиционных верований индейцев, люди, тайком практиковавшие старинные обряды, либо насильно приобщались к католицизму во время обучения в пансионе, либо, как Мушум в свое время, заводили дружбу с интересными священниками, либо же решали просто на всякий случай добавить поклонение чужим святым к вере в священную трубку» [Эрдрич: 320].

Вынесенный в заглавие круглый дом издавна служил для проведения обрядовых церемоний, где племя могло объединиться, чтобы вознести мольбы о милости и принять справедливые решения, касающиеся каждого. В эпоху, когда подобные ритуалы были под запретом, индейцы все равно находили способы, как обойти навязанные белыми установления. «В стародавние времена, когда индейцам не разрешалось практиковать свою религию, – ну, вообще-то не так уж и давно это было: до 1978 года, – эта бревенчатая постройка использовалась для обрядовых церемоний. Люди делали вид, будто устраивают здесь танцевальные вечера, или приносили сюда свои Библии. В те времена из южного окошка сразу можно было заметить фары машины, мчавшейся сюда по длинной дороге от города. И к тому моменту, как священник или начальник управления по делам индейцев подъезжали к круглому дому, водяные барабаны, и орлиные перья, и мешочки со снадобьями, и берестяные свитки, и священные трубки уже были спрятаны на дне двух моторок, которые тархтя спешили через озеро.

А из сумок вынимались Библии, и люди вслух читали Книгу Екклесиаста» [Эрдрич: 79]. Иногда священники, отправленные в резервацию, не хотели насильно насаждать свою религию или понимали важность сохранения наследия предков, выражавшегося, в частности, и в проведении обрядов, и не препятствовали их соблюдению: «У нас в городе тогда служил старый католический священник отец Дамьен, который не гнушался садиться вместе с жрецами. Он отправлял начальника управления по делам индейцев восвояси. А водяные барабаны, орлиные перья и священные трубки снова приносили в круглый дом. Старый падре выучил наши песни. Никто из нынешних священников их уже не знает» [Эрдрич: 80]. Благодаря собственной находчивости и упорству в следовании древним обычаям, а также лояльному отношению некоторых католических священников старинные религиозные практики были сохранены и передавались молодому поколению.

Среди персонажей «Круглого дома», практикующих ритуалы предков, можно увидеть как совсем старых, например деда Мушума, так и достаточно молодых, например Рэндалла, обученного всем таинствам религии своим отцом – Доу. В романе описывается, как благодаря обряду в парильне Доу излечил Линду, которая, по ее словам, подхватила инфекцию духа. Несколько раз даны описания ритуалов, которые проводил Рэндалл, чтобы помолиться о здоровье и благополучии какой-то семьи. Во время одного из них к нему пришло видение неких будущих событий. С одной стороны, Л. Эрдрич подробно останавливается на всех деталях обряда, будто понимая важность всех составляющих его элементов. «Он (Рэндалл) был целиком поглощен правильным обустройством обряда очищения – расстелил перед входом в парильню одеяло из лоскутов в форме звезд, установил подставку для священных трубок, раковину для воскурений шалфея, стеклянные банки для порошкообразного снадобья, ведро и ковшик. У него словно в голове была спрятана мерная рейка, которой он измерял расстояния между этими священными предметами» [Эрдрич: 54–55]. С другой стороны, через несколько страниц, изображая завершение данного ритуала, она обращается к неприкрытой иронии, когда описывает последствия неосторожного использования острого перца в парильне, в результате чего все участники церемонии выскакивали оттуда в голом виде и с дикими воплями. Подобная намеренная, как нам кажется, постановка под сомнение священности перечисляемых обрядов еще неоднократно встречается в тексте, например, когда брат Рэндалла, описывая целительные способности последнего, заявляет: «Его снадобья действуют: из-за них девчонки к нему так и липнут» [Эрдрич: 55]. Как отмечает И.Н. Егорова, юмор в творчестве Л. Эр-

дрич может проявляться «в словах, поступках героев, сюжетных ситуациях и лирических отступлениях» [Егорова: 124] и выполняет целый ряд функций: от раскрытия личности персонажа до показа взаимного влияния разных культурных традиций [Егорова].

Многие члены племени являются приверженцами католицизма. Тетя главного героя, Клеменс, является истовой католичкой, свято чтящей все основные заповеди, а потому Джо знает, например, что она никогда не солжет. В эту религию детей обращали в школах-пансионах, где они учились, но дальнейшее следование вере во многом зависело от того священника, который служил в резервации. В романе Л. Эрдрич сравнивает двух духовных пастырей, которые сменили один другого. Первый, чье имя даже не называется, является воплощением типажа строгого доктринера, неспособного отойти от жестких догм и не видящего личностей в людях, составляющих его паству. Он «написал в газету гневное письмо о пагубных чарах женщин-метисок» [Эрдрич: 103]. Второй, отец Трэвис, был новообращенным, он был возведен в сан, когда ушел из армии после тяжелого ранения. Он – воплощение религии с человеческим лицом (хотя в этом тоже есть определенная авторская ирония, учитывая его опыт участия в боевых действиях и привычку стрелять в сусликов). Отец Трэвис пытается узнать каждого члена паствы, понять их проблемы и найти к ним индивидуальный подход. При этом писательница не превращает его в ходячую добродетель – он может употребить крепкое слово и наказать того, кого считает провинившимся. Но этот священник обладает главным достоинством: он пытается докопаться до причины даже самых неоднозначных поступков и найти доброе в каждом человеке. «Вы хотите узнать о вещах, о которых вы не вправе знать. Но вы не плохие мальчики. Теперь я это вижу. Вы просто хотели узнать, кто надругался над вашей матерью. Над его матерью» [Эрдрич: 141]. Он даже пытается объяснять свои поступки, чтобы настоящие или возможные прихожане понимали, на чем базируется его вера. Так, он рассказывает мальчишкам, почему стреляет в сусликов: «Монахини травят их газом. Вам бы понравилось, если бы вас травил газом в туннелях? Уж лучше помереть без мучений на воздухе. Онидохнут вот так! – Он щелкнул пальцами. – Опрокидываются на спину и глядят в небо. Ясно? На облака» [Эрдрич: 141–142]. Через подобную историю, не прибегая к религиозным текстам и проповедям, он показал подросткам важность, пусть в этом контексте и своеобразной, заботы о живом и облегчения страданий любого существа.

Но и при рассмотрении католицизма и его приверженцев Л. Эрдрич не изменяет своей практике использования иронии. В сценах, связанных с повседневными обязанностями отца Трэвиса, можно найти

эпизод, когда он, узнав на исповеди о прелюбодеянии молодого парня с его прихожанкой, гонялся за ним сначала по церковным проходам, а потом преследовал и по территории резервации. В отдельных случаях мягкая ирония переходит в сарказм, когда она показывает, как люди, считающие себя истинно верующими и соблюдающие все священные обряды, ведут себя жестоко по отношению к членам своей семьи: «У Энгуса была расцарапана щека и разбита губа. Дело в том, что тетя Стар иногда лупила его ремнем. Да и Элвин любил по пьяни тайком подстеречь Энгуса и поколотить – это так веселило Элвина, что он ухохатывался чуть не до удушья» [Эрдрич: 123].

Наконец, в романе описана целая группа людей, которая сторонится любой религии. Так, мать Джо, вернувшись из пансиона, вообще перестала ходить в церковь и предпочитала не вспоминать и не говорить о религии. В их семье была принята своя религиозная практика, основанная на любви и поддержке. Сакральный характер подобных отношений подчеркивается их описанием через слова, предназначенные для номинации церковных таинств: «...он зашел в кухню, как обычно, подошел к маме со спины и обнял ее за талию. Раньше она бы продолжала хлопотать у плиты или раковины, а он бы перегнулся ей через плечо и заговорил. И так они бы еще пару минут постояли бы, изображая живую картину “Возвращение домой”. Потом он бы позвал меня и попросил помочь накрыть на стол. Он бы быстро переоделся, пока мы с мамой наносили бы завершающие штрихи ужина. А потом все сели бы за стол. В церковь мы не ходили. Но это был наш ритуал. Наше преломление хлеба, наше причастие. И этот ритуал начинался с того доверительного мгновения, когда отец подходил сзади к маме, а она, не оборачиваясь, встречала его появление улыбкой» [Эрдрич: 62–63].

Можно сделать вывод, что Л. Эрдрич не идеализирует ни традиционные верования индейцев, ни католицизм. Она просто показывает причины их сосуществования в рамках одного племени. Читатель понимает, что без этой способности маневрировать между религиями индейцы не смогли бы сохранить свою культуру. Во времена описываемых событий (80-е гг. прошлого века) местные духовные традиции и христианские религиозные верования часто практиковались бок о бок, что происходит и в настоящее время, как очень просто описывает Большая Мама, практикующая традиционную споканскую религию: «Это зависит от вас. Вы делаете свой выбор» (цит. по: [Fitz, Gross: 431]). Таким образом, с точки зрения К. Фитца и К.-Д. Гросса, она предполагает, что необходимо продуктивно использовать элементы обеих доступных религий, чтобы коренные американцы могли найти свое место в американском настоящем [Fitz, Gross].

Важно подчеркнуть, что католицизм и религиозные верования коренного населения, которые исторически находились в конфликте, не рассматриваются персонажами книги как противоположные, а потому противоборствующие представления о мире. Хотя некоторые персонажи, такие как тетя Джо Клеменс, чтут католическую церковь, а другие, такие как Мушум, отвергают католицизм в пользу исконных традиций, многие члены резервации периодически прибегают к обеим религиям в зависимости от своих потребностей. Эти две религии предлагают различные взгляды, которые люди либо сочетают, либо выбирают что-то одно в попытке удовлетворить свои духовные потребности. Например, когда Джо обеспокоен своими снами, он немедленно решает проконсультироваться с Мушумом, поскольку традиционные верования индейцев не ставят под сомнение важность снов и учат к ним прислушиваться. Когда Джо задумывает убийство Линдена, насильника матери, он идет к отцу Трэвису, чтобы прояснить сомнения по поводу греха убийства и его влияния на душу человека.

Изображая смесь католицизма и традиционной религии индейцев как нечто позитивное, Луиза Эрдрич указывает на возможность примирения двух традиций, которые исторически находились в конфликте. Писательница призывает не возводить в абсолют религиозные догмы и не воспринимать никакую религию как однородный, не подверженный изменениям монолит, а скорее рассматривать ее как культурный институт, который, с одной стороны, люди могут подвергать сомнению и выстраивать в соответствии с собственными духовными потребностями, а с другой – являющийся для них твердой точкой опоры в жизни.

Список литературы

- Ващенко А.В.* Индейская литература // История литературы США. Литература начала XX в. Москва: ИМЛИ РАН, 2009. Т. 5. С. 869–885.
- Ващенко А.В.* Культура, мифология и фольклор североамериканских индейцев доколониальной эпохи // История литературы США. Литература колониального периода и эпохи Войны за независимость. XVII–XVIII вв. Москва: Наследие, 1997. Т. 1. С. 39–88.
- Ващенко А.В.* Словесное творчество индейцев // История литературы США. Литература последней трети XIX в. 1865–1900 (становление реализма). Москва: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 4. С. 876–893.
- Доржиева Г.С., Бадмаева Е.С.* Мифолого-религиозное мировосприятие североамериканских индейцев // Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, 2017. Вып. 15. С. 22–28.

Егорова И.Н. Проблема обретения идентичности в романах Л. Эрдрич: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2014. 170 с.

Шостак О.Г. Христианское русло восприятия в творчестве Карен Луиз Эрдрич // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции, филологии, социологии, политологии, философии, педагогики, психологии, истории, математики, медицины, искусства и архитектуры. Москва: Издательский дом «Научное обозрение», 2013. С. 69–78.

Эрдрич Л. Круглый дом. Москва: Эксмо, 2019. 416 с.

Fitz K., Gross K.-D. Native American Literature as a Transcultural and Multimedia Experience: Sherman Alexie's "Reservation Blues". *American Studies*, 2007, vol. 52, No. 3, pp. 417-443.

Quinlan E. Ritual circles to home in Louise Erdrich's character names. *Names, a Journal of Onomastics*, 2007 (September), vol. 55 (3), pp. 253-275.

Rainwater C. Reading between worlds: Narrativity in the fiction of Louise Erdrich. *American Literature*, 1990, Sep., vol. 62, No. 3, pp. 405-422.

Whyte K. Settler Colonialism, Ecology, and Environmental Injustice. *Indigenous Resurgence. Decolonialization and Movements for Environmental Justice*, ed. by Jaskiran Dhillon. NY, Berghahn Books, 2022, pp. 127-146.

References

Dorzheva G.S., Badmaeva E.S. *Mifologo-religioznoe mirovospriyatie severoamerikanskikh indejcev* [Mythological and religious worldview of North American Indians]. *Teoriya i praktika prepodavaniya vostokovednykh disciplin* [Theory and practice of teaching Oriental disciplines]. Ulan-Ude, Buryatskij gos. un-t im. Dorzhi Banzarova Publ., 2017, iss. 15, pp. 22-28. (In Russ.)

Egorova I.N. *Problema obreteniya identichnosti v romanah L. Erdriч: dis. ... kand. filol. nauk* [The problem of gaining identity in the novels by L. Erdrich: CandSc thesis]. Moscow, 2014, 170 p. (In Russ.)

Shostak O.G. *Hristianskoe ruslo vospriyatiya v tvorchestve Karen Luiz Erdriч* [The Christian channel of perception in the work of Karen Louise Erdrich]. *Nauchnaya diskussiya: voprosy yurisprudencii, filologii, sociologii, politologii, filosofii, pedagogiki, psihologii, istorii, matematiki, mediciny, iskusstva i arhitektury* [Scientific discussion: questions of jurisprudence, philology, sociology, political science, philosophy, pedagogy,

psychology, history, mathematics, medicine, art and architecture]. Moscow, Nauchnoe obozrenie Publ., 2013, pp. 69-78. (In Russ.)

Erdrich L. *Kruglyj dom* [The round house]. Moscow, Eksmo Publ., 2019, 416 p. (In Russ.)

Vashchenko A.V. *Indejskaya literatura* [The literature of Native Americans]. *Istoriya literatury SSHA. Literatura nachala XX v.* [History of literature of the USA. Literature of the XX century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009, vol. 5, pp. 869-885. (In Russ.)

Vashchenko A.V. *Kul'tura, mifologiya i fol'klor severoamerikanskikh indejcev dokolonial'noj epohi* [Culture, mythology and folklore of North American Indians of the pre-colonial era]. *Istoriya literatury SSHA. Literatura kolonial'nogo perioda i epohi Vojny za nezavisimost'. XVII-XVIII vv.* [History of literature of the USA. Literature of the colonial period and the era of the War of Independence. XVII-XVIII centuries]. Moscow, Nasledie Publ., 1997, vol. 1, pp. 39-88. (In Russ.)

Vashchenko A.V. *Slovesnoe tvorchestvo indejcev* [Folklore and writings of American Indians]. *Istoriya literatury SSHA. Literatura poslednej treti XIX v. 1865-1900 (stanovlenie realizma)* [History of literature of the USA. Literature of the last third of the XIX century, 1865-1900 (the formation of realism)]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003, vol. 4, pp. 876-893. (In Russ.)

Fitz K., Gross K.-D. Native American Literature as a Transcultural and Multimedia Experience: Sherman Alexie's "Reservation Blues". *American Studies*, 2007, vol. 52, No. 3, pp. 417-443.

Quinlan E. Ritual circles to home in Louise Erdrich's character names. *Names, a Journal of Onomastics*, 2007 (September), vol. 55 (3), pp. 253-275.

Rainwater C. Reading between worlds: Narrativity in the fiction of Louise Erdrich. *American Literature*, 1990, Sep., vol. 62, No. 3, pp. 405-422.

Whyte K. Settler Colonialism, Ecology, and Environmental Injustice. *Indigenous Resurgence. Decolonialization and Movements for Environmental Justice*, ed. by Jaskiran Dhillon. NY, Berghahn Books, 2022, pp. 127-146.

Статья поступила в редакцию 02.08.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 02.08.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 13.11.2023.

ТЕМА ВЗРОСЛЕНИЯ В РОМАНЕ Х. ЛИ «УБИТЬ ПЕРЕСМЕШНИКА»

Баранова Ксения Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, baranovkm@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-1643>

Шалимова Надежда Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, shalimovans@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9636-1262>

Аннотация. Статья посвящена исследованию нарративных и жанровых особенностей известного произведения Х. Ли «Убить пересмешника». В ней рассматриваются такие категории поэтики, как композиция, хронотоп, система персонажей. Анализируется тема взросления, а также выявляются черты «южного нуара», традиционные и новаторские характеристики романа инициации, благодаря которым американская писательница имеет возможность сосредоточиться не только на внутренней жизни главной героини, но и представить историко-культурный фон повествования, а также создать выразительные психологические портреты персонажей. Делается вывод о переносе идей формирования личности человека и взросления на этнорасовый контекст, формирование специфической модели инициации в американской литературе. Отмечается процесс миграции взрослой литературы в детскую как на уровне отдельных сюжетных структур, так и целых нарративов. В романе Х. Ли присутствуют черты романа инициации, поскольку главной семантической доминантой является тема взросления через преодоление испытаний (социальная несправедливость, жестокость, амбивалентность категорий добра и зла). Концепция становления личности в произведении писательницы отсылает к истокам национального сознания: темам взаимодействия природы и цивилизации, естественного и искусственного, а также эстетическим категориям вымысла и реальности.

Ключевые слова: роман инициации, национальная специфика, южная литературная традиция, взросление, повествовательная модель, хронотоп, система персонажей.

Для цитирования: Баранова К.М., Шалимова Н.С. Тема взросления в романе Х. Ли «Убить пересмешника» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 85–91. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-85-91>

Research Article

THE THEME OF MATURATION IN THE NOVEL “TO KILL A MOCKINGBIRD” BY NELLE HARPER LEE

Kseniya M. Baranova, Doctor of Philological Sciences, full Professor, Head of English philology department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russia, baranovkm@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-1643>

Nadezhda S. Shalimova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of English philology department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russia, shalimovans@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9636-1262>

Abstract. The article is devoted to the study of narrative and genre features of the famous work of Nelle Harper Lee “To Kill a Mockingbird”. It considers such categories of poetics as composition, chronotope and a system of characters. The study analyses the theme of maturation and the traits of “southern noir”, traditional and innovative characteristics of the initiation novel. Due to these peculiarities the American writer is not only able to focus on the inner life of the main heroine, but also to present the historical and cultural background of the narrative, as well as to create expressive psychological portraits of the characters. The conclusion is made about the transfer of ideas from human personality formation and maturation to the ethno-racial context, the formation of a specific model of initiation in the American literature. The process of migration of adult literature in children’s literature is noted both at the level of individual storylines and entire narratives. The novel by Harper Lee contains the traits of the initiation novel, as the main semantic dominant theme is maturation through overcoming challenges (social injustice, cruelty, ambivalence of the categories of good and evil). The concept of becoming a person in

the work of the writer refers to the origins of the national consciousness: the interaction of nature and civilization, natural and artificial, as well as aesthetic categories of fiction and reality.

Keywords: initiation novel, national specificity, literary tradition of Southern United States, maturation, narrative model, chronotope, system of characters.

For citation: Baranova K.M., Shalimova N.S. The theme of maturation in the novel “To Kill a Mockingbird” by Nelle Harper Lee. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 85–91 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-85-91>

Роман «Убить пересмешника» известной американской писательницы Х. Ли (Harper Lee “To Kill a Mockingbird”, 1960) продолжает национальную литературную традицию США и затрагивает проблему становления личности. В национальной литературе страны эта тема находит воплощение в творчестве таких авторов, как М. Твен, Дж. Лондон, Т. Драйзер, Ф.С. Фицджеральд, Х. Ли, Т. Капоте, Дж.Д. Сэлинджер, Р. Брэдбери [Гиленсон 2003]. В сочинении Х. Ли раскрываются проблемы возрастной и нравственной идентификации подростков. Это воплощается в духовных исканиях героев, проходящих обряд инициации и обретающих самих себя через процессы самопознания и взросления. Ученые указывают на связь данной работы с традициями южной готической прозы и романа воспитания, определяя ее жанр как «феминистский» воспитательный роман (feminist Bildungsroman). Исследователи также подчеркивают наличие в произведении автобиографических мотивов и преемственную связь с традициями М. Твена [Blackall], в которых можно усмотреть наличие темы становления личности.

Обращение к проблемам социального неравенства и ксенофобии, ощущение героями собственной провинциальности, обреченности и постоянной угрозы позволяют отнести анализируемый в статье роман к жанру «южного нуара» [Анцыферова: 166]. Указанные темы затрагиваются во многих литературных трудах американских прозаиков – «Приключения Гекльберри Финна» М. Твена (Mark Twain “The Adventures of Huckleberry Finn”, 1884), Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (Harriet Elizabeth Beecher Stowe “Uncle Tom’s Cabin”, 1852), «Унесенные ветром» М. Митчелл (Margaret Mitchell “Gone with a Wind”, 1936) и др.

В южной литературе особый интерес представляет репрезентация вопросов взросления: детское мировосприятие сопряжено с описанием проблем и бед взрослого мира. Сюжетообразующим событием может стать беззаконие (например, убийство, насилие), в расследование которого вовлечены дети. О семантической доминанте взросления в романе Х. Ли, разнице мировосприятия детей и взрослых, говорит его эпиграф: «Юристы, наверно, тоже когда-то были детьми» [Ли: 5] / “Lawyers, I suppose, were children once” [Lee: 3]. Здесь слово «юристы» символизирует взрослый, а значит, рассудочный и социально детерминирующий тип мышления, в то время как дети

являются носителями настоящих гуманистических ценностей. Характерологическое значение эпиграфа заключается в том, что он дает ключ к пониманию образа Аттикуса Финча (Atticus Finch), адвоката, сохранившего в себе возможность непосредственного и чистого взгляда на мир.

Местом действия романа «Убить пересмешника» является вымышленный город Мейкомб (Maycomb), который располагается в Алабаме, одном из южных штатов США. Это наиболее консервативная и ортодоксальная часть Америки, для которой свойственна расовая сегрегация, существовавшая в Южных штатах до 1960-х годов. Хронотоп провинциального города наделяется особыми характеристиками. О нем рассказчица сообщает следующее: «Мейкомб – город старый, когда я его узнала, он уже устал от долгой жизни» [Ли: 9] / “Maycomb was an old town, but it was a tired old town when I first knew it” [Lee: 4]. Описание южного города в литературе США обычно связано с изображением сонной и медленной жизни, словно «застывшей» во времени. Подчеркивается замкнутость этого топоса, неспешность, неторопливость жителей, отсутствие развития: «Никто никогда не спешил, потому что идти было некуда, покупать нечего, да и денег ни гроша, и ничто не влекло за пределы округа Мейкомб» [Ли: 10] / “There was no hurry, for there was nowhere to go, nothing to buy and no money to buy it with, nothing to see outside the boundaries of Maycomb County” [Lee: 6]. Именно поэтому можно сказать, что город как бы устал и не хочет развиваться, а мышлению горожан свойственна некоторая ограниченность.

Можно обнаружить контактно-генетическую и типологическую схожесть между романами «Убить пересмешника» и «Маленький друг» (“The Little Friend”, 2002) современной американской писательницы Д. Тартт (D. Tartt, 1963–). Объединяющую черту поэтики произведений, помимо «южной готики», можно усмотреть в сюжете инициации, который лежит в их основе, образах главных героинь и их воспитании: Глазастик (Scout) и Кэлпурния (Calpurnia), Гарриет (Harriet) и Ида (Ida) – в обоих случаях темнокожие служанки заменяют девочкам матерей. Местом действия романов являются южные провинциальные города (Мэйкомб и Александрия). Сюжет строится вокруг участия детей в расследовании преступления, через которое показана семейная история обеих

героинь. И в том, и в другом сочинении присутствует изображение иного, нетипичного для юга США семейного уклада. Это чужое, непонятное и даже страшное пространство. Однако по ходу развития повествования представитель инородной семьи из антагониста главных героинь постепенно становится их двойником (Гарриет и Дэни в «Маленьком друге») или другом и спасителем (Глазастик и Страшила Рэдли в «Убить пересмешника»).

Как уже было отмечено, фон «американской глубинки» играет важную роль в становлении детей и влияет на некоторые особенности нарратива. Правом вести повествование в романе наделяется девочка Джин-Луиза Финч (Jean Louise Finch) по прозвищу Глазастик, которая является «одновременно повествователем и главным героем» сочинения [Дубнякова, Кашина: 42]. Она рассказывает не только о своем взрослении, но и о тех изменениях, которые происходят с ее братом Джемом (Jem), а также их другом Диллом (Dill). Ретроспективная композиция и повествование от лица взрослой героини создают временную перспективу для оценки случившегося: «Через несколько лет, когда все это было уже дело прошлое, мы иной раз спорили о событиях, которые к этому привели» [Ли: 5] / “When enough years had gone by to enable us to look back on them, we sometimes discussed the events leading to his accident” [Lee: 4]. Мудрый, то ироничный, то сочувствующий взгляд Глазастика делает повествование многомерным и объемным. Девочка не только рассказывает о мыслях, чувствах, событиях своей жизни, но и показывает, как взрослеют ее сверстники. Например, она подчеркивает подростковые изменения в поведении и образе мыслей Джема, когда в силу переходного возраста он становится раздражительным и стесняется публичных проявлений дружбы с сестрой: «Теперь он прямо не переносил, когда я появлялась с ним на людях» [Ли: 198] / “He was now positively allergic to my presence when in public” [Lee: 178]. Другим примером является история побега из дома Дилла, благодаря чему в повествование, с одной стороны, вводится приключенческий элемент, а с другой – показывается неблагополучие семейного уклада.

В анализируемом романе представлены и эпизоды описательно-уточняющего характера. Их можно увидеть в репрезентации образа Аттикуса Финча. Ведь он не только принципиальный и справедливый адвокат, но и сдержанный, добрый, нежный отец. В нарративе детально представлено описание истории семьи Рэдли (Radley), быта криминально-маргинальной семьи Юэлов (Ewell), уклада жизни горожан Мейкомба. «Повествователь-наблюдатель» не только передает определенные когнитивные фоновые знания читателю, но и формирует эмоционально-оценочное восприятие того, что существует в реальности. Этот

прием работает на «создание многоплановости литературного образа, наглядную и убедительную передачу читателю нюансов в психологическом портрете героя» [Чупрына: 73]

Этому способствуют авторские отступления, коннотативные значения выбранных лексических средств, символика образов и деталей, референции к константам американской языковой картины мира [Баранова, Чупрына].

С семантической точки зрения композиция романа характеризуется определенной двуплановостью: с одной стороны – это погружение в мир личных переживаний героев и событий их взросления, а с другой – изучение социальной проблематики. Ученые характеризуют этот роман как произведение, «выходящее к познанию существенных сторон действительности через преимущественное обращение к внутреннему миру личности, ее морально-психологическим проблемам, неразрывно связанным с общим социально-историческим колоритом и духом времени» [Мулярчик: 48]. Нарратив начинается с описания истории предков Глазастика и Джема. Раскрываются их семейные истории, благодаря чему в повествование вводятся историко-культурные и семейные контексты: «Мы южане» [Ли: 8] / “Being Southerners” [Lee: 6], – указывает героиня. Погружаясь в родословную протагонистов, читатель может установить определенную связь анализируемого сочинения и традиционного классического романа воспитания, где тот или иной персонаж подробно излагает историю предков и своего появления на свет. Именно таким образом поясняется, почему дедушка героев Саймон Финч (Simon Finch) поселился в Мэйкомбе: он спасался от религиозной нетерпимости в Англии.

Основными топосами романа являются дом, улица и ее обитатели, жилище Страшилы Рэдли (Boo Radley), школа, церковь и суд. Значимыми событиями взросления для подростков можно считать их общение со Страшилой, сопряженный с этим страх, берущий начало в предрассудках; подарки, которые он им оставляет, постепенное узнавание истинной сущности данного персонажа, спасение детей в финале романа. Не менее важными являются взрослые протагонисты, такие как Аттикус, няня Кэлпурния, тетя Александра (Aunt Alexandra), мисс Моды (Miss Maudie), мисс Кэролайн (Miss Caroline), миссис Дюбоз (Mrs. Dubose). Фигура отца является особенно весомой. Он представляет собой вариант ответственного родителя, являющегося другом и наставником для своих детей, лишенных материнской заботы. Главная героиня не испытывает тоски по матери, поскольку потеряла ее, будучи совсем маленькой: «Мама умерла, когда мне было два года, так что я не чувствовала утраты» [Ли: 15] / “Our mother died when I was two, so I never felt her absence” [Lee: 10]. Для Джема же от-

сутствие мамы – это большое испытание: «Он хорошо помнил маму и иногда посреди игры вдруг длинно вздыхал, уходил за гараж и играл там один» [Ли: 15] / “He remembered her clearly, and sometimes in the middle of a game he would sigh at length, then go off and play by himself behind the car-house” [Lee: 10]. Как следует из приведенной цитаты, мальчик часто вспоминал маму и грустил, что ее нет рядом.

Нравственной мерой для Аттикуса является возможность честно и прямо смотреть в глаза детям, быть для них примером для подражания. Он пытается привить им ценности терпимости, свободы мышления, уважения к другим и необходимости взаимопонимания между людьми через способность «ощущать себя в шкуре другого человека» [Ли: 222] / “until you climb into his skin and walk around in it” [Lee: 206]. Анализируемый роман – это произведение, где дети не одиноки. Они не переживают взросление вдали от всех, рядом с ними находится понимающий, предлагающий поддержку взрослый. Благодаря отцу формируются лучшие черты характеров Глазастика и Джема. И они понимают это. Например, во время школьного спектакля, когда главной героине нужна помощь и брат поддерживает ее, девочка замечает: «Когда всё совсем плохо, Джем теперь умеет утешить почти как Аттикус» [Ли: 366] / “Jem was becoming almost as good as Atticus at making you feel right when things went wrong” [Lee: 342]. В заключительной сцене романа также подчеркивается, что отец будет рядом в любой ситуации и поможет как наставник и добрый друг: «Он будет сидеть там всю ночь, и он будет там утром, когда Джем проснётся» [Ли: 391] / “He would be there all night, and he would be there when Jem waked up in the morning” [Lee: 378].

Тем не менее в романе Х. Ли дети и взрослые оказываются на разных полюсах, обладают различной степенью свободы и типом мировосприятия, их отношения во многом конфликтны. Ребенок находится в подчинении у старших, он – объект воспитания, назидания и даже наказания. Подростки ограничены в своих действиях, но они свободны внутренне, так как не успевают усвоить все поведенческие догмы, условности и нормы. Их мышление не сковано общепринятыми моделями поведения и предрассудками. При этом главное действующее лицо, отец героев, находится на их стороне, в этом отличительная черта произведения. И ему, и детям приходится столкнуться с отторжением и агрессией со стороны горожан, которые проповедуют другие ценности и попадают во власть стереотипов. Мировоззрение семьи Аттикуса создает культурное и нравственное пространство, альтернативное провинциальным нравам [Стеценко]. Так, процесс взросления и усвоения уроков морали связывается не с нравочениями, проповедями, назиданиями, а проявляется в активном взаимодействии

с окружающим миром, в самом жизненном опыте и испытаниях, которые выпадают на долю героев.

Дело по защите афроамериканца Тома Робинсона (Tom Robinson), за которое берется Аттикус, становится событием инициации как для него самого, так и для Джема с Глазастиком. Мужчина так формулирует значимость этого события: «Это дело, дело Тома Робинсона, взывает к нашей совести. Если я не постараюсь помочь этому человеку, Глазастик, я не смогу больше ходить в церковь и молиться» [Ли: 152] / “This case, Tom Robinson’s case, is something that goes to the essence of a man’s conscience – Scout, I couldn’t go to church and worship God if I didn’t try to help that man” [Lee: 138]. По сути, с нравственной точки зрения этот случай является принципиальным для мужчины, именно эту мысль он передает детям.

Жизнь подростков наполнена происшествиями, связанными со школой, общением со сверстниками и другими взрослыми, развлечениями и затеями: «Распорядок был такой: мы перестраивали свой древесный домик – гнездо, устроенное в развилине платана у нас на задворках, ссорились, разыгрывали в лицах подряд все сочинения Оливера Оптика, Виктора Эплтона и Эдгара Райса Барроуза» [Ли: 84] / “Routine contentment was: improving our treehouse that rested between giant twin chinaberry trees in the back yard, fussing, running through our list of dramas based on the works of Oliver Optic, Victor Appleton, and Edgar Rice Burroughs” [Lee: 77]. Иными словами, помимо городских историй, работы отца, у младшего поколения есть своя жизнь, наполненная фантазиями и курьезами.

Изменения в жизни детей начинаются, когда Глазастик идет в школу. Джем предупреждает сестру, что там все будет не так, как дома. В комическом ключе показано, что он начинает сторониться Джин-Луизу и провожает ее только до входа в здание. В самой же школе мальчик делает вид, что они не знакомы. Еще одним испытанием становится критика учительницы, которая считает, что девочка читает не так, как следует. А Глазастик гордится этим умением, поскольку чтению ее обучила Кэлпурния. В этот же день происходят и другие события: «наша учительница мисс Кэролайн Фишер вызвала меня и перед всем классом отлупила линейкой по ладони, а потом поставила в угол до большой перемены» [Ли: 93] / “Miss Caroline Fisher, our teacher, hauled me up to the front of the room and patted the palm of my hand with a ruler, then made me stand in the corner until noon” [Lee: 77]. Прежде девочку никогда не наказывали физически, это становится для нее неприятным испытанием.

Примечательны также эпизоды, связанные с бунтом Джема и разрушением сада миссис Дюбоз, которая плохо отозвалась об их отце из-за того, что он пы-

тался защитить Тома Робинсона. Дама саркастично замечает, что Аттикус «обожает черномазых» (“nigger-loving propensities”). За то, что сад был испорчен, дети несут наказание, которое является для них не просто актом повиновения, но важным этапом взросления, поскольку сопряжено со смирением, познанием другого и умением сочувствовать даже недругам.

Страшила Рэдли воспринимается жителями города как злодей. В его описании присутствуют стереотипные для такого героя характеристики: «Говорили, он выходит по ночам, когда нет луны, и заглядывает в чужие окна. Если вдруг похолодает и у кого-нибудь в саду померзнут азалии, значит, это он на них дохнул. Все мелкие тайные преступления, какие только совершаются в Мейкомбе, – это его рук дело» [Ли: 53] / “People said he went out at night when the moon was down, and peeped in windows. When people’s azaleas froze in a cold snap, it was because he had breathed on them. Any stealthy small crimes committed in Maycomb were his work” [Lee: 37]. Однако это несправедливое суждение. Тем выразительнее оказывается развенчание данного мнения в финале романа. Дети утверждают, что Артур Рэдли добрый, но одинокий человек, заслуживающий жалости и любви: «Страшила был наш сосед. Он подарил нам две куколочки из мыла, сломанные часы с цепочкой, два пенни на счастье – и ещё он подарил нам жизнь» [Ли: 402] / “Boo was our neighbor. He gave us two soap dolls, a broken watch and chain, a pair of good-luck pennies, and our lives” [Lee: 318]. Глазастик перечисляет все подарки, которые сделал им Страшила, и главным из них оказывается то, что он спас им жизнь после нападения на детей Боба Юэла. Особого внимания заслуживает сцена, когда девочка провожает Страшилу до дома: «В первый раз я увидела наш квартал с этой стороны» [Ли: 402] / “I had never seen our neighborhood from this angle” [Lee: 318]. Эта короткая прогулка накладывает неизгладимый отпечаток на ее мировоззрение, буквально и метафорически меняет угол зрения подростка.

Героине в полной мере становятся понятны слова отца о необходимости понимания и принятия инаковости, которые он произносит в начале произведения: «Аттикус прав. Однажды он сказал – человека по-настоящему узнаёшь только тогда, когда влезешь в его шкуру и походишь в ней. Я только постояла под окном у Рэдли, но и это не так уж мало» [Ли: 402] / “Atticus was right. One time he said you never really know a man until you stand in his shoes and walk around in them. Just standing on the Radley porch was enough” [Lee: 319]. Ключевое значение имеет вывод, к которому приходит Глазастик: «Я иду домой и думаю: мы с Джемом будем ещё расти, но нам мало чему осталось учиться, разве что алгебре» [Ли: 403] / “As I made my way home, I thought Jem and I would

get grown but there wasn’t much else left for us to learn, except possibly algebra” [Lee: 319]. Именно это заключение становится обобщением опыта подростков и подводит определенную черту в инициации персонажей. По мнению девочки, им с братом уже не придется учиться чему-то серьезному, потому что главные уроки жизни они получили, и их *взросление* можно считать состоявшимся.

Таким образом, в анализируемом сочинении Х. Ли инициация происходит вне классической схемы, когда герои расстаются с предыдущим миром и оказываются в новом месте. Взросление персонажей происходит в замкнутом пространстве города Мэйкомб, в привычном окружении, которое в силу определенных событий меняется вместе с ними. Специфика инициации в этом романе состоит в совмещении сюжетных линий, связанных с личным опытом взросления детей и социальными потрясениями, которые являются сюжетобразующими. Это такие события, как дружба Глазастика и Джема с Диллом, история побега последнего; появление нового взрослого – тети Александры, адаптация подростков к ее методам воспитания. Не менее важны в этом отношении поход в церковь с Кэлпурнией, благодаря которому показано объединение культурных парадигм; пожар, встреча с жителями города у тюрьмы и храброе поведение Глазастика; сцена суда; попытка побега и убийство Тома Робинсона. Большое значение для инициации имеет кульминация развития сюжета – школьный спектакль, когда происходит нападение на детей и их спасение Страшилой.

Примечателен хронотоп романа: чередование каникулярного и школьного циклов, где летнее время сопряжено с освоением новых городских пространств, в том числе жилища Страшилы Рэдли, играми, спектаклями, а школьный период – это процесс получения знаний и поведение в рамках устоявшихся норм и правил. В результате меняются и дети, и взрослые, а также сам образ жизни обитателей городка. В суде дело Тома Робинсона было проиграно Аттикусом, при всей справедливости и последовательности его защиты, но само это событие изменило взгляды горожан, сделало обитателей Мэйкомба более человечными. Несмотря на то, что пространство остается неизменным, внутренние трансформации в нем происходят со всеми персонажами, как взрослыми, так и детьми.

Необычным является тип героя в этом сочинении. Протагонист романа инициации в американской литературе зачастую совмещает черты трикстера и культурного героя, имеет промежуточное социальное положение (часто в нарративе возникает мотив сиротства). Он/она свободно перемещается в пространстве, а потому мотивы свободы, диких просторов глубже и многограннее раскрывают внутреннюю эволюцию персонажей [Баранова 2011]. Как уже было отмечено

выше, в романе «Убить пересмешника» Джем и Глазастик не покидают привычное им городское пространство. Несмотря на свои проказы, это домашние дети, у которых доверительные и теплые отношения с отцом. Приключенческий элемент включается в повествование и раскрывается благодаря образу Дилла. Он пришлый человек в Мэйкомбе, который приезжает каждое лето и является лучшим другом Глазастика и Джема. Совершив побег из дома, он привносит свежие идеи для их общих игр и театральных постановок. В процесс инициации включаются как детские авантюры и происшествия, так и криминальные события, переживая которые подростки приобретают знания о мире, становятся более зрелыми, учатся различать игру и реальность. Смерть Тома Робинсона, покушение на жизнь подростков Боба Юэла – это важные моменты их инициации и вхождения во взрослый мир.

Анализ сочинения Х. Ли «Убить пересмешника» в контексте особенностей поэтики романа инициации в литературе США, его идейно-философских особенностей и национальной специфики позволяет связать проблему жанра с вопросами американской идентичности. Речь идет о переносе идей формирования личности человека и взросления на этносовый контекст, относительность и варьированность существующих мифометафор, формирование специфической модели инициации для литературы страны. Такие произведения ставят перед читателями глубокие философские задачи. Например, в романе Х. Ли можно указать на проблемы инаковости и равноправия, однако автор не предлагает читателю готовые решения и ответы. С этим же связан процесс миграции взрослой литературы в детскую, что происходит как на уровне отдельных сюжетных структур, так и целых нарративов. Здесь просматривается двойная адресация подобных работ: как и творения М. Твена, роман Х. Ли не создавался в качестве книги для детей. Писатели США рассматривают процесс взросления не как линейно однонаправленный, предполагающий окончание детства при переходе во взрослую жизнь. Для них это процесс со сложной динамикой становления личности, попытка сохранить лучшие детские черты во взрослом сознании. Иными словами, концепция взросления в американском романе инициации выходит за рамки возрастной психологии и социологии, направляясь к истокам национального сознания, и восходит к вечным темам взаимодействия природы и цивилизации, естественного и искусственного, а также эстетическим категориям вымысла и реальности.

Список литературы

Анцыферова О.Ю. «Южный Миф» и роман Донны Тартт «Маленький друг» // Филология и Культура. 2015. № 2 (40). С. 165–170.

Баранова К.М., Чупрына О.Г. Диахронический взгляд на константы в американской языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2015. № 6. С. 8–15.

Баранова К.М. Основные идейные и сюжетно-образные мотивы в литературе Новой Англии XVII–XVIII веков. Становление традиций в литературе США: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2011. 490 с.

Гиленсон Б.А. История литературы США: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. Москва: Академия, 2003. 704 с.

Дубнякова О.А., Кашина Т.А. Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1 (25). С. 42–49.

Ли Х. Убить пересмешника. Москва: АСТ, 2019. 416 с.

Мулярчик А.С. Современный реалистический роман США. Москва: Высшая школа, 1988. 174 с.

Стеценко Е.А. Концепт детскости в литературе США // Литература двух Америк. 2017. № 2. С. 386–412.

Чупрына О.Г. Прецедентные явления в британской литературе о подростках (лингвокультурологический подход) // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 3 (15). С. 71–79.

Blackall J. Valorizing the Commonplace: Harper Lee's Response to Jane Austen». On Harper Lee: Essays and Reflections Alice Petry. University of Tennessee Press, 2007, 181 p.

Lee H. To Kill a Mockingbird. Arrow Books, 2012, 320 p.

References

Ancyferova O.YU. «Yuzhnyj Mif» i roman Donny Tartt «Malen'kij drug» [“The South Myth” and the novel “The Little Friend” by Donna Tartt]. *Filologiya i Kul'tura* [Philology and Culture], 2015, No. 2 (40), pp. 165-170. (In Russ.)

Baranova K.M., Chupryna O.G. *Diachronicheskij vzglyad na konstanty v amerikanskoj yazykovoj kartine mira* [The diachronic approach to the constants in the american world model]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Ser.: Lingvistika [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, No. 6, pp. 8-15. (In Russ.)

Baranova K.M. *Osnovnye idejnye i syuzhetno-obraznye motivy v literature Novoj Anglii XVII-XVIII vekov. Stanovlenie tradicij v literature SSHA*: dis. ... d-ra filol. nauk [New England's 17th- and 18th-century literary ideology and narrative motifs. The emergence of traditions in US literature: DSc thesis]. Moscow, 2011, 490 p. (In Russ.)

Chupryna O.G. *Precedentnye yavleniya v britanskoj literature o podrostkah (lingvokul'turologicheskij podhod)* [Culture references in british teen books (linguocultural approach)]. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoje obrazovanie* [MCU journal of philology. Theory of linguistics. Linguistic education], 2014, No. 3 (15), pp. 71-79. (In Russ.)

Gilenson B.A. *Istoriya literatury SSHA: ucheb. posobie dlya studentov vyssh.ucheb.zavedenij* [US Literature History: Study. manual for students of higher education institutions]. Moscow, Academia Publ., 2003, 704 p. (In Russ.)

Dubnyakova O.A., Kashina T.A. *Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti lichnogo dnevnika* [Communicative and Pragmatic Particularities of Personal Diary]. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoje obrazovanie* [MCU journal of philology. Theory of linguistics. Linguistic education], 2017, No. 1 (25), pp. 42-49. (In Russ.)

Li H. *Ubit' peresmeshnika* ["To Kill a Mockingbird" by H. Lee]. Moscow, AST Publ., 2019, 416 p. (In Russ.)

Mulyarchik A.S. *Sovremennyyj realistscheskij roman* [US Contemporary Realistic Novel]. Moscow, Higher School Publ., 174 p. (In Russ.)

Stecenko E.A. *Koncept detskosti v literature SSHA* [The concept of childishness in the literature of the United States of America]. *Literatura dvuh Amerik* [Literature of the Americas], 2017, No. 2, pp. 386-412. (In Russ.)

Blackall J. *Valorizing the Commonplace: Harper Lee's Response to Jane Austen*. On Harper Lee: Essays and Reflections Alice Petry. University of Tennessee Press, 2007, 181 p.

Lee H. *To Kill a Mockingbird*. Arrow Books, 2012, 320 p.

Статья поступила в редакцию 15.09.2023; одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 30.08.2023; approved after reviewing 01.11.2023; accepted for publication 15.11.2023.

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(73).09”20”

EDN PQZPGC

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-92-97>

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОТИЧЕСКИХ НОВЕЛЛ Э.А. ПО И Г.Ф. ЛАВКРАФТА

Курникова Наталия Сергеевна, кандидат педагогических наук, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, kurnikova.n@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1010-4861>

Засецкова Елена Николаевна, кандидат филологических наук, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, smilecamp@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу стилистических особенностей отдельных новелл американских писателей Э.А. По и Г.Ф. Лавкрафта. Используя комплекс методов (теоретический анализ, целостный анализ художественного текста, стилистический анализ), опираясь на творческие манифесты двух авторов, а также на результаты стилистического анализа корпуса новелл, авторы статьи прослеживают преемственность и отличительные черты в творчестве двух писателей. Полученные результаты позволяют констатировать наличие в новеллистике Э.А. По и Г.Ф. Лавкрафта схожих черт, таких как готический хронотоп, мистические и фантастические элементы, схожий тип рассказчика, для которого характерно пограничное состояние, умышленное нагнетание ужаса на читателя. Однако при этом тексты обоих авторов демонстрируют и специфические черты. Готическим новеллам По свойственен повышенный психологизм, который проявляется в преобладании таких стилистических приемов, как повтор, градация, апозиопезис, риторический вопрос и восклицание, которые красноречиво свидетельствуют о “внутреннем ужасе” героев. Высокая аллюзивность новелл По свидетельствует о тесной связи описываемых событий с реальностью. Преобладающие стилистические приемы новелл Лавкрафта (эпитеты, олицетворения) свидетельствуют о попытке автора вдохнуть жизнь в неживые объекты, извлечь их из небытия и заставить читателя испытать “космический” ужас перед неизвестным и внешним. Усложненный синтаксис автора в сочетании с иррациональными перечислительными рядами позволяет предполагать, что творчество Лавкрафта испытывает на себе влияние модернистской эстетики.

Ключевые слова: По, Лавкрафт, готическая литература, готическая новелла, литература ужасов, стилистические особенности.

Для цитирования: Курникова Н.С., Засецкова Е.Н. Стилистические особенности готических новелл Э.А. По и Г.Ф. Лавкрафта // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 92–97. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-92-97>

Research article

STYLISTIC PECULIARITIES OF EDGAR POE’S AND HOWARD PHILLIPS LOVECRAFT’S GOTHIC NOVELLAS

Natalia S. Kurnikova, Candidate of Pedagogical Sciences, Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Chuvashia autonomy, Russia, kurnikova.n@gmail.com

Elena N. Zasetkova, Candidate of Philological Sciences, Yakovlev Chuvash State Pedagogic University, Cheboksary, Chuvashia autonomy, Russia, smilecamp@yandex.ru

Abstract. The article deals with the comparative analysis of stylistic features of selected short stories (novellas) by the American writers Edgar Poe and Howard Phillips Lovecraft. Using a set of methods (theoretical analysis, holistic text analysis, stylistic analysis), relying on the creative manifestos of the two authors, as well as on the results of stylistic analysis of the corpus of short stories, the authors of the article trace the continuity and distinctive features in the work of the two writers. The obtained results allow to state the presence of similar features in the short stories of Edgar Poe and Howard Lovecraft, such as gothic chronotope, mystical and fantastic elements, common type of narrator, characterised by a borderline state, and deliberate fear-mongering. At the same time, however, the texts of both authors demonstrate specific features. Poe’s Gothic novellas are characterised by increased psychologism, which manifests itself in the prevalence of such stylistic devices as repetition, gradation, aposiopesis, rhetorical question and exclamation, which eloquently testify to the “inner horror” of

the characters. The high allusiveness of Poe's short stories testifies to the close connection of the described events with reality. The prevailing stylistic devices of Lovecraft's novellas (epithets, personifications) testify to the author's attempt to breathe life into inanimate objects, to extract them from non-existence, and to make the reader experience a "cosmic" horror of the unknown and external. The author's complicated syntax combined with irrational enumerative rows suggests that Lovecraft's work might be influenced by modernist aesthetics.

Keywords: Edgar Poe, Howard Phillips Lovecraft, Gothic literature, Gothic novella, horror literature, stylistic features.

For citation: Kurnikova N.S., Zasetkova E.N. Stylistic peculiarities of Edgar Poe's and Howard Phillips Lovecraft's gothic novellas. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 92–97 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-92-97>

С большой долей вероятности можно утверждать, что мрачные фантазии всегда привлекали сознание людей: на протяжении довольно длительного периода истории люди наделяли погодные и природные явления магическими чертами, приносили жертвы и совершали ритуалы. Зачастую обращение к inferнальному ужасу в художественном творчестве возникает в переломные моменты истории и развития общества и является реакцией на гнетущую атмосферу реальности. Именно такой оказалась эпоха промышленной революции XVIII–XIX вв., когда шло становление буржуазного общества, рушились традиционные устои, религия постепенно заменялась наукой, в связи с чем эта эпоха считается временем зарождения готической традиции в литературе.

В отечественном и зарубежном литературоведении неоднократно предпринимались попытки изучения готики, готической стилистики, сюжетики и композиции. Систематизировались типологические особенности готической прозы, изучались ее пространственно-темпоральные и фантастические составляющие. Однако ввиду большого разнообразия и стилевой разнородности готические произведения остаются малоизученными.

Актуальность данного исследования обусловлена возросшим интересом к готике как эстетической категории в целом, а также к ее историческим и современным формам. Являясь одним из первых примеров массовой культуры, сегодня готическая литература продолжает своё активное развитие и трансформируется под влиянием времени. Новеллы Э.А. По и Г.Ф. Лавкрафта представляют собой золотой стандарт, который применяется в современных готических произведениях, в связи с чем исследование истоков готической новеллы и преемственности между произведениями По и Лавкрафта, которых отделяет друг от друга чуть меньше столетия, представляет немалый интерес.

Материалом исследования послужили новеллы Э.А. По («Чёрный кот», «Амонтильядо», «Сердце-обличитель», «Колодец и маятник», «Падение дома Ашероу») и Г.Ф. Лавкрафта («Дагон», «Что приносит луна», «Память», «Азатот», «Ньярлатхотеп»).

Основой для формирования теоретической части исследования послужили работы отечествен-

ных (П.В. Балдицын, В.Г. Белинский, И.А. Виноградов, Н.В. Водолажченко, Т.А. Знаменская, Ю.В. Ковалёв, Т.М. Ковалькова, М.А. Петровский, Е.В. Скобелёва, Б.В. Томашевский, В.Б. Шкловский и др.) и зарубежных литературоведов (П.Р. Бэкшайдер, Т. Кестхейи, И. Кософски Седжвик, Дж. Сомерс, Г.К. Честертон, И.П. Эккерман и др.).

Для достижения поставленной цели применялся комплекс методов, включая анализ теоретической литературы и научной периодики по теме исследования, сравнительно-исторический метод, целостный анализ художественного текста, метод сплошной выборки художественных средств выразительности из оригинальных произведений для формирования эмпирического корпуса исследования, а также стилистический анализ текста.

Эпитет «готический» применительно к литературе приобретает терминологический характер после выхода в 1764 г. романа английского писателя Х. Уолпола «Замок Отранто», жанр которого автор определяет как «готическую историю» (a Gothic story) [Гарашина: 142]. «Большая российская энциклопедия» определяет готический роман как жанр художественной прозы, сложившийся в английской литературе во второй половине XVIII в., представленный как крупными (роман), так и малыми (повесть, новелла) эпическими формами и характеризующийся атмосферой таинственности и ужаса, которая тесно связана с топосом «проклятого места»: события происходят в средневековом готическом замке или монастыре, старинном доме и др. [БРЭ]. С обособленным мрачным топосом связано также и особое восприятие времени, поскольку здесь, подобно капсуле времени, сохраняется дух минувших эпох. Это позволяет говорить о так называемом «готическом хронотопе». Герои готической литературы нередко находятся под влиянием сильных иррациональных страстей, их судьбой управляет рок. Другим важным жанровым признаком является фантастический элемент.

Готическая новелла – повествовательный жанр, который является наследником готического романа, но при этом обладает рядом дополнительных характерных признаков:

- 1) небольшой объём;
- 2) ограниченное количество действующих лиц;

3) динамичный и драматичный сюжет (острый конфликт, необыкновенные повороты событий, сверхъестественные мотивы);

4) неожиданная развязка;

5) отсутствие философских размышлений и оценочных суждений автора.

В американской литературе новелла занимает особое место, поскольку именно в ней в XIX в. новелла становится поистине национальным жанром, складываются подвиды и основные традиции данного жанра. Как отмечает П.В. Балдицын, «остросюжетная новелла, построенная на единстве впечатления и динамике действия, с ударной и неожиданной концовкой, родилась в творчестве В. Ирвинга и Э. По в процессе пародирования готических “страшных рассказов”» [Балдицын].

Американский поэт и новеллист Э.А. По (1809–1849) в своих произведениях прибегает к традиции тайн и ужасов, но по-своему ее преобразует, переводя «готические» мотивы в план экстремальных или таинственных внешних, а чаще – внутренних ситуаций. Фактически это он придумал жанр рассказа ужасов. В своем эссе «Философия творчества» (1846) По пишет, что главный способ воздействия на читателя – создание единого эмоционального эффекта: «Если какое-либо литературное произведение не может быть из-за своей длины прочитано за один присест, нам надо будет примириться с необходимостью отказа от крайне важного эффекта, рождаемого единством впечатления; ибо если придется читать в два приема, то вмешиваются будничные дела, и всякое единство сразу гибнет» [По].

Автор описывает исключительные сверхъестественные обстоятельства, в которые попадают его герои, а также порождаемые ими психические состояния. «Готическая» тематика новелл Э.А. По является плодом крайне изощренного вымысла, причем самые невероятные фантазии включают исключительно точное описание деталей, без всякой романтической иронии. Во многих его новеллах фантастика ужасов частично сопровождается «пограничными» или ненормальными психическими явлениями и состояниями: месмерические явления, болезненность Ашеро́в, страх узника инквизиторов, извращенные чувства и вытекающие из них поступки героев «Береники» и «Черного кота». Основной доминантой психологически необычного в новеллах Э. По является выражение ужаса существования. Главное для автора – запечатлеть переживаемый ужас в наиболее ярких проявлениях. Интерес новеллиста к теме одиночества, заброшенности, неприкаянности, смерти, изображению предсмертной агонии, трагическому в жизни, анализу психологических загадок человека, толкающих на преступление, раздвоенности сознания находит отклик в его творчестве.

В первой половине XX в. большой вклад в развитие литературы ужасов внёс американский писатель Г.Ф. Лавкрафт (1890–1937). Несмотря на то, что в отечественном литературоведении проявление готической эстетики в произведениях Г.Ф. Лавкрафта зачастую игнорируется и его творчество рассматривают исключительно в русле поджанров, характерных для американской литературы начала XX века (weird fiction, horror fiction, Lovecraftian horror) [Морщинский, Чересюк: 2149], генетическая связь его текстов с готической традицией очевидна.

В своей статье «Сверхъестественный ужас в литературе» (1927) Лавкрафт рассматривает становление готической литературы, размышляет о разных типах страха и ужаса, из которых рождаются разные типы литературных произведений: «В настоящей истории о сверхъестественном есть нечто большее, чем тайное убийство, окровавленные кости или простыня с гремящими цепями. В ней должна быть ощутимая атмосфера беспредельного и необъяснимого ужаса перед внешними и неведомыми силами; в ней должен быть намек, высказанный всерьез, на самую ужасную мысль человека – о страшной и реальной приостановке или полной остановке действия тех непреложных законов Природы, которые являются нашей единственной защитой против хаоса и демонов запредельного пространства» [Лавкрафт].

Хотя сам автор всегда восхищался творчеством Э.А. По и называл себя его идейным наследником (например, в упомянутом выше эссе Лавкрафт называет По “богом и отцом современной дьявольской литературы” [Лавкрафт]), не вызывает сомнений тот факт, что Лавкрафт имеет совершенно иной взгляд на понимание природы страха. Писатель, в отличие от своего предшественника, не фокусировался лишь на психологических страданиях человека, он создал вполне материальных чудовищ, дал им имена, наделил историей и даже создал целые миры. Творчество писателя уходит далеко за грани классического понимания «источников» ужаса – призраков, вампиров, мертвецов, духов; в произведениях Лавкрафта читателя пугают инопланетные цивилизации, древние подземные боги, гадкие существа, совершенно отличные от человеческой и животной биологии. Писатель описал природу ужаса человека перед недоступным пониманию, далёким от логического объяснения и невозможным «нечто». Лавкрафт тяготеет к призрачному, космическому ужасу.

Рассмотрев стилистические средства, использованные Э.А. По в новеллах «Чёрный кот», «Боченок Амонтильядо», «Сердце-обличитель», «Колодец и Маятник» и «Падение дома Ашеро́в», можно сделать выводы об определённых стилистических особенностях, свойственных готическим новеллам автора.

Новеллы Э.А. По отличаются особым готическим антуражем: часто местом действия в них является замок, подвал или склеп. С этим связана минорная тональность описательных пассажей (темнота или полутьма, отсутствие воздуха, замкнутость пространства, темные краски и др.) Мотивы поступков героев варьируются, но среди них преобладают месть или безумие. Следует отметить, что повествование в данных произведениях ведётся от лица людей, страдающих нарушениями психики. Главные герои этих произведений описывают совершённые ими преступления, сюжеты отличаются динамичностью, а также экспрессивностью.

Методом сплошной выборки было выявлено 162 стилистических приёма. Наиболее употребляемым приёмом является повтор (18 %) в разных вариациях – синтаксический или лексический, анафорические конструкции и эпифоры: *“It grew quicker and quicker, and louder and louder every instant”*; *“It grew louder, I say, louder every moment! – do you mark me well?”*; *“But the beating grew louder, louder!”* [Poe b].

Причину преобладания данного стилистического приема мы видим в попытке писателя передать мысли и чувства людей, находящихся в состояниях тревоги, истерики, раскаяния или ужаса. В напряжённые моменты герои часто повторяются, обращаются к Богу, ругают себя. Для большей экспрессивности Э. По использует градацию, риторические восклицания и вопросы: *“What was it – I paused to think – what was it that so unnerved me in the contemplation of the House of Usher?”*; *“Long – long – long – many minutes, many hours, many days, have I heard it – yet I dared not – oh, pity me, miserable wretch that I am! – I dared not – I dared not speak!”* [Poe a]. Быстрый поток мыслей героев часто оборван, встречается умолчание (апозиепезис). Автор имитирует спутанность сознания с помощью эллиптических предложений и инверсии. Все эти средства выразительности позволяют говорить об особом психологизме новелл По. Несмотря на то, что основное внимание уделяется исследованию мотивов, мыслей и ощущений преступников во время и после совершения преступления, По уделяет большое внимание описанию места действия в своих новеллах. Преступления часто совершаются в домах, где герои прячут тела своих жертв в стенах или под полом, а также в сырых подвалах и тюремных камерах. Следует отметить, что готические новеллы По испытывают на себе влияние детективного жанра, в русле которого писатель также работал: во многих новеллах присутствует криминальная интрига. Для описания декораций По использует эпитеты, а также асиндетон при перечислении предметов убранства, намекая на то, что герой замечает их вскользь: *“While the objects around me – while the carvings of the ceilings,*

the sombre tapestries of the walls, the ebon blackness of the floors, and the phantasmagoric armorial trophies which rattled as I strode, were but matters to which, or to such as which, I had been accustomed from my infancy – while I hesitated not to acknowledge how familiar was all this – I still wondered to find how unfamiliar were the fancies which ordinary images were stirring up” [Poe a]. Некоторые примеры интерьера приобретают зловещие черты благодаря использованию олицетворения и сравнения.

При всей мистичности сюжета в новеллах Э.А. По сохраняется связь с реальностью, нет вымышленных существ. Все тексты характеризуются декадентской эстетикой – в них много краха, распада, гибели. При этом тексты новелл стилистически и культурологически насыщены, в них изобилуют аллюзии на известные объекты культуры и исторические события, а также интертекстуальные вставки. Зачастую героями новелл Э. По являются образованные люди, знакомые с Библией и философией, обладающие грамотной и живой речью, они прибегают к сравнениям и метафорам для точного описания своих ощущений и желаний. Например, новелла «Падение дома Ашеро́в» полна аллюзий на знаменитых авторов и композиторов. Рассказчик, говоря об игре Ашера на гитаре, отмечает: *“Among other things, I hold painfully in mind a certain singular perversion and amplification of the wild air of the last waltz of Von Weber”* [Poe a]. Герой имеет в виду популярную фортепьянную пьесу его времени, которая известна под названием «Последний вальс Вебера». Далее он сравнивает картины Ашера с произведениями английского художника Иоганна Фюссли: *“I ever yet in the contemplation of the certainly glowing yet too concrete reveries of Fuseli”*. Особый интерес представляет собой библиотека дома Ашеро́в: *“We pored together over such works as the “Ververt et Chartreuse” of Gresset; the “Belphegor” of Machiavelli; the “Heaven and Hell” of Swedenborg; the “Subterranean Voyage of Nicholas Klimm” by Holberg; the “Chiromancy” of Robert Flud, of Jean D’Indaginé, and of De la Chambre; the “Journey into the Blue Distance” of Tieck; and the “City of the Sun” of Campanella”* [Poe a].

В отличие от Э.А. По, новеллы Г. Лавкрафта не отличаются динамичным сюжетом, иногда его вовсе нет. В ходе анализа были рассмотрены его новеллы «Память», «Что приносит луна», «Азатот», «Ньярлатхотеп» и «Дагон». Было выявлено и проанализировано 188 стилистических приемов и выразительных средств.

В каждом произведении можно наблюдать встречу простого человека с древним божеством, чье имя часто выступает основой для эпонимического заголовка. Лавкрафт наделяет богов историей, внешним обликом. Некоторые боги бесплотны, многие безоб-

разны. Созданий Лавкрафта объединяет одна общая черта: они все вызывают глубокий, необъяснимый ужас у героев. В своих произведениях писатель фокусируется на эстетической составляющей: он подробно описывает необычные явления, внешний облик мистических существ и иные миры с помощью эпитетов. Именно эпитеты (в различных структурно-семантических вариациях) являются преобладающим стилистическим приемом в новеллах Лавкрафта – 37 %. Так, в новелле «Память» можно наблюдать эпитеты с прямым значением (*broken columns, marble pavements*), а также метафорические и метонимические (*thin horned moon, slimy waters, dank moss, crumbling courtyard, waning moon, evil vines, lethal foliage* [Lovecraft a]). Данный результат можно объяснить тем, что основной способ создания пугающей атмосферы в готических новеллах Лавкрафта – точное и подробное описание места действия и различных немислимых созданий и противоестественных явлений. Этой цели и служат преобладающие эпитеты с переносным значением. При этом автор апеллирует к разным органам чувств читателя (зрение, слух, обоняние, тактильные ощущения), играет с его воображением, создавая декорации жутких миров или описывая всемогущих и жестоких существ. Редкое употребление эмоциональных эпитетов говорит о том, что автор не ставит во главу угла чувства героев, можно сказать, что он их практически игнорирует. В новеллах Г.Ф. Лавкрафта герои редко выдают свой ужас эмоционально, однако нельзя не отметить использование риторических восклицаний и повторов. Авторский язык весьма нагромождён прилагательными, однако иногда можно встретить синтаксические фигуры, такие как инверсия, эллиптические предложения и апозиопезис.

Писатель также часто прибегает к олицетворению (21 %). Стиль изложения Лавкрафта плавный и экспрессивный, однако в отличие от новелл По, атмосфера ужаса здесь достигается не имитацией пугающих эмоций, а созданием противоестественных, необъяснимых пейзажей и существ. Олицетворение позволяет наделять жизнью все неживое: “*Then the sparks played amazingly around the heads of the spectators, and hair stood up on end whilst shadows more grotesque than I can tell came out and squatted on the heads*” [Lovecraft b]. Данные описания чуждых человеческому сознанию феноменов создают атмосферу ужаса. К тому же, в отличие от По, Лавкрафт в своих произведениях избегает любого намёка на юмор или даже лёгкую иронию, его намерением было передать ужас и страх перед неизвестностью и беспомощностью человека в сконструированных автором обстоятельствах.

Синтаксис Лавкрафта отличается сложностью. Многосоюзиe, параллельные конструкции и инверсия

весьма часто сочетаются и создают ощущение постепенного, окончательного и безвозвратного погружения в трясину его иррационального мира: “*And within the depths of the valley, where the light reaches not, move forms not meet to be beheld. Rank is the herbage on each slope, where evil vines and creeping plants crawl amidst the stones of ruined palaces, twining tightly about broken columns and strange monoliths, and heaving up marble pavements laid by forgotten hands. And in trees that grow gigantic in crumbling courtyards leap little apes, while in and out of deep treasure-vaults writhe poison serpents and scaly things without a name*” [Lovecraft a]. Многочисленные визуальные образы, задействованные в данном предложении, вкупе с синтаксическими выразительными средствами позволяют говорить о проявлении модернистской техники потока сознания здесь и в других похожих примерах из новелл Лавкрафта.

В стилистике и поэтике произведений Г.Ф. Лавкрафта наблюдается влияние готической традиции. Это проявляется, в частности, в использовании автором готического хронотопа: место действия в новеллах автора – это руины замка, блуждающий корабль, темница. При этом к традиционному готическому канону добавляются космогонические и мифологические элементы (Солнце, Луна; Боги, демон), которые ложатся в основу авторской, альтернативной, вселенной.

Таким образом, можно говорить о том, что Э.А. По в своих готических новеллах передаёт атмосферу ужаса путём погружения читателя в мысли злодея-протагониста, используя в основном синтаксические стилистические приёмы, а также описания их состояний и эмоций при помощи разнообразных семантических приёмов. Совершенно противоположную картину можно наблюдать в готических новеллах Г.Ф. Лавкрафта. Писатель отходит от канона психологизма в готике и уделяет мало внимания или же совершенно игнорирует душевные порывы своих персонажей. С целью создания готической атмосферы Лавкрафт концентрируется на эстетической составляющей произведения: он кропотливо описывает каждую деталь места действия новеллы. Кроме описания ландшафта, сезона, внутреннего убранства комнаты, писатель также обращает внимание на запахи, цвета, температуру, порывы ветра и другие детали. Важным нововведением Лавкрафта в готическую литературу можно назвать создание различных чудовищ, наделённых большой силой и при этом равнодушием к человеческой судьбе. Лавкрафт описывает пугающие пейзажи и бездушных монстров, заставляющих читателя ощущать безысходность и собственную ничтожность перед силами природы и древними богами. Именно в ощущении собственного бессилия и невозможности спасения кроется главный инструмент «запугивания» читателя. Зачастую новеллы Лавкрафта

представляют собой краткие описания потусторонних миров, далёких планет или монстров без какого-либо развития сюжета, что также идёт вразрез с основной функцией новеллы – динамичностью.

Сравнивая способы создания готической атмосферы при помощи стилистических приёмов, используемых Э.А. По и Г.Ф. Лавкрафтом, важно отметить, что писатели имеют разный взгляд на понятие ужаса. Новеллы Э. По позволяют легко погрузиться в мир ужаса и ощутить его правдоподобность, в то время как для понимания новелл Лавкрафта читатель должен опираться на свою фантазию. Язык новелл Э. По более выразительный и яркий, описания вызывают больше ассоциаций и эмоций, что позволяет анализировать персонажей и строить предположения об их поступках, следить за детективной интригой. В новеллах Г. Лавкрафта усложнённый синтаксис сопровождается большим количеством эпитетов. Хотя новеллы Лавкрафта отступают от канона готической новеллы, тем не менее его произведения создают атмосферу страха и оказывают влияние на читателя, что является основной функцией новелл ужаса.

Список литературы

- Балдицын П.В.* Развитие американской новеллы. О'Генри. История литературы США. Т. 5. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/istoriya-literatury-ssha-5/baldicyn-o-genri-1.htm> (дата обращения: 27.08.2023).
- Гарашина Е.М.* Готический роман в английской литературе XVIII–XIX вв. // Вестник университета им. А. Нобеля. 2020. № 1 (19). С. 142–149.
- Большая российская энциклопедия / отв. ред. С.Л. Кравец. URL: <https://bigenc.ru/c/goticheskii-roman-fa3718> (дата обращения: 27.08.2023).
- Лавкрафт Г.Ф.* Сверхъестественный ужас в литературе. URL: http://www.lib.ru/INOFANT/LAWKRAFT/sverhestestvennyj_uzhas_v_literature.txt (дата обращения: 27.08.2023).
- Морицинский В.С., Чересюк П.А.* Особенности преломления готической традиции в творчестве Г.Ф. Лавкрафта (на материале рассказа «Изгой») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, вып. 7. С. 2149–2153.
- По Э.А.* Философия творчества. URL: http://www.lib.ru/INOFANT/POE/poe1_3.txt (дата обращения: 27.08.2023).
- Lovecraft H.P.* Memory. URL: <https://www.hplovecraft.com/writings/texts/fiction/m.aspx> (дата обращения: 27.08.2023).
- Lovecraft H.P.* Nyarlathotep. URL: <https://www.hplovecraft.com/writings/texts/fiction/n.aspx> (дата обращения: 27.08.2023).
- Poe E.A.* The Fall of the House of Usher. URL: <http://www.ibiblio.org/ebooks/Poe/Usher.pdf> (дата обращения: 27.08.2023).
- Poe E.A.* The Tell-Tale Heart. URL: http://www.ibiblio.org/ebooks/Poe/Tell-Tale_Heart.pdf (дата обращения: 27.08.2023).
- Balditsyn P.V.* Razvitie amerikanskoi novelly. O'Genri. Istoriiia literatury SShA, t. 5 [The development of the American short story. O'Henry. History of Literature of the USA, vol. 5]. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/istoriya-literatury-ssha-5/baldicyn-o-genri-1.htm> (access date: 10.08.2023). (In Russ.)
- Garashina E.M.* Goticheskii roman v angliiskoi literature XVIII-XIX vv. [The Gothic novel in 18th and 19th century English literature]. *Vestnik universiteta im. A. Nobelya* [Bulletin of Alfred Nobel University], 2020, No. 1 (19), pp. 142-149. (In Russ.)
- Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia* [Big Russian Encyclopedia], ed. by S.L. Kravets. URL: <https://bigenc.ru/c/goticheskii-roman-fa3718> (access date: 10.08.2023). (In Russ.)
- Lavkraft G.F.* Sverkh"estestvennyi uzhas v literature [Supernatural horror in literature]. URL: http://www.lib.ru/INOFANT/LAWKRAFT/sverhestestvennyj_uzhas_v_literature.txt (access date: 10.08.2023). (In Russ.)
- Morshchinskii V.S., Cheresiuk P.A.* Osobennosti prelomleniia goticheskoi traditsii v tvorchestve G.F. Lavkrafta (na materiale rasskaza «Izgoi») [Features of the refraction of the Gothic tradition in the works of G. F. Lovecraft (on the material of the story “Outcast”)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theoretical and practical issues], 2022, vol. 15, iss. 7, pp. 2149-2153. (In Russ.)
- Po E.A.* *Filosofia tvorchestva* [The philosophy of composition]. URL: http://www.lib.ru/INOFANT/POE/poe1_3.txt (access date: 10.08.2023). (In Russ.)
- Lovecraft H.P.* Memory. URL: <https://www.hplovecraft.com/writings/texts/fiction/m.aspx> (access date: 07.08.2023).
- Lovecraft H.P.* Nyarlathotep. URL: <https://www.hplovecraft.com/writings/texts/fiction/n.aspx> (access date: 07.08.2023).
- Poe E.A.* *The Fall of the House of Usher*. URL: <http://www.ibiblio.org/ebooks/Poe/Usher.pdf> (access date: 27.08.2023).
- Poe E.A.* *The Tell-Tale Heart*. URL: http://www.ibiblio.org/ebooks/Poe/Tell-Tale_Heart.pdf (access date: 07.08.2023).

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 19.10.2023; принята к публикации 27.10.2023.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 19.10.2023; accepted for publication 27.10.2023.

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(73).09“20”

EDN CKVSOB

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-98-103>

МИФОЛОГЕМЫ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ВАМПИРАХ В РОМАНЕ С. КИНГА «ЖРЕБИЙ САЛЕМА»

Васильева Эльмира Викторовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела классических литератур Запады и сравнительного литературоведения Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Российская Федерация, Москва, elmvasilyeva@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4195-5658>

Аннотация. В статье предлагается прочтение романа С. Кинга «Жребий Салема» (*Salem's Lot*, 1975) в контексте продуктивной рецепции его автором элементов «вампирического мифа», созданного и разработанного британскими писателями-«готицистами» XIX в. (Дж. Полидори, Дж. Шериданом Ле Фаню, Б. Стокером и др.). Основные из этих мифологем («порочность века, конденсирующаяся в фигуре вампира»; «иностранный происхождение вампира, подчеркивающее его инаковость»; «аристократизм вампира») успешно адаптируются Кингом к его художественным задачам, что позволяет писателю включить свой текст в богатую литературную традицию, сохранив при этом и пространство для проявления творческой самобытности. Важной находкой Кинга становится предложенный им синтез двух жанровых субформ романа ужасов – романа о вампирах и романа об ужасах в маленьком городке: плодотворно работая с особой эстетикой первой субформы и идеологическим наполнением второй, Кинг придает «Жребию» социально-критическую ангажированность, превращая сюжет о появлении вампиров в новоанглийском провинциальном городке в иносказательное повествование об утрате нравственных ориентиров и духовной деградации в Америке 1970-х гг.

Ключевые слова: готический роман, литература о вампирах, рецепция классической литературы в современной культуре, литература ужасов, Стивен Кинг.

Благодарности. Статья выполнена по гранту Правительства Российской Федерации (соглашение № 23-28-00989 от 14.06.2022, срок реализации 2023–2024 гг.) «Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации».

Для цитирования: Васильева Э.В. Мифологемы английской литературы о вампирах в романе С. Кинга «Жребий Салема» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 98–103. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-98-103>

Research Article

MYTHOLOGEMS OF ENGLISH VAMPIRE FICTION IN STEPHEN KING'S 'SALEM'S LOT

Elmira V. Vasileva, Candidate of Sciences in Philology, Senior Researcher of the Department of Classical Western Literature and Comparative Literary Studies, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS), Moscow, Russian Federation, elmvasilyeva@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4195-5658>

Abstract. The article offers an interpretation of Stephen King's novel *Salem's Lot* (1975) in the context of how its author productively works with the elements of the "vampire myth" created and developed by British gothic writers of the 19th century (John William Polidori, Joseph Thomas Sheridan Le Fanu, Bram Stoker, etc.). The principal of these mythologems ("the depravity of the century, condensed in the figure of a vampire"; "the foreign origin of a vampire, which emphasises its otherness"; "the aristocracy of a vampire") are successfully adapted by King in accordance with his artistic objectives, which allows the writer to include his text in a rich literary tradition, while preserving the opportunity to express his own creativity. An important artistic finding of King is the synthesis of two genre subforms of the horror novel proposed by him – a vampire novel and a small-town-horror novel: King fruitfully works with the special aesthetics of the first subform and the ideological content of the second, thus making his novel a socially engaged one and turning the plot about the appearance of vampires in a New England provincial town into an allegorical narrative about the loss of moral guidelines and general spiritual degradation in America in the 1970s.

Keywords: gothic novel, vampire fiction, reception of classical literature in modern culture, horror fiction, Stephen King.

Acknowledgements. The work was financially supported by the grant from the Government of the Russian Federation (agreement No. 23-28-00989, 14.06.2022, implementation period 2023–2024) “English Classical Literature in World Culture: Receptions, Transformations, Interpretations.”

For citation: Vasileva E.V. Mythologemes of English vampire fiction in Stephen King’s ‘Salem’s Lot. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 98–103 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-98-103>

С. Кинг никогда не скрывал, что его второй роман «Жребий Салема» (*Salem’s Lot*, 1975) был вдохновлён знаменитым постготическим текстом ирландского писателя Б. Стокера «Дракула». В критической работе «Пляска смерти» (*Danse Macabre*, 1981), представляющей собой развернутый очерк литературной и кинематографической хоррор-традиции, Кинг открыто заявлял: «Создавая свой вампирский роман, получивший название “Жребий Салема”, я решил отдать дань литературного уважения... Поэтому я придал своему роману намеренное сходство с “Дракулой” Брэма Стокера, и потом мне начало казаться, что я играю в интересную – по крайней мере, для меня – игру: в литературный ракетбол. “Жребий Салема” – мяч, а “Дракула” – стена, и я бью о стену, чтобы посмотреть, куда отскочит мяч, и ударить снова. Кстати, некоторые траектории были крайне интересными, и я объясняю этот факт тем, что хотя мой мяч существовал в двадцатом веке, стена была продуктом века девятнадцатого» [Кинг 2018: 46].

В романе «Жребий Салема» повествуется о вымышленном новоанглийском городке Салемс-Лот и распространении в нем вируса вампиризма, начавшемся с появления загадочного иностранца по имени Курт Барлоу. Догадавшись об истинной природе Барлоу, главный герой романа писатель Бен Миерс и его девушка Сьюзен Нортон, а также некоторые жители Салемс-Лота – учитель Мэтт Берк, католический священник отец Каллахэн и врач Джимми Коуди – объединяются в альянс, чтобы спасти городок от распространяющейся в нем скверны. Однако, недооценив могущество своего противника, герои терпят поражение: в конце романа Бен Миерс бежит из зачумленного городка, спасая последнего выжившего салема – мальчика Марка Питри.

Выбранный Кингом сеттинг провинциального городка, принципиально отличающий его произведение от первоисточника Стокера с его обширной географией описываемых событий, позволил писателю произвести синтез двух жанровых субформ романа ужасов – романа о вампирах и романа об ужасах в маленьком городке (*англ.* small town horror), являющегося, в свою очередь, вариацией на тему так называемого «общинного нарратива» (*англ.* narrative of community)¹ с его характерной ориентацией на высвечивание пороков и скрытых социальных проблем идиллических на первый взгляд сообществ.

Неожиданная параллель между романами Стокера и Кинга, разделенными временной дистанцией

в без малого восемьдесят лет, а также между поздневикторианской Британией и Америкой времен президентства Дж. Форда обнаруживается именно благодаря социальной критике Кинга.

В романе Стокера, вполне типичном для английской литературы эпохи *fin de siècle* и – уже – для так называемой «имперской готики» конца XIX в., под сомнение ставится викторианская мифология и вскрывается проблема двуличия, захватившего британское общество периода, когда, вследствие пугающей подмены понятий, поддержание видимости респектабельности стало отождествляться с подлинной добродетельностью (см., напр.: [Хачатрян; Perkin: 273–290]). Инфернальный граф Дракула – ироничная иллюстрация этой тенденции: Стокер рисует перед нами настоящее чудовище, которое, однако, успешно скрывает свою истинную природу за надежной маской аристократизма, богатства, изысканных манер и широкой эрудиции и при первой встрече даже поражает Джонатана Харкера своей «английскостью»². При этом само общение с графом обладает развращающим действием и словно пробуждает в чопорных англичанах вкус к запретным удовольствиям. Наиболее явственно под его влиянием животное начало проявляется в Харкере, а также в двух героинях романа – Люси Вестенра и Мине Харкер. Происходящие в героях изменения некоторые зарубежные исследователи трактуют через призму характерного для «имперской готики» мотива «обратной колонизации» (*англ.* reverse colonization)³ и свойственной авторам периода фиксации на образах «примитивного и атаквистического» [Arata: 624]. При этом очевидно, что подобное возвращение в состояние дикости и торжества инстинктов становится возможно лишь потому, что привезенные Дракулой из Трансильвании «семена порока» попадают в поздневикторианской Англии в благодатную почву: в эпоху смены культурных парадигм и подмены истинных духовных ценностей ложными погруженные в хаос человеческие души оказываются чрезвычайно восприимчивы к вредоносным воздействиям.

Кинг улавливает это парадоксальное сходство между духовной обстановкой, сложившейся в Великобритании 1890-х гг., и атмосферой современной ему Америки 1970-х гг., ключевыми факторами оформления которой явились конфликт поколений и сексуальная революция. Новое, послевоенное поколение, не знавшее Великой депрессии и ужасов Второй мировой войны, не чувствовало потребно-

сти в сковывающей морали, которая ассоциировалась у них с поколением родителей и дедов. Однако превращенная в лозунг вседозволенность не только не принесла счастья, но и привела к полной потере нравственных ориентиров [Bondi, Hollogan: 153–154]. Редкими, но точными мазками Кинг передает дух времени в образах конкретных героев, но чаще героинь – молодых жительниц Салемс-Лота. Юная Рут Крокетт надевает в школу откровенные наряды, превращая свою юность и привлекательность в товар, который она готова продать по не самой высокой цене. Сэнди Макдугалл в свои семнадцать лет – уже измученная бытом жена и мать, прикованная к убогому трейлеру, мужу-алкоголику и ребенку, который вызывает у нее только раздражение. Жена местного автомеханика Бонни Соьер – бывшая победительница регионального конкурса красоты – изменяет мужу с юным сотрудником телефонной компании Кори Брайантом. Даже Сьюзен Нортон, остающаяся на протяжении большей части повествования главной героиней романа, представляется Кингом как человек новой формации и девушка свободных нравов; ее перманентный конфликт с матерью – иллюстрация отсутствия взаимопонимания между родителями и их детьми эпохи хиппи. Идеальный на первый взгляд Салемс-Лот превратился в «патогенную среду», где порок не только быстро распространяется, но и стремительно теряет негативные коннотации, становясь частью обыденной жизни. Именно поэтому «второе пришествие» Дракулы, или Курта Барлоу⁴, оказывается столь успешным: полная победа над Салемс-Лотом достигается им по истечении нескольких дней.

Выделяя и художественно обыгрывая мифологему «порочность века, конденсирующаяся в фигуре вампира», Кинг подхватывает формулу, разработанную до него не только Стокером, но и другими английскими писателями, работавшими с образом вампира. Так, например, значительный успех повести Дж. Поллори «Вампир» (*The Vampyre*, 1819) можно объяснить не только ошибочной атрибуцией рукописи лорду Байрону, но и общей созвучностью центрального образа вампира настроениям эпохи романтизма: типичный байронический злодей лорд Рутвен, вероятнее всего, выглядел бы комично, если бы повесть была опубликована на двадцать лет позже, но в Англии конца 1810-х гг. он был олицетворением духа времени, – не враждебной внешней силой, а воплощением порочности целого поколения. Той же логике подчиняется и образ Барлоу у Кинга: появление вампира в Салемс-Лоте становится возможным в силу деградации общественного сознания, культурных и нравственных норм, затронувшей всю страну, включая и новоанглийскую провинцию, которая долгое время оставалась последним оплотом старой американской морали. Появление Барлоу – лишь свое-

образный маркер окончательного духовного падения, о чем говорит и сам антагонист: «Эта страна является собой удивительный парадокс. В других краях, если люди изо дня в день едят досыта, то становятся толстыми и вялыми... как свиньи. Но тут – совершенно иная картина! Чем больше у вас есть, тем агрессивнее вы становитесь! <...> Горожане тут не утратили своей зажиточности и полнокровия, в них так много агрессии и тьмы, столько необходимых для... Pokol; vurderlak; eyalik [sic]...» [Кинг 2019: 305–306].

Вторая мифологема, которую можно выделить в творчестве некоторых английских писателей-«готицистов», работавших с вампирским нарративом⁵, и которую заимствует Кинг, – «иностранный происхождение вампира, подчеркивающее его инаковость».

Мотив странствия исключительно важен для готики, поскольку именно он позволяет органично вводить чудесное в повествование, в остальном претендующее на верность правде жизни. Как писала Дж. Остин в романе «Нортенгерское аббатство»: «Как бы хороши ни были сочинения миссис Радклиф и как бы хороши ни были сочинения всех ее подражателей, они едва ли способствуют раскрытию человеческой природы – по крайней мере, в средних английских графствах. Об Альпах и Пиренеях, с присущими им людскими пороками и дремучими сосновыми чащами, они дают, возможно, верное представление. Быть может, Италия, Швейцария и Южная Франция в самом деле изобилуют описываемыми в романах ужасами» [Остен: 590].

Отнесение действия в некий «экзотический край», например в страны католической Европы, – традиционный поэтологический (и идеологический) ход для британских «готицистов» конца XVIII – первой половины XIX вв. (подр. об этом см.: [Hoeveler]), однако к концу XIX столетия антикатолическая риторика готической прозы несколько исчерпала свои ресурсы, в связи с чем в «имперской готике» в качестве подобной «экзотической» локации, легитимирующей введение фантастических элементов в ткань повествования, стали выступать колониальные владения Великобритании, а также регионы, обычаи и нравы которых были сравнительно мало известны английскому читателю, например Восточная Европа.

Отнесение открывающих глав романа Стокера «Дракула» в полусказочную Трансильванию (*досл. с лат.* «страна за лесами») с последующей «перемещением» вампира в Великобританию принципиально важно для построения эффекта: Стокер сперва показывает вампира в его «естественной среде обитания», а затем приближает историю к сфере опыта читателя-англичанина, позволяя антагонисту проникнуть на английские земли. Многократно актуализируемый в романе мотив вторжения – в чужую страну или в чужое тело – оказывает тем более сильное воздействие на читателя, чем легче достигается чу-

довишем эта победа: в облике богатого и утонченно-го европейца-аристократа Дракула законным путем становится обладателем недвижимости в Лондоне; прочие его личины – волка, пса, летучей мыши, тумана – помогают ему стать неустойчивой силой, перемещения и действия которой не поддаются контролю, что лишь обостряет конфликт романа. С другой стороны, противники Дракулы – Джонатан и Мина Харкеры, голландец Абрахам Ван Хельсинг, американец Квинси Моррис – часто вынуждены чувствовать себя чужаками, что ослабляет силу альянса.

В «Жребии» Кинг перерабатывает эту мифологему: большая часть событий романа разворачивается в Салемс-Лоте – новоанглийском городке, каждый житель которого воплощает узнаваемый для американского читателя социальный тип. Барлоу же является олицетворением «инаковости» – рожденный в Германии, проживший большую часть жизни в Англии, связанный не вполне определенными в романе отношениями со своим бизнес-партнером Стрейкером, переехавший в Салемс-Лот для того, чтобы торговать предметами старины в городе, где мало кто может позволить себе приобрести антиквариат, – что не мешает ему при первом появлении заявить: «Я жил во многих странах, но для меня Америка... этот город... кажутся населенными одними иностранцами» [Кинг 2019: 304].

Кинг иронически нормализует «инаковость» Барлоу и одновременно «остраивает» салемицев, показывая, какими они выглядят в глазах древнего вампира – разобщенными и жестокими вопреки сравнительно высокому уровню жизни, привыкшими к пороку и не отличающимися добро от зла. Показательно, что в то время как Бен Миерс до конца остается в глазах горожан потенциально опасным для них пришельцем (например, после исчезновения школьника Ральфи Глика подозрения в первую очередь падают на ни в чем не повинного Бена), прислуживающий Барлоу Стрейкер практически сразу завоевывает репутацию respectable бизнесмена и симпатию салемицев: «[Стрейкер] производит очень приятное впечатление... <...> Сделал комплимент Глинис Мэйберри по поводу ее платья, и та покраснела как школьница. Спросил у миссис Боддин, почему у нее перевязана рука – она обожглась, – и тут же написал ей рецепт мази от ожогов... <...> И еще он угощал всех кофе» [Кинг 2019: 259].

Третий компонент литературного вампирского мифа, отчасти связанный со вторым, – «аристократизм вампира». Известные литературные вампиры – Джеральдина (героиня поэмы С.Т. Кольриджа «Кристабель» (*Christabel*, 1800)), лорд Рутвен, сэра Фрэнсис Варни, Кармила (графиня Миркалла Карнштейн), граф Дракула, – а также менее известные персонажи сэра Алана Раби (персонаж пьесы ирланд-

ского драматурга Д. Бусико «Вампир» (*The Vampire*, 1852)), шевалье Тенебр (также известный как «Рыцарь Мрак»), графиня Адхема, лорд Отто Гётци (вампиры, персонажи романов французского писателя П. Феваля) и мн. др. – отличаются от прочих литературных монстров, в первую очередь, своим благородным происхождением. Принадлежность к знатному роду, безусловно, дополнительно маркирует «инаковость» вампира, подчеркивает его статус «другого», однако в то же самое время возвышает его над безликой толпой и сообщает его образу особую привлекательность⁶.

На эту последнюю особенность обращала внимание, в частности, К. Хиршманн, писавшая о лорде Рутвене: «Полидори ввел в обиход представление о том, что вампиры могут жить неузнанными среди людей, вращаться с людьми в одних и тех же кругах. В мире Полидори кто-угодно – случайный знакомый, лучший друг, жених или невеста – могут оказаться кровожадным чудовищем. Это серьезное отступление от славянских легенд, в которых вампиры, как правило, – отвратительные, похожие на животных создания. При этом важно, что Рутвен не просто выглядит как человек. Он выглядит как человек привлекательный, красивый, благородный, знатный. <...> Привлекательность Рутвена делает его еще более пугающим. Она посылает нам сигнал, что перед нами – совершенный хищник» [Hirschmann: 8–9; перевод мой. – Э. В.].

Действительно, аристократизм вампира, делающий его еще более привлекательным для окружающих, можно рассматривать и как знак его опасности для людей, и как метафору обманчивой привлекательности любого порока. Контраст между личиной английского или, шире, европейского аристократа, что в понимании большинства делает вампира «сверхчеловеком», и его животной сущностью, баланс между «возвышенным» и «ужасным» – основа эффекта любого вампирского нарратива, обеспечивающего субжанру столь долгую жизнь и популярность.

В «Жребии» Кинг использует этот компонент лишь частично: Барлоу говорит о своей древности, называет созданных им вампиров своими «адептами», а себя – их «господином», лишь таким образом выделяя свое привилегированное положение в творимой им самой социальной иерархии. Зато о высоком статусе Барлоу говорит его внешний облик: «Дад с удивлением заметил, что мужчина был одет в костюм-тройку, с жилеткой и всем прочим» [Кинг 2019: 196], – элегантный стиль, выгодно отличающийся от повседневной одежды салемицев – сотрудников автомастерских, телефонных станций, полицейских, барменов и т. д. – подчеркивает элитарность персонажа и автоматически ставит его в положение господина, облегчая реализацию его плана по захвату городка.

При этом важно отметить, что, в отличие от Дракулы и других харизматичных злодеев-вампиrow английской литературы XIX в., образ Барлоу не монолитен, а как бы рассыпается на составные части: сведения о нем, предоставляемые автором, отрывочны, фрагментарные описания его внешности не позволяют составить четкое представление о его облике, сама его «программа» остается не вполне понятной (собирается ли Барлоу в своей кампании ограничиться Салемс-Лотом или его амбиции простираются на штат / государство / весь мир?). Работая с заимствованными у предшественников элементами «вампиrowского мифа», Кинг не ставит перед собой задачи сделать Барлоу мощным антагонистом. Неслучайно доставшаяся дорогой ценой победа над Барлоу в конце романа никак не влияет на расстановку сил и не спасает жителей Салемс-Лота от эпидемии вампиризма. В «Жребии» образ Барлоу – лишь функция в тексте, не претендующий на художественную объемность символ, используемый автором с одной лишь целью – придать роману скрытую ангажированность и высветить социокультурные проблемы современной ему Америки.

Примечания

¹ Термин «общинный нарратив» был предложен американской исследовательницей С. Загарелл в одноименной статье [Zagarell]. Использование данного термина в контексте анализа романа Кинга обусловлено соответствием «Жребия Салема» тем поэтологическим характеристикам, которые описывает Загарелл.

² Стокер последовательно изображает Дракулу даже большим англичанином, чем его британские оппоненты. Сама привычка графа возить с собой гроб с трансильванской землей может быть прочитана как пародийное переосмысление известной поговорки «Дом англичанина – его крепость», являющейся метафорическим выражением законодательного права подданных Британской короны на неприкосновенность жилища и на частную жизнь.

³ В своей монографии «Власть тьмы» П. Брантлингер писал о том, что одним из страхов, транслируемых в произведениях «имперской готики», являлся страх перед той «легкостью, с которой цивилизация может вернуться к варварству и даже состоянию дикости» и, таким образом, перед «утратой Британией ее имперской гегемонии» [Brantlinger: 229; перевод мой. – Э. В.]. В поздневикторианской прозе мотив «обратной колонизации» актуализировался в сюжетах о завоевании или попытке завоевания Британии враждебными, чаще примитивными силами, гибели западной цивилизации и возвращении к доцивилизованному состоянию, а также пугающей деградации отдельного человека. Роман «Дракула», по Брантлингеру, может быть отнесен как к первой, так и к третьей категории, ведь

будучи «фантазией на тему демонической одержимости», он остается при этом произведением с сильным политическим подтекстом, в котором Стокер жестоко спародировал империалистическую риторику Британии в проекте графа Дракулы по захвату мира с целью превращения людей в вампиrow [Brantlinger: 233–234].

⁴ Ни в романе, ни в последовавших интервью Кинг не подтверждает, но и не опровергает того, что его Курт Барлоу и есть граф Дракула. Скучные описания его внешнего облика позволяют вообразить частичное сходство с портретом графа Дракулы середины XVI в. Лишь косвенными свидетельствами того, что речь идет об одном и том же персонаже, могут служить первоначальное название романа – «Второе пришествие» (англ. The Second Coming), – от которого Кинг отказался в пользу «Жребия Салема», а также частичное совпадение звуко-буквенных сочетаний в именах героев.

⁵ Не все литературные вампиrow XIX в. были иноземцами. Так, например, лорд Рутвен, чей образ фактически стоит у истоков английского вампиrowского нарратива, – архетипический английский аристократ, «списанный» автором с лорда Байрона. Однако Полидори тем не менее отдал дань уважения вдохновлявшей его культуре в предисловии к «Вампиру», указав, что «суеверие, лежащее в основе этой повести, широко распространено на Востоке» [Polidori: 2; перевод мой. – Э. В.], и предложив читателю краткую справку о географии и содержании вампиrowского лора.

⁶ Вампир и по сей день остается единственным литературным чудовищем, не вызывающим мгновенной реакции отвращения и ужаса у читателя. Показательно сравнение лорда Рутвена и чудовища Франкенштейна – образов, родившихся практически одновременно, в одних внешних условиях и даже под влиянием одних и тех же литературных источников (в «год без лета» это был сборник «Фантазмагориа», который на вилле Диодати читали лорд Байрон и его гости): в то время как Создание страдает от своей изолированности, Рутвен подобно магниту притягивает к себе внимание и симпатии. Именно своеобразная притягательность вампиrow позволила авторам популярной литературы второй половины XX – начала XXI вв. перевести его из категории монстров в категорию героев-любовников (Э. Райс, Ст. Майер, Л. Дж. Смит, Р. Мид, Д. Харкнесс и др.) (об эротической образности вампиrowских нарративов XIX в. см.: [Gladwell, Navoc]), а также сменить его морально-этический «заряд» на положительный. Своеобразным апофеозом этой тенденции можно считать появление мэш-ап романов, в которых герои классических текстов XIX в. – Дарси, Рочестер, Хитклиф и др. – волею писателей становятся вампирами, что, очевидно, призвано добавить пикантности романтическому сюжету.

Список литературы

Кинг С. Пляска смерти / пер. с англ. А. Грузберга. Москва: Изд-во «АСТ», 2018. 512 с.

Кинг С. Жребий Салема / пер. с англ. В. Антонова. Москва: Изд-во «АСТ», 2019. 544 с.

Остен Дж. Нортенгерское аббатство / Остин Дж. Гордость и предубеждение. Нортенгерское аббатство / пер. с англ. И. Маршака. Москва: Эксмо, 2012. С. 407–642.

Стокер Б. Дракула / пер. с англ. Т. Красавченко. Москва: Энигма, 2019. 640 с.

Хачатрян Л.С. Мораль викторианской Англии как последствие «культурного взрыва» // Вестник МГУКИ. 2015. № 1. С. 75–79.

Arata S.D. The Occidental Tourist: «Dracula» and the Anxiety of Reverse Colonization. *Victorian Studies*, 1990, vol. 33, No. 4, pp. 621-645.

Bondi V., Holloran P.C. The Changing Sexual Morality of the 1970s. *The Sexual Revolution*. San Diego, CA, Greenhaven Press, 2002, pp. 151-155.

Brantlinger P. Rule of Darkness. *British Literature and Imperialism, 1830-1914*. Ithaca, London, Cornell University Press, 1988, 309 p.

Friedan B. The Problem That Has No Name. *The Sexual Revolution*. San Diego, CA, Greenhaven Press, 2002, pp. 136-150.

Gladwell A.O., Havoc J. Introduction: the Erogenous Disease, Blood & Roses, *The Vampire in 19th Century Literature*. London, Creation Press, 1992, pp. 7-27.

Hirschmann K. Vampires in Literature. San Diego, CA, Reference Point Press, 2011, 80 p.

Hoeveler D.L. The Gothic Ideology: Religious Hysteria and Anti-Catholicism in British Popular Fiction, 1780-1880. Cardiff, University of Wales Press, 2014, 361 p.

Perkin H. The Origins of Modern English Society 1780-1880. London, Routledge & Kegan Paul; Toronto, University of Toronto Press, 1969, 465 p.

Polidori J.W. The Vampyre: A Tale. London, Printed for Sherwood, Neely, and Jones, Paternoster-Row, 1819, 94 p.

Williams A. Art of Darkness. A Poetics of Gothic. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1995, 311 p.

Zagarell S.A. Narrative of Community: The Identification of a Genre. *Signs*, 1988, vol. 13, No. 3, pp. 498-527. <https://doi.org/10.1086/494430>

Khachatrian L.S. *Moral' viktorianskoi Anglii kak posledstvie «kul'turnogo vzryva»* [The morality of Victorian England as a consequence of the “cultural explosion”]. *Vestnik MGUKI*, 2015, No. 1, pp. 75-79. (In Russ.)

Osten Dzh. *Nortengerskoe abbatstvo* [Northanger Abbey]. Ostin Dzh. *Gordost' i predubezhdenie. Nortengerskoe abbatstvo* [Pride and Prejudice. Northanger Abbey]. Moscow, Eksmo Publ., 2012, pp. 407-642. (In Russ.)

Stoker B. *Drakula* [Dracula]. Moscow, Enigma Publ., 2019, 640 p. (In Russ.)

Arata S.D. The Occidental Tourist: “Dracula” and the Anxiety of Reverse Colonization. *Victorian Studies*, 1990, vol. 33, No. 4, pp. 621-645.

Bondi V., Holloran P.C. The Changing Sexual Morality of the 1970s. *The Sexual Revolution*. San Diego, CA, Greenhaven Press Publ., 2002, pp. 151-155.

Brantlinger P. Rule of Darkness. *British Literature and Imperialism, 1830–1914*. Ithaca, London, Cornell University Press Publ., 1988, 309 p.

Friedan B. The Problem That Has No Name. *The Sexual Revolution*. San Diego, CA, Greenhaven Press Publ., 2002, pp. 136-150.

Gladwell A.O., Havoc J. Introduction: the Erogenous Disease, Blood & Roses, *The Vampire in 19th Century Literature*. London, Creation Press Publ., 1992, pp. 7-27.

Hirschmann K. Vampires in Literature. San Diego, CA, Reference Point Press Publ., 2011, 80 p.

Hoeveler D.L. The Gothic Ideology: Religious Hysteria and Anti-Catholicism in British Popular Fiction, 1780-1880. Cardiff, University of Wales Press Publ., 2014, 361 p.

Perkin H. The Origins of Modern English Society 1780-1880. London, Routledge & Kegan Paul; Toronto, University of Toronto Press Publ., 1969, 465 p.

Polidori J.W. The Vampyre: A Tale. London, Printed for Sherwood, Neely, and Jones Publ., Paternoster-Row, 1819, 94 p.

Williams A. Art of Darkness. A Poetics of Gothic. Chicago, London, The University of Chicago Press Publ., 1995, 311 p.

Zagarell S.A. Narrative of Community: The Identification of a Genre. *Signs*, 1988, vol. 13, No. 3, pp. 498-527. <https://doi.org/10.1086/494430>

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 01.10.2023.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 28.09.2023; accepted for publication 01.10.2023.

References

King S. *Pliaska smerti* [Danse Macabre]. Moscow, AST Publ., 2018, 512 p. (In Russ.)

King S. *Zhrebii Salema* [Salem’s Lot]. Moscow, AST Publ., 2019, 544 p. (In Russ.)

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(417).09"19/20"

EDN EUUJTH

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-104-108>

ВРЕМЯ В РОМАНЕ Б. СТОКЕРА «ЗМЕИНЫЙ ПЕРЕВАЛ» КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ

Лаштабова Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия, lashnata@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8858-9847>

Аннотация. В статье исследуется время как сюжетобразующий элемент в романе Б. Стокера «Змеиный перевал». Традиционное представление о художественном времени как о последовательности событий, перетекающих из прошлого в настоящее и будущее, интерпретируется с точки зрения понятия о линейном и монументальном времени. Легендарное и историческое прошлое Ирландии переплетаются и выражаются в настоящем в образах болота, кровища, англичанина и ирландской крестьянки. Монументальное прошлое связано с комплексом взаимоотношений Великобритании и Ирландии на рубеже XIX–XX веков и попыткой автора романа метафорически решить противоречия при помощи брака англичанина и ирландки. Линейное время выражено в образе англичанина, развития его взаимоотношений с жителями ирландской деревни, инженерном изучении болота, а также превращении нищей ирландской деревни в процветающий край. Женский образ создан согласно канону «новой женщины» в поздневикторианском романе, сочетающем женственность и героизм, проявляемый в сложной ситуации.

Ключевые слова: художественное время, ирландский вопрос, имперская готика, колониальный дискурс, хронотоп.

Для цитирования: Лаштабова Н.В. Время в романе Б. Стокера «Змеиный перевал» как сюжетобразующий элемент // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 104–108. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-104-108>

Research Article

TIME IN THE NOVEL “THE SNAKE’S PASS” BY BRAM STOKER AS A PLOT-FORMING ELEMENT

Natalia V. Lashtabova, Candidate of Philological Sciences, Orenburg State University, Orenburg, Russia, lashnata@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8858-9847>

Abstract. The article examines time as a plot-forming element in Bram Stoker’s novel “The Snake’s Pass”. The traditional idea of artistic time as a sequence of events flowing from the past into the present and future is interpreted from the point of view of the concept of linear and monumental time. Ireland’s legendary and historical past are intertwined and expressed in the present through the images of the bog, the treasure, the Englishman and the Irish peasant woman. The monumental past is associated with the uneasy relationship between Great Britain and Ireland at the turn of the 19th–20th centuries and the attempt of the author of the novel to metaphorically resolve the contradictions through the marriage of an Englishman and an Irish woman. Linear time is expressed in the image of an Englishman, the development of his relationships with the inhabitants of an Irish village, the engineering study of a bog, and the transformation of a poor Irish village into a prosperous region. The female image is created according to the canon of the “new woman” in the late Victorian novel, combining femininity and heroism, manifested in a difficult situation.

Keywords: artistic time, Irish question, imperial gothic, colonial discourse, chronotope.

For citation: Lashtabova N.V. Time in the novel “The Snake’s Pass” by Bram Stoker as a plot-forming element. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 104–108 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-104-108>

Проблема взаимоотношений Великобритании и Ирландии уходит корнями в начало XIX века, как обозначают исследователи. В конце XIX века обостряется «ирландский вопрос» (подробно об этом сказано в статье Н.В. Лаштабовой «Роман Б. Стокера “Ущелье змеи” и “имперская готика”») [Лаштабова: 486].

Б. Стокер (1847–1912) – первый английский писатель, который привлек внимание читателей к проблеме взаимоотношений Ирландии и Великобритании и предложил метафорический способ решения конфликта между этими странами. Его роман «Змеиный перевал» (1892) интересен попыткой соединить вопросы ирландской современности и традиций английского приключенческого романа. Одним из важных вопросов, о которых размышляет автор, является влияние созданной им модели времени: повествование сочетает рассказ о прошлом, действие развивается в настоящем, а также многие события грядут в будущем – близком и отдаленном.

Ирландия впервые предстает как пространство, нуждающееся в опыте колонизаторов, это страна оживших легенд, место удивительной по красоте природы, обладает богатыми ресурсами: именно такой ее видит англичанин Артур Северн.

Н. Дейли согласен с предложенным писателем выходом из сложной ситуации, но считает, что предложенное Стокером решение проблемы взаимоотношений Англии и Ирландии в результате союза англичанина и ирландской крестьянки не является показательным и единственно возможным, а лишь служит одним из возможных метафорических вариантов [Daly: 42]. Однако во время создания романа так называемый «ирландский вопрос» (временные рамки которого – начало XIX века – 1920-е гг.) был далек от решения, хотя попытки предпринимались.

В русскоязычном литературоведении есть ряд работ, в которых теоретически осмысливается художественная функция времени. Так, у М.М. Бахтина «время сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» [Бахтин: 234]. Если Бахтин соотносит время с пространством, то Ю.М. Лотман интерпретирует время в связи с картинами мира – социальными и этическими [Лотман: 413–447]. М. Озерная, комментируя разные представления о времени, упоминает о циклическом типе времени, восходящем к античности, характеризующемся сезонными циклами, завершенностью, и о линейном типе времени, связанном с непрерывностью, упорядоченностью и последовательностью процессов.

В произведении литературы изображение времени связано с точкой зрения автора и художественным замыслом [Озерная].

В своей статье мы обращаемся к концепции Ю. Кристевой. С ее точки зрения, время делится на линейное и монументальное. Линейное время отражает хронологическую историю, а монументальное время связано с травматичными событиями прошлого, которые находят отражение в настоящем. [Kristeva: 187–213].

В романе «Змеиный перевал» время выступает как сюжетобразующий элемент. События разворачиваются в 90-х годах XIX века в ирландской провинции Карнаклифф. Линейное время сообщает современный аспект и преобладает в качестве отчета Артура Северна о событиях, которые связаны с изучением устройства болота и его взаимоотношениях с Норой Джойс.

Образ монументального времени обращает взгляд читателя в прошлое, оживляет легенду, развертывается в попытке решения колониального вопроса – превращения нищей ирландской деревушки в процветающий край благодаря добыче известняка. Также оно связано с образом болота, которое служит не только «орудием слабых и угнетенных» [Gibbons], но и представлено как легендарное и историческое место в рассказе двух крестьян.

В этом единстве линейного и монументального времени особую роль играет болото, в котором день сегодняшний соединяется с легендой о сокровище, зарытом сундуке, Короле Змеи и Святом Патрике.

Болото как топос неоднократно описано в английской литературе (А. Конан-Дойл, Р.Д. Блэкмор, Дж. Гриффин, Дж. Шеридан Ле Фаню и др.). Как правило, это труднопроходимое место, рассказами о котором пугают туристов, с ним связаны истории об исчезновении людей, страшные чудовища обитают там, как говорят местные жители. Болото Б. Стокера, описанное в романе, не просто труднопроходимое место, которое вселяет страх в ирландских крестьян, оно связано с историческими событиями, местной легендой о Святом Патрике и Змее, а также инженерными разработками. «Национальное своеобразие пейзажа тесно связано с патриотическими чувствами писателя и выражается в создании знакомых образов пейзажей в произведении литературы» [Лаштабова: 198]. Именно болото скрывает залежи известняка, благодаря которым ирландская деревня должна стать процветающим краем.

Впервые описание болота фигурирует в рассказе крестьянина Джерри Сканлана, который делится местной легендой о Святом Патрике и Змее, спрятавшем золотую корону в болоте у подножия горы. События легенды происходят в «стародавние времена», таким образом относя рассказ к монументаль-

ному времени. В легенде говорится, что каждый год жители Ирландии приносили Змею жертву – младенца. Очевидно, что время действия легенды – до принятия христианства в Ирландии, а приход Римской католической церкви положил конец языческим обрядам. Но крестьяне верят, что изгнанный Змей оставил символ своего владычества – золотую корону, предупредив, что, пока она не будет найдена, он будет незримо присутствовать в чужом облике, коим, как они считают, оказывается болото. Однако важно отметить, что, несмотря на могущество Святого Патрика, Змей ему не подчиняется полностью. Писатель проводит параллель между этими отношениями и властью англичан в Ирландии, которые, несмотря на экономическое, юридическое и культурное доминирование, постоянно сталкивались с попытками мятежей и неповиновением ирландцев.

Вопрос о функции образа болота ставится в книге Д. Глэдвина. Он считает, что болото, несмотря на долгое и глубокое инженерное исследование Дика Сазерленда, остается самым загадочным персонажем романа: оно как будто живое, будучи неоднородным в своей структуре, противостоит многократным попыткам его изучить, оно нарушает пространственно-временную связь, будучи и психологически, и исторически местом, воплощающим неопределенность. Это проявляется в том, что болото противостоит попыткам его исследовать как геологическое образование, понять причину его существования или провести необходимые работы по осушению, таким образом воплощая идею о монументальном времени. В качестве доказательства своей мысли Д. Глэдвин апеллирует к персонажу – инженеру Дику Сазерленду. Изучив болото, местность вокруг него, Дик Сазерленд высказывает сомнения, что болото не появится на прежнем месте снова, потому что, по его мнению, это происходило неоднократно на протяжении истории – через некоторое время после ливня. Д. Глэдвин утверждает, что болото выступает воплощением ирландского культурного своеобразия, основанного на местной легенде, таким образом, монументальное время находит реальное воплощение [Gladwin].

Тема ирландского сопротивления конца XVIII века помещает рассказ о болоте и в реальный исторический контекст. Местный крестьянин Бэт Мойнахан делится воспоминаниями родственника о войсках генерала Ж.Ж. Юмбера, которые прибыли в Ирландию для поддержки сопротивления англичанам. Солдатам было поручено передать ирландцам сундук золота, но миссия была провалена из-за непредсказуемой ирландской погоды: во время дождя повозку, на которой стоял сундук, затянуло болото, и два солдата, охранявшие его, тоже ушли под воду. Эти события находят подтверждение в сюжете романа: Нора, Артур и Дик обнаруживают два скелета, крепко держащих

сундук, в пещере, которая открывается после ливня. Болото консервирует скелеты и сундук, перенося персонажей на столетие назад и подтверждая стойкость французских солдат, не изменивших присяге даже перед лицом смерти. Золото, обнаруженное в сундуке, достается Фелиму Джойсу, который расходует его на благо Ирландии, как и было задумано первоначально. Таким образом, линейное время пересекается с монументальным, связывая исторические события с вымышленными.

Перейдем к анализу эпизодов романа, в которых отражено линейное время. Начнем с того, что весь сюжет построен как рассказ англичанина Артура Северна о поездке в Ирландию, где он встречает прекрасную Нору Джойс, участвует в борьбе за справедливость против ростовщика Мердока, помогает своему другу инженеру Дику Сазерленду проводить изучение болота. Фактически роман «Змеинный перевал» продолжает традицию английских приключенческих романов жанра «имперская готика»: действие происходит в «экзотической» для главного героя стране, которая является колонией Великобритании, он занят распутыванием старинной загадки, получает богатство (в виде покупки земли) и находит любовь (экзотическую женщину).

Приключения Артура Северна связаны с темой взросления. Читатель знает, что его детство прошло в доме богатой тетки, взявшей его на воспитание, когда трагически погибли его родители (утопили в тумане во время пересечения Ла-Манша), и его детство и юность были безрадостными. После смерти тетки, унаследовав состояние в Ирландии, он отправился туда улаживать юридические формальности. Таким образом, линейное время, отражающее события жизни молодого человека, объясняет читателю причину его поездки. Б. Стокер внес свой вклад в развитие приключенческого романа, в котором соединяются прошлое и настоящее, герои попадают в рискованные ситуации, стремясь разбогатеть, отправляются на поиски потерянных сокровищ. В отличие от приключенческих романов других авторов, Артуром Северном не движет жажда наживы или тяга к приключениям (как героев Г.Р. Хаггарда), он не имеет планов разгадать древнюю загадку исчезнувшей цивилизации и обогатиться – он хочет лишь развеяться в новом для него месте. Все дальнейшие события его жизни могут быть охарактеризованы как реакция на сложившиеся обстоятельства. Как утверждает Н. Дейли, в Англии герой лишен возможности для проявления героизма, и именно британская колония дает ему эту возможность. Она служит своего рода большой игровой площадкой для выросших британских мальчиков. Линейное время, когда разворачиваются события, позволяет изобразить постепенное и поступательное взросление, преодоле-

ние юношеских страхов и переход в статус английского джентльмена.

Образ Норы Джойс воплощает идею о наличии двух типов времени: линейном и монументальном, оживляет историю отношений Норы и Артура. Читатель видит героиню глазами Артура Северна, узнает о ее судьбе от ее отца, наблюдает за ее действиями во время эпизодов борьбы с Мердоком и приключений в горах и у болота.

Н. Кантвелл, размышляя об образе Норы Джойс, упоминает первоначальную путаницу, когда, шутя с Артуром, извозчик Энди заменяет обозначение девушки болотом. Артур видит ее сидящую со спины, слышит, как она поет, наблюдает за ней, спускающейся с холма, затем в тумане видит ее силуэт у дома, влюбляется в нее, но при этом не знает ее имени. Она долгое время остается загадкой и после их знакомства: девушка сильно отличается от англичанок – она решительна, последовательна в своих поступках, наравне с мужчинами борется с последствиями ливня и в конце концов спасает Артура. В ее образе автор демонстрирует как сходство с испанскими гордыми красавицами прошлого («beauty of the Spanish type»), смуглую кожу, руки, привыкшие к грубой работе («manifestly used to hard work»), так и национальные ирландские черты (она простая крестьянка и протестантка). Она не стремится быть современной английской леди до знакомства с Артуром и, лишь полюбив его, меняется, стремясь соответствовать роли женщины, достойной английского джентльмена. Их свадьба имеет символическое значение, принадлежность Норы к монументальному времени заменяется вследствие изменений ее личности (учебы в школе на континенте, изменения речи, поведения, планов жить с мужем за пределами Ирландии) – экзотическая монументальная сущность Норы смягчена и изменена. Образ Норы Джойс соответствует типологическим особенностям «новой женщины» – персонажа поздневикторианской художественной прозы, которой свойственны не только женственность и слабость, но и героизм и независимость [Садомская, Лаштабова].

Таким образом, особенность функционирования времени в романе Б. Стокера «Змеинный перевал» заключается в возможности соединения в пространстве романа двух типов времени – линейного и монументального. В сюжете романа «Змеинный перевал» связаны легендарное прошлое Ирландии с его настоящим, дается надежда на положительные изменения в будущем. Образ болота интерпретируется в качестве монументального топоса, как легендарного, так и исторического. Образы героев реализованы при помощи их принадлежности к обоим типам времени. Артур Северн показывает себя как герой линейного времени, в то время как Нора Джойс претерпевает

трансформацию: изначально в ее образе преобладают черты монументального времени, а трансформация связана с взаимоотношениями с будущим мужем.

Список литературы

Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа* в романе: очерки по исторической поэтике. Москва, 1975. С. 234–407.

Лаштабова Н.В. Образ природы в романе Б. Стокера «Змеинный перевал» // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань»: материалы науч.-практ. конф.; Севастополь, 20–21 сентября 2019 года. Севастополь: ФГАОУВО «Севастопольский государственный университет», 2019. С. 197–201. EDN XVRCHD.

Лаштабова Н.В. Роман Б. Стокера «Ущелье Змеи» и «имперская готика» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 16 (135). С. 486–488. EDN PYLSVZ.

Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1993. Т. 1. С. 413–447.

Озерная М. Категория художественного времени в литературе. URL: <https://ozzsite.ucoz.ru/publ/15-1-0-14> (дата обращения: 10.09.2023).

Cantwell N.M. “Keeping the Past Present”: Time and the shifting bog in Bram Stoker’s *The Snake’s Pass*. *Supernatural Studies*, 2017, 4 (1), pp. 38-50.

Daly N. Irish Roots: The Romance of History in Bram Stoker’s *The Snake’s Pass*. *Literature and History*, vol. 4, No. 2, 1995, pp. 42-70.

Gladwin D. *Contentious Terrains: Boglands, Ireland, Postcolonial Gothic*. Cork UP, 2016, 256 p.

Gibbons L. *Gaelic Gothic: Race, Colonization, and Irish Culture*. Arlen, 2004, 98 p.

Kristeva J. *Women’s Time*. The Kristeva Reader, ed. by Toril Moi. Columbia UP, 1986, pp. 187-213.

Sadomskaya N.D. “New woman” in late Victorian fiction / N.D. Sadomskaya, N.V. Lashtabova. *EpSBS European Proceedings of Social AND Behavioural Sciences: Proceedings of the Philological Readings (PhR 2019)*, Orenburg, 19-20 сентября 2019 года. London, United Kingdom, EPSBS European Proceedings of Social AND Behavioural Sciences Publ., 2020, vol. 83, pp. 447-455. EDN FLWNOI.

Stoker B. *The Snake’s Pass: A Critical Edition*, ed. by Lisabeth C. Buchelt, Syracuse UP, 2015.

References

Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poetike* [Forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics]. Moscow, 1975, pp. 234-407. (In Russ.)

Lashtabova N.V. *Obraz prirody v romane B. Stokera “Zmeinyy pereval”* [The image of nature in B. Stoker’s

novel “Snake Pass”]. *Gumanitarnye chteniya «Sevastopol'skaya gavan'»: materialy nauch.-prakt. konf.; Sevastopol', 20–21 sent. 2019 g.* [Humanitarian readings “Sevastopol Harbor”: materials of the scientific and practical conference; Sevastopol, September 20–21, 2019]. Sevastopol, Sevastopol State University Publ., 2019, pp. 197–201. (In Russ.)

Lashtabova N.V. *Roman B. Stokera «Ushchel'ye Zmei» i «imperskaya gotika»* [B. Stoker's novel “The Snake's Pass” and “Imperial Gothic”]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2011, No. 16 (135), pp. 486–488. (In Russ.)

Lotman Yu.M. *Problema khudozhestvennogo prostanstva v proze Gogolya* [The problem of artistic space in Gogol's prose]. Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: in 3 vols.]. Tallinn, Alexandra Publ., 1993, vol. 1, pp. 413–447.

Ozernaya M. *Kategoriya khudozhestvennogo vremeni v literature* [Category of artistic time in literature]. URL: <https://ozzsite.ucoz.ru/publ/15-1-0-14> (access date: 10.09.2023).

Cantwell N.M. “Keeping the Past Present”: Time and the shifting bog in Bram Stoker's *The Snake's Pass*. *Supernatural Studies*, 2017, 4 (1), pp. 38–50.

Daly N. Irish Roots: The Romance of History in Bram Stoker's *The Snake's Pass*. *Literature and History*, vol. 4, No. 2, 1995, pp. 42–70.

Gladwin D. *Contentious Terrains: Boglands, Ireland, Postcolonial Gothic*. Cork UP Publ., 2016, 256 p.

Gibbons L. *Gaelic Gothic: Race, Colonization, and Irish Culture*. Arlen, 2004, 98 p.

Kristeva J. *Women s Time. The Kristeva Reader*, ed. by Toril Moi. Columbia UP Publ., 1986, pp. 187–213.

Sadomskaya N.D. “New woman” in late Victorian fiction, N.D. Sadomskaya, N.V. Lashtabova. *EpSBS European Proceedings of Social AND Behavioural Sciences: Proceedings of the Philological Readings (PhR 2019)*, Orenburg, 19–20 sent. 2019 g. London, United Kingdom, EPSBS European Proceedings of Social AND Behavioural Sciences Publ., 2020, vol. 83, pp. 447–455. EDN FLWNOI.

Stoker B. *The Snake's Pass: A Critical Edition*, ed. by Lisabeth C. Buchelt, Syracuse UP Publ., 2015.

Статья поступила в редакцию 15.09.2023; одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 15.09.2023; approved after reviewing 28.09.2023; accepted for publication 30.09.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 109–117. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 109–117. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN EXROGO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-109-117>

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ ИГОРЯ ХОЛИНА В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «КОШКИ МЫШКИ»)

Бокарев Алексей Сергеевич, доктор филологических наук, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, asbokarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

Адриан Юлия Витальевна, магистрант, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, julia1732000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1755-5286>

Аннотация. Статья обращена к рассмотрению генезиса, структуры и форм репрезентации автобиографического мифа поэта-«лианозовца» И. Холина в романе «Кошки Мышки». Доказывается, что социокультурным контекстом и главной миромоделирующей категорией этого мифа становится характерная для советского дискурса оппозиция официальной и неподцензурной литературы, выдвигающая на передний план авторское амплуа поэта-нонконформиста. Последнее формируется благодаря введению в текст системы героев-«двойников» Холина, которым приписываются не только подробности его частной жизни, но и опубликованные произведения. В результате художник и стихотворец-любитель Николай Сергеевич, поэты Холли и Савелий Волин, а также Автор, пишущий роман «Кошки Мышки», объединяются общей биографией, исключая их сопричастность доминирующим в культурном поле художественным практикам. Стремлением дистанцироваться от них обусловлены ключевые семы холинского мифа: «оппозиционность официальному искусству», акцентирующая противопоставление литературы андеграунда любым «разрешенным» формам словесности, и «претензия на эстетическое превосходство», абсолютизирующая ее художественное первенство и авангардистский характер. Первая сема эксплицитна и «обслуживается» мотивами эстетического размежевания «госиздата» и «самиздата», их обоюдной нетерпимости и заведомой неадекватности оценок. Вторая сема имплицитна и «поддерживается» мотивами, реализующими тематический инвариант «свобода / несвобода» («свободной» оказывается неподцензурная литература, демонстрирующая резкое «несовпадение» с реальностью и непредсказуемость текстового развертывания). Таким образом, сложные и противоречивые отношения официального и неподцензурного искусства в холинском автобиографическом мифе выхолащиваются до эффективной, но предельно упрощенной схемы: противостояние мыслится единственной формой их взаимодействия.

Ключевые слова: авангард, «Лианозовская группа», И. Холин, «Кошки Мышки», советский дискурс, биография, автобиография, биографическая легенда, биографический миф, автобиографический миф.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

Для цитирования: Бокарев А.С., Адриан Ю.В. Автобиографический миф Игоря Холина в контексте советского дискурса (на материале романа «Кошки Мышки») // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 109–117. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-109-117>

Research Article

AUTOBIOGRAPHICAL MYTH BY IGOR KHOLIN IN THE CONTEXT OF SOVIET DISCOURSE (BASED ON THE NOVEL “CATS AND MICE”)

Aleksei S. Bokarev, doctor of philological sciences, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, asbokarev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

Yulia V. Adrian, master's student, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, julia1732000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1755-5286>

Abstract. The article is aimed at considering the genesis, structure and representation forms of the autobiographical myth by “Lianozovo School” poet Igor Kholin in his novel “Cats and Mice”. It is proved that the sociocultural context and world-modeling category of this myth is the opposition between official and uncensored literature, which is characteristic of Soviet

discourse and brings to the fore the author's role of a nonconformist poet. The latter is formed through introducing a system of characters – Igor Kholin's "twins" – into the text, to whom he attributes not only the details of his private life, but also his published works. As a result, artist and amateur poet Nikolai Sergeevich, poets Holly and Savely Volin and the Author writing the novel "Cats and Mice" are united by a common biography which excludes their involvement in artistic practices that dominate the cultural space. The desire to dissociate himself from them also determines the key semes of Igor Kholin's myth – "opposition to official art" emphasising the contraposition of underground literature to any "permitted" forms of literature and "pretense to aesthetic superiority" absolutising its artistic primacy and avant-gardism. The first seme is explicit and "served" by the motifs of an aesthetic demarcation between "state publishing" and "self-publishing", their mutual intolerance and notorious inadequacy of assessments. The second seme is implicit and "supported" by motifs realising the thematic invariant of "freedom Vs. oppression" (with the former being uncensored literature with sharp "discrepancy" with reality and the unpredictability of text unfolding). Therefore, complicated and contradictory relationships between official and uncensored art in Igor Kholin's autobiographical myth are whittled away to a spectacular yet extremely simplified scheme which excludes any forms of their interaction other than confrontation.

Keywords: avant-garde, "Lianozovo group", Igor Kholin, "Cats and Mice", Soviet discourse, biography, autobiography, biographical legend, biographical myth, autobiographical myth.

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

For citation: Bokarev A.S., Adrian Yu.V. Autobiographical myth by Igor Kholin in the context of Soviet discourse (based on the novel "Cats and Mice"). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 109–117 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-109-117>

Введение. По утверждению Б.В. Томашевского, литературный процесс начала XX в. характеризуется «болезненным обострением интереса» читателей к личности автора, отчего не менее востребованной, чем у романтиков, становится его биография [Томашевский: 6]. Однако достоверность любого, даже самого добросовестного рассказа о ней легко подвергнуть сомнению: еще Г.О. Винокуром замечено, что «последовательность, в которой группирует биограф факты развития... есть последовательность... не хронологическая, а непременно синтаксическая», то есть подчиненная не объективному порядку вещей, а определенной коммуникативной задаче, регламентирующей структурирование жизненного материала [Винокур: 40]. В том же ключе размышляют и современные исследователи автобиографии, исходящие из тезиса о ее заведомой неаутентичности: «"Верное", "правдивое" воспоминание есть результат фикциональной работы сознания, формирующего это воспоминание в соответствии с той или иной нарративной стратегией, – и тогда факты из прошлого преобразуются, "переплавляются" и даже меняются местами во имя связности повествования» [Кучина: 181; см. также: Болдырева: 40–43]. Отсюда свойственная эпохам «индивидуализации творчества» (романтизму, модернизму, неомодернизму) [Томашевский: 6] тенденция к конструированию современных мифов, героями которых становятся прежде всего поэты [Лотман 1992а: 368]. Именно лирика с присущей ей нераздельностью-неслиянностью автора и героя обладает наиболее выраженным мифогенным потенциалом, чем и пользуются – зачастую весьма активно – ее создатели [Никитина: 9–10].

На основании характера и степени участия пишущего в мифологизации собственной судьбы принято разграничивать автобиографический и биографический мифы [Доманский: 3–4; Никитина: 11]. Если первый конструируется самим автором и интерпретируется как «исходная сюжетная модель», соотносимая с «событиями его жизни» и «получающая многообразные трансформации в... творчестве» [Магомедова: 7], то второй создается «не только и не столько... художником, сколько его (в самом широком смысле) биографами» – мемуаристами, литературными критиками, представителями СМИ [Доманский: 3–4]. Иными словами, «биографический миф оказывается безусловно шире мифа автобиографического, ибо творится в соавторстве», являя собой «акт сотворчества художника и читательской аудитории» [Доманский: 4]. При этом источниками и того и другого закономерно становятся как реальные факты из жизни писателя, так и разнообразные фикциональные (стихи и проза) и нефикциональные (дневники, письма, интервью и т. д.) тексты, в которых они получают материальную закрепленность.

Структуру любого из подобных мифов удобно рассматривать как соотношенность сем [Доманский] – выдвинутых биографическим контекстом и репродуцируемых в жизни и в нарративе о ней событий и концептов, «поддержанных» рядом взаимосвязанных мотивов. Составляющие миф семы нередко образуют иерархию, но даже при их равноправии (противопоставлении или взаимодополнительности) налицо система связей, позволяющая представить биографический образ как единое, хотя подчас и весьма противоречивое целое. Разумеется, и сам отбор сем, и их соотношенность вовсе не произвольны: согласно

Ю.М. Лотману, биография «пропускает случайность реальных событий сквозь культурные коды эпохи», которые «не только отбирают релевантные факты из всей массы жизненных поступков, но и становятся программой... поведения» [Лотман 1992а: 371]. Так исподволь формируется адекватный времени репертуар социально-психологических амплуа – типичных ролей, примеряемых на себя писателем-мифотворцем¹ («Российский Пиндар», «Северный Вольтер», «Наш Лафонтен» – у классицистов; игрок, мечтатель, бунтарь – у романтиков и т. д.) [Лотман 1992б: 258–260; Винокур: 53]. Исследовательский опыт показывает, что амплуа нередко отождествляется с главной семьей мифа [Доманский; Никитина] или служит производной от всех его сем [Шеметова] – но в любом случае возникает на их основе и «обслуживается» ими.

Автобиографический миф участника «Лианозовской группы» Игоря Холина, рассмотрению которого посвящена настоящая статья, объектом изучения прежде не становился, однако его существование, судя по мемуарным свидетельствам, очевидно. Показательно, например, суждение Г. Гецевича, фиксирующее не только исключительный статус поэта в литературной среде, но и его неординарную внешность: «...Холин до конца своих дней оставался... легендой и мифом – королем московского андеграунда... чьи стихи публиковались либо в подпольном самиздате, либо в официальном тамиздате... А сам он был похож на какого-то антикентавра, то есть человека с лошадиной головой и физиономией» [Гецевич]. Повадки американского миллиардера, невозмутимость и импозантность в сочетании с безупречным чувством стиля отмечает в его облике П. Пепперштейн, и он же подчеркивает, что именно Холин, будучи «мастером совершенно прямого взгляда на вещи», впервые в русской поэзии назвал их своими именами – «говно говном», а «мочу мочой» [Умер Игорь Холин]. Вероятно, характеристики, редуцирующие личность до стереотипного представления о ней, вызваны, среди прочего, скудостью биографических сведений, циркулирующих в культурном поле: о том, насколько неохотно Холин высказывался о своей частной жизни, позволяет судить хотя бы его крайне лапидарная автобиография [Холин 2020: 234–235]. Как бы то ни было, несомненным их источником следует считать и творчество автора – не только прославившие его стихи, но и не столь известную (а с позиций филологии практически не изученную) прозу, соотносенную с биографическим контекстом. Предметом нашего анализа, таким образом, будут генезис, структура и формы репрезентации холинского автобиографического мифа в его художественных текстах.

Генезис автобиографического мифа И. Холина. В немногочисленных работах, посвященных роману

«Кошки Мышки», о котором пойдет речь, он рассматривается как «коллаж, принципиально разомкнутая... структура» [Кулаков 1998], включающая в свой состав самые разнообразные тексты – в том числе и стихи Холина, распределенные между персонажами. Такая организация позволяет И. Гулину прочитывать произведение как «роман-жертвоприношение», создатель которого сознательно «разлагает свое тело, биографию, речь» и раздает «их <...> каким-то... проходимцам – в надежде переродиться через эту ерническую мистерию в нового писателя» (имеются в виду амбиции Холина-прозаика, стремящего выйти из тени Холина-поэта) [Гулин]. С приведенным суждением можно согласиться сразу по двум позициям: во-первых, несомненна автобиографическая природа «Кошек Мышек», о которой неоднократно высказывался и сам автор [Холин 2020: 112, 130, 192]; во-вторых, налицо логоцентричность (и даже литературоцентричность) повествования, обстоятельно проанализированная А.А. Житеневым [Житенев: 266–273]. В свете последнего качества может интерпретироваться и заглавие произведения: вытеснение фабулы «эффектами рассказывания» приводит к ««вымыванию» предмета из текста», поэтому «кошки» с «мышками» упоминаются в нем лишь дважды, да и то «впроброс» [Житенев: 271].

Названными особенностями поэтики всецело определяется и логика конструируемого в романе автобиографического мифа. Замечено, что «единственным предметом обсуждения» в произведении «оказывается словесность и ее возможности», а «пишущими или способными выносить суждение о литературе являются абсолютно все персонажи» [Житенев: 269]. Закономерно, что действующими лицами рассказываемых ими или о них историй также становятся писатели, принадлежащие, однако, разным культурным эшелонам – официальному и неподцензурному. Их развернутое на сюжетном уровне противостояние актуализирует еще один (в общем-то лежащий на поверхности) смысл заглавия: борьбу сильных, находящихся выше в пищевой цепочке, и слабых, занимающих нижнюю ступень в природной иерархии. Таким образом, неотъемлемым социокультурным контекстом и центральной миромоделирующей категорией холинского мифа выступает характерная для советского дискурса оппозиция официальной и неподцензурной литературы, правый член которой на ценностной шкале оказывается несоизмеримо выше левого.

Жесткость бинарной структуры, определяющая поэтику романа, обусловлена самой природой автобиографического мифа, редуцирующего сложность жизненных явлений в угоду броской, но заведомо стереотипной схеме [Шеметова: 6]. Специальные исследования показали, что в реальности соотносимость двух, на первый взгляд, не пересекающих

ся потоков культуры (а в более широкой перспективе – официального и неофициального дискурсов) не сводится к простому противопоставлению, а позволяет говорить об их глубокой взаимообусловленности [Юрчак; Конаков]. Однако последняя с точки зрения мифа не релевантна – и даже в рецепции близких литературным кругам современников, например австрийской славистики Л. Уйвари, «госиздат» и «самиздат» мыслятся как взаимоисключающие явления: «Поэзия должна быть поэтичной. Поэзия призвана расслаблять и отвлекать или вызывать определенные, официально желаемые чувства, такие как радость труда или героизма. Стихотворение, подобное упомянутому, не поэтично, в пределах ограничений советской языковой реальности оно нефункционально» [Уйвари: 700]. И хотя «нефункциональными» в приведенном высказывании названы стихи Вс. Некрасова («Рост / Всемерного дальнейшего скорейшего развертывания / мероприятий» [цит. по: Уйвари: 700]), сказанное легко распространить на любого из «лианозовцев».

В так обрисованном контексте становится очевидным культивируемое не только в творчестве, но, по видимому, и в жизни авторское амплуа поэта-нонконформиста. Показателен уже сам отбор фактов, выдвигаемых на передний план эго-текстами Холина и фиксируемых мемуаристами: жизнь в детских домах и беспризорничество; пройденная с двумя ранениями, но от начала и до конца война; тюремный срок за пощечину пьяному офицеру; смерть жены при родах и позднее отцовство; необычная для людей его круга предприимчивость в материальных вопросах (известно, например, что незадолго до смерти он продал весь свой литературный архив) и т. д. [Кулаков 1999: 318–323; Гецевич; Пивоваров]. Общим знаменателем этих биографических вех следует считать попрание общественных норм и устойчивых жизненных стандартов – или во всяком случае резко индивидуальный, отличный от «среднестатистического», «рисунок» судьбы. В свете сказанного неудивительно, что и литературный быт Холина, точнее мифологизированное представление о нем, осмысливается как подчеркнуто альтернативный «норме», а именно сложившемуся в сознании обывателя образу «благополучного» и «благонадежного» советского писателя (в чем, проявились, вероятно, и авангардистские гены «лианозовцев»).

В «Кошках Мышках» амплуа поэта-нонконформиста формируется в результате введения в текст системы героев-«двойников» Холина, которым приписываются не только подробности его частной жизни, но и созданные им произведения. Художник и стихотворец-любитель Николай Сергеевич, поэты Холли и Савелий Волин, а также Автор, пишущий в режиме «здесь и сейчас» роман «Кошки Мышки», объ-

единены, следовательно, общим биографическим контекстом, исключающим их сопричастность господствующей идеологии, в том числе порожденным ей художественным практикам. Стремлением отмежеваться от них обусловлены ключевые, соотношенные по принципу дополнительности, семы холинского мифа: «оппозиционность официальному искусству», акцентирующая противопоставление литературы андеграунда любым «разрешенным» формам словесности, и «претензия на эстетическое превосходство», абсолютизирующая ее художественное первенство и авангардистский характер.

Структура и формы репрезентации автобиографического мифа И. Холина. Сюжетная канва романа «Кошки Мышки» отличается нарочитой простотой, если не схематичностью. После празднования дня рождения в обычной московской коммуналке один из гостей, художник Николай Сергеевич, кончает жизнь самоубийством. Компания, состоящая из именинницы, хозяйки дома Ирины, ее подруги Мани, соседей Петра Петровича и Настасьи Петровны, а также милиционера, старшины Алексеева, коротает время в ожидании следователя, выпивая и разговаривая. Рядом с действующими лицами на протяжении всего повествования находится Автор, не только беседующий с ними, но и пытающийся (как правило, безуспешно) повлиять на происходящее. С приходом следователя становится понятно, однако, что «покойник» (периодически вступающий в разговоры с персонажами) на поверку не умер, а крепко спит в состоянии опьянения. Подобный финал, по сути обесценивающий фабулу, повышает значимость помещенного в ее рамки «коммунального декамерона» [Гулин]: каждый персонаж предлагает на суд слушателей свою историю, попутно высказываясь о положении дел в советской литературе. На основе таких высказываний и формируется автобиографический миф Холина, выступающего в романе сразу в нескольких лицах, о чем уже буквально на первых страницах и сообщает Автор [Холин 2015: 33].

Первая сема мифа – «оппозиционность официальному искусству» – носит эксплицитный характер и находит воплощение в системе контекстуальных и метатекстовых связей, в которую встраиваются стихи Холина – причем персонажи, которым они приписаны, отчетливо связаны с биографическим автором. Так, Николаю Сергеевичу, помимо отчества, достаются детали его внешнего облика (худоба в сочетании с высоким ростом [Холин 2015: 189]), а также военное прошлое (в том числе «уникальное» с медицинской точки зрения челюстно-лицевое ранение [Холин 2015: 143]). Холли аттестуется в произведении как «пожилой писатель с иностранной фамилией» [Холин 2015: 115] – и едва ли случайно, что с английским “holy” – «святой» – ассоци-

ирует своего старшего товарища писатель П. Пеперштейн [Умер Игорь Холин]. Наконец, фамилия Савелия Волина, также «присваивающего» внешность автора [Холин 2015: 196], лишь одной буквой отличается от той, что стоит на обложке романа. Эти из разряда самоочевидных наблюдения делают легитимным представление о «резонерском» статусе названных персонажей, чьи суждения и поступки во многом выражают авторские умонастроения.

Мотив эстетического размежевания официально и неподцензурного искусства как раз и реализуется в таких суждениях, заведомо лишенных гибкости, а то и вовсе радикальных. В частности, полемический выпад Николая Сергеевича в адрес подразумеваемых оппонентов строится на противопоставлении сюжета, разработкой которого, по всеобщему мнению, определяется «мастерство творца», отсутствию «конкретного содержания», в котором «нет никакой необходимости». Когда издание книги или организация выставки осуществляются лишь «в расчете... на начальство», единственным критерием художественности, по мысли персонажа, является одобрение последнего [Холин 2015: 77–78]. Осознав это и попав под влияние картин Пикассо, Николай Сергеевич, прежде член МОСХа и крупный чиновник, резко меняет приоритеты, переключившись с портретов политических деятелей на абстрактные полотна [Холин 2015: 18–20]. При этом предпочтения героя в живописи (Малевич, Таглин, Кандинский, Филонов, Шагал) предсказуемо созвучны литературным пристрастиям С. Волина, среди которых, помимо Пушкина, упоминаются Хлебников, Блок и Маяковский (последним двум, впрочем, от него нередко «достаётся» «под горячую руку» [Холин 2015: 198]).

Главным оппонентом Николая Сергеевича выступает рабочий Петр Петрович, чьи высказывания последовательно (хотя и весьма упрощенно) трактуют «генеральную линию партии» в области литературы. Прежде всего, материалом писателю служат «производственные процессы», ради изучения которых он «стремится в рабочую среду». Как и все «советские учреждения», писатель трудится «по плану», придерживаясь норм жизнеподобия и обращаясь к публике на понятном ей, «человеческом» языке. Представление о новизне в данной системе координат лежит исключительно в сфере общественной пользы – и именно она становится критерием профессиональной состоятельности автора. Среди своих литературных пристрастий Петр Петрович называет Фому Александровича Слабовского, автора поэмы «Тяпки на том свете», и Глеба Филатыча Киселля, «говорящие» фамилии которых намекают на А.Т. Твардовского и, вероятно, Л.А. Кассиля, обнаруживая вместе с тем авторскую иронию². Выстраивая аргументацию, герой не раз прибегает к оппо-

зиции *реализм – модернизм*, причем положительно маркированным оказывается левый ее член – но в целом оба понятия мыслятся лишь «ярлыками», лишенными внятно очерченных смысловых границ [Холин 2015: 113–119].

В свете сказанного показательным противопоставлением стихотворения Холина «Россия» (в романе оно приписывается Волину) и одноименного текста участкового (появившегося, вероятно, лишь для того, чтобы его озвучить). Первое представляет собой образец «лианозовской» «барачной» поэзии с присущей ей версификационной изощренностью, где «заземленное» содержание контрастирует с выверенной сонетной формой французского типа. В сюжетном плане существенно противопоставление непосредственно видимого (кажущегося) и реального, а именно «прозрение» скрытой за парадным «фасадом» нелицеприятной «изнанки» (подобно тому, как виднеющийся вдалеке корабль оборачивается возом сена, заседание парткома сменяется пьянкой фабричных рабочих [Холин 2015: 201]). Второе же стихотворение не только бесконфликтно (участковым безапелляционно утверждается величие России как космической сверхдержавы [Холин 2015: 68–69]), но и в формальном отношении абсолютно беспомощно: ломка размера, приблизительность рифмы, многочисленные стилистические «проколы» – вот его приметы, имитирующие (разумеется, утрированно) особенности официальной советской поэзии.

Впрочем, рассмотренные с позиций, озвученных Петром Петровичем, именно стихи авторских alter ego оказываются несостоятельными, в результате чего актуализируются мотивы эстетической нетерпимости и заведомой неадекватности оценок. Как «плохие» и «несовершенные» аттестуются критиком произведения Холли [Холин 2015: 256], а тексты Волина и вовсе трактуются как «крепчайший маразм выжившего из ума немолодого человека» [Холин 2015: 214]. Последнему, в частности, вменяется в вину взгляд на мир «из глубины сточной канавы», а также стремление «извратить действительность», которая представляется ему «сплошным, бесконечным кошмаром». В итоге главной целью этой «низкопробной поэзии» объявляется «опоэтизирование всякой нечисти, дряни, мерзости», а ее автору решительно отказывается в способности «анализировать явления» [Холин 2015: 214–215]. Естественно, что подобные суждения – иронический парафраз известной статьи Ю. Ивашенко «Бездельники карабкаются на Парнас», посвященной неподцензурному альманаху «Синтаксис» [Ивашенко 1960], – воспринимаются персонажем как инсинуации и встречают резко негативную реакцию: на слова критика Волин отвечает фразой «Залупу конскую тебе в нос!» [Холин 2015: 218]. Единственным же неподвзятым суждением

о текстах Холина оказывается комментарий Автора к стихам Николая Сергеевича – но и он, как было показано А.А. Житеневым, пародиен, а значит, любое метавысказывание о литературе в «Кошках Мышках» мыслится избыточным [Житенев: 270].

Вторая сема холинского автобиографического мифа – «претензия на эстетическое превосходство» – является имплицитной (никем из персонажей первенство неподцензурного искусства прямо не утверждается) и получает развитие в комплексе мотивов, связанных с созданием романа «Кошки Мышки», который прочитывается, таким образом, как «роман о романе» или метароман. Ключевой фигурой, чьи поступки и суждения способствуют оформлению семы, является Автор, а его декларативный отказ следовать предзаданной, заранее известной эстетической программе во многом определяет логику повествования. Принципом, в соответствии с которым оно выстраивается, становится свойственная авангарду абсолютная свобода высказывания, уклоняющегося от любых литературных конвенций [Тюпа: 16–43], – и именно ей обеспечивается приоритет «самиздата» перед «госиздатом». Так, уже в самом начале произведения Петр Петрович упрекает Автора в дурновкуссии, а в конечном счете в намеренном искажении реальности: «Вот вы послали милиционера за водкой, и он побежал, обрадовался, что представился случай выпить. Разве так поступают в хороших книгах? <...> Где это видано, чтобы милиционер за водкой ходил, если он на посту?» [Холин 2015: 26]. Из приведенной цитаты следует, что отступление от канона, по мысли персонажа, как раз и влечет за собой уход от действительности, – однако и следование ему, как показывает дальнейшее, чревато лишь созданием симулякров и превращением текста в автопародию.

Показательно, в частности, что мотив «несовпадения» литературы с реальностью находит воплощение прежде всего в тексте-пародии, созданном Автором с целью продемонстрировать воспроизводимость основных, с его точки зрения, соцреалистических принципов («Так, как пишет большинство, писать не трудно. Существует уже готовый образец, с которого нужно списывать, как в школе» [Холин 2015: 28]). Среди таковых – гротескная гиперболизация как физических, так и аксиологических параметров мира («все в преувеличенном виде»), в том числе и фундаментальных качеств личности («без подвига не обойтись»). При таком подходе изображаемая реальность неизбежно оборачивается своей противоположностью: недобросовестный милиционер-алкоголик превращается в «грозу уличных подонков всех мастей» и «настоящего орла»; регулярно устраивающая попойки хозяйка квартиры – в статную красавицу, радушно принимающую гостей; нехитрая снедь – в «многочисленную закуску», поражающую

своим раблезианским масштабом, и т. д. [Холин 2015: 28–29; курсив наш. – А. Б., Ю. А.]. Однако превосходство неподцензурной литературы над официальной усматривается не в том, что она отказывается «лакировать» действительность, а в том, что последняя и вовсе перестает быть для нее ориентиром. Именно целенаправленное отступление от жизнеподобия³ рассматривается в романе как одно из главных проявлений свободы высказывания, на которое соцреализм по определению не способен.

Отсюда мотив непредсказуемости текстового развертывания, которое практически невозможно предугадать (тогда как произведения, на которые ссылается Петр Петрович, в целом оправдывают читательские прогнозы). Такая непредсказуемость вызвана актуализацией вторичной условности, обнажающей подчеркнуто виртуальный, «невсамделишный» характер событий, как нередко и случается у авангардистов. Самый очевидный случай – присутствие в сюжете и одновременно «внезаходимость» Автора: с одной стороны, без него не обходится ни один сколько-нибудь значимый эпизод (показателен, например, его денежный вклад в покупку выпивки для персонажей [Холин 2015: 23]), с другой стороны, сам он настаивает на своем отсутствии в произведении: «Понимаете, милая девушка, я уже пытался объяснить, что меня тут нет. Я сижу дома в своей норе. И пишу этот роман» [Холин 2015: 40]. Размыванию границ реальности и текста сопутствует дестабилизация хронотопа: так, слушателями историй Петра Петровича и Настасьи Петровны, адресованных коммунальной компании, становятся посетители литературного вечера на Абельмановке [Холин 2015: 281–300], а собеседником Николая Сергеевича, лежащего на кровати в собственной комнате, оказывается его командир – погибший в 1942 году полковник [Холин 2015: 150–155].

По мере развертывания событий становится ясно, что они не только непредсказуемы, но и неподконтрольны Автору. Прежде всего, отказываются следовать его замыслу сами персонажи, преследующие собственные (например, профессиональные) интересы: «Автор. Старшина, прошу вас, оставьте его (Петра Петровича. – А. Б., Ю. А.). Драка у меня не предусмотрена. Надоело. <...> Вы ломаете мой план. Старшина Алексеев. Плевал я на твой план, если уж на то пошло. Я нахожусь при исполнении служебных обязанностей» [Холин 2015: 43]. Более того, в романе появляются «непрощенные действующие лица» – например, безымянный критик, требующий выступления с «небольшим» полуторачасовым докладом о стихах Холли и даже угрожающий Автору физической расправой («Не хотите ли по роже, господин хороший?» [Холин 2015: 255]). Наконец, кумулятивное «нанизывание» историй, рассказанных героями или данных «от повествователя» (а среди

них – «автобиография» старшины Алексеева, описание пробуждения Николая Сергеевича с ретроспекциями в его прошлое, вставной эпизод «Англичанин тяпнем», посвященный быту советских «классиков» Передуева и Линяева, и т. д.), создает впечатление стихийного «разрастания» текста⁴ – как будто роман пишет себя сам, вне зависимости от воли своего создателя.

Наиболее же радикальной формой условности (а значит, и свободы высказывания) в романе становится абсурд – как экзистенциальный, так и лингвистический [Исакова]. С одной стороны, поступки персонажей явно утрачивают логику: когда Петр Петрович сначала «хихикает», затем «по-свински жрет», не обращая внимания на стекающий по пиджаку майонез, а в ходе драки, спасаясь от разъяренного старшины Алексеева, забирается в бельевой бак, где, согласно законам физики, не должен поместиться, смысл происходящего неизбежно ускользает от понимания [Холин 2015: 35–44]. С другой стороны, отдельные фрагменты повествования, приписанные автору, могут интерпретироваться как глоссология, напоминающая изощренные ругательства или футуристическую заумь: «Да, гля... туй ей в мот, гля... Иди к дребени татери, гля. А он, гля, раз, гля, два, гля. Гля, тука, гля, раздерванка, гля, рандебошка, гля...» [Холин 2015: 59]. (Заметим попутно, что по тому же, видимо, хорошо отрефлексированному принципу выстраиваются и стихи Холина из цикла «Дорога Ворг», правда, не включенные в роман, ср.: «Дап твою рап / Рап твою дап / Тить твою дить / Дить твою тить» и т. д. [Холин 1999: 175].) Таким образом, преимущество неподцензурной литературы перед официальной состоит в максимальной творческой раскрепощенности: не стремясь выдавать симулякры за действительность, она целенаправленно акцентирует условность художественного мира.

Заключение. Сделанные наблюдения показывают, что автобиографический миф Игоря Холина возникает в романе «Кошки Мышки» на основе двух равноправных и взаимосвязанных сем, укорененных в советском дискурсе и формирующих авторское амплуа поэта-нонконформиста. Первая сема – «оппозиционность официальному искусству», утверждающая непреодолимую альтернативность «самиздата» и «госиздата», – эксплицитна и «обслуживается» мотивами их эстетического размежевания, обоюдной нетерпимости и заведомой неадекватности оценок. Вторая сема – «претензия на эстетическое превосходство», акцентирующая художественное первенство андеграунда и авангардистский характер его художественных практик, – имплицитна и «поддерживается» мотивами, реализующими тематический инвариант «свобода / несвобода» («свободной» мыслится неподцензурная литература, демонстрирующая

«несовпадение» с действительностью и непредсказуемость текстового развертывания). Как это нередко бывает в подобных случаях, сложные и противоречивые отношения официального и неподцензурного искусства в холинском автобиографическом мифе выхолащиваются до удобной в обращении, но предельно упрощенной схемы, исключая любые формы их взаимодействия, кроме противостояния. Отметим, впрочем, что именно таким – «абсолютно прочным и прямым, как алмазный стержень» [Умер Игорь Холин], – и запомнился современникам И. Холин.

Примечания

¹ Г.О. Винокур говорит в данном случае о стилях поведения, разграничивая собственно стиль («что-либо подлинно безыскусственное, не выносящее никакого самоанализа») и стилизацию (предполагающую высокую степень саморефлексии) [Винокур: 53–56]. Так понятая «стилизация» как раз и становится основой (авто)биографического мифа.

² Также на старницах романа – правда, уже другими персонажами – в качестве авторитетных фигур упоминаются сочинитель «толстых книг» прозаик Кречетов (В.А. Кочетов) и «мирово описывающий любовь» «самый модный» поэт Фасадов (Э.А. Асадов) [Холин 2015: 15–17].

³ Неслучайно Петр Петрович называет Автора «мордернистом» [Холин 2015: 117]: начиная с модернизма «внехудожественная реальность перестает быть мерой и образцом для художественной», а «у последней появляется своя собственная мера» [Бройтман: 212].

⁴ Показательно, что идею «бесконечного романа» ставит в упрек Автору молодой критик: «Мол, если каждый живущий на земле напишет, оставит после себя хоть одну страницу, то получится бесконечный роман. Да. Получится, не отрицаю. Но кто его будет читать, печатать?» [Холин 2015: 308–309].

Список литературы

Болдырева Е.М. Memini ergo sum: автобиографический метатекст И.А. Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. 497 с.

Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). Москва: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1997. 307 с.

Винокур Г.О. Биография и культура // Винокур Г.О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. Москва: Русские словари, 1997. С. 11–88.

Гецевич Г. Эхохолина, или Антикентавр в рубашке наизнанку // Независимая газета. 2007. 20 сент. URL: https://www.ng.ru/kafedra/2007-09-20/4_underground.html (дата обращения: 10.09.2023).

Гулин И. Игорь Холин. «Кошки-мышки» // Коммерсантъ-Weekend. 2016. 29 янв. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2897438> (дата обращения: 10.09.2023).

Доманский Ю.В. «Тексты смерти» русского рока: пособие к спецсеминару. Тверь: ТвГУ, 2000. 110 с.

Житенев А.А. Как сделана проза Игоря Холина // «Лианозовская школа»: между барачной поэзией и русским конкретизмом. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. С. 265–279.

Иващенко Ю. Бездельники карабкаются на Парнас // Известия. 1960. 2 сент. URL: <https://tvr.ru/np/publication/03misc/sovprensa/parnas.htm> (дата обращения: 10.09.2023).

Исакова М.Л. «Нонсенс», «абсурд», «бессмыслица» как философско-эстетические концепты и термины поэтики. URL: <http://www.rusnauka.com/TIP/All/Filology/18.html> (дата обращения: 10.09.2023).

Конаков А. Вторая внеакадемия. Очерки неофициальной литературы СССР. Санкт-Петербург: Транслит, 2017. 92 с.

Кулаков В. О прозе Игоря Холина // Новое литературное обозрение. 1998. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1998/6/o-proze-igorya-holina.html> (дата обращения: 10.09.2023).

Кулаков В. Поэзия как факт. Статьи о стихах. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. 400 с.

Кучина Т.Г. Поэтика «я»-повествования в русской прозе конца XX – начала XXI в.: монография. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. 269 с.

Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю.М. Избр. ст.: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 365–376.

Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 248–268.

Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока: дис. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук. Москва, 1998. 50 с.

Никитина О.Э. Биографические мифы о русских рок-поэтах. Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2011. 350 с.

Пивоваров В. Холин и Сапфир ликующие. Москва: Музей современного искусства «Гараж», 2017. 86 с.

Томашевский Б.В. Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 6–8.

Тюна В.И. Постсимволизм: теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара: Сенсоры, Модули, Системы, 1998. 115 с.

Уйвари Л. Неофициальная советская поэзия. Введение // «Лианозовская школа»: между барачной по-

эзией и русским конкретизмом. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. С. 698–704.

Умер Игорь Холин // «Зеркало» – литературно-художественный журнал. URL: <https://zerkalo-litart.com/?p=2878> (дата обращения: 10.09.2023).

Холин И.С. Избранное. Стихи и поэмы. Москва: Новое литературное обозрение, 1999. 320 с.

Холин И.С. Кошки Мышки. Вологда: Полиграф-Периодика, 2015. 368 с.

Холин И.С. С минусом единица: повесть, дневник, записки. Вологда: б. и., 2020. 248 с.

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2011. 48 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 664 с.

References

Boldyreva E.M. *Memini ergo sum: avtobiograficheskiy metatekst I.A. Bunina v kontekste russkogo i zapadnoevropeiskogo modernizma* [Memini ergo sum: autobiographical metatext of I.A. Bunin in the context of Russian and Western European modernism]. Yaroslavl, Izd-vo IaGPU Publ., 2007, 497 p. (In Russ.)

Broitman S.N. *Russkaia lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoi poetiki. (Sub"ektno-obraznaia struktura)* [Russian lyrics of the 19th – the beginning of the 20th centuries in the light of historical poetics (Subject and image structure)]. Moscow, Rossiisk. gos. gumanit. un-t Publ., 1997, 307 p. (In Russ.)

Domanskii Iu.V. *“Teksty smerti” russkogo roka: posobie k spetsseminaru* [“Texts of death” of Russian rock: A guide to the special seminar]. Tver, TvGU Publ., 2000, 110 p. (In Russ.)

Getsevich G. *Ekhokholina, ili Antikentavr v rubashke naiznanku* [Ekhokholina, or Anticentaur in a shirt inside out]. *Nezavisimaia gazeta* [Independent newspaper], 2007, 20 sept. URL: https://www.ng.ru/kafedra/2007-09-20/4_underground.html (access date: 10.09.2023). (In Russ.)

Gulin I. *Igor' Kholin. “Koshki-myshki”* [Igor Kholin. “Cat and Mouse”]. *Kommersant"-Weekend* [Businessman-Weekend], 2016, 29 jan. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2897438> (access date: 10.09.2023). (In Russ.)

Isakova M.L. *“Nonsens”, “absurd”, “bessmyslitsa” kak filosofsko-esteticheskie kontsepty i terminy poetiki* [“Nonsense”, “absurd”, “drivel” as philosophical and aesthetic concepts and terms of poetics]. URL: <http://www.rusnauka.com/TIP/All/Filology/18.html> (access date: 10.09.2023). (In Russ.)

Iurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it

ended. Last Soviet generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022, 664 p. (In Russ.)

Ivashchenko Iu. *Bezdel'niki karabkaiutsia na Parnas* [Idlers climb Parnassus]. *Izvestiia* [News], 1960, 2 sept. URL: <https://rvb.ru/np/publication/03misc/sovpressa/parnas.htm> (access date: 10.09.2023). (In Russ.)

Kholin I.S. *Izbrannoe. Stikhi i poemy* [Favorites. Verse and poems]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999, 320 p. (In Russ.)

Kholin I.S. *Koshki Myshki* [Cats Mouse]. Vologda, Poligraf-Periodika Publ., 2015, 368 p. (In Russ.)

Kholin I.S. *S minusom edinitsa: povest', dnevnik, zapiski* [Minus one: story, diary, notes]. Vologda, b. i., 2020, 248 p. (In Russ.)

Konakov A. *Vtoraia vnenakhodimaia. Ocherki neofitsial'noi literatury SSSR* [The second one is out of sight. Essays on unofficial literature of the USSR]. Saint Petersburg, Translit Publ., 2017, 92 p. (In Russ.)

Kuchina T.G. *Poetika "ia"-povestvovaniia v russkoi proze kontsa XX – nachala XXI v.: monografiia* [Poetics of "I"-narration in Russian prose of the late 20th – early 21st centuries: monograph]. Yaroslavl, Izd-vo IaGPU Publ., 2008, 269 p. (In Russ.)

Kulakov V. *O proze Igoria Kholina* [About the prose of Igor Kholin]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1998, No. 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1998/6/o-proze-igorya-holina.html> (access date: 10.09.2023). (In Russ.)

Kulakov V. *Poeziia kak fakt. Stat'i o stikhakh* [Poetry as a fact. Articles about poetry]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999, 400 p. (In Russ.)

Lotman Iu.M. *Literaturnaia biografiia v istoriko-kul'turnom kontekste (K tipologicheskomu sootnosheniiu teksta i lichnosti avtora)* [Literary biography in historical and cultural context (Toward the typological relationship between the text and the personality of the author)]. Lotman Iu.M. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles in three volumes. Vol. 1. Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, pp. 365-376. (In Russ.)

Lotman Iu.M. *Poetika bytovogo povedeniia v russkoi kul'ture XVIII veka* [Poetics of everyday behavior in Russian culture of the 18th century]. Lotman Iu.M. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles in three volumes. Vol. 1. Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, pp. 248-268. (In Russ.)

Magomedova D.M. *Avtobiograficheskii mif v tvorchestve Aleksandra Bloka: dis. v vide nauchnogo dokla-*

da ... d-ra filol. nauk [Autobiographical myth in the works of Alexander Blok: DSc thesis in the form of a scientific report]. Moscow, 1998, 50 p. (In Russ.)

Nikitina O.E. *Biograficheskie mify o russkikh rok-poetakh* [Biographical myths about Russian rock poets]. Saint Petersburg, Gumanitarnaia Akademiia Publ., 2011, 350 p. (In Russ.)

Pivovarov V. *Kholin i Sapgir likuiushchie* [Kholin and Sapgir rejoicing]. Moscow, Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh" Publ., 2017, 86 p. (In Russ.)

Shemetova T.G. *Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 48 p. (In Russ.)

Tiupa V.I. *Postsimvolizm: teoreticheskie ocherki russkoi poezii XX veka* [Post-symbolism: theoretical essays on Russian poetry of the 20th century]. Samara, Sensory, Moduli, Sistemy Publ., 1998, 115 p. (In Russ.)

Tomashevskii B.V. *Literatura i biografiia* [Literature and biography]. *Kniga i revoliutsiia* [Book and revolution], 1923, No. 4 (28), pp. 6-8. (In Russ.)

Uivari L. *Neofitsial'naia sovetskaia poeziia. Vvedenie* [Unofficial Soviet poetry. Introduction]. "Lianozovskaia shkola": *mezhdubarachnoi poeziei i russkim konkretizmom* ["Lianozov School": between barracks poetry and Russian concretism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 698-704. (In Russ.)

Umer Igor' Kholin [Igor Kholin died]. "Zerkalo" – *literaturno-khudozhestvennyi zhurnal* ["Mirror" – literary and artistic magazine]. URL: <https://zerkalo-litart.com/?p=2878> (access date: 10.09.2023). (In Russ.)

Vinokur G.O. *Biografiia i kul'tura* [Biography and culture]. Vinokur G.O. *Biografiia i kul'tura. Russkoe stsenicheskoe proiznoshenie* [Biography and culture. Russian stage pronunciation]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, pp. 11-88. (In Russ.)

Zhitenev A.A. *Kak sdelana proza Igoria Kholina* [How Igor Kholin's prose is made]. "Lianozovskaia shkola": *mezhdubarachnoi poeziei i russkim konkretizmom* ["Lianozov School": between barracks poetry and Russian concretism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 265-279. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.09.2023; одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 15.09.2023; approved after reviewing 28.09.2023; accepted for publication 30.09.2023.

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"20"

EDN XGSJQJ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-118-124>

ОБРАЗ ТАЙГИ В БАЛЛАДАХ ЛЕОНИДА ЗАВАЛЬНЮКА

Гавриленко Виктория Дмитриевна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет», Благовещенск, Россия, gin_kitsune@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1489-1196>

Аннотация. Статья посвящена изучению жанра баллады в лирике поэта Леонида Завальнюка (1930–2010). В исследовании особое внимание уделяется анализу «Таежной баллады» и «Баллады о тающем снеге», которые вошли в сборник «За отступающим горизонтом» (1956). Данными балладами открывается и заканчивается балладный цикл, состоящий из пяти произведений. Сюжет обеих баллад развивается в художественном пространстве тайги, которая становится местом нравственного испытания для героев. Завальнюк первым ввёл образ тайги в балладу. В XIX в. наблюдается деканонизация жанра баллады. В произведениях Завальнюка наряду с сохранением балладных традиций (повествование от третьего лица, обращение к архетипическим сюжетам, смешение христианских и языческих верований, персонификация природных сил, особая роль времени года и времени суток в развитии сюжета) наблюдается и эволюция этого жанра (отказ от мистической составляющей, усиление реалистичности повествования, повествование от первого лица). В период творческого становления Завальнюка баллада стала для него жанром, помогающим найти свой индивидуальный стиль. К этому жанру он обращался на протяжении всего творческого пути, а мотив нравственного испытания стал одним из ведущих в лирике.

Ключевые слова: Леонид Завальнюк, баллада, «Таежная баллада», «Баллада о тающем снеге», сюжет, образ, мотив, мотив испытания, притча.

Для цитирования: Гавриленко В.Д. Образ тайги в балладах Леонида Завальнюка // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 118–124. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-118-124>

Research Article

THE IMAGE OF THE TAIGA IN THE BALLADS OF LEONID ZAVAL'NYUK

Victoria D. Gavrilenko, senior lecturer, the Department of Russian as a foreign language, Blagoveshchensk State Pedagogic University, Blagoveshchensk, Russia, gin_kitsune@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1489-1196>

Abstract. The article is devoted to the study of the ballad genre in the lyrics of the poet Leonid Zaval'nyuk (1930-2010). The study focuses on the analysis of "The Taiga Ballad" and "The Ballad of Melting Snow," which were included in the collection "Beyond the Receding Horizon" (1956). These ballads open and end the ballad cycle, consisting of five works. The plot of both ballads develops in the artistic space of the taiga, which becomes a place of moral testing for the heroes. Leonid Zaval'nyuk was the first to introduce the image of the taiga into the ballad. The decanonisation of the ballad genre occurs in the 19th century. Leonid Zaval'nyuk's works not only preserve ballad traditions (third-person narration, appeal to archetypal plots, mixing Christian and pagan beliefs, personification of natural forces, the special role of the season and time of day in the development of the plot), but also the evolution of the genre takes place (refusal of the mystical component, increasing the realism of the narrative, first-person narration). The decanonisation of the ballad genre occurs in the 19th century. Leonid Zaval'nyuk turned to the ballad genre throughout his entire career. The motif of moral testing became one of the leading ones for the poet.

Keywords: Leonid Zaval'nyuk, ballad, 'Taiga Ballad', 'Ballad of Melting Snow', plot, image, motif, motif of trial, parable.

For citation: Gavrilenko V.D. The image of the taiga in the ballads of Leonid Zaval'nyuk. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 118–124 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-118-124>

Произведения Леонида Завальнюка (1930–2010) – поэта, прозаика, сценариста, художника – пришли к читателю еще в 1950-е гг. и с тех пор вызывали неизменный интерес. За долгую творческую жизнь поэт создал более 1 000 стихотворных произведений, опубликованных в 33 поэтических сборниках. И с самого начала появления на литературной сцене Завальнюк привлекал внимание критиков и исследователей, особенно тех, кто занимался региональной проблематикой, ведь дебют поэта связан с Дальним Востоком, где в газетах «На боевом посту» и «Суворовский натиск» стали печататься его стихи, а в 1953 г. увидел свет первый поэтический сборник – «В пути». Основатель школы литературного краеведения Приамурья А.В. Лосев сразу же отозвался на выход первого сборника, а впоследствии включил произведения Завальнюка в издание, с которого идет отсчет системного изучения литературы Приамурья [Лосев 1963].

Именно в период жизни в Благовещенске (1953–1964) Завальнюк обращается к жанру баллады. К этому времени в советской поэзии наблюдается стойкий интерес к жанру, зачастую характеризующийся переосмыслением его ключевых характеристик в творчестве Н. Тихонова, Э. Багрицкого, М. Светлова, обратившихся к созданию баллад в 1920–30-е гг. [Боровская: 316–322]. Во второй половине XX в. жанр переживает процесс трансформации в произведениях Л. Ошанина, Р. Рождественского, В. Высоцкого, Б. Окуджавы [Гудкова, Пивкина: 248–251].

И это не случайно. Ведь баллада, зародившаяся еще в конце первого тысячелетия нашей эры, постоянно изменялась. Не представляется возможным свети к одному источнику генезис баллады. Ее истоки можно обнаружить в мифологии, устном народном творчестве, героическом эпосе Средневековья. Этот древний синкретичный жанр, как отметил Н.И. Кравцов, сложился в результате постоянного обогащения от связи с народной жизнью и другими жанрами [Кравцов: 197]. Отсюда причины разнообразия тем и мотивов баллады и ее изменчивости.

Канонические черты баллады были выделены еще А.Н. Веселовским [Веселовский: 71–79]. Балладе свойственна сюжетность, зачастую с элементами чудесного и сверхъестественного, любовь к троичности, эмоциональность повествования, использование рефренов, повторов и диалогов, повествование от третьего лица. Однако уже в XVIII в. происходит деканонизация жанра. И.В. Гете, нарушая канон, создает баллады с повествованием от первого лица: повествователь сам становится героем произведения. После в балладах В. Вордсворта, С. Колриджа, Г. Гейне появляется лирическое «я». В русской литературе эта тенденция отразилась в творчестве В.А. Жуковского, А.С. Пушкина. Главное направление этих изменений связано с тем, что лирическая

составляющая баллады начинает довлеть над сюжетной [Бройтман: 331–334].

Трансформация баллады продолжается и в XX в., что наглядно демонстрируют не только баллады Н. Тихонова, Э. Багрицкого, М. Светлова, Л. Ошанина, Р. Рождественского, В. Высоцкого, Б. Окуджавы, но и произведения Л. Завальнюка, который был учеником Л. Ошанина в Литературном институте.

В 1956 г. была опубликована вторая книга Завальнюка – «За отступающим горизонтом», в которой центральное место занял цикл из пяти баллад. Примечательно, что ключевые позиции в цикле – начало и конец – отведены балладам, действие которых разворачивается в тайге. Таким образом, Завальнюк «расширяет географию» баллады: вводит в нее таежную тему и образ тайги.

Не один век Сибирь и Дальний Восток влекли людей неизведанной и неисхоженной, опасной и манящей тайгой. Неудивительно, что в художественных произведениях об этих регионах значимым образом становится суровый таежный край. Тайга – это место, в котором способны выжить только сильные духом, место единения человека с первозданной природой. Потому мотив испытания – экзамен на звание человека – так гармоничен и естественен в художественном пространстве тайги. О тайге в своей знаменитой повести «Дерсу Узала» (1923) писал В.К. Арсеньев, с ней неразрывно связана жизнь героев произведений В.Г. Распутина («Край возле самого неба» (1966), «Сибирь, Сибирь» (1991)) и В.П. Астафьева («Васюткино озеро» (1952), «Капалуха» (1963)). Важное место таежная тематика занимает и в произведениях амурских авторов, особый интерес вызывают быт, повседневная жизнь людей, связанных с тайгой. Среди них произведения знаменитого исследователя и писателя Г.А. Федосеева (сборник рассказов «Таежные встречи» (1950), повести «Тропоею испытаний» (1958), «Злой дух Ямбуя» (1966), «Последний костер» (1968)) и повесть одного из ведущих представителей современной литературы Приамурья В.Г. Лещика «Пара лапчатых унтов» (1979).

Таким образом, совершенно не случайно, что Завальнюк, оказавшись на Дальнем Востоке, обращается к этому образу. В тексте песни «Как ты близок мне, Дальний Восток», поэт использует образ тайги как один из ключевых, характеризующих специфику региона:

Променял я днепровские кручи,
 Майский праздник вишневого пурги
 На веселую стаю саранок,
 На тревожную песню тайги.
 Синева над Амуром сквозная,
 Парохода далекий гудок...
 Я тебя полюбил и не знаю,
 Чем ты дорог мне, Дальний Восток

[Завальнюк 1962: 5].

Этот едва намеченный образ тревожной, таинственной, оторванной от цивилизации тайги Завальнюк раскроет более глубоко в «Тажной балладе» и «Балладе о тающем снеге» (1956), которые при переиздании в 1975 г. будут объединены под общим названием «Тажные баллады» [Завальнюк 1975].

При переиздании поэт нередко давал своим произведениям новые названия, а порой вносил и небольшие правки. Это было связано с переосмыслением каких-то ключевых моментов в мировоззрении, развитием творческого почерка. Примечательно, что «Тажная баллада» из сборника 1956 г. при повторной публикации получила новое название – «Баллада о хлебе».

В центре повествования этой баллады – судьба двух мужчин, оказавшихся в тайге и вынужденных пережить вьюгу в зимовье. Но этот реалистический сюжет обладает метафоричностью. В экспозиции баллады люди совершают молебен о заблудших в тайге:

Древний обычай края –
В день, когда быть пурге,
В сельских церквях правят
Молебен о заблудших в тайге.
Хмурые люди молятся
Хмурому богу тайги:
– Всем,
Кто скитается по лесу,
Господи, помоги!

[Завальнюк 1956: 9]

Здесь происходит характерное для жанра баллады смешение языческих и христианских понятий [Ивашина: 68]. С одной стороны, ведется богослужение в церкви, а с другой – люди обращаются к языческому, «хмурому богу тайги». А молитва о спасении потерявшихся в тайге становится молитвой о спасении заблудшей души, сбившейся с пути истинного. Обратим внимание, что слово «всем» автор выносит в отдельную строку. На наш взгляд, это не случайно – так подчеркивается мысль, что «перед Богом все равны» – все дети Божьи.

По нашему мнению, Завальнюк обращается к архетипическому сюжету притчи о братьях Авеле и Каине. В русской литературе к нему обращались И.А. Бунин, Н.С. Гумилев, С.А. Есенин, М.М. Пришвин, М.А. Шолохов, но при этом каждый автор преобразовывал сюжет, наполнял его новыми смыслами и образами. Далее перед читателем должны появиться «братья», но поэт привносит изменения: герои не являются братьями, но сближает и роднит их посланное им испытание, о чем и повествуется во второй строфе баллады. Использование собирательного числительного «двое» подчеркивает единство героев, их одинаково трудное положение:

...Вторая неделя, как двое
Еле вползли в дом.

Вторую неделю двое
Лежат в зимовье пластом.
А вьюга поет кочетом
На весь белый свет.
И первый сказал:
– Кончено.
Хлеба больше нет...

[Завальнюк 1956: 9–10]

Разбушевавшаяся стихия для «первого» становится нравственным испытанием, которое герой не выдерживает. Он обманывает товарища и скрывает от него последний кусок хлеба. Тем самым нарушается одна из христианских заповедей: не лжесвидетельствуй, не обманывай. Ложь – это «творение» Сатаны, всякая ложь противна Богу. В желании спасти себя герой обрекает на гибель человека:

Воздух упруг, как губка.
В висках засыпает кровь.
Обглодав рукава полушубка,
К ночи затих второй

[Завальнюк 1956: 9–10].

Символичны слова «Хлеба больше нет...». Речь идет не только об отсутствии пищи как таковой, но и о потере веры. В Евангелии от Иоанна Иисус говорит: «Я есмь хлеб жизни» (Ин. 6:48). Хлеб символизирует тело Христово в христианской традиции. Земной хлеб питает наше тело, а хлеб небесный – наши души. Лишившийся веры «второй» остается обессиленным и умирает. И гибель его ложится тяжким грехом на «первого».

Таким образом, давая балладе новое название спустя почти двадцать лет после первой публикации, автор подчеркивает библейский смысл, который, возможно, изначально сам не осознавал или целенаправленно не выделял по цензурным соображениям.

Косвенно герой баллады становится убийцей, таким же как Каин, который, согласно книге Бытия, считается первым человеком, совершившим убийство. За одним совершенным грехом (лжесвидетельство), следует другой, который нельзя исправить. Убийство является самым страшным грехом в художественной картине мира поэта. Об этом Завальнюк не раз писал в своих лирических произведениях: «Заповедь» [Завальнюк 2001: 62–63], «Разговор с шестой заповедью» [Завальнюк 2014а: 45–46], «Не убий!» [Завальнюк 2014б: 282]. Шестую заповедь поэт назовет «единой», то есть объединяющей всех людей вне зависимости от их национальности и вероисповедания:

Я не верю ни в Бога, ни в дьявола,
Ни в Христа,
Ни в хлыста,
Ни в звезду на западе.
Только верю в единую заповедь –
Не убий!

[Завальнюк 2001: 62]

Обращение к тексту «Баллады о хлебе» позволяет убедиться, что Завальнюк использует характерный для баллады мотив страшного, воплощенный в образе мертвеца. К этому мотиву обращались еще Г.А. Бюргер, И.В. Гете, Ф. Шиллер, а в русской литературе в. В.А. Жуковский. Но если в балладах Жуковского мертвец является во снах, тем самым происходит встреча двух миров (земного и потустороннего), что типично для жанра баллады, то в «Таежной балладе» Завальнюка мертвец реален, он настойчиво напоминает о совершенном грехе. Осознает ли «первый» последствия своего поступка, раскаивается ли?

Скулы воском отглажены,
Глазница синим кольцом...
И первый, чтоб не было страшно,
Положил его вниз лицом.
И что-то жевал
Украдкой,
Долго, словно смолу.
А через день в лихорадке
Сам присмирел в углу

[Завальнюк 1956: 10].

Никакого раскаяния – только лишь страх перед пугающим лицом покойника. Однако сокрытый от товарища кусок хлеба не спасает «первого». Охваченный лихорадкой, он оказывается на пороге между жизнью и смертью, так и не осознавая своих грехов. А следовательно, лишается шанса на спасение, когда его находят охотники. Откликнувшиеся на молитвы людей «мудрые боги тайги» воплощаются в образе охотников, для которых тайга – дом. Они живут по ее суровым законам. Они – единственный шанс на спасение героя из снежного плена:

И хоть это нигде не сказано,
Люди с таежной судьбой,
Жизнью рискуя,
Обязаны
Живых уносить с собой.

Но когда слушали сердце,
Голубой обнажив сосок,
На землю
Из-за пазухи
Выпал
Черствого хлеба кусок...

И старшой суковатой палкой
Сухарь отшвырнул псам.
– Пули на гада жалко.
Пусть умирает
Сам

[Завальнюк 1956: 10–11].

«Первый» недостоин легкой смерти. Суровый таежный край, населенный сильными духом и телом людьми, не оставляет шансов лжецу и убийце, утаив-

шему последний кусок хлеба. Испытание, посланное заблудшей душе, завершилось провалом.

Примечательно, как переосмысливается образ языческого «хмурого бога», появляющегося в начале стихотворения. Его место занимают люди, которые вершат в тайге свой суд – «мудрые боги тайги»:

Пурга улеглась к рассвету.
И высушив сапоги,
Ушли по медвежьему следу
Мудрые боги тайги

[Завальнюк 1956: 11].

Типична для баллады и персонификация природных сил, они не просто фон в произведении, а активные участники происходящих событий. Так, вьюга по мере приближения кульминации усиливается: вначале лишь поет, затем жалит снежным сеевом. Действие баллады Завальнюка, как и «Светланы» Жуковского, происходит во время вьюги, погода восстанавливается лишь после завершения испытания.

«Таежная баллада», герой которой не справляется с нравственным испытанием, открывает балладный цикл Завальнюка в сборнике 1956 г. Далее следуют «Баллада о спрятанном оружии» и «Баллада о рыжем и черном». Тематически они близки первой балладе, в них также для раскрытия темы нравственности используются мотивы испытания и расплаты за совершенные проступки. Четвертая баллада – «Баллада о желтом листе» – характеризуется ярко выраженной философской направленностью. Ее герой «пробуждается ото сна», начиная осознавать и замечать красоту и быстротечность жизни. Эта первая и еще ученическая баллада Завальнюка. Поводом для ее написания стало задание, полученное от руководителя семинара в Литинституте Льва Ошанина: взять первую строфу из стихотворения Игоря Федорина и написать свое произведение. Кто-то написал поэму, кто-то песню, а Завальнюк – балладу. После этой баллады в сборнике следует пятая, завершающая цикл. В ее основе – та же тема, которая стала главной и в первых трех балладах цикла – проверка нравственной состоятельности человека.

Если в «Таежной балладе» повествование ведется по канонам – от третьего лица, то в «Балладе о тающем снеге» – уже от первого лица. Однако лирическое «я» не становится действующим героем, как у Пушкина в «Бесах», а остается рассказчиком:

Балладу о тающем снеге
Ставлю с другими в ряд

[Завальнюк 1956: 22].

Герой «Баллады о тающем снеге» вынужден идти пешком через тайгу вместе со своей спутницей. Уже в самом начале зарождается предчувствие страшного. Как отметил В.И. Тюпа, диалог в балладе «демонстрирует движение сюжета» [Тамарченко, Тюпа, Бройтман: 441], он становится движущей силой раз-

вития событий. Завальнюк же отказывается от диалога, сохраняя отдельные реплики героев:

Милее женских капризов
Ничего не найти.
Страшнее женских капризов
Нет ничего в пути.
Мокрым тающим снегом
Лес пропах весь.
И женщина сказала со смехом:
– А мы заночуем здесь!
А мы разобьем палатку,
Сделайте для меня!
Спит она сладко-сладко,
Мужчина сидит у огня

[Завальнюк 1956: 23].

Идиллическая картина весеннего леса и оживающей после долгого сна природы, образы женщины, что так легко и совсем по-детски просит о привале, и мужчины, сидящего у костра и охраняющего сон любимой, создают романтический фон. Но со сменой художественного времени баллады изменяется и атмосфера. Наступает ночь – время испытаний. Отражается это даже в форме: строки становятся рубленными, в коротких фразах затаилось ожидание страшного:

В восемь
Она уснула,
А в десять
Стая пришла

[Завальнюк 1956: 23].

Стоит отметить, что типичным балладным размером является четырехстопный хорей [Бройтман: 333]. У Завальнюка мы можем наблюдать отказ от традиционных стихотворных размеров, что во многом свойственно его лирике. По нашему мнению, это усиливает сюжетную составляющую баллады. Значимость сюжета для баллад XX в. отметил литературовед А.П. Квятковский, по его мнению, баллада – «это сюжетное стихотворение на современную тему, выдержанное преимущественно в остром ритме» [Квятковский: 56].

Далее действие баллады Завальнюка прерывается лирическим отступлением, роль которого в балладах XX в. возрастает [Ивашина: 71]. Автор усиливает возникую напряженность, когда обращается к народному преданию. Через него объясняется то, насколько опасны оголодавшие за зиму звери:

Люди сложили поверье,
В тайге дожив до седин:
Бойся с весенним зверем
Выйти один на один,
Бесчисленны в дебрях могилы
Без насыпей и крестов

[Завальнюк 1956: 23].

И вновь ритм баллады сбивается, передавая всю безвыходность и безнадежность сложившейся ситуации:

...Семнадцать,
Острых, как пилы,
Семнадцать
Серых хребтов

[Завальнюк 1956: 23].

Эта точная цифра словно приговор – спасения и надежды на благополучный исход быть не может. Нет ни единого шанса, что оголодавшие волки пройдут мимо.

Человек в произведениях Завальнюка никогда не идеализируется, но поэт верит в него, в лучшие его качества. Герой баллады – обычный человек, он испытывает страх и растерянность, но одновременно с этим понимает, что бросить женщину одну он не может. Его долг защитить ее во что бы то ни стало, любой ценой:

На лбу ледяные пятна,
И тяжело дышать.
И только одно понятно –
Надо бежать.
Но разве ее
Оставишь
На растерзанье одну?
Но разве ее
Заставишь
Сонную влезть на сосну?

В памяти некогда рыться.
Палка и нож в руке.
И проснулся
Высокий рыцарь
В старом холостяке.
И дрался он, как влюбленный,
Огнем сокрушая врага.
И пахла шерстью паленой
На тысячу верст тайга

[Завальнюк 1956: 24].

Обычный холостяк перерождается в «высокого рыцаря». Проявление лучших человеческих качеств передано через «вечный» образ рыцаря, который символизирует собой благородство, самоотверженность и великодушие. Если герой первого произведения цикла не прошел проверку, то герой «Баллады о тающем снеге» справился с выпавшим на его долю испытанием. Тем самым он подтвердил авторскую позицию, что священный долг мужчины – защищать женщину. Поэт напишет об этом позже в стихотворении «Куда ж мы гоним старую собаку?»:

«Бьют женщину!»
О чем тут говорить?
Иди умри, пигмей ты или гений!
Мужчина женщину обязан защитить,
И нет тут никаких соображений!

[Завальнюк 1966: 42].

Выстраивая сюжет своей баллады, Завальнюк использует еще один традиционный прием, характер-

ный для баллад эпохи романтизма, – с наступлением рассвета все страшное исчезает:

Дрогнула темень густая.
Утро
И тишина.

В четыре
Ушла стая,
А в восемь
Проснулась она

[Завальнюк 1956: 24–25].

Важно отметить: неспроста действие обеих баллад разворачивается в разные времена года. Традиционно зима воспринимается как завершение жизненного пути, и неминуемой смертью в заснеженной тайге оканчивается жизнь героя «Таежной баллады». Весна – это время возрождения, начала жизни, сам герой «Баллады о тающем снеге» словно перерождается, его путь на земле продолжается:

И пошли они дальше, отважные,
По молодой весне.
И были губы у женщины влажные,
Как влажен тающий снег...

[Завальнюк 1956: 25].

Таким образом, балладный цикл выстроен вокруг мотива нравственного испытания, с которого он начинается и заканчивается. Примечательно, что наиболее ярко этот мотив связан с художественным образом тайги, потому что тайга – это пространство, которое позволяет человеку остаться один на один с собой и с миром. Именно Завальнюк ввел образ тайги в жанр баллады, обогатил и расширил его.

Проанализированные баллады Леонида Завальнюка во многом сохраняют черты каноничной баллады. Это и повествование от третьего лица, и использование архетипических сюжетов, и смешение христианских и языческих понятий, и персонификация природных сил. Особая роль в развитии сюжета баллады отведена художественному времени. События зачастую происходят ночью, в самое пугающее и таинственное время суток, а завершается все на рассвете с восходом солнца: на рассвете уходят «мудрые боги тайги», отступает волчья стая. Новый день знаменует собой конец испытания, время подведения итогов.

Одновременно поэт использует такую особенность баллады, как жанровый синкретизм – способность перенимать новое из других жанров. У Завальнюка эта черта проявилась в переосмыслении сюжета библейской притчи и жанровой гибридизации: соединении элементов баллады и притчи. «Баллада о хлебе» заканчивается трагично, а ее поучительный характер свойственен притчам.

Наряду с сохранением балладных традиций видна и трансформация жанра Завальнюком. Например,

претерпевает изменение мотив страшного. Если традиционно он реализуется через мистическую составляющую, то страшное у Завальнюка абсолютно реально: мертвец, лежащий рядом с героем, волчья стая. Все это делает сюжет более жизненным и реалистичным. Кроме того, в балладах Завальнюка наблюдается отказ от традиционного четырехстопного хорея, использование повествования от первого лица.

Интересным нам представляется и факт возвращения сюжетности в балладу в противовес лиризации баллады в русской литературе XIX в. – но в соответствии с тенденциями, характерными для советской баллады.

Важно ответить и на вопрос о том, насколько осознанно следовал Завальнюк канонам баллады. Создание первых баллад приходится на период становления и поиска собственной манеры (1950–60-е гг.), совпавший с обучением в Литинституте. Потому можем предположить, что поэт имел представление о становлении и развитии жанра баллады как в русской, так и в советской поэзии. Тем более что его наставником был один из создателей этого жанра. Т эксперимент Завальнюка с балладным жанром можно считать осознанным. Баллада для поэта стала пространством для поиска своей художественной манеры. Мы можем отметить, что в целом лирика Завальнюка как раннего, так и зрелого периода отличается сюжетностью. И баллада дала поэту возможность реализовать эту характерную черту своей поэзии.

Четыре баллады из пяти Завальнюк впоследствии переиздал по отдельности в сборниках «Лирика» (1963), «Вторые травы» (1975) и «Книга встреч» (1977). Он неоднократно возвращался к этому жанру и в зрелом творчестве: «Баллада о первой любви» (1975), «Баллада о желтой машине» (1987), «Баллада о рогах» (1987) и др. А мотив нравственного испытания оставался одним из ведущих на протяжении всего творческого пути Завальнюка, особенно значимое место он занял в лирике поэта, которая составляет основу его творческого наследия.

Список литературы

Боровская А.А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века. Астрахань, 2009. 527 с.

Бройтман С.Н. Историческая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. Москва: Издательский центр «Академия», 2004. Т. 2. 368 с.

Веселовский А.Н. К народным мотивам баллад о Леноре // Журнал Министерства народного образования. Санкт-Петербург, 1885 (ноябрь). С. 71–79.

Гудкова С.П., Пивкина Е.В. Историко- и теоретико-литературные аспекты изучения жанра баллады // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9-2 (87). С. 248–251.

Завальнюк Л.А. Вторые травы: Стихи. Москва: Молодая гвардия, 1975. 63 с.

Завальнюк Л.А. За отступающим горизонтом: Баллады и поэма. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1956. 104 с.

Завальнюк Л.А. Мой дом. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1966. 70 с.

Завальнюк Л.А. Мужик ласкает даму: Стихи. Санкт-Петербург: Алетейя, 2014а. 208 с.

Завальнюк Л.А. Предвестие. Санкт-Петербург: Алетейя, 2014б. 296 с.

Завальнюк Л.А. Приснитесь мне, города. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1962. 64 с.

Завальнюк Л.А. Стихи. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. 272 с.

Ивашина В.В. Эволюция жанра баллады в русской литературе. Общие тенденции // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: Ассоциация науч. сотр. «Сибирская академическая книга», 2018. С. 67–72.

Квятковский А.П. Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. Москва: Советская энциклопедия, 1966. 376 с.

Кравцов Н.И. Славянская народная баллада // Проблема славянского фольклора. Москва: Наука, 1972. 360 с.

Лосев А.В. Приамурье в художественной литературе: Аннотированный указатель. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1963. 104 с.

Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика // Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. Москва: Издательский центр «Академия», 2004. Т. 1. 512 с.

References

Borovskaia A.A. *Zhanrovye transformatsii v russkoi poezii pervoi treti KhKh veka* [Genre transformations in Russian poetry in the first third of the 20th century]. As-trakhan, 2009, 527 p. (In Russ.)

Broitman S.N. *Istoricheskaia poetika* [Historical poetics]. *Teoriia literatury: ucheb. posobie dlia stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii: v 2 t.* [Theory of literature: A textbook for students of philological faculties of higher educational institutions: in 2 vols.], ed. by N.D. Tamar-chenko. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Akademiia" Publ., 2004, vol. 2, 368 p. (In Russ.)

Gudkova S.P., Pivkina E.V. *Istoriko- i teoretiko-lit-eraturnye aspekty izucheniia zhanra ballady* [Historical and theoretical and literary aspects of the study of the ballad genre]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2018, No. 9-2 (87), pp. 248-251. (In Russ.)

Ivashina V.V. *Jevoljucija zhanra ballady v russkoi lit-erature. Obshhie tendencii* [The evolution of the ballad genre in Russian literature. General trends]. *Kul'turologija,*

filologija, iskusstvovedenie: aktual'nye problemy sovremennoj nauki: Sb. st. po materialam VIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf [Culturology, philology, art history: actual problems of modern science: Collection of arti-cles based on materials of the VIII Intern. scientific-prac-tical. conf.]. Novosibirsk, Associacija nauchnyh sotrud-nikov "Sibirskaja akademicheskaja kniga" Publ., 2018, pp. 67-72. (In Russ.)

Kviatkovskii A.P. *Poeticheskii slovar'* [Poetic dictio-nary], ed. by I. Rodnianskaia. Moscow, Sovetskaia en-tsiklopediia Publ., 1966, 376 p. (In Russ.)

Kravtsov N.I. *Slavianskaia narodnaia ballada* [Slavic folk ballad]. *Problema slavianskogo fol'klora* [The problem of Slavic folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 360 p. (In Russ.)

Losev A.V. *Priamur'e v khudozhestvennoi literature: Annotirovannyi ukazatel'* [The Amur region in fiction: Annotated index]. Blagoveshchensk, Amurskoe knizh-noe izdatel'stvo Publ., 1963, 104 p. (In Russ.)

Tamarchenko N.D., Tiupa V.I., Broitman S.N. *Teo-riia khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaia poe-tika* [Theory of artistic discourse. Theoretical poetics]. *Teoriia literatury: ucheb. posobie dlia stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenie: v 2 t.* [Theory of literature: A textbook for students of philological faculties of higher educational institutions: in 2 vols.], ed. by N.D. Tamar-chenko. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiia» Publ., 2004, vol. 1, 512 p. (In Russ.)

Veselovskii A.N. *K narodnym motivam ballad o Lenore* [To the folk motifs of the ballads about Lenora]. *Zhur-nal Ministerstva narodnogo obrazovaniia* [Journal of the Ministry of Public Education]. Saint Petersburg, 1885, pp. 71-79. (In Russ.)

Zaval'njuk L.A. *Za otstupajushhim gorizontom. Bal-lady i pojema* [Beyond the receding horizon. Ballads and Poem]. Blagoveshhensk, Amurskoe kn. izd-vo Publ., 1956, 104 p. (In Russ.)

Zaval'njuk L.A. *Moj dom* [My home]. Habarovsk, Habarovskoe kn. izd-vo Publ., 1966, 70 p. (In Russ.)

Zaval'njuk L.A. *Muzhik laskaet damu: Stihi* [The man caresses the lady: Poems]. Saint Petersburg, Ale-tejja Publ., 2014а, 208 p. (In Russ.)

Zaval'njuk L.A. *Predvestie* [Premonition.]. Saint Pe-tersburg, Aletejja Publ., 2014b, 296 p. (In Russ.)

Zaval'njuk L.A. *Prisnites' mne, goroda* [Dream me, cities]. Blagoveshhensk, Amurskoe kn. izd-vo Publ., 1962, 64 p. (In Russ.)

Zaval'njuk L.A. *Stihi* [Poems]. Blagoveshhensk, AmGU Publ., 2001, 272 p. (In Russ.)

Zaval'njuk L.A. *Vtorye travy: stihi* [Second herbs. Poetry]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1975, 63 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.08.2023; одо-брена после рецензирования 14.10.2023; принята к пуб-ликации 30.10.2023.

The article was submitted 29.08.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 30.10.2023.

КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ИННОВАТИВНОЙ ПОЭЗИИ: ВАРИАНТЫ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Андреянова Елена Евгеньевна, аспирантка кафедры отечественной филологии, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, lenaluna139@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5215-0564>

Аннотация. В современной инновативной русской поэзии одной из ключевых проблем является вопрос взаимодействия концептов «субъект» и «пространство», а также вопрос о способах переосмысления их семантико-функционального наполнения. В качестве одного из вариантов композиционно-стилистического анализа поэтического текста нами предложено понятие субъектно-пространственная модель – условный образ концептов «субъект» и «пространство», служащий для определения отношений между ними и специфики их функционирования в авторской поэтике. В данной статье рассматриваются модели, функционирующие в текстах К. Корчагина, Г. Рымбу, Н. Сафонова и Е. Суловой, представлена классификация моделей по нескольким основаниям: количество элементов модели, специфика отношений между ними и формы взаимодействия. Отмечается, что модели, функционирующие в текстах изученных авторов, многоосновны, каждая из них обладает набором различных параметров, характеризующих отношения между элементами с различных точек зрения, что позволяет рассмотреть специфику субъектно-пространственной организации текста как сложноорганизованную структуру, выявляющую семантико-стилистические особенности поэтики. В статье делается вывод о том, что взаимодействие концептов основано, как правило, на диффузии и интерференции, а семантика субъекта и пространства усложняется: поэты подходят к их осмыслению с философско-прагматической точки зрения. Помимо этого, в статье рассматривается вопрос о тенденциях развития субъектно-пространственных отношений в инновативной русской поэзии.

Ключевые слова: инновативная русская поэзия, субъект, пространство, субъектно-пространственные отношения, композиционно-стилистический анализ.

Для цитирования: Андреянова Е.Е. Классификация субъектно-пространственных моделей современной инновативной поэзии: варианты и функциональные характеристики // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 125–132. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-125-132>

Research Article

CLASSIFICATION OF SUBJECT-SPATIAL MODELS OF MODERN INNOVATIVE POETRY: VARIANTS AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS

Elena E. Andreyanova, Postgraduate student of the Department of Russian Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, lenaluna139@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-5215-0564>

Abstract. In modern innovative Russian poetry, one of the key problems is the question of the interaction of the concepts “subject” and “space”, as well as the question of ways to rethink their semantic and functional content. As one of the variants of the compositional and stylistic analysis of the poetic text, we have proposed the concept of a subject-spatial model – a conditional image of the concepts “subject” and “space”, which serves to determine the relationship between them and the specifics of their functioning in the author’s poetics. This article discusses the models functioning in the texts of Kirill Korchagin, Galina Rymbu, Nikita Safonov and Yevgeniya Suslova, the classification of models is considered on several grounds: the number of model elements, the specifics of the relations between them and the forms of interaction. It is noted that the models functioning in the texts of the authors studied are multi-basic, each of them has a set of different parameters characterising the relationship between the elements from different points of view, which allows us to consider the specifics of the subject-spatial organisation of the text as a complex structure that reveals the semantic and stylistic features of poetics. The article concludes that the interaction of concepts is based on diffusion and interference, meanwhile the semantics of the subject and space become more complicated – the authors approach their understanding from a philosophical and

pragmatic point of view. In addition, the article discusses the issue of trends in the development of subject-spatial relations in innovative Russian poetry.

Keywords: innovative Russian poetry, subject, space, subject-spatial relations, compositional and stylistic analysis

For citation: Andreyanova E.E. Classification of subject-spatial models of modern innovative poetry: variants and functional characteristics. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 125–132 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-125-132>

Современная инновативная русская поэзия отличается художественно-стилевым, композиционным, философско-прагматическим разнообразием, однако проблематика, объединяющая поэтов, относящихся к разным направлениям, – взаимодействие субъекта и пространства в поэтическом поле. Сложность специфики субъектно-пространственных отношений в инновативной поэзии определяется полисемантикой и усложнением функционирования концептов, рассматриваемых авторами не только как элементы художественной системы текста, но и как философские понятия. В связи с этим нами предлагается один из вариантов композиционно-стилистического анализа поэтического текста через призму взаимосвязи данных концептов, который поможет выявить ранее не замеченные особенности поэтики авторов, а также определить тенденции развития инновативной поэзии в эпоху постмедиального существования искусства и преобладания дигитального способа коммуникации. В качестве ключевого понятия для анализа нами вводится определение «субъектно-пространственная модель» – условный образ объектов (в нашем случае концептов «субъект» и «пространство»), служащий для определения отношений между ними и специфики их функционирования в авторской поэтике.

Для того чтобы определить субъектно-пространственную модель, необходимо соблюдать последовательность анализа специфики отношений между субъектом и пространством. Так, вначале выделяется *тип отношений* между концептами, который в свою очередь формирует соответствующие *группы* моделей, которые могут функционировать с определенными вариациями. Группы включают в себя разные модели и могут классифицироваться по разным основаниям, причем одна группа может содержать в себе модели, относящиеся к разным типам. Конкретные модели в свою очередь могут содержать функционально-семантические признаки разных групп, что позволяет сформировать некую общую картину, как субъект и пространство существуют в общем поле инновативной поэзии, какие тенденции в развитии этих концептов мы можем обозначить, что обуславливает упрощение или усложнение отношений между категориями.

Обратимся к классификации моделей, выделенных нами на материале проанализированных текстов. Основанием первой классификации является *количество элементов модели*. Ее можно считать наиболее

формальной. Можно выделить две разновидности: *бинарные модели*, в которых взаимодействие основано на специфике двух концептов и не включает дополнительные операторы, влияющие на модификацию одного из элементов, и *тернарные*: в модели присутствует важный функционально-семантический компонент, обуславливающий специфику субъекта или пространства, а иногда и обеих категорий. Почему данное основание мы считаем важным: так как модель представляет собой формализованный образ отношений между категориями, подчас функционирующими не линейно, а транзитивно (то есть элементы соотносятся друг с другом не напрямую, а через структурно-семантического посредника, влияющего на деконструкцию субъекта или пространства и их трансформацию), то данная классификация помогает сделать вывод о тенденциях развития субъектно-пространственных отношений в инновативной литературе: двигается ли поэзия в сторону «упрощения» коммуникации между субъектом и пространством или, наоборот, через постепенное усложнение стремится отойти от привычных традиционных форм к многоаспектным вариантам взаимодействия. Сразу оговоримся, что под дополнительными операторами мы подразумеваем не только внешние факторы, такие как, например, социально-политический дискурс, выполняющий важную функцию в поэтике Галины Рымбу, но и модификационные элементы: картины, фигуры, объекты, которые выполняют важную семантическую роль.

Так, бинарными можно назвать модели, выявленные у Кирилла Корчагина и одну из моделей, выделенных у Н. Сафонова. Символически обозначим их следующим образом: $S(P) - (P)S$ и $S - P - S'$ (модели, реализующиеся в текстах К. Корчагина) и $S_n - P_c$ (один из вариантов моделей, функционирующий в текстах книги «Разворот полей симметрии» Н. Сафонова). Расшифруем условные обозначения элементов моделей К. Корчагина: (P) – пространство, носящее в себе «отпечаток» субъективного, имеющее диффузную разомкнутую структуру, которое может инкорпорировать пространственность субъекту и принимать его функциональные особенности; S' – метасубъект/влияние предшествующего исторического или культурного модуса, с которым лирическое «Я» взаимодействует опосредованно и ищет способы диалога. Реализацию подобной модели можно увидеть в текстах сборника «Все вещи мира»:

ночью к тебе постучится огромный двадцатый век
в гирляндах синюющей гари с углями в черных глазах
в одежде защитного цвета дышащей дымом болот
в пыли тверского бульвара обволакивающей ладони
проникающей прямо в сердца

[Корчагин: 65].

Элементы, функционирующие у Н. Сафонова: $S_{\text{п}}$ – субъект-зритель, фиксирующий пространственные изменения, не выражающий при этом «Я» как формально-семантическую целостность, он документирует пространственность в себе, но не является зачинателем пространственных преобразований, функционируя подчас как инструмент, способный передавать посредством физических операций сдвиги пространственных областей, им фиксируется пространственность как таковая: перемещения, развертывания, границы, поля – функциональные приметы превалирования геометрии, которая реализуется через «чистые» объекты, лишённые аффективного наполнения:

где находилась цитата, которую только что можно было
поставить на место другого, на плоскость предмета?

В похожем
запрете на взгляд в сторону стен, определяющих зону
решения
света, будет необходимо различие между первым
и крайним
сомнением, расположенным между первым и крайним,
граничным изображением того, что могло быть
сюжетом, но
не местом, в котором выписаны кривые условий...

[Сафонов 2015: 18]

P_c обладает усложненной семантикой, поскольку, несмотря на то, что у пространства остается индекс субъектности, это не означает, что оно начинает функционировать схожим с субъектом образом. Наоборот, пространство обособляется от субъекта, редуцирует его, но сохраняет в себе идею возможности соположения субъектного и пространственного, субъектное остается как след предшествующего действия, как остаточный мотив: «упражнение в остановке: двигательный коллапс, когда / он, проходя по улице, замечает другое, несоответствующее / действительности движение, выходящее за пределы здания, / неопределенного цвета: красный? совсем нет?» [Сафонов 2015: 25].

Представленные модели являются разными по функционально-семантическому значению и относятся к разным типам. Так, модели, выделенные у Кирилла Корчагина, относятся к «субъектному» типу: субъект продуцирует структурные и образные трансформации текста, моделирует художественную топологию, а пространства, в свою очередь, принимают на себя субъектные функции, антропоморфируются и расширяя субъектную семантику. Модель же, встре-

чающаяся в сборнике «Разворот полем симметрии» у Никиты Сафонова, тяготеет к типу, в котором субъект и пространство равноправны, поскольку субъект-зритель (или субъект-люцида – по аналогии с известной вариацией камеры, помогающей передавать образы на бумаге) и пространство находятся в определенной дистанционности друг от друга. Субъект фиксирует / наблюдает и записывает динамические развертывания, сжатия, рекурсии пространства, которое модифицируется без субъектного влияния. Субъект предстает в качестве физической возможности наблюдения за пространством, которое существует как отдельная область значений, продуцирующая сама себя и стремящаяся обособиться от субъекта посредством динамической трансформации.

Отметим также, что наличие лишь двух элементов модели не означает, что данные отношения проще, чем отношения, реализующиеся в тернарных моделях, скорее фиксируется тот факт, что некоторые авторы больше сосредоточены на работе по формированию нового функционального наполнения привычных концептов, расширению их семантического диапазона, а не на деконструкции самих отношений между ними. Так, например, наличие лишь двух функциональных элементов в модели усложняет вычленение семантики каждого из элементов, поскольку некоторые смещения значений, выраженные более очевидно в тернарных моделях через дополнительного оператора, содержатся в самих концептах, и не всегда их можно формально определить.

Тернарных моделей удалось выделить больше: они представлены в поэзии Г. Рымбу, Е. Суловой, Н. Сафонова. Большая частотность тернарных моделей обусловлена в первую очередь авторской интенцией расщеплять и переосмысливать связи между концептами, стремлением к более абстрактному и формализованному (использование графиков, символов, схем) способу конструирования поэтической реальности. Для авторов, использующих тернарные модели, не столь важным становится значение субъекта и пространства, сколько формы, которые они принимают или смогли бы принимать, поэтому они раскладывают концепты на самостоятельные и порой обособленные друг от друга составляющие, конструируют связи, которые подчас не реальны, но предполагаемы. Можно заметить вариативность отношений в зависимости от типа функционирующего субъекта, пространство распадается, трансформируется на фигуры и картины, подчас лиминальное положение субъекта и пространства носит функциональное, а не семантическое значение. Отметим, что тернарные модели наиболее присущи пространственному типу отношений, что не противоречит заявленному нами ранее тезису о том, что в инновативной литературе пространственность выступает

в качестве преобладающей тенденции формирования художественного мира.

Можно говорить о том, что элементы бинарных моделей находятся в отношениях контрастной дистрибуции, а элементы тернарных моделей – в отношениях дополнительной дистрибуции. То есть связи между элементами тернарных моделей теснее, чем между элементами бинарных моделей. Так, например, модель, встречающаяся у Е. Суслевой в книге «Животное»: $P_m \rightarrow \phi$ – основана на том, что пространство мыслящее (P_m) продуцирует новые фигуры значений – абстрактные элементы реальности, при этом создание этих фигур происходит под опосредованным влиянием субъективного, так как инициатором является все-таки область ментального, но оно претерпело огромное количество преобразований и модификаций и может быть обнаружено и зафиксировано (формальным образом и в модели) только как одна из характеристик пространства, вобравшего и изменившего изначальные субъективные функции: «Речь идет о предельном совпадении. Так могут совпадать окна и насквозь / смотрящие, конфигурации, врезанные в мир прямо из глаз живого, формы, / предназначенные для разрушения порядков холостой работы. Это как идти и вдруг / беспричинно остановиться, будучи ослепленным предстоящим смерто- / носным падением – при мысли, что сошелся по резьбе со своим умом» [Суслева 2018: 45] При этом, возвращаясь к рассуждениям об отношениях дополнительной дистрибуции, которые присущи элементам тернарных моделей, стоит уточнить, что, например, такой элемент, как фигуры, не может быть проявлен больше ни в одной модели, поскольку его созданию предшествует целый ряд субъектно-пространственных модификаций. В отличие от элементов бинарных моделей этот элемент несвободен, и для его объяснения необходимо выстраивать всю линию последовательного изменения концептов.

Отдельно стоит обосновать случаи использования тернарных моделей у Г. Рымбу. Так, тернарная модель, встречающаяся в текстах авторки, выглядит следующим образом: С(Д) – (Д)П. В качестве дополнительного оператора выступает социально-политический дискурс, обуславливающий расщепление субъекта и пространства: «двигаясь внутри экономических систем, / сбрасывая кожу, роняя шерсть / «критика чистого разума» рассечена когтем / половые акты в лагуне, темная жидкость, всхлипы...» [Рымбу 2014: 5] Многоступенчатого разделения концептов у Рымбу нет, и по специфике отношений данная модель будет относиться к группе симбиотических, однако изъятие данного элемента из модели невозможно, поскольку для поэтики авторки принципиальным будет являться тотальность власти и ее распределение по всем функционирующим элементам.

Он существует самостоятельно и обосновывает случаи выражения в тексте субъекта-активиста или субъекта-наблюдателя, не входя при этом в семантику ни пространства, ни субъекта. Социально-политический дискурс – это своеобразная рамка, очерчивающая поле взаимодействия субъекта и пространства. Также отметим, что тексты Рымбу относятся к субъектному типу, а не к пространственному, в отличие от Суслевой и Сафонова. Можно заметить, что принадлежность к определенному типу не гарантирует у автора использование моделей только определенной классификации, скорее, наоборот, дает нам основания полагать, что в обоих случаях следует говорить не об упрощении, а об усложнении отношений, которое обуславливается не столько типом, сколько индивидуальными авторскими интенциями. Так, например, у Н. Сафонова, стремящегося уйти от лирического нарратива в сторону практически математической абстракции, встречается вариант модели, в которой происходит аккумуляция полисемии внутри концепта, что не свойственно его замкнутой и минималистичной поэтике. В то же время Г. Рымбу, наоборот, склонная к эксплицитному и прямому выражению лирического я, контрапунктом вводит социально-политическое как осложняющий элемент, влияющий на деконструкцию семантики субъекта и пространства.

Отталкиваясь от *специфики отношений* между элементами модели, можно выделить модели *симбиотические* и *генеративные*. В симбиотических моделях элементы кооперируют друг с другом, в генеративных один из концептов выступает в качестве определяющего элемента, моделирующего / преобразующего другой. К симбиотическим можно отнести модели, встречающиеся у К. Корчагина и Г. Рымбу. Характер этих моделей обусловлен тесным взаимодействием концептов друг с другом, элементы носят изоморфный или атрибутивный характер, обусловленный рядом факторов. Так, дефрагментация элементов у Корчагина определяется культурно-философским контекстом, на дисперсность субъекта и пространства влияет метасубъектный фрейм, он обуславливает расщепление и деструкцию концептов. Субъект и пространство несвободны, они не функционируют самостоятельно, а постоянно ощущают на себе груз тоталитарного давления прошлого, которое замещает самоощущение субъекта и мотивирует его искать приметы исторического в пространстве, чтобы таким образом заполнить лакуны, образовавшиеся от влияния предшествующей катастрофы: «Я – связывающее и создающее репрезентацию, Я-субъект – в каком-то смысле отсутствует, его нет для нашего опыта и самосознания. Но как только оно попадает туда, оно само трансформируется в объект, в “вещь” (Sache), как говорил

Кант. Эта двойственность лежит в основе многих антропологических проблем. Трансцендентальное, “отсутствующее” Я дается нам как незаполнимое зияние, как чисто структурная точка зрения, как чистый субъект. И именно это зияние позволяет нам превращать мир в систему символов и знаков, которые могут не только заменять “вещи”, но и подменять друг друга» [Ямпольский: 30]. Похожим образом устроено и пространство: оно является носителем предшествующего субъективного и служит медиумом, связывающим субъекта, функционирующего в тексте, с фреймом-историей. Однако симбиоз субъекта и пространства представляет не столько уподобление друг другу с целью объединения для борьбы с тоталитарностью катастрофического (или политического, как в текстах Г. Рымбу), а объединение с целью создания нового целого, которое свободно от меланхолической рефлексии по ушедшему. В определенном смысле отношения между субъектом и пространством у Корчагина направлены на избавление от мировой тоски, ее преобразование в позитивный опыт, формирующий субъектную идентичность: «в сумерках сочатся пещеры свечением о звучи / пиита побережья вымирающей сталью норда / сотрапезник пены и туч отсеченный рассветом / от широты долготы освобожденный» [Корчагин: 77].

Кооперация концептов в текстах Г. Рымбу, как уже отмечалось выше, направлена на объединение ради борьбы, разрыва связей и границ. Если у Корчагина субъект связан с пространством через ностальгическое сопереживание, то Рымбу, напротив, ищет в пространствах отражение ярости протеста и желанья освободить индивидуальное от влияния политического. Пространства не отделяются от лирической героини, на них наложен такой же отпечаток подавления воли – они созданы политическим и транслируют политическое. И авторка в свою очередь стремится объединиться с пространством, чтобы передать ему знание о свободе, снять ограничения, наложенные социально-политическим нарративом: «бьются о ворота ночи комнаты-клетки и газовые плиты рвутся наружу; / ледяной памятью в антресолях стучат ящики с инструментами, / пустыми бутылками, рвутся наружу / пустые детские коляски» [Рымбу 2018: 92]. Важным концептом для Рымбу становится рана – разрыв, полученный в результате противостояния, след катастрофы. Ландшафт, описываемый ею, представляет собой неровную поверхность, испещренную выбоинами, рытвинами, воронками; урбанистическое пространство – это либо руины, либо маргинализованные районы:

мой район погружен в это место, и я двигаюсь в нем,
как ребенок, как
чужое оружие, чтобы место удерживалось; на районе
они стоят,

раскачиваясь, играя цепями, вытягивая состояния
из земли, нагретой
июльским солнцем, люди в касках дорогу кладут
и рубят деревья, в
перерывах разламывая хлеб...

[Рымбу 2018: 106]

Через лакуны, образованные в структуре субъекта и пространства, и происходит диффузия концептов, однако в отличие от текстов Корчагина Рымбу не стремится к органичному со-наполнению, залечивающему раны, наоборот, это удвоение боли, кооперация с целью прожить болевой опыт до конца и в полной мере, чтобы принять его, поскольку изжить и редуцировать невозможно: «возможно, нужно не пытаться выдавить из себя катастрофу или выбраться из нее через индивидуальную проработку исторических и личных травм (как быть тогда с планетарным?), а принять ее как родной дом и попытаться обжить его. Или создать какие-то способы навигации в пространстве катастрофы для того, чтобы все-таки жить, и жить полно» [Рымбу 2019]. Однако в поэтике Рымбу наблюдается усложнение отношений, связанное с ролью субъекта, – является он свидетелем или активистом. Субъект-свидетель ищет в пространствах защиты от фрейма-политики, стремится ассимилироваться с ними, но не с целью приспособиться к влиянию среды, а с целью сохраниться и переждать натиск государства: «эта новая субъектность предъявляет, парадоксальным образом, не (вроде бы) очевидное требование обособления. Напротив, она требует умения в те или иные моменты ощутить себя частью общности – не теряя при этом, однако, ясного представления о собственных границах и не жертвуя автономией – личной, социальной, культурной» [Львовский]. Субъект-активист, наоборот, стремится от этой «общности» отделиться и отделить пространства, вдохновить и подтолкнуть их к активному революционному движению, наделить пространства субъектностью, дать им возможность действовать: «Рымбу отчаянно взыскует субъектности, которую даёт только действие, – тем отчаяннее, что *возможности* действия не видит» [Кузьмин].

Еще один вариант можно встретить в сборнике «Узлы» Никиты Сафонова: С/П – (УП). В этой модели субъект интерпретируется как пространственная вариация, как способ пространства переходить из абстрактной области идей в область материальных объектов: «Я пытаюсь распознать в ускользании сам процесс растворяющегося го- / лоса, растворенного в звуке, на самом деле – падающего в предел отсутствия / точки на карте знаков, распределенных в случайном, как может казаться, по- / рядке, не указывающих, но ясных, отосланных» [Сафонов 2011: 26].

В результате взаимодействия субъекта-пространства и пространства-концепта создается узел – субъект-

ектно-пространственное единство, представляющее собой трансформированную область ментального, выраженного через совокупность динамических пространств или статичных образов, обретших пространственную семантику. Узел – это поле, в котором происходит продуцирование предполагаемого и представляемого мира, познание которого осуществляется не посредством чувственного, а посредством геометрического: «Завязанный в точке расположения говорящего, в точке, ожидающей среди отсутствия сам “рельеф” дискурса, он рассеивает собственные возможности в пределах хаоса, молчания хаоса, надеясь пересечь одним из собственных горизонтов горизонт действительного» [Сафонов 2011: 3].

Необходимо пояснить, чем обусловлена реализация субъекта как пространственной модификации, является ли она исконной (изначально присущей субъекту) или приобретенной. Для этого обратимся к пониманию субъекта, которое подразумевает автор. Для Сафонова субъект – это в первую очередь носитель языка, который им осмысливается как пространство, то есть пространственность в субъекте заложена изначально, он может конструировать при помощи лингвистических средств территории и объекты: «...язык принимает почти скульптурные формы. Наверное, это можно назвать конструированием среды. Больше всего меня интересует момент, когда привычная связь с языком нарушается. Когда перечитываешь записанное, оказываешься в этом пространстве, где все происходит по неизвестным тебе правилам, и понимаешь, что язык имеет много обратных сторон, о которых ты раньше не подозревал. Можно назвать это изменением смысловой гравитации» [Сафонов 2018]. То есть, следуя за интерпретацией автора, пространственность субъекта заключена в его способности преобразовывать эмпирическое/личное в языковую топологию, которая в итоге сепарируется от этого эмпирического и функционирует самостоятельно, попадая в область, свободную от субъективных значений: «Без ясных оборотов языка: ось, снимающая ось – камера 2, прямой свет, / искажения зрачка, смотрящего на внутренности объекта. Вид прост: тревога, / замещающая постоянство, разделяет всю цепь согласий на изъятые острова / (без признаков существования, без единого камня у края глаз). Камера 2, / соединяющая прямое и обратное изображения – испуг, производящий переход / (от дороги к полосам)» [Сафонов 2011: 11]. Данную модель также можно определить как симбиотическую, но только симбиоз будет осуществляться не на уровне отношений, а на уровне всего текста, поскольку текст также становится узлом – пространственным отражением возможных интерпретаций свободных от привычной семантики знаков, которые сопологаются в структуры и ландшафты самопроизвольно.

К генеративным моделям можно отнести типы, встречающиеся у Е. Суловой и Н. Сафонова. В генеративных моделях один из концептов (так, у Суловой и Сафонова это пространство) является преобладающим, именно он инспирирует трансформации, выступает в качестве отправной точки взаимодействия и влияет на характер другого элемента, в частности продуцирует его расщепление, переходность. Например, в сборнике Е. Суловой «Свод масштаба» отмечаем модель $C_0 - C^n - P_M$. Субъект ощущающий (чувствующий) распадается на части, сохраняя физиологические функции, но наделяется пространственной коннотацией и приобретает пространственные свойства (он начинает сжиматься, расширяться – менять масштаб, что отсылает нас к названию сборника, в нем появляется способность дробиться на еще более мелкие части), чтобы в итоге трансформироваться в пространство мыслящее (P_M). Таким образом, именно пространство инспирирует субъектные модификации, оно инициирует переход субъекта от ощущаемого (телесного) к субъекту рациональному / пространственному, который обрабатывает полученные от тела сигналы и создает при помощи этих чувственных координат карту ментального пространства: «В спешке памяти накал различений – / перечень уморождений. / Переводы смысла хваткой внутренней перспективы / недоразвитых безязыких чтений» [Сулова 2013: 21]. В модели, выявленной у Н. Сафонова, также можно отметить влияние пространства на субъект: $P/O^c - P^a$. Пространство распределяется по объектам, включающим в себя субъективное, чтобы таким образом представить картину абсолютного доминирования пространства, возвести его до высшей степени, когда пространственность становится новым способом мышления.

Можно заметить, что симбиотические модели представлены в основном у авторов, чья поэтика тяготеет к субъектному типу отношений, а генеративные и многоаспектные модели присущи поэтам, выбравшим в качестве тактики создания текста отказ от прямой субъектности и нарративности в пользу аналитического препарирования реальности как области знаков и образов, не имеющих материального выражения, а сконструированных посредством языка в когнитивном пространстве.

Модели можно подразделить по *формам взаимодействия* – на *мультипликативные* и *редукционные*. Мультипликативные модели основаны на том, что в процессе взаимодействия ни один из континуумных элементов (субъект и пространство) не утрачивает своего значения, а модифицируется, приобретая дополнительную семантику или переходя в новое состояние субъектно-пространственного единства. Редукционные модели, наоборот, в процессе взаимодействия сводят функциональное выражение одного

из элементов к минимуму, постепенно нейтрализуя его и трансформируя в более абстрактную форму, далекую от первоначальной. Редукционные модели достаточно редки, однако они встречаются у Евгении Суслевой и Никиты Сафонова, в связи с тем что их художественная практика рассматривает язык как семантическое поле, которое может создавать и трансформировать материально не выраженные объекты, и воспринимается как продуцирующая область значений, обособленная от субъекта. Язык становится пространственной вариацией, а текст в свою очередь редуцирует субъекта как инициатора модификаций. Подобная форма организации текста может быть оправдана художественной практикой, свойственной этим авторам. И Суслева, и Сафонов рассматривают поэзию, помимо прочего, как философию, текст становится материалом, иллюстрирующим тенденции в функционировании языка в медиальном пространстве, в способах существования субъекта в мире, свободном от присутствия нарратора, объясняющего и конструирующего мир. Поэтому можно заметить, что в редукционных моделях происходит нивелирование именно субъекта, он замещается пространством и функционирует в тексте либо как оператор, фиксирующий пространственные преобразования, либо как маршрутизатор, передающий чувственные импульсы, которые впоследствии преобразовываются в свободные от субъектного влияния объекты. Таким образом, можно говорить о том, что редукционные модели, в которых пространственность переходит из концептуального в мировоззренческое, логичнее было бы обозначить как пространственно-субъектные, поскольку в них доминанта пространства выражена более очевидно, чем в случаях, когда пространство активно, но эта активность проявляется при кооперации с субъектом.

Обобщая все вышесказанное, стоит отметить, что в современной инновативной литературе заметна тенденция к усложнению отношений между субъектом и пространством, текст рассматривается как алгоритм или схема, в которой возрастает роль языка как динамически развивающейся самостоятельной области, способной к саморегуляции и трансформации опосредованно от интенций лирического субъекта. И само понятие «лирический субъект» для инновативной поэзии теряет актуальность, поскольку данный концепт все меньше соотносится с чувственным и все больше – с прагматическим. Текст в свою очередь становится исследовательской областью, лабораторией, в которой экспериментальным путем апробируются варианты конструирования новой реальности, свободной от привязки к словам и их интерпретациям: «Идеальным стихотворением было бы то, на которое ты посмотрел и сразу понял все диспозиции, сразу понял смысл, не называя словами» [Сусл

лова 2017]. Но даже в тех случаях, когда субъект функционирует в тексте, происходит его переразложение на составляющие, которые либо встраиваются в пространство, либо сопологаются и объединяются с ним. Это обуславливается в первую очередь несвободей субъекта от дискурса, его невозможностью зафиксировать собственные границы, поскольку границы мира, с которым он взаимодействует, неустойчивы и зыбки, соответственно, он лишается ориентиров, отталкиваясь от которых можно выстроить собственную индивидуальность.

Отметим, что представленная выше типология не является конечной. Нами были выделены несколько оснований для классификации моделей, однако они могут расширяться и дополняться. Пока мы остановились на самых основных и ключевых, на наш взгляд, группах, которые могут стать отправной точкой для составления еще более подробной типологии субъектно-пространственных отношений. Однако даже сейчас можно заметить, что отношения между субъектом и пространством в инновативной поэзии реализуются чаще всего посредством диффузии и интерференции. Также добавим, что при выделении субъектно-пространственных моделей мы руководствовались в первую очередь концептуальным наполнением категорий, не уделяя столь пристального внимания языковой организации текста. Так, на наш взгляд, изучив более подробно формальные способы выражения категорий, можно найти еще несколько оснований для классификации моделей, в которых план выражения также будет выступать одной из важных характеристик организации субъектно-пространственных отношений.

Список литературы

Корчагин К. Все вещи мира. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.

Кузьмин Д. На шаг впереди языка / предисл. к кн. Г. Рымбу «Кровь животных». URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/na-shag-vperediyazyka/> (дата обращения: 15.06.2023).

Львовский С. Галине Рымбу: полностью проживаемое происходящее // Воздух. 2016. № 1. URL: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-1/lvovsky-o-rymbu/view_print/ (дата обращения: 15.06.2023).

Рымбу Г. «Депрессия и меланхолия – это способ знания»: интервью // Colta. 2019. 11 окт. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/22622-galina-rymbubolshoe-intervyu> (дата обращения: 15.06.2023).

Рымбу Г. Жизнь в пространстве. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 128 с.

Рымбу Г. Передвижное пространство переворота: Первая книга стихов. Москва: Книжное обозрение, 2014. 64 с.

Сафонов Н. Разворот полей симметрии. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 152 с.

Сафонов Н. Узлы. Санкт-Петербург: Транслит, 2011. 30 с.

Сафонов Н. Язык имеет много обратных сторон. 11.04.2018. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/yazyk-imeet-mnogo-obratnykh-storon/dossier_34889/ (дата обращения: 15.06.2023).

Суслова Е. Животное. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2016. 144 с.

Суслова Е. Попытка описать опыт важнее субъекта. 05.02.2017. URL: <https://syg.ma/@stenoqramepopytkapopisatopytvazhnieiesubiekta> (дата обращения: 15.06.2023).

Суслова Е. Свод масштаба. Санкт-Петербург: Транслит, 2013. 67 с.

Ямпольский М. Зияние (вместо) Я: культура и меланхолия // НЛЮ. 2021. № 2. С. 29–43.

References

Iampol'skii M. *Ziianie (vmesto) Ia: kul'tura i melankholiia* [Gaping (instead of) Me: culture and melancholy]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literature review], 2021, No. 2, pp. 29–43. (In Russ.)

Korchagin K. *Vse veshchi mira* [All the things of the world]. Moscow, NLO Publ., 2017, 136 p. (In Russ.)

Kuz'min D. *Na shag vpered iazyka. Predislovie k knige G. Rymbu «Krov' zhivotnykh»* [One step ahead of the language. Preface to the book by G. Rymbu "Animal Blood"]. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/na-shag-vpered-iazyka/> (access date: 15.06.2023). (In Russ.)

L'vovskii S. *Galine Rymbu: polnost'iu prozhivaemoe proiskhodiashchee* [To Galina Rymbu: fully lived hap-

pening]. *Vozdukh* [Air], 2016, No. 1. URL: http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-1/lvovsky-orymbu/view_print/ (access date: 15.06.2023). (In Russ.)

Rymbu G. "Depressiia i melankholiia – eto sposob znaniia": *Interv'iu* ["Depression and melancholy are a way of knowing": Interview], 2019, 11 oct. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/22622-galina-rymbu-bolshoe-intervyu> (access date: 15.06.2023). (In Russ.)

Rymbu G. *Zhizn' v prostranstve* [Living in space]. Moscow, NLO Publ., 2018, 128 p. (In Russ.)

Safonov N. *Razvorot poley simmetrii* [Reversal by the field of symmetry]. Moscow, NLO Publ., 2015, 152 p. (In Russ.)

Safonov N. *Uzly* [Nodes]. St. Petersburg, Translit Publ., 2011, 30 p. (In Russ.)

Safonov N. *Iazyk imeet mnogo obratnykh storon* [Language has many downsides]. 11.04.2018. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/yazyk-imeet-mnogo-obratnykh-storon/dossier_34889/ (access date: 15.06.2023). (In Russ.)

Suslova E. *Popytka opisat' opyt vazhnee subiekta* [The attempt to describe the experience is more important than the subject]. URL: <https://syg.ma/@stenoqramepopytkapopisatopytvazhnieiesubiekta> (access date: 15.06.2023). (In Russ.)

Suslova E. *Svod masshtaba* [Folding the scale]. St. Petersburg, Translit Publ., 2013, 67 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.07.2023; одобрена после рецензирования 26.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted 13.07.2023; approved after reviewing 26.09.2023; accepted for publication 20.10.2023

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 133–138. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 133–138. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 82.0

EDN SGCVZO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-133-138>

ЭМОТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС

Трубкина Анна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия, aitrubkina@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2375-1133>

Аннотация. В статье рассматривается ценностно-смысловое пространство художественного текста в реализации эмотивных доминант, отражающих авторский замысел. Цель исследования состоит в определении функционального статуса эмотивов разноуровневой текстовой принадлежности. Приоритетными методами исследования являются методы текстологического анализа и филологической интерпретации, что позволяет, в частности, рассматривать художественный текст вне экспликации авторской оценки, как реализацию важных ценностных смыслов персонажа и автора, эмоционально воздействующих на читателя. В ходе анализа текста повести А.П. Чехова «Черный монах» выявлено, что функциональный статус эмотивных доминант ограничен в целом функциями персонажной эмоциональной оценки и прагматического воздействия эмотивных смыслов на читателя. Текстовая эмотивность способна репрезентировать не только сиюминутные состояния героев, сопряженные с тем или иным эпизодом сюжетного действия. Автор намеренно насыщает эмотивными маркерами описание таких ситуаций, которые соотносят эмоциональный и духовный опыт читателя и персонажа, что способствует активизации воспоминаний адресата и нового переживания им событий, описываемых в художественном тексте. Имплицитность эмотивных смыслов в повести А.П. Чехова «Черный монах» позволяет акцентировать внимание читателя на ценностных смыслах текста, которые только косвенно обуславливаются в своем формировании внешними сюжетными событиями. Анализ эмотивных доминант текста повести способствует выявлению не только функционально-семантической природы категории эмотивности, но и ее сюжето- и текстообразующей роли в художественном тексте, что открывает широкие перспективы в изучении текстовой эмотивности.

Ключевые слова: эмотивность, художественный текст, эмотивная доминанта, ценностно-смысловое пространство, эмотивное значение, авторский замысел, А.П. Чехов.

Для цитирования: Трубкина А.И. Эмотивные доминанты художественного дискурса: функциональный статус // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 133–138. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-133-138>

Research Article

EMOTIVE DOMINANTS OF LITERARY TEXT: FUNCTIONAL STATUS

Anna I. Trubkina, PhD, Associate Professor, Department of Theory of Language and Russian Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, aitrubkina@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2375-1133>

Abstract. The article is devoted to the value-semantic space of a literary text in the implementation of emotive dominants that reflect the author's intention. The purpose of the study is to determine the functional status of emotives of different levels of text affiliation. The priority research methods are the methods of textual analysis and philological interpretation, which allows us to consider a literary text, including outside the explication of the author's assessment, as the realization of important value meanings of the character and the author, which have an emotional impact on the reader. During the analysis of the text of the story by A.P. Chekhov's "The Black Monk" it was revealed that the functional status of emotive dominants is generally limited by the functions of the character's emotional assessment and the pragmatic impact of emotive meanings on the reader. Textual emotiveness is capable of representing not only the momentary states of the characters associated with one or another episode of plot action. The author deliberately saturates the description of such situations with emotive

markers, which correlate the emotional and spiritual experience of the reader and the character, which helps to activate the recipient's memories and a new experience of the events described in the literary text. Implicity of emotive meanings in the story by A.P. Chekhov's "The Black Monk" allows us to focus the reader's attention on the value meanings of the text, which are only indirectly determined in their formation by external plot events. Analysis of the emotive dominants of the text of the story "The Black Monk" helps to identify not only the functional-semantic nature of the category of emotiveness, but also its plot- and text-forming role in a literary text, which opens up broad prospects in the study of textual emotiveness.

Keywords: emotiveness, literary text, emotive dominant, value-semantic space, emotive meaning, author's intention, A.P. Chekhov.

For citation: Trubkina A.I. Emotive dominants of literary discourse: functional status. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 133–138. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-133-138>

Эмоции – это неотъемлемая часть жизни человека; являясь отражением реакций личности на различные факторы, они тесно связаны с мышлением и познанием. Человек выражает эмоции не только средствами невербальной коммуникации, но и, разумеется, прибегает к их реализации с помощью языка. В свою очередь, язык позволяет интерпретировать и анализировать эмоции, он способен также порождать их. Эмоции как наиболее сложная сфера внутреннего мира человека должна изучаться с позиций различных гуманитарных наук, и лингвистике принадлежит одно из приоритетных мест в отношении параметризации прагматики эмотивности.

Картина мира всегда включает не только когнитивные компоненты – она также имеет эмоциональный характер. Когнитивная научная парадигма признает в качестве аксиомы утверждение о том, что знание невозможно без эмоционального отклика, и поэтому вся лексика потенциально эмоциональна, так как значения слов включают эмоциональный компонент. В этой связи нельзя не согласиться с Н.Ф. Алефиренко в том, что язык – это «средство репрезентации синергетического единства мыслительных структур и эмоционального состояния человека» [Алефиренко: 8]. Правомерно также утверждение В.И. Шаховского: «Поскольку лингвистика – это наука о языке, его взаимодействии с обществом и о том, как человек пользуется языком, вопрос о языковых эмоциях / об эмоциональном языке человека уже давно не вызывал никаких сомнений» [Шаховский 2009: 14].

Современная лингвистика обращается к изучению эмотивности как функционально-семантической категории, и интерес исследователей к сфере эмотивности в последние десятилетия растет, о чем свидетельствует появление целого ряда значимых работ [Вежицкая; Вольф; Городникова; Телия; Шаховский; Кнееркенис]. Однако в понимании и интерпретации самой сущности эмотивности пока не наблюдается единства, как не существует и единого определения этой категории, которое учитывало бы все существующие на данный момент концепции эмотивности. Так, по мнению Л.А. Пиотровской, эмотивность можно определить как «функцию языковых единиц, связанную с выражением эмоционального отношения говорящего к объективной дей-

ствительности» [Пиотровская 2007: 42]. Шаховский рассматривает эмотивность как «функционально-семантическую категорию, служащую для внешней трансляции носителями языка (языковыми личностями) своего эмоционального состояния и отношения к миру и обладающую парадигматичностью на лексико-семантическом уровне» [Шаховский 1998: 41].

Эмотивность изучается как неотъемлемая часть образа мира, имеющая соответствие в смысловых компонентах слов, при этом она объективирована исключительно в индивидуальном сознании, так как ее формирование осуществляется посредством языка, мышления и культуры в процессе восприятия личностью мира. Очевидно, что интерес лингвистов к эмотивности обуславливается антропоцентричностью современной научной парадигмы в целом, а текстовая эмотивность приобретает наиболее важное значение в связи с субъективным характером этой категории. Человек запечатлевает с помощью языка «свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе, свои отношения к коллективу людей и другому человеку» [Арутюнова: 354], что акцентирует роль эмотивности в вербализации ментальности языковой личности. При этом в изучении проявления эмоций в речемыслительной деятельности и ее результатах важна дифференциация основополагающих понятий, на что правоммерно указывает Л.А. Пиотровская: «"эмоциональность" – это характеристика личности говорящего, основанная на анализе использованных им вербальных и невербальных средств; "эмотивность" – характеристика языковых средств, содержащих в своем значении эмотивный компонент, а следовательно, и текста в целом; "эмоциогенность" – характеристика текста с точки зрения человека, воспринимающего текст» [Пиотровская 2023: 34–35].

Определение эмотивных доминант позволяет моделировать текстово-дискурсивное семантическое пространство. Безусловно, необходимо здесь и обращение к различным аспектам ценностной картины мира личности адресата и адресанта, так как общечеловеческие ценности (гордость, уважение, любовь и пр.) эмотивны в своей глубинной семантике.

Проблематика выделения текстовой эмотивности в отдельную разновидность в рамках этой функ-

ционально-семантической категории дискуссионна по причине повышенной степени субъективности проявления эмоций и невозможности их адекватной вербализации. Однако лингвисты сходятся во мнении относительно того, что текст любой функционально-стилистической принадлежности не только транслирует какую-либо информацию, но и воздействует на эмоциональную сферу адресата. Описание используемых в конкретном тексте эмоций опирается на достижения когнитивной лингвистики при учете проявлений разных аспектов ментально-психической деятельности индивида, в том числе и его эмоций.

В тексте могут быть выделены эмотивные доминанты, характеризующиеся эмотивным значением, – это «значение (семема), в единой структуре которого содержится сема эмотивности того или иного ранга, т. е. это значение, в котором каким-либо образом представлены (выражены или обозначены) эмотивные смыслы. Эти смыслы могут быть полностью равны лексическому значению слова (как у междометий), могут быть коннотативными (как у экспрессивов) или могут выходить в логико-предметную часть значения (эмотивы-номинативы)» [Ветюгова]. Все три уровня эмоций: невербальный (мимика и жесты); физические состояния, которые сопровождают эмоции и/или представляют реакцию на них; вербальный – манифестированы в текстово-дискурсивном пространстве. Особый интерес представляет поэтому художественный текст, который репрезентирует индивидуально-авторскую картину миру, субъективность языковой личности автора и характеризуется высокой степенью вербализации эмотивности всех трех обозначенных выше уровней. Мы согласны с мнением С.В. Ионовой: «...эмотивы не соотносятся с предметными ситуациями непосредственно, обозначая комплекс субъективных переживаний по отношению к ним. В связи с этим они организуются в эмотивные комплексы, выражающие единое эмоциональное содержание, представленное разными способами» [Ионова: 22]. Укажем также в этой связи и на диалогическое взаимодействие автора и читателя: автор всегда ориентирован на общение с читателем, пусть и отсроченное по времени и реализуемое опосредованно через сам текст, через его субъектно-речевую организацию, которая обладает значимым прагматическим потенциалом (см.: [Фокина 2022]). Мир, воссоздаваемый в художественном тексте, – это мир, погружающий читателя, прежде всего, в эмоциональное восприятие самим автором событий и персонажей, созданных в соответствии с авторским эстетическим замыслом.

В качестве материала для изучения эмотивных доминант художественного текста нами избрана повесть А.П. Чехова «Черный монах» [Чехов], написанная в 1893 году и опубликованная годом позднее.

Бесспорно, это художественный текст, манифестирующий эмотивность на различных текстовых уровнях, что задано самой текстовой структурой. Авторский замысел сфокусирован в этой повести на обнаружении эмотивности персонажа как через прямые номинации чувств и эмоций, которые испытывает главный герой, магистр Коврин, так и через другие языковые и текстовые механизмы, которые позволяют разнообразно воплощать эмотивные и ценностные смыслы, реализуя различные функции текстовой эмотивности.

Так, в следующем фрагменте: «Попадались тут и красивые стройные деревца с прямыми и крепкими, как у пальм, стволами, и, только пристально всмотревшись, можно было узнать в этих деревцах крыжовник или смородину» [Чехов] – маркерами эмотивности выступают лексемы *красивые, стройные, с прямыми, крепкими, пристально*. Эмотивная доминанта приведенного макроконтекста фиксируется в персонажной зоне повествования: это эмоциональные реакции, вызванные у героя восприятием окружающей природы – сада Песочных. Позитивная оценка пейзажа обуславливается здесь тем общим настроением, в котором пребывает Коврин по приезду в усадьбу Егора Семеныча – человека, заменившего осиротевшему в детстве герою родителей.

Маркеры эмотивности, создающие доминирующие смыслы художественного текста, выделены нами и в следующем фрагменте: «Она <Таня> говорила долго и с большим чувством. Ему почему-то вдруг пришло в голову, что в течение лета он может прижаться к этому маленькому, слабому, многоречивому существу, увлечься и влюбиться, – в положении их обоих это так возможно и естественно! Эта мысль умилила и насмешила его» [Чехов]. В приведенном макроконтексте восприятие Ковриным Тани вновь манифестировано вне авторской оценки: автор никак не проявляет себя здесь, однако эмоциональный мир героя дан как в восприятии им другого (*говорила долго и с большим чувством*), так и в процессе анализа собственных эмоций (*прижаться, к маленькому, слабому, многоречивому существу, увлечься, влюбиться, возможно, естественно, умилила, насмешила*).

Очевидно, что эмоции не всегда способны к вербализации, а сами лексемы и лексические сочетания, выступающие номинациями эмоциональных реакций и состояний, либо не вполне адекватны тому, что переживает индивид, либо вовсе не способны выразить посредством языка те или иные переживания. Поэтому вполне закономерно, что автор художественного текста может прибегать к описанию таких ситуаций, которые позволяют напомнить читателю факты его собственного эмоционального и духовного опыта, фиксируемые им в памяти и в процессе восприятия художественного текста активизируемые и пережи-

ваемые вновь. Например: «Предчувствуя ясный, веселый, длинный день, Коврин вспомнил, что ведь это еще только начало мая и что еще впереди целое лето, такое же ясное, веселое, длинное, и вдруг в груди его шевельнулось радостное молодое чувство, какое он испытывал в детстве, когда бегал по этому саду. И он сам обнял старика и нежно поцеловал его. Оба, растроганные, пошли в дом и стали пить чай из старинных фарфоровых чашек, со сливками, с сытными, сдобными кренделями – и эти мелочи опять напомнили Коврину его детство и юность. Прекрасное настоящее и просыпавшиеся в нем впечатления прошлого сливались вместе; от них в душе было тесно, но хорошо» [Чехов]. В приведенном макроконтексте ведущей эмотивной доминантой выступает именно память Коврина, его счастливые воспоминания о детстве, проведенном в доме и усадьбе Песочких.

Безусловно, текстовая эмотивность способна репрезентировать не только сиюминутные состояния героев, сопряженные с тем или иным эпизодом сюжетного действия. У А.П. Чехова именно имплицитная реализация эмотивных смыслов актуализирует так называемое «подводное течение» повествования, его ценностно-смысловой компонент, часто лишь косвенно обуславливаемый внешними событиями. Так и Коврин постепенно отдаляется от окружающего внешнего мира, от близких и дорогих ему людей, замыкаясь в собственных эмоциональных переживаниях, связанных с видением, которое посещает его, – он видит черного монаха, которого сначала воспринимает как странное явление: «Не стараясь объяснить себе странное явление, довольный одним тем, что ему удалось так близко и так ясно видеть не только черную одежду, но даже лицо и глаза монаха, приятно взволнованный, он вернулся домой. В парке и в саду покойно ходили люди, в доме играли, – значит, только он один видел монаха» [Чехов]. При первом столкновении с необъяснимым феноменом он чувствует, что не будет понят окружающими: «Ему сильно хотелось рассказать обо всем Тане и Егору Семенычу, но он сообразил, что они наверное сочтут его слова за бред, и это испугает их; лучше промолчать. Он громко смеялся, пел, танцевал мазурку, ему было весело, и все, гости и Таня, находили, что сегодня у него лицо какое-то особенное, лучезарное, вдохновенное, и что он очень интересен» [Чехов], но эмотивной доминантой приведенного фрагмента является вдохновение, восторг, душевный (и духовный) подъем.

Текстовая эмотивность, анализируемая с позиций моделирования ценностно-смыслового пространства художественного текста, характеризуется реализацией нескольких функций, которые можно группировать по критериям соотношения эмоциональной и рациональной информации в тексте и прагматиче-

ских задач. К первой группе относят дублирующую, компенсирующую и замещающую функцию, ко второй – функцию авторского эмоционального самовыражения, эмоциональной оценки, эмоционального воздействия на адресата. Для реализации авторского замысла в повести «Черный монах» особую важность приобретают только две последние, так как авторская оценка либо его эмоциональное самовыражение не только не эксплицировано, но и намеренно трансформировано Чеховым в персонажной зоне повествования. Также можно с уверенностью утверждать, что и функции совмещения эмоциональной и рациональной информации в анализируемом художественном тексте не получают своей сколько-нибудь значимой реализации, что обуславливается спецификой художественного мира повести «Черный монах».

А.П. Чехов последовательно и скрупулезно воссоздает картину развития психического заболевания, ничего общего не имеющего с осознанием героем своего призвания, и делает это на основании фокусировки Коврина на собственном внутреннем мире, сосредоточенности на своих переживаниях при отказе от каких бы то ни было значимых внешних впечатлений и усилий по сохранению духовного контакта с близкими ему людьми, например: «Он пошел назад к дому веселый и счастливый. То небольшое, что сказал ему черный монах, льстило не самолюбию, а всей душе, всему существу его. Быть избранником, служить вечной правде, стоять в ряду тех, которые на несколько тысяч лет раньше сделают человечество достойным царствия божия, то есть избавят людей от нескольких лишних тысяч лет борьбы, греха и страданий, отдать идею все – молодость, силы, здоровье, быть готовым умереть для общего блага, – какой высокий, какой счастливый удел! У него пронеслось в памяти его прошлое, чистое, целомудренное, полное труда, он вспомнил то, чему учился и чему сам учил других, и решил, что в словах монаха не было преувеличения» [Чехов]. Однако герой, несмотря на всю вдохновляющую силу, которую оказывает на него его психотическое видение, утрачивает отзывчивость и восприимчивость к эмоциям других людей: он все более замыкается на самом себе и собственных эмоциональных переживаниях, что особо заметно в выделенной курсивом последней фразе фрагмента. Желание быть над человечеством, служить не ему, а неким высшим смыслом, священной гармонии – вот то, что приводит Коврина к душевной болезни и неодолимо влечет его к смерти: «В романсе, который пели внизу, говорилось о какой-то девушке, больной воображением, которая слышала ночью в саду таинственные звуки и решила, что это гармония священная, нам, смертным, непонятная... У Коврина захватило дыхание, и сердце сжалось от грусти, и чудесная, сладкая радость, о которой он давно уже забыл, задрожала в его груди» [Чехов].

Очевидно, что ценностно-смысловое пространство текста повести «Черный монах» объективируется в соответствии с авторским замыслом А.П. Чехова комплекс функций эмотивных доминант, в котором наибольшей значимостью обладают эмоциональная оценка и прагматическое воздействие на читателя. Эмоциональные явления трансформируются в эмотивные смыслы – такие компоненты ценностно-смыслового пространства художественного текста, которые могут быть, на первый взгляд, соотнесены с типичными ситуациями. Однако имплицитное содержание эмотивных доминант текста повести «Черный монах» позволяет расширить понимание роли эмотивности в этом художественном тексте – эта категория обнаруживает не только функционально-семантический, но и сюжетно- и текстообразующий характер. Поскольку текстовая эмотивность диалектически включает план выражения и план содержания, возможно утверждать, что она континуальна и дискретна: с одной стороны, она составляет эмотивный компонент прагматики текста, будучи включена в его когнитивное содержание, с другой – она реализуется посредством эмотивных маркеров разноуровневой языковой и текстовой принадлежности, что в единстве определяет эмоциональность ценностно-смыслового пространства художественного текста.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф., Корина Н.Б. Проблемы когнитивной лингвистики. Нитра (Словакия): Изд-во Университета Кирилла и Мефодия, 2011. 216 с.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. Москва: Языки славянской культуры, 2000. 272 с.
- Ветюгова Л.А. Лексические средства выражения и описания эмоций в немецком языке. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/III/uch_2008_III_00035.pdf (дата обращения: 14.09.2023).
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. Москва: Эдиториал УРСС, 2002. 280 с.
- Городникова М.Д. Эмотивные явления в речевой коммуникации. Москва: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца, 1985. 70 с.
- Ионова С.В. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2023. № 1 (22). С. 13–27.
- Пиотровская Л.А. Взаимодействие эмоциональной и рациональной оценки в процессе порождения речи // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей

русского языка: Труды и материалы / сост. М.А. Ремнева, А.А. Поликарпов. Москва: МАКС Пресс, 2007. С. 28–29.

Пиотровская Л.А. Эмоциогенность текста: психологический и лингвистический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2023. № 1 (22). С. 28–38.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. 141 с.

Фокина М.А. Субъектно-речевая организация рассказа Владимира Корнилова «Шишкар» // Вестник Костромского государственного университета. 2022. № 1 (28). С. 157–162.

Чехов А.П. Черный монах. URL: https://royallib.com/read/chehov_anton/cherniy_monah.html#0 (дата обращения: 12.09.2023).

Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.

Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы: (Межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: Перемена, 1998. 148 с.

Kneepkens E.W., Zwaan R.A. Emotions and Literary Text Comprehension. *Poetics*, vol. 23: 1994-1995, pp. 125-138.

References

- Alefirenko N.F., Korina N.B. *Problemy kognitivnoi lingvistiki* [Problems of cognitive linguistics]. Nitra (Slovakia), Universitet Kirilla i Mefodiiia Publ., 2011, 216 p. (In Russ.)
- Arutjunova N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, 896 p. (In Russ.)
- Chekhov A.P. *Chernyi monakh* [Black Monk]. URL: https://royallib.com/read/chehov_anton/cherniy_monah.html#0 (access date: 12.09.2023). (In Russ.)
- Fokina M.A. *Sub"ektno-rechevaya organizatsiya rasskaza Vladimira Kornilova «Shishkar'»* [Subjective-speech organization of Vladimir Kornilov's story "Shishkar"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2022, No. 1 (28), pp. 157-162. (In Russ.)
- Gorodnikova M.D. *Emotivnye iavleniia v rechevoi kommunikatsii* [Emotive phenomena in speech communication]. Moscow, MGPI im. M. Toreza Publ., 1985, 70 p. (In Russ.)
- Ionova S.V. *Emotsional'naya dominanta teksta: nekotorye lingvisticheskie aspekty issledovaniya* [Emotional dominant of the text: some linguistic aspects of the study]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, No. 1 (22), pp. 13-27. (In Russ.)

Piotrovskaia L.A. *Vzaimodeistvie emotsional'noi i ratsional'noi otsenki v protsesse porozhdeniia rechi* [Interaction of emotional and rational assessment in the process of speech's production]. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': III Mezhdunar. kongress issledovatelei russkogo iazyka: Trudy i materialy* [Russian language: historical destinies and modernity: III International Congress of Russian Language Researchers: Proceedings and materials], comp. M.A. Remneva, A.A. Polikarpov. Moscow, MAKS Press Publ., 2007, pp. 28-29. (In Russ.)

Piotrovskaya L.A. *Emotsiogennost' teksta: psikhologicheskii i lingvisticheskii aspekty* [Emotionogenicity of the text: psychological and linguistic aspects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, No. 1 (22), pp. 28-38. (In Russ.)

Teliia V.N. *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 141 p. (In Russ.)

Shakhovskii V.I. *Iazyk i emotsii v aspekte lingvokul'turologii* [Language and emotions in the aspect of linguoculturology]. Volgograd, Peremena Publ., 2009, 170 p. (In Russ.)

Shakhovskii V.I., Sorokin Iu.A., Tomasheva I.V. *Tekst i ego kognitivno-emosivnye metamorfozy: (Mezhkul'tur-*

noe ponimanie i lingvoekologiya) [Text and its cognitive-emosive metamorphoses: (Intercultural understanding and linguoecology)]. Volgograd, Peremena Publ., 1998, 148 p. (In Russ.)

Vezhbitskaia A. *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparing cultures through vocabulary and pragmatics]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2000, 272 p. (In Russ.)

Vetiugova L.A. *Leksicheskie sredstva vyrazheniia i opisaniiia emotsii v nemetskom iazyke* [Lexical means of expressing and describing emotions in German]. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/III/uch_2008_III_00035.pdf (access date: 14.09.2023). (In Russ.)

Vol'f E.M. *Funktsional'naia semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 280 p. (In Russ.)

Kneepkens E.W., Zwaan R.A. Emotions and Literary Text Comprehension. *Poetics*, vol. 23: 1994-1995, pp. 125-138.

Статья поступила в редакцию 23.09.2023; одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 26.11.2023.

The article was submitted 23.09.2023; approved after reviewing 21.11.2023; accepted for publication 26.11.2023.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КРЕОЛИЗАЦИЯ НИГЕРИЙСКИХ КИНОСЦЕНАРНЫХ ТЕКСТОВ

Волошина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Белгород, Россия, tatianavoloshina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8023-3677>

Профатилова Светлана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Белгород, Россия, profatilova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3956-4933>

Костина Дарья Михайловна, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Белгород, Россия, dkostina@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4505-3988>

Луханина Анна Николаевна, Национальный исследовательский университет «Белгородский государственный университет», Белгород, Россия, lukhanina@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7086-8943>

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности киносценарных текстов, являющихся частью такого вида искусства, как кинематография. Научная проблема определяется тенденцией к глобализации всех видов современного искусства, с одной стороны, и необходимостью сохранения культурного наследия, с другой стороны. Целью работы является исследование характерных особенностей нигерийских киносценарных текстов на английском языке, которые подвергаются явлению креолизации, представляющему собой процесс адаптации норм британского английского языка к реалиям местных языков и культур. Нигерийский киносценарий представляет собой креолизованный тип текста, для которого характерны уникальные свойства: наличие детальных инструкций в форме авторских ремарок, представляющих собой расширенную информацию для последующих пошаговых действий режиссера, актеров, монтажеров, художников по гриму и костюмам; двойной процесс креолизации из-за необходимой адаптации к многочисленным местным языкам и культурам. Доказано, что нигерийские киносценарные тексты вследствие процесса креолизации в значительной степени подвержены грамматическим трансформациям. К наиболее продуктивным грамматическим изменениям относятся: последовательное применение существительных и местоимений в рамках одной смысловой группы; симплификация видовременных форм глагола, что проявляется в употреблении простых форм и опущении вспомогательных глаголов в вопросительных и отрицательных предложениях. Высоочастотные грамматические трансформационные процессы в нигерийских киносценарных текстах продиктованы влиянием автохтонных языков и потребностями нигерийцев сохранять наследие местных культур.

Ключевые слова: кинематограф, Нолливуд, нигерийский киносценарный текст, креолизация, автохтонные языки и культуры, грамматические трансформации.

Для цитирования: Волошина Т.Г., Профатилова С.М., Костина Д.М., Луханина А.Н. Лингвокультурологическая креолизация в нигерийских киносценарных текстах // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 139–144. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-139-144>

LANGUAGE AND CULTURAL CREOLISATION IN NIGERIAN SCRIPT TEXTS

Tatiana G. Voloshina, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, National Research University “Belgorod State University”, Belgorod, Russia, tatianavoloshina@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8023-3677>

Svetlana M. Profatlova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, National Research University “Belgorod State University”, Belgorod, Russia, profatlova@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3956-4933>

Dar’ya M. Kostina, Candidate of Philological Sciences, National Research University “Belgorod State University”, Belgorod, Russia, dkostina@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4505-3988>

Anna N. Lukhanina, Candidate of Philological Sciences, National Research University “Belgorod State University”, Belgorod, Russia, lukhanina@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7086-8943>

Abstract. This article deals with the peculiarities of script texts being a part of cinematography – one of modern art form. The scientific problem is determined by the trend towards globalisation of all contemporary art types, on the one hand, and the need to preserve cultural heritage, on the other hand. The aim of the work is to identify the characteristic features of Nigerian English script texts – phenomena created due to creolisation process defined as the process of British English adapting procedure to the realities of local languages and cultures. The Nigerian script text is a creolised type of text with characteristic of unique properties – the presence of detailed instructions in the form of author’s remarks which provide expanded information for subsequent stepwise actions for the director, actors, editors, makeup and costume designers; a double process of creolisation due to the necessary adaptation to numerous local languages and cultures. It is proved that Nigerian script texts, influenced by the process of creolisation, are largely subject to grammatical transformations. The most productive grammatical changes include: the consistent use of nouns and pronouns within the same semantic group; the simplification of the specific verb forms manifested in the use of simple forms and omission of auxiliary verbs in interrogative and negative sentences. High-frequency grammatical transformation processes in Nigerian script texts are explained by the influence of tribal languages and be needs of the Nigerians to preserve the heritage of local cultures.

Keywords: cinematography, Nollywood, Nigerian script texts, creolisation, local languages and cultures, grammar transformations.

For citation: Voloshina T.G., Profatlova S.M., Kostina D.M., Lukhanina A.N. Language and cultural creolisation in Nigerian script texts. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 139–144 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-139-144>

Film industry is considered a modern type of global art. Representing a synthesis of such branches as literature, fine arts, theater, music, cinema is a special art type reflecting national, linguistic, cultural coordinated systems. The increasing interest of researchers in different texts variants led linguists to analyse script texts. It was within the framework of semiotics that the concept of cinema text was proposed. A film text is a staged motion picture. An interesting approach is the idea that, the text of a film can be broadly defined as a completed audiovisual work on the screen, or narrowly as a dialogue between characters. The film analysis needs the complex approach based not only in editing script texts but noting numerous factors of script peculiar features as intonation of characters, pauses, hesitation of heroes. The leading researcher of English-language films S. Kozloff emphasizes the importance of «non-verbal components of the film, considering that acting, shooting features, editing and sound effects are most closely related to the verbal component»¹.

The analysis of cinematographic features in our research work is based on the example of Nigerian Film Corporation, also known as Nollywood. In our work, the linguistic and cultural features of the contemporary

art, cinema, are analyzed on the example of Nigeria, being one of the leading developing cinematography worldwide.

A motion picture as an object of film discourse realization. There are several definitions in relation with the film named «media text», «creolized text», «film text», «film discourse», «cinematic discourse» which are used as synonyms in modern cinematography. A movie is a «media text, it is a message containing information and presented in any form and genre of media (newspaper article, TV show, video clip, film, etc.)» [Ezepue: 5], while media (mass communication media) are «technical means of creation, recording, copying, replication, storage, distribution, perception of information and its exchange between the subject (communicant) and the object (communicator)» [Language and Cultural Peculiarities of Gender Realisation: 539].

The message in the script text is transmitted by means of media texts determining multi aspects to the recipients, the need for technical means for perception, the remoteness of communicants, the reproducibility of the message and others.

Script text is a creolized text type and is perceived by future film viewers through the author’s idea revealed

in the plot which is put into the frame by group work creating special light, art space, editing to the final product. One must stress, «polycode texts are those that are distributed through the media, and, therefore, they are audiovisual and media nature when analyzing it» [Larkin: 118].

Many linguists analyze the verbal component of the film based on the editing record and deal with the written text since the editing record does not take into account prosody [Language and Cultural Education Adaptation in the Multilingual Environment: 183]. This allows the authors to make a comparison between a written type of text and a novel itself, both text types are able to be the ground for future script texts being transformed to the necessary point before turning into a movie [Haynes: 11].

While dealing with written text type the researchers stress that some elements include slang, as well as old-fashioned exclamations and local accent peculiarities preserving cultural heritage [Jedlowski: 441]. It is true to say that it is incorrect to identify a montage recording with a script text since, firstly, there may be several scripts and only one of them turns into a film, while others continue to exist as reference material; secondly, the script contains instructions concerning the meaning of replicas, the actors' acting.

Nollywood as the cinematography in Nigeria. The history of Nollywood development is comparatively young, it is about 20 years, while initially this sphere was based solely on the principle of self-financing, and it is only now that the Nigerian Government has declared its interest in promoting the film industry as a sphere of the national branch of culture. The production of the first Nigerian films dates back to the beginning of the XX century. During this period, the norms of the British English language and British culture had a key influence on the state of the film industry as a whole. Traditional theater productions of the local Yoruba people enjoyed special success, and it combined the unification of traditional art forms: music, ethnic dances, drama. This tradition flourished until the 1980 and provided a platform on representing traditions, costumes and aspirations of the indigenous peoples representing in films.

The technical revolution in the film industry began in the beginning of 1990, it was the time when digital video cameras replaced old-style movie cameras. The Nigerian film industry currently produces more than 2,000 films per year, the company employs more than a million Nigerians, with total sales of 200-300 million US dollars per year. The digitalization of Nigerian cinema has contributed to the rapid development of culture in a developing country like it had never been before [Some Aspects of African Study in the Era of Globalization: 4].

It should be noted that the broadcast of Nollywood films on the state channels began about 13 years ago. It was until 2010 when state TV channels showed

only American or Indian blockbusters. In addition, the development of cinematography contributed to the growth of local population employment while developing tourism industry. The period of the 1990-1995 was marked by the need to represent foreign films and programs aimed at familiarizing with the peculiarities of foreign cultures. It was during this period that there was a preference for importing video products from South America, in particular, the so-called «soap operas» from Mexico which were actively broadcasted.

It should be noted that English has an official status in Nigeria, Nollywood turned to English almost from the very beginning of its development, considering the impressive potential for the distribution of films not only within its own country, but also in English-speaking Africa countries, as well as internationally. Unlike the Bollywood film industry, which is characterized by the mandatory use of the autochthonous Hindi language as a film language, films in English are typical for Nollywood [Soetan: 12]. It should be added that «Nigerian films are particularly popular among English-speaking Africans, for example, in Ghana and Uganda». In addition, the number of African diasporas around the world is more than 169 million Africans, who are able to become a potential huge market customers for Nollywood cinema products. A large diaspora of Nigerians (more than 2.5 million people) lives in the capital of Great Britain – London, they prefer films produced in Nollywood, since such films demonstrate the features of numerous African linguistic cultures in general and the specifics of Nigerian traditions in particular.

Script text as the special text type. Script text presents a certain text type which has been creolized to the new reality. We believe this creolization process lies in adaptation of written text to be another complex textual formation. The new characteristics of the creolized text allow it verbally to make visual, structural, semantic and functional influence on readers by means of complex pragmatic impact. The linguistics of the text makes it possible to research textual categories of the script and to reveals the mechanisms of verbal and paralinguistic means interaction, «it considers the process of decoding verbal and nonverbal information and its interpretation»².

The analysis of creolized texts from the psycholinguistic point of view includes verbal and nonverbal elements, and it is important to say it is creolized several times switching from one culture to another [To the problem of Nigerian English peculiarities: 946]. Since the same mechanisms are used to extract meaning from a creolized text as for a verbal text, a creolized text has the same basic textual categories as a verbal text which is categorized in integrity, coherence, modality, temporal relatedness (prospectus and retrospection).

We agree that the category of modality should be interpreted broadly as a special category including a variety of qualifications types including both subjective (emotional, positive, negative) and objective (logical, intellectual) assessment of the text content. Linguists stress that «in creolized texts, paralinguistic means carry a significant share of modal information. And the category of local identity in creolized texts acquires a complex meaning and is understood as a category reflecting special relations by means of verbal and nonverbal communication types» [Samuel: 62].

Nigerian script text as the reflection of the ethnic and culture identity. Nigerian script text is a special text type which is characterized by key textual characteristics: integrity, coherence, articulateness, informativeness, modality, completeness; such textual categories as local and temporal relatedness (chronotope), anthropocentricity, pragmatic orientation are considered as additional categories [Onikoyi: 248].

The practical part of our research is based on the analysis of the linguistic and cultural specifics of the script text «Arbitration», created by the Nigerian film director Chinaz Onuzo in 2016. The foundation of the script text «Arbitration» is based on the representation of the Nigerian judicial process specific features. The plot of the script develops round a judicial conflict: the director of a well-known company is accused of inappropriate behavior towards a former employee who has been fired and is trying to restore justice. A characteristic feature of both British and Nigerian scripts is the presence of the so-called «slug line» or «fade in» which are mandatory components of scripts that reveal the elements of time and place events in the film. For Nigerian script texts, a specific feature is an impressive amount of detailed description in the form of author's remarks before each episode, for example:

• FADE IN

INT. ANTEROOM – DAY

A common hotel. Afternoon time. No one in the hall. There is nobody to speak to. Not a single person. A WOMAN is just to herself. She is sitting and scanning a document using her ipad. This is OMAWUMI HORSFALL herself. She's gorgeous. Chic. In her middle twenties. Wearing perfect gray trousers suit. Designer glasses and pink purse³.

The example presents the vivid description of a place where the action of script plot takes place. The reader understands in details that the main heroine is a young attractive lady who is perfectly dressed, she's fashionable and is thinking about an important business. The script writer pays special attention to the detailed characteristics of the main character – *she is well dressed, carefully studies the information using a tablet*. So, providing the reader with detailed information, the script writer

prepares the reader to the future events by creating special atmosphere using the context.

• FADE IN

INT. BATHROOM – DAY – MOMENTS LATER

Afternoon. Just a mirror and her face. The face is intelligent. But tired and scared. Scared? Is it really her face? The face of Dara Olugobi. Could it be true that she is searching for something. Something she had never expected before. Hands are trembling. She tries to pull herself together. No use. She's nervous. Furious of not controlling herself she clasps she trembles. Stops. This is what she needs. A nod of cheer. The test. The additional one. The door opens. Dara sees Omawumi enter via the mirror. Turns⁴.

The example is the author's remark which depicts the situation when the character is extremely nervous and can't control her emotions. To make the reader understand the peculiar situation and nervousness of the heroine the script writer purposely uses detailed exaggerations while describing the scene act: firstly, we read the information about the place where the heroine is now (*Afternoon. Just a mirror and her face. The face is intelligent. But tired and scared*), secondly, we understand how nervous she is (*Hands are trembling. She tries to pull herself together. No use. She's nervous*), thirdly, the heroine is able to overcome the nervousness and pulls herself together (*Stops. This is what she needs. A nod of cheer*), finally, she has found the decision (*The test. The additional one*).

Such part of the script text as dialogic communication makes up on average from 50 % to 60 % of the Nigerian script text, the rest is for author's remarks. Dialogues among the characters are close to the real communication of Nigerians in daily life. The part of the script containing dialogic texts corresponds to various language variants typical for Nigerians: the *mesolect* language variant which is a transitional stage between the *acrolect* that corresponds to the norm – British English as much as possible, and the *basilect* variant used by illiterate Nigerians which is characterized by many phonetics, grammar and lexis mistakes.

Dialogues of script texts are based on the language variant *mesolect*, very rare in this part there may be separate inclusions of the language variant *basilect* to demonstrate the specifics of the lower strata of Nigerian society and stress their mistakes in speech.

British English, being the language of Nigerian films and scripts is the subject to the phenomenon of creolisation which we define as the process of adaptation to the realities of local languages and cultures. Creolisation of British English leads to changes at all language levels of the Nigerian English language: phonetic, grammatical, lexical. In our research work we have identified transformational processes characteristic of Nigerian scripts that results in grammatical subsystem

of Nigerian English. The most productive Grammar transformations are:

- the use of a noun and a pronoun within the same semantic syntagma, sequentially following each other:

OMAWUMI: *No need to say anything. You my sister and I obeyed. Mother we put her interest as first⁵.*

The example provides the use of nouns and pronouns directly following each other (*Mother we*) which is incorrect for British English. It should be mentioned, Nigerian English is oriented on local languages grammar rules which have the word order of putting nouns and pronouns in any order. This peculiar feature is especially typical for Hausa, Yoruba and Igbo – the main popular local Nigerian languages.

- simplification of specific verb tenses due to the influence of autochthonous languages:

OMAWUMI: *Of course she understand she do it wrong. Funlayo knows what she did it twice already⁶.*

The tendency of using simple verb tenses of Active and Passive Voice in Nigerian English is explained by the local languages influence. Firstly, Nigerians tend to use simple structures; secondly, it illustrates the necessity of using simple verb forms in dialogues to sound naturally; thirdly it stresses (purposely) the level of Nigerian's illiteracy. One must stress, nearly 30 % of modern Nigerians are still illiterate and make many mistakes in their speech in English. This is the actual problem of Nigeria, as many people don't have the chance to have proper education. High education is extremely expensive for middle class Nigerians, therefore, there are many people who have no high education and don't have the chance to be successful.

It's important to stress that cinematography is a strong power to make influence on people's lives, it reveals serious problems of the society. Nigerian cinematography depicts many social problems Nigeria faces today. The hottest to discuss are corruption, ethnic conflicts, social problems (the most actual of them is education). The variety of Nigerian film genres have been changed according to the actual social needs: if previously Nigerians preferred soap operas, dramas and comedies, now the most popular are those reflecting social inequality – political and psychological dramas. Other important problems revealed in Nigerian cinema today are ecological problems and poverty.

- no rules of sequence of tenses in indirect speech:

GBENGA: *No, I said i will not do that! Never! Do it yourself⁷*

The sequence of tenses rule does not work in Nigerian English dialogic speech as the conversation of close friends shows. Moreover, the example depicts excessive exclamations in the communication. It is true to say, Nigerians are very emotional people, therefore, their speech is full in interjections of all types.

- the omission of auxiliary verbs in the formation of interrogative constructions:

DARA: *You have my back right?⁸*

It is necessary to use the auxiliary verb *will* or to express the request *would* for British English, but in the text of the Nigerian scripts we face the omission of the auxiliary verb which is due to the influence of autochthonous languages: it is not typical for the Hausa, Yoruba and Igbo languages to use auxiliary verbs to form interrogative and negative verb forms.

In conclusion, cinematography is a modern way of art, reflecting main social problems of the society worldwide. Nigerian film industry is an example of popular mass media being able to influence people not only in Nigeria but in many countries abroad due to globalization and nativization processes. Nollywood being famous film industry branch is of great interest for researchers of mixed aspects. In our research work the question of Nigerian cinematography and script text peculiarities was analyzed using aspects of historical, economic, cultural and linguistic elements.

Script text is a text of a semiotic construct, represented by a sequence of sign units united in meaning. This special text type is also an object of linguistic research of structural-semantic, compositional-stylistic and functional-pragmatic unity analysis. Scripts perform a communicative function they can be of written and oral pattern. This text type has the categories of coherence, anthropocentricity, local-temporal relatedness, retrospection, prospectus, informativeness, consistency, integrity. The leading script text category is informativeness. To understand the text, one needs information that is not contained directly, but includes background and other knowledge ground.

The text can contain different types of characters: index, iconic, symbols. A movie is a text too, it is a semiotic system that includes different codes that are in a synergy relationship. In the film, as a semiotic system, different codes are combined, creating a single value that cannot be reduced to the sum of the values of individual codes. One should not contrast text and discourse, but use a discursive approach as more convenient for describing and explaining such a complex phenomenon as the production of modern English-language film industry, scripts in English especially. We consider the film as discourse category which has the properties of integrity, coherence, informativeness, communicative and pragmatic orientation media.

Nigerian cinematography is the reflection of historical, economic, cultural and linguistic aspects. The English language being official language of the country influences much on the development of Nigerian cinematography. To be successful a film needs the perfect ground for future aspects development. We believe this ground is a profound script text as it serves as a necessary building material. Script text is a common text type, but it has its unique peculiar features as this text type is creolized to cinematography needs.

Nigerian screenplays are under the influence of transformational processes which occur contributing the adaptation of the British English language to the realities of local linguistic cultures. The grammatical structure of the Nigerian English script text is the subject to interference processes from autochthonous languages. As a result of such transformational processes in the grammatical subsystem of Nigerian script texts there is a tendency to simplify the grammatical structure.

The most important aspect of modern cinematography is the possibility to make people think. It has the real power to reflect the most actual problems of the society. For Nigerian cinematography the hottest problems to discuss are social and ethnic inequality and corruption.

Примечания

¹ Kozloff S. *Overhearing Film Dialogue*. California: University of California Press, 2000, pp. 332.

² McCall J. *Cultural History*. West Africa, 2018. URL: https://www.academia.edu/37502819/West_African_Cinema (access date: 18.09.2023).

³ Onuzo C. *The Arbitration*. 2016. URL: <https://www.imdb.com/title/tt5811182/> (access date: 22.09.2023).

⁴ Onuzo C. *The Arbitration*. 2016. URL: <https://www.imdb.com/title/tt5811182/> (access date: 22.09.2023).

⁵ Onuzo C. *The Arbitration*. 2016. URL: <https://www.imdb.com/title/tt5811182/> (accessed 22.09.2023).

⁶ Onuzo C. *The Arbitration*. 2016. URL: <https://www.imdb.com/title/tt5811182/> (access date: 22.09.2023).

⁷ Onuzo C. *The Arbitration*. 2016. URL: <https://www.imdb.com/title/tt5811182/> (access date: 22.09.2023).

⁸ Onuzo C. *The Arbitration*. 2016. URL: <https://www.imdb.com/title/tt5811182/> (access date: 22.09.2023).

References

Baghana J., Prokhorova O.N., Voloshina T.G., Raiushkina M.Y., Glebova Y.A. Some Aspects of African Study in the Era of Globalization. *Espacios*, 2018, vol. 38, No. 39, pp. 1-7.

Baghana J., Voloshina T.G., Glebova Y.A., Lazareva Y.V., Nerubenko N.V. Language and Cultural Education Adaptation in the Multilingual Environment. 2023 3rd International Conference on Technology Enhanced

Learning in Higher Education (TELE), 2023, pp. 181-185. <https://doi.org/10.1109/TELE58910.2023.10184337>.

Ezepue E. The New Nollywood: Professionalization or Gentrification of Cultural Industry. *SAGE*, 2020, No. 1, pp. 3-10. <https://doi.org/10.1177/2158244020940994>.

Haynes T. Keeping Up: The Corporatization of Nollywood's Economy and Paradigms for Studying African Screen Media. *Africa Today*, 2018, vol. 64, No. 4, pp. 3-29.

Jedlowski A. Small Screen Cinema: Informality and Remediation in Nollywood. *Television & New Media*, 2012, vol. 13, No. 5, pp. 431-446. <https://doi.org/10.1177/1527476412443089>.

Larkin B. The Grounds of Circulation: Rethinking African Film and Media. *Politique africaine*, 2019, No. 153, pp. 105-126.

Onikoyi B. Irreducible Africanness and Autuer Theory: Situating Tunde Kelani's Politically. *Africology. The Journal of Pan African Studies*, 2016, vol. 10, No 9, pp. 239-256.

Samuel K. Philosophical elements in agidigbo music and their didactic values for promoting effective educational system for Africa. *Journal of Pan African Studies*, 2018, vol. 11, No. 5, pp. 56-74.

Soetan O. The hearthstone: Language, culture, and politics in the films of Tundé Kèlání. *Polymath: An Interdisciplinary Arts and Sciences Journal*, 2019, vol. 8, No. 2, pp. 11-26.

Voloshina T.G., Chekulai I.V., Chebotareva I.M., Fisuniva N.V., Kostina D.M. To the problem of Nigerian English peculiarities. *Proceedings of the 6th International Conference on Applied Linguistics Issues (ALI 2019) July 19-20, 2019*, vol. 10, pp. 766-774.

Voloshina T., Qi W., Novakova Slobodova K., Baghana J., Pavlikova M. Language and Cultural Peculiarities of Gender Realisation. *Journal of Education Culture and Society*, 2022, vol. 2, No. 13, pp. 531-548.

Статья поступила в редакцию 15.09.2023; одобрена после рецензирования 13.11.2023; принята к публикации 14.11.2023.

The article was submitted 15.09.2023; approved after reviewing 13.11.2023; accepted for publication 14.11.2023.

К ВОПРОСУ О ФОРМАЛЬНОЙ АССИМИЛЯЦИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ-АНГЛИЦИЗМОВ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА СИСТЕМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ЕГО НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ

Черкасова Нелли Александровна, кандидат филологических наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия, nili2006@yandex.ru

Аннотация. В условиях всеобщей глобализации происходит массовое проникновение и закрепление англицизмов во всех языках, в том числе и в немецком языке. Исследование этого процесса является актуальным и соответствует современным приоритетным научным направлениям. Одним из аспектов заимствования иноязычного материала языком-рецептором является формальная ассимиляция. Именно она позволяет иноязычному материалу закрепиться в системе заимствующего языка. Однако рассматриваемый нами в качестве языка-рецептора немецкий язык не является моносистемным образованием и включает в себя национальные варианты. Немецкий литературный язык – это потенциальная абстрактная архисистема, которая реализуется в трех направлениях, суверенных системах немецкого языка. Негомогенный характер немецкого языка в значительной степени влияет на результаты формальной ассимиляции заимствованного материала, так как они будут различаться в зависимости от узуса употребления. Колебания в национальных вариантах возникают как на фонетическом, лексическом, грамматическом, словообразовательном уровнях, так и могут проявляться в отношении процессов заимствования и онемечивания иноязычного материала. В данной статье изучаются и описываются отклонения и вариации в результатах формальной ассимиляции существительных-англицизмов в категории рода, функционирующих в национальных вариантах немецкого языка Австрии и Швейцарии в сопоставлении с немецким языком Германии. Приобретение заимствованными единицами родового категориального значения играет важную роль в системе немецкого языка, поскольку принадлежность к определенному грамматическому роду является обязательным, константным показателем части речи «существительное» и предопределяет дальнейшую ассимиляцию заимствованной единицы в языке-рецепторе.

Ключевые слова: существительное-англицизм, формальная ассимиляция, графическая ассимиляция, морфологическая ассимиляция, категория рода, заимствование, язык-рецептор, национальный вариант.

Для цитирования: Черкасова Н.А. К вопросу о формальной ассимиляции существительных-англицизмов в грамматической категории рода системы немецкого языка и его национальных вариантах // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 145–152. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-145-152>

Research Article

ON THE ISSUE OF FORMAL ASSIMILATION OF ANGLICISM NOUNS IN THE GENUS CATEGORY OF THE GERMAN LANGUAGE SYSTEM AND ITS NATIONAL VARIANTS

Nelly A. Cherkasova, Candidate of Philological Sciences, Semyonov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogic University, Lipetsk, Russia, nili2006@yandex.ru

Abstract. In the conditions of general globalisation, there is a massive consolidation of Anglicisms in all languages, including the German language with its national variants. The study of this process is topical and corresponds to modern priority scientific directions. Formal assimilation is an aspect of loaning foreign language material by a receptor language. It is this that allows foreign language material to gain a foothold in the system of the borrowing language. However, the German language we consider to be a receptor language, is not a monosystem formation due to its including of national variants. The German literary language is a potential abstract archsystem realised in three directions, sovereign systems of the German language (the German language of Germany, the Austrian and the Swiss varieties of the German literary language). The nature of the German language greatly influences the results of formal assimilation of borrowed material, since they will vary depending on the usage. Fluctuations in national variants arise both at the phonetic, lexical, grammatical, word-formation level, and can manifest themselves in relation to the processes of borrowing and Germanisation of foreign language material.

This article studies and describes deviations and variations in the results of the formal assimilation of Anglicisms-nouns in the genus category, functioning in the national varieties of the German language of Austria and Switzerland in comparison with the German language of Germany. The acquisition of generic categorical meaning by borrowed units plays an important role in the German language system, since belonging to a certain grammatical gender is a mandatory and constant indicator of the part of speech “noun” and predetermines the further assimilation of the borrowed unit in the receptor language.

Keywords: Anglicism noun, formal assimilation, graphic assimilation, morphological assimilation, gender category, loan words, receptor language, national variant.

For citation: Cherkasova N.A. On the issue of formal assimilation of Anglicism nouns in the genus category of the German language system and its national variants. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 145–152. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-145-152>

Рассматривая немецкий язык в качестве языка-рецептора, необходимо указать, что современный немецкий язык не является единым, моносистемным образованием, он репрезентируется в различных экзистенциальных формах, в том числе и национальных вариантах.

Полицентрический характер немецкого языка нашел свое отражение в работах таких лингвистов, как А.Г. Домашнев, Г.И. Зиброва, К. Viereck, U. Ammon, R. Bürkle и другие.

Немецкое языковое пространство, изучаемое в данной статье, представлено тремя вариантами немецкого языка: стандартным немецким языком или, иными словами, немецким языком Германии, швейцарским вариантом немецкого литературного языка, австрийским вариантом немецкого литературного языка.

Швейцарский вариант немецкого литературного языка – литературно нормированная языковая система, являющаяся средством письменного общения швейцарцев – носителей немецкого языка. В качестве устного средства общения швейцарцами используются диалекты, носителями которых они являются.

Австрийский вариант немецкого литературного языка – литературно нормированная языковая система, являющаяся средством письменного и устного общения австрийцев, в основе диалектного членения здесь лежит южнонемецкий (баварский) диалект.

А.И. Домашнев и другие исследователи национальных вариантов указывают, что основные отличия литературной формы немецкого языка Германии от литературных форм немецкого языка в Австрии и Швейцарии сводятся к дистрибутивным признакам, которые репрезентируются в наличии или отсутствии определенных языковых единиц и грамматических маркеров, не выходящих за рамки норм и правил общеупотребительного немецкого языка [Домашнев: 67].

Следует отметить, что колебания в национальных вариантах возникают как на фонетическом, лексическом, грамматическом, словообразовательном уровнях, так и могут проявляться в отношении процессов заимствования и онемечивания иноязычного материала.

Как указывают исследователи национальных вариантов немецкого языка, отличительной особенно-

стью австрийского и швейцарского узусов является сложившееся после 1945 года соотношение двух тенденций: сохранение австрийской и швейцарской языковых традиций и интернационализация лексики вследствие освоения англоязычного заимствованного материала [Кулешова 2009а: 4].

Специфика данного взаимодействия проявляется в интенсивном использовании новейших англоязычных заимствованных единиц и в использовании традиционных диалектизмов, которые за пределами узусов характеризуются как устаревшие.

Цель представленного исследования заключается в выявлении закономерностей и различий в результатах формальной ассимиляции существительных-англицизмов, функционирующих в немецком языке и его национальных вариантах. В ходе исследования было проанализировано 965 существительных-англицизмов, выбранных методом сплошной выборки из немецкоязычных СМИ Австрии, Швейцарии, Германии („Die Presse“, „Der Standard“, „Kleine Zeitung“, „Die ganze Woche“, „Wiener Zeitung“, „Kronen Zeitung“, „Basler Zeitung“, „Neue Züricher Zeitung“, „Der Bund“, „Blick“, „Berliner Zeitung“) и немецкоязычных словарей („Österreichisches Wörterbuch“, „Duden: Deutsches Universalwörterbuch“, „Schwiizertüütsch. Das Deutsch der Eidgenossen“, „Variantenwörterbuch“).

Актуальность работы обусловлена отсутствием комплексных исследований, изучающих процесс ассимиляции англицизмов-существительных в национальных вариантах немецкого языка в сопоставлении друг с другом.

Следует отметить, приобретение заимствованными единицами родового категориального значения играет важную роль, поскольку принадлежность к определенному грамматическому роду является обязательным и константным показателем части речи «существительное» и предопределяет дальнейшую ассимиляцию заимствованной единицы в языке-рецепторе.

В системе немецкого языка каждое существительное обладает грамматическим родом: мужским (der), средним (das), женским (die). Показателем рода немецкого существительного служит определенный артикль (die/der/das).

Соотнесение существительного с родом, как правило, обусловлено следующими факторами:

- лексическим значением, так как в немецком языке имеется группа существительных, достаточно прочно связанных с определенным родом: дни недели (*der Montag, der Dienstag, der Mittwoch*), погодные явления (*der Schnee, der Regen, der Nebel*), марки автомобилей (*der BMW, der Volkswagen, der Mercedes*);

- морфемной структурой, род определен существительных предопределен суффиксом: *-ung (die) (die Übung, die Erkältung, die Bedienung)*, *-schaft (die) (die Freundschaft, die Gesellschaft, die Wirtschaft)*, *-heit (die) (die Dummheit, die Schönheit, die Torheit)*;

- «естественным» родом (совпадение грамматического рода с полом называемого субъекта): Maskulinum (*der Mann, der Mensch, der Junge, der Bruder, der Vetter, der Opa, der Sohn*), Femininum (*die Frau, die Tochter, die Schwester, die Nichte, die Mutter, die Oma, die Tante*).

Следует указать, что существительные-англицизмы в системе языка-источника не обладают родовым значением, если речь не идет о «естественном» роде.

Соответственно, онемечивание существительных-англицизмов в категории рода осуществляется через соотнесение заимствованной единицы с определенным родом. Приобретение иноязычным материалом родового значения тесно связано с планом выражения или с планом содержания и реализуется посредством:

- морфемного членения заимствованной единицы;
- сходности значения заимствованной единицы и автохтонной единицы языка-рецептора;
- совпадения естественного рода заимствованной единицы с полом обозначаемого им денотата;

- соотнесение заимствованной единицы с родом на основе её лексического значения [Кулешова 2009b: 16].

Морфемное членение предполагает выделение финального сегмента у заимствованной единицы и его соотнесение с суффиксом языка-рецептора, который обладает в принимающем языке определенным родовым значением (табл. 1).

Принцип тождества значения заимствованной единицы со значением автохтонной единицы языка-рецептора реализуется посредством приобретения англицизмом родового значения, характерного для его эквивалента/перевода в языке-рецепторе (табл. 2).

Мотивированность рода у англицизмов, перенимаемых системой немецкого языка, наблюдается при совпадении естественного рода с полом обозначаемого субъекта: *der Boy, der Guy, der Chef, der Clown, der Freak, der Eagle, der Fellow, der Boss, der Bull, der Diskjockey, der Snob, der Sheriff, der Donkey, der Clon, der Coach, der Clerk, der Bull, der Bulldog, der Duke, die Stewardess, die Flappeggramny*.

Принцип соотнесения заимствованной единицы с родом на основе её лексического значения характерен для таких заимствованных единиц, семантика которых входит в рамки тех лексических значений, за которыми в немецком языке закреплено определенное родовое значение: марки автомобилей (*der Jeep, der Range Rover, der Mazda, der Mitsubishi Lancer, der Ford, der Chrysler*), валюта (*der Dollar, der Pfund*), природные явления (*der Snow, der Rain, der Fog*).

Таким образом, приобретение родового значения англоязычными заимствованными существительными в немецком языке происходит в основном по-

Таблица 1

Немецкий суффикс	Английский суффикс	Родовое значение англицизма в немецком языке
-er (der)	-er	<i>der Dealer, der Killer, der Broker, der Manager, der Gamer, der User, der Loser, der Mixer, der Makler, der Dribbler, der Steepler, der Dragster, der Walker, der Beamer, der Hunter, der Spammer, der Browser, der Entertainer, der Fighter, der Scorer</i>
-t(ion) (die)	-t(ion)	<i>die Konstellation, die Eskalation, die Fashion, die Relation, die Communication, die Connection, die Edition</i>

Таблица 2

Англоязычный прототип	Немецкоязычный эквивалент	Англицизм
<i>appeal</i>	<i>der Anreiz</i>	<i>der Appeal</i>
<i>card</i>	<i>die Karte</i>	<i>die Card</i>
<i>cash</i>	<i>das Geld</i>	<i>das Cash</i>
<i>city</i>	<i>die Stadt</i>	<i>die City</i>
<i>coat</i>	<i>der Mantel</i>	<i>der Coat</i>
<i>dress</i>	<i>der Anzug</i>	<i>der Dress</i>
<i>dust</i>	<i>der Staub</i>	<i>der Dust</i>
<i>girl</i>	<i>das Mädchen</i>	<i>das Girl</i>

средством реализации одного из вышеобозначенных принципов.

Однако в ходе исследования были встречены англицизмы, род которых закрепляется произвольно (табл. 3).

Следует подчеркнуть, что в ряде случаев род англицизмов, функционирующих в общенемецком литературном языке, может варьироваться. Колебание проявляется в наличии параллельных родовых значений у одной заимствованной единицы [Кулешова 2009b: 43].

С одной стороны, существование параллельных форм грамматического рода обусловлено незавершенностью ассимиляционного процесса: *der/das Break, das/der Small-Talk, der/die Change, der/das Poster, der/das Set, der/das Filter, der/das Event, der/die Trafik, der/das Hotdog, der/das Top, die/das Tournee, der/das Voucher, der/das Cartoon, der/das Curry, der/das Sims, der/das Stockcar, der/das Spray, das/der Suit-case, der/das Shake, der/das Soccer, der/das Joga, der/das Ketchup, der/das Joghurt, das/der Modem, der/das Kill, der/das Puff*.

С другой стороны, двойные/тройные формы рода у некоторых существительных-англицизмов указывают на различия в значениях. Здесь речь идет уже не о колебаниях грамматического рода у одного и того же англицизма, а о разных словах, имеющих лишь одинаковую графическую репрезентацию: *das Body/der Body (das Body -s, -s - <Leib>*,

Was macht, wenn dein Body zum Body nicht passt; der Body -s, -s - <Anzug>, Steht mir dieser rote Body gut); der/das Crack (der Crack -s, -s - <Spitzensportler, sehr erfolgreicher Sportler>, Er ist ein Crack im Fußball; das Crack -s - <ein synthetisches Rauschmittel>, Die neue Droge aus den USA heite das Crack).

Анализ грамматических особенностей англоязычных заимствованных единиц в австрийском варианте немецкого языка подтверждает мнение о том, что основные расхождения при ассимиляционных процессах в пределах национальных вариантов единого языка-рецептора сводятся не к различиям в инвентаре единиц грамматического уровня, а к расхождениям формального характера.

Онемечивание англицизмов в категории рода в австрийском узусе осуществляется при использовании обозначенных ранее принципов, характерных для всей системы немецкого языка как языка-рецептора (табл. 4).

Однако исследование фактического материала, представленного англоязычными заимствованными единицами, функционирующими в австрийском узусе, позволило выявить ряд отклонений.

В первую очередь речь идет о расхождениях показателей грамматического рода для формально и семантически тождественных существительных-англицизмов, распространенных в австрийском варианте и немецком языке (см.: [sterreichisches Wrterbuch: 283, 311; Duden: 399, 309]) (табл. 5).

Таблица 3

Женский род	<i>die Couch, die Bowle, die Crew, die Bullfinch, die Sloop, die Drug, die County.</i>
Мужской род	<i>der Bond, der Beat, der Bluff, der Boom, der Button, der Share, der Slice, der Slum, der Snack, der Count.</i>
Средний род	<i>das Camp, das Corner, das Core, das Cover, das Zoom, das Open, das Race, das Snooker, das Dock, das Dope, das Empire, das Treasury.</i>

Таблица 4

Принцип соотнос. с суффиксом	<i>Der Trendsetter lste mit seiner neuen Silhouette einen neuen Mnner-Look aus... [Die Presse, 27.10.2018] - der Trendsetter. der flinkste Browser... [Der Standard, 15.12.2018] - der Browser. Ein weiterer Dorn im Auge eines jeden Users ist Spyware... [Kleine Zeitung, 13.10.2018] - der User. Die Autos der ersten Drei verwenden allesamt einen Doppeldiffusor, dessen Legalitt erst am 14. April vom Berufungsgericht der FIA [Der Standard, 15.02.2019] - der Doppeldiffusor.</i>
Принцип тождества значений	<i>...und der E-Com-Tower steht in der Debatte [Die ganze Woche, 16.11.2018] - der Tower - der Turm. Den zweiten Grand-Prix-Sieg seiner Karriere fuhr Button hinter dem Car nach Hause [Kronen Zeitung, 17.11.2018] - der Car - der Wagen. Whrend einiger Jahre wechselte so meine Existenz fast tglich zwischen dem Fahren mit einem Bus und einer Tramway [Wiener Zeitung, 07.11.2018] - die Tramway - die Straenbahn.</i>
Принцип мотивир. рода	<i>Der „neue“ Mann: Vom Macho zum Softie? [Der Standard, 03.03.2019] - der Macho, der Softie. Wie der zustndige Youtube-Manager Patrick Walker am Dienstagabend in einem Blog-Eintrag mitteilte, hat Youtube. de begonnen, Musikvideos fr deutsche Nutzer zu sperren [Der Standard, 03.03.2019] - der Youtube-Manager. Die Liga spricht ber Kobe Bryant, den Superstar der Lakers [Wiener Zeitung, 11.02. 2019] - der Superstar. Der Clubboss Jerry Buss wollte den 29-jhrigen [Wiener Zeitung, 08.02.2009] - der Clubboss. Der Lakers-Topscorer verdient 20 Millionen Dollars [Wiener Zeitung, 08.02.2019] - der Scorer. Der Spieler bentigt lediglich einen Software-Client, welcher sowohl fr PC als auch MAC angeboten werden soll [Die ganze Woche, 09.02.2019] - der Client.</i>
Принцип соотнос. с лекс. значением	<i>Der Honda Accord: Kommen auch Sie mit dem Honda Accord auf die Siegerstrae [Kronen Zeitung, 21.11.2021] - der Honda. Der Dollar senkt [Der Standard, 18.04.2021] - der Dollar.</i>

Таблица 5

Австрийский вариант	Немецкий язык
<i>das Coca-Cola</i>	<i>die Coca-Cola</i>
<i>der Couch</i>	<i>die Couch</i>
<i>die Dress</i>	<i>der Dress</i>
<i>der Gummi</i>	<i>das Gummi</i>
<i>die Holocaust</i>	<i>der Holocaust</i>
<i>das SMS</i>	<i>die SMS</i>
<i>das Struck</i>	<i>der Struck</i>

Таблица 6

Австрийский вариант	Немецкий язык
<i>das/die Cottage</i>	<i>das Cottage</i>
<i>das/der Design</i>	<i>das Design</i>
<i>die Email/das E-Mail</i>	<i>die Email</i>
<i>das/die Entertainment</i>	<i>das Entertainment</i>
<i>die/der/das Joghurt</i>	<i>der/das Joghurt</i>
<i>der/die Provider</i>	<i>der Provider</i>
<i>die/das Shuttle</i>	<i>der/das Shuttle</i>
<i>der Cartoon</i>	<i>der/das Cartoon</i>
<i>die Change</i>	<i>der/die Change</i>
<i>der Check</i>	<i>der/das Check</i>
<i>das Event</i>	<i>der/das Event</i>
<i>der Filter</i>	<i>der/das Filter</i>
<i>das Hotdog</i>	<i>der/das Hotdog</i>
<i>das Joga</i>	<i>der/das Joga</i>
<i>das Ketchup</i>	<i>der/das Ketchup</i>
<i>der Kill</i>	<i>der/das Kill</i>
<i>das Modem</i>	<i>das/der Modem</i>
<i>der Poster</i>	<i>der/das Poster</i>
<i>der Puff</i>	<i>der/das Puff</i>
<i>das Sandwich</i>	<i>das/der Sandwich</i>
<i>der Service</i>	<i>der/das Service</i>
<i>der Shake</i>	<i>der/das Shake</i>
<i>das Sims</i>	<i>der/das Sims</i>
<i>das Small-Talk,</i>	<i>das/der Small-Talk</i>
<i>der Soccer</i>	<i>der/das Soccer</i>
<i>der Stockcar</i>	<i>der/das Stockcar</i>
<i>der Spray</i>	<i>der/das Spray</i>
<i>die Tournee</i>	<i>die/das Tournee</i>
<i>der Top</i>	<i>der/das Top</i>
<i>die Trafik</i>	<i>der/die Trafik</i>
<i>der Twinset</i>	<i>der/das Twinset</i>
<i>der Twist</i>	<i>der/das Twist</i>

В ряде случаев расхождения грамматического рода тождественных заимствованных единиц обусловлено наличием у существительных-англицизмов двух родовых значений в одном из национальных вариантов и распространением всего лишь одного значения в другом (см.: [Österreichisches Wörterbuch: 17, 23, 28, 184, 300; Duden: 22,199, 291]) (табл. 6).

В ходе исследования были выявлены примеры, свидетельствующие о том, что колебания родовых показателей существительных-англицизмов в австрийском узусе обусловлены несовпадением семантических значений формально тождественных заимствованных единиц, распространенных в австрийском варианте и в немецком языке: австрийский вариант (*der Box -(e)s, -e* - <Sportart>); немецкий язык (*die Box -, -en* - <Kasten>).

Таким образом, онемечивание существительных-англицизмов в категории рода в австрийском варианте немецкого литературного языка осуществляется в русле общих принципов и тенденций, характерных для системы языка-рецептора. Некоторые расхождения в результатах адаптационного процесса носят вариативный характер и обусловлены рядом причин: языковым восприятием австрийцев, специализированными значениями англицизмов.

Изучение грамматических характеристик англоязычных заимствованных существительных в швейцарском варианте немецкого литературного языка показало, что онемечивание существительных-англицизмов в категории рода в швейцарском варианте осуществляется при использовании обозначенных ранее принципов, характерных для всей системы языка-рецептора (табл. 7).

Следует отметить, что для существительных-англицизмов в швейцарском узусе характерно варьирование в категории рода, которое во многом обусловлено сходными причинами, что и в австрийском варианте немецкого литературного языка.

Данный факт свидетельствует об однонаправленности ассимиляционных процессов в национальных вариантах языка-рецептора.

Прежде всего, речь идет о варьировании показателей грамматического рода для формально и семантически тождественных существительных-англицизмов, распространенных в швейцарском варианте и в немецком языке (см.: [Schwiizertüütsch: 15-120]) (табл. 8).

Для некоторых существительных-англицизмов в швейцарском узусе характерно наличие параллельных форм грамматического рода, тогда как в немецком языке известна всего лишь одна грамматическая форма или наоборот (см.: [Schwiizertüütsch: 14-120]) (табл. 9).

Итак, онемечивание существительных-англицизмов в категории рода в швейцарском варианте немецкого литературного языка, осуществляясь в русле общих принципов и тенденций, не исключает расхождения в результатах адаптационного процесса, которые обусловлены сходными причинами, что и в австрийском варианте.

Необходимо указать, что сравнительный анализ формально тождественных существительных-англи-

Таблица 7

Принцип соотнос. с суффиксом	<i>Sie gelten als introvertierte Aussenseiter und bewegen sich häufig lieber in fiktiven Welten (Comics, Filme, Videospiele) aus der Sciencefiction (Star Trek, Star Wars, etc.) und der Fantasy (Herr der Ringe o. Ä.) als in der Realität [Der Bund, 01.10.2021] - die Sciencefiction. Diese Positivpunkte konnten die zwei Alternativen nicht bieten, die sich der Citybeach-Promoter auch noch angeschaut hat [Basler Zeitung, 09.03.2021] - der Promoter.</i>
Принцип тождества значений	<i>...kann der Citybeach auf dem Dach des Messe-Parkings Generaldirektor von Tissot... [Basler Zeitung, 17.04.2021] - der Citybeach - der Stadtstrand. Die Baselworld gilt als Schaufenster der ganzen Branche [Basler Zeitung, 17.04.2021] - die Baselworld - die Welt. Wir haben über die Jahre einen eigenen Sound entwickelt [Neue Zürcher Zeitung, 27.03.2021] - der Sound - der Laut. Das Facebook braucht dringend 100 Millionen Dollar [Der Bund, 15.01.2021] - das Facebook - das Buch.</i>
Принцип мотивир. рода	<i>Schwedenhaus der Welt, seinem größten Fan und dessen Beitrag zur modernen schwedischen Architektur [Basler Zeitung, 14.11.2018] - der Fan. Es gibt immer wieder Versuche der Manager, die Fotoauswahl zu beeinflussen [Der Bund, 17.04.2020] - der Manager.</i>
Принцип соотнос. с лекс. значением	<i>Der neue Chrysler for life [Blick, 12.11.2018] - der Chrysler. ...ob der Dollar als internationale Reservewährung nicht abgelöst werden sollte durch eine neue Reserveeinheit [Berner Zeitung, 10.12.2018] - der Dollar.</i>

Таблица 8

Швейцарский вариант	Немецкий язык
<i>das Bikini</i>	<i>der Bikini</i>
<i>das Cola</i>	<i>die Cola</i>
<i>der Couch</i>	<i>die Couch</i>
<i>das E-mail</i>	<i>die E-mail (Email)</i>
<i>der Fax</i>	<i>das Fax</i>
<i>der Match</i>	<i>das Match</i>
<i>das Rallye</i>	<i>die Rallye</i>
<i>das SMS</i>	<i>die SMS</i>
<i>das Tea-Room</i>	<i>der Tearoom</i>
<i>das Tram</i>	<i>die Tram</i>

Таблица 10

Англицизм	Немецкий язык	Австрийский вариант	Швейцарский вариант
<i>Bikini</i>	<i>der</i>	<i>der</i>	<i>das</i>
<i>Couch</i>	<i>die</i>	<i>die</i>	<i>der</i>
<i>Fax</i>	<i>das</i>	<i>das</i>	<i>der</i>
<i>Foto</i>	<i>das</i>	<i>das</i>	<i>die/das</i>
<i>Match</i>	<i>das</i>	<i>das</i>	<i>der</i>
<i>Rallye</i>	<i>die</i>	<i>die</i>	<i>das</i>
<i>Taxi</i>	<i>das</i>	<i>das</i>	<i>der/das</i>
<i>Tea-Room</i>	<i>der</i>	<i>der</i>	<i>das</i>
<i>Top</i>	<i>der/das</i>	<i>der</i>	<i>die</i>
<i>Tram</i>	<i>die</i>	<i>die</i>	<i>das</i>

Таблица 9

Швейцарский вариант	Немецкий язык
<i>die/der Cup</i>	<i>der Cup</i>
<i>das/ der Design</i>	<i>das Design</i>
<i>der/das Dress</i>	<i>der Dress</i>
<i>der/das Film</i>	<i>der Film</i>
<i>die/das Foto</i>	<i>das Foto</i>
<i>das/der Taxi</i>	<i>das Taxi</i>
<i>der/das Jazz</i>	<i>der Jazz</i>
<i>das Break</i>	<i>der/das Break</i>
<i>der Curry</i>	<i>der/das Curry</i>
<i>das Event</i>	<i>der /das Event</i>
<i>der Kill</i>	<i>der/das Kill</i>
<i>der Poster</i>	<i>der/das Poster</i>
<i>das Puff</i>	<i>der/das Puff</i>
<i>das Sandwich</i>	<i>der/das Sandwich</i>
<i>das Service</i>	<i>der/das Service</i>
<i>der Set</i>	<i>der/das Set</i>
<i>der Soccer</i>	<i>der/das Soccer</i>
<i>der Spray</i>	<i>der/das Spray</i>
<i>das Suitcase</i>	<i>das/der Suitcase</i>
<i>die Top</i>	<i>der/das Top</i>

Таблица 11

Англицизм	Немецкий язык	Австрийский вариант	Швейцарский вариант
<i>Break</i>	<i>der/das</i>	<i>das</i>	<i>das</i>
<i>Cartoon</i>	<i>der/das</i>	<i>der</i>	<i>der</i>
<i>Coca-Cola</i>	<i>die</i>	<i>das</i>	<i>das/die</i>
<i>Curry</i>	<i>der/das</i>	<i>der</i>	<i>der</i>
<i>Design</i>	<i>das</i>	<i>der/das</i>	<i>der/das</i>
<i>Dress</i>	<i>der</i>	<i>die</i>	<i>der/das</i>
<i>Event</i>	<i>der/das</i>	<i>das</i>	<i>das</i>
<i>Foto</i>	<i>das</i>	<i>das</i>	<i>die/das</i>
<i>Joghurt</i>	<i>der/das</i>	<i>der/das/die</i>	<i>das</i>
<i>Kill</i>	<i>der/das</i>	<i>der</i>	<i>der</i>
<i>Modem</i>	<i>der/das</i>	<i>das</i>	<i>das</i>
<i>Poster</i>	<i>der/das</i>	<i>der</i>	<i>der</i>
<i>Sandwich</i>	<i>der/das</i>	<i>das</i>	<i>das</i>
<i>Service</i>	<i>der/das</i>	<i>der</i>	<i>das</i>
<i>Set</i>	<i>der/das</i>	<i>der</i>	<i>der</i>
<i>Soccer</i>	<i>der/das</i>	<i>der</i>	<i>der</i>
<i>Spray</i>	<i>der/das</i>	<i>der</i>	<i>der</i>
<i>Taxi</i>	<i>das</i>	<i>das</i>	<i>der/das</i>
<i>Top</i>	<i>der/das</i>	<i>der</i>	<i>die</i>
<i>Twist</i>	<i>der/das</i>	<i>der</i>	<i>der/das</i>

цизмов, функционирующих в трех национальных вариантах языка-рецептора, позволяет констатировать следующее:

– расхождения в грамматических характеристиках рода существительных-англицизмов в швейцарском варианте немецкого языка, по сравнению с немецким языком, носят более выраженный характер, чем у существительных-англицизмов в австрийском варианте немецкого языка (см.: [Österreichisches Wörterbuch: 10-300; Duden: 20-291; Schwiizertüütsch: 14-120]) (табл. 10).

– параллельное существование нескольких родовых значений у существительного-англицизма в пределах одного национального варианта превалирует в немецком языке, в швейцарском и австрийском вариантах данная тенденция носит умеренный характер (см.: [Österreichisches Wörterbuch: 10-300; Duden: 20-291; Schwiizertüütsch: 14-120; Variantenwörterbuch: 21-500]) (табл. 11).

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Онемечивание существительных-англицизмов в категории рода системы немецкого языка осуществляется через соотнесение заимствованной единицы с определенным родом. Приобретение иноязычным материалом родового значения тесно связано с планом выражения или с планом содержания.

2. Род существительных-англицизмов, функционирующих в общенемецком литературном языке, может варьироваться. Колебание проявляется в наличии параллельных родовых значений у одной заимствованной единицы.

3. Расхождение грамматического рода тождественных заимствованных единиц обусловлено наличием у существительных-англицизмов двух родовых значений в одном из национальных вариантов и распространением всего лишь одного значения в другом.

4. Расхождения в грамматических характеристиках рода существительных-англицизмов в швейцарском варианте немецкого языка носят более выраженный характер, чем у существительных-англицизмов в австрийском варианте немецкого языка.

5. Параллельное существование нескольких родовых значений у существительного-англицизма в пределах одного национального варианта превалирует в немецком языке Германии, в швейцарском и австрийском вариантах данная тенденция носит умеренный характер.

Таким образом, механизм освоения существительных-англицизмов в национальных вариантах немецкого языка в категории рода осуществляется в русле общих тенденций и закономерностей, характерных для системы языка-рецептора. Выявленные расхождения и колебания в родовых значениях некоторых англицизмов носят вариативный характер.

Список литературы

Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Санкт-Петербург: Наука, 2021. 231 с.

Жарёнова Н.В. Вокалическая система швейцарского варианта немецкого языка: Экспериментально-фонетическое исследование: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2004. 217 с.

Кулешова Н.А. Морфологическая и словообразовательная ассимиляция англоязычных заимствованных единиц в национальных вариантах немецкого языка (на материале прессы Германии, Австрии, Швейцарии): автореф. ... дис. канд. филол. наук. Москва, 2009а. 25 с.

Кулешова Н.А. Морфологическая и словообразовательная ассимиляция англоязычных заимствованных единиц в национальных вариантах немецкого языка (на материале прессы Германии, Австрии, Швейцарии): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009б. 227 с.

Ammon U. Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten. Berlin, Walter de Gruyter, 2015, 575 S.

Basler Zeitung. URL: www.baslerzeitung.com (access date: 14.11.2018; 09.03.2021; 17.04.2021).

Berner Zeitung. URL: www.bernerzeitung.com (access date: 10.12.2018).

Blick. URL: www.derblick.com (access date: 12.11.2018).

Der Bund. URL: www.derbund.com (access date: 17.04.2020, 15.01.2021, 01.10.2021).

Der Standard. URL: www.derstandard.com (access date: 15.12.2018; 15.02.2019; 03.03.2019; 18.04.2021).

Die ganze Woche. URL: www.dieganzewoche.com (access date: 16.11.2018, 09.02.2019).

Die Presse. URL: www.diepresse.com (access date: 27.10.2018).

Drews J. Auf dem Weg zum Deutsch. Wieviel Angloamerikanisch verträgt die deutsche Sprache? Sprache in Not? Zur Lage des heutigen Deutsch. Göttingen, 1999, S. 15-33.

Duden: Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim, Dudenverlag, 2021, 1892 S.

Kleine Zeitung. URL: www.kleinenzeitung.com (access date: 13.10.2018).

Kronen Zeitung. URL: www.kronenzeitung.com (дата обращения: 17.11.2018, 21.11.2021).

Neue Züricher Zeitung. URL: www.neuzuericherzeitung.com (access date: 27.03.2021).

Österreichisches Wörterbuch. Wien, 2020, 837 S.

Schwiizertüütsch. Das Deutsch der Eidgenossen. Zürich, Reise Know-How Verlag, 2020, 128 S.

Variante Wörterbuch des Deutschen. Berlin, Walter de Gruyter, 2021, 954 S.

Wiener Zeitung. URL: www.wienerzeitung.com (access date: 07.11.2018; 08.02.2019; 11.02.2019).

References

- Domashnev A.I. *Sovremennyy nemeckij jazyk v ego nacional'nyh variantah* [Modern German in its national variants]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2021, 231 p. (In Russ.)
- Kuleshova N.A. *Morfologicheskaja i slovoobrasovatel'naja assimiljacija anglojasychnyh zaimstvovannyh edinic v nacionalnyh varisntach nemeckogo jazyka*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Morphological and word-formation assimilation of English borrowed units in national varieties of the German language (based on the press material of Germany, Austria, Switzerland): PhD thesis, summary]. Moscow, 2009, 25 p. (In Russ.)
- Kuleshova N.A. *Morfologicheskaja i slovoobrasovatel'naja assimiljacija anglojasychnyh zaimstvovannyh edinic v nacionalnyh varisntach nemeckogo jazyka*: dis. ... kand. filol. nauk [Morphological and word-formation assimilation of English borrowed units in national varieties of the German language (based on the press of Germany, Austria, Switzerland): PhD thesis]. Moscow, 2009, 227 p. (In Russ.)
- Zharenova N.W. *Vokalicheskaja sistema shvejcarskogo varianta nemeckogo jazyka: Jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie*: dis. ... kand. filol. nauk. [Vocal system of the Swiss variant of the German language (Experimental phonetic research): PhD thesis]. Nizhnij Novgorod, 2004, 217 p. (In Russ.)
- Ammon U. *Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten*. Berlin, Walter de Gruyter Publ., 2015, 575 S.
- Basler Zeitung. URL: www.baslerzeitung.com (access date: 14.11.2018; 09.03.2021; 17.04.2021).
- Berner Zeitung. URL: www.bernerzeitung.com (access date: 10.12.2018).
- Blick. URL: www.derblick.com (access date: 12.11.2018).
- Der Bund. URL: www.derbund.com (access date: 17.04.2020, 15.01.2021, 01.10.2021).
- Der Standard. URL: www.derstandard.com (access date: 15.12.2018; 15.02.2019; 03.03.2019; 18.04.2021).
- Die ganze Woche. URL: www.dieganzewoche.com (access date: 16.11.2018, 09.02.2019).
- Die Presse. URL: www.diepresse.com (access date: 27.10.2018).
- Drews J. *Auf dem Weg zum Deutsch. Wieviel Angloamerikanisch verträgt die deutsche Sprache? Sprache in Not? Zur Lage des heutigen Deutsch*. Göttingen, 1999, S. 15-33.
- Duden: Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim, Dudenverlag Publ., 2021, 1892 S.
- Kleine Zeitung. URL: www.kleinenzeitung.com (access date: 13.10.2018).
- Kronen Zeitung. URL: www.kronenzeitung.com (дата обращения: 17.11.2018, 21.11.2021).
- Neue Züricher Zeitung. URL: www.neuezuercherzeitung.com (access date: 27.03.2021).
- Österreichisches Wörterbuch. Wien, 2020, 837 S.
- Schwiizertüütsch. *Das Deutsch der Eidgenossen*. Zürich, Reise Know-How Verlag Publ., 2020, 128 S.
- Variante Wörterbuch des Deutschen. Berlin, Walter de Gruyter Publ., 2021, 954 S.
- Wiener Zeitung. URL: www.wienerzeitung.com (access date: 07.11.2018; 08.02.2019; 11.02.2019).
- Статья поступила в редакцию 15.09.2023; одобрена после рецензирования 06.11.2023; принята к публикации 07.11.2023.*
- The article was submitted 15.09.2023; approved after reviewing 06.11.2023; accepted for publication 07.11.2023.*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ ПАТОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО (ТРАВМАТИЧЕСКОГО) ФАКТОРА СТРЕССА

Жабин Дмитрий Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, dmitry.zhabin@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5528-2699>

Иванова Валентина Юрьевна, кандидат филологических наук, Московская международная академия, Москва, Россия, vivanova@list.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4256-4886>

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты психолингвистического исследования устной спонтанной речи в условиях патофизиологического травматического фактора стресса. Травматический стресс представляет собой острую реакцию организма, вызванную патофизиологическим фактором, которая оказывает влияние на психоэмоциональную сферу человека и характеризуется изменениями моделей поведения, в том числе речевого. Целью исследования является аудитивный анализ звучащей речи, наглядно доказывающий изменения формальных признаков речи на уровне темпа, ритма и ошибок в условиях эмоциональной напряженности говорящего. Предметом исследования являются формальные признаки звучащей речи пациентов, получивших травмы различного генеза и находящихся в естественных условиях патофизиологического острого стресса. Системный характер анализа речи основан на междисциплинарном подходе и включает определения психологической типологизации личности и психического статуса каждого испытуемого в момент осмотра с целью диагностики состояния эмоциональной напряженности. Темпо-ритмический анализ позволяет оценить психоэмоциональное состояние говорящих и может быть использован в практике диагностики и предупреждения стрессового расстройства, а также дальнейшего планирования лечения пациентов с учетом их психического статуса.

Ключевые слова: психолингвистический анализ, аудитивный анализ, эмоциональная напряженность, психический статус личности, формальные признаки речи

Для цитирования: Жабин Д.В., Иванова В.Ю. Психолингвистический анализ звучащей речи в условиях патофизиологического (травматического) фактора стресса // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 153–159. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-153-159>

Research Article

PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF SPEECH PROCESSING UNDER PATHOPHYSIOLOGICAL (TRAUMATIC) STRESS FACTOR

Dmitry V. Zhabin, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Voronezh State University, Voronezh, Russia, dmitry.zhabin@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-5528-2699>

Valentina Ju. Ivanova, Candidate of Philological Sciences, Moscow International Academy, Moscow, Russia, vivanova@list.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4256-4886>

Abstract. The article presents the analysis results of spontaneous speech under pathophysiological traumatic stress factor. Traumatic stress is an acute reaction to pathophysiological factor affecting the psychoemotional sphere and characterised by changes in behaviour patterns including speech. The purpose of this study is the auditory analysis of speech, which demonstrates changes of formal characteristics at the tempo level, rhythm and mistakes under emotional intensity. The subject of the study is the formal speech characteristics of patients with various injuries under natural conditions of pathophysiological acute stress. Systemic principles of the speech analysis are based on an interdisciplinary approach and includes determination of the personality psychological type and the mental status of each subject at the time of patient examination to diagnose the state of emotional intensity. Interdisciplinary psycholinguistic analysis allows assessing emotional and psychophysiological state of patients and is a basis for psychocorrectional work with patients in a state of pathophysiological stress and for treatment taking into account their mental status.

Keywords: psycholinguistic analysis, auditory analysis, traumatic stress, pathophysiological stress, emotional intensity, personality accentuation, mental status, formal speech characteristics.

For citation: Zhabin D.V., Ivanova V.Yu. Psycholinguistic analysis of speech processing under pathophysiological (traumatic) stress factor. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 153–159 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-153-159>

Современные исследования звучащей речи приобретают особое значение в лингвистике. Актуальность объясняется недостаточной разработкой системных методов в междисциплинарном синтезе наук. Практический интерес для ученых в области психолингвистики представляют экспериментальные исследования, направленные на определение единиц, которые принимают участие в процессах производства и восприятия речи, а также функций этих единиц в передаче смысловой оценочной информации. Методы психолингвистического эксперимента приобретают приоритетное значение наряду с традиционным лингвистическим анализом звучащей речи.

Исследование формальных параметров звучащей речи на темпо-ритмическом уровне позволяет определить функциональную нагрузку психолингвистических единиц. Ранее проведенные исследования свидетельствуют о том, что наиболее наглядно эти изменения фиксируются при анализе речи говорящего в ситуации эмоциональной напряженности. При этом индикаторами эмоциональной напряженности служат формальные параметры звучащей речи на уровне темпа, ритма, ошибок и говорок [Наенко, Носенко, Жабин].

Для начала рассмотрим термины «эмоциональная напряженность» и «стресс». Нам они представляются как тождественные, так как содержат в своей основе компонент «напряжения». Однако в настоящее время не сложилось единой терминологии в отношении понятий, которые могут служить для обозначения состояний, дифференцируемых как «эмоциональное напряжение», «эмоциональная напряженность», «тревожные состояния» или «психическая напряженность». По всей вероятности, это объясняется, в частности, трудностью разграничения состояний эмоциональной напряженности и напряженности, вызванной неэмоциональными факторами. Значимость эмоционального компонента находится в прямой зависимости от степени эмоционального воздействия на индивида. Внешние факторы воздействия сами по себе всегда нейтральны, они приобретают или не приобретают эмоциональное значение только в сфере восприятия субъекта [Носенко: 48, 87]. Эмоциональная напряженность обычно вызвана состоянием фрустрации и характеризуется возбуждением кортикальных структур. В зарубежной науке для обозначения состояния, аналогичного эмоциональной напряженности, используют два термина: тревожное состояние и эмоциональный стресс, под которыми понимают неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование. Такая тер-

минология обычно служит для обозначения состояний человека, возникающих в ответ на разнообразные экстремальные воздействия, то есть стрессоры. Стрессоры могут быть (пато)физиологические (высокая или низкая температура, чрезмерная физическая нагрузка, болевые ощущения, в том числе патофизиологического генеза) и психологические (факторы, сигнализирующие об опасности, радости, горе, страхе и т. д.) [Селье]. Ответные реакции в условиях любого психологического стресса зависят не только от условий, в которых находится субъект, но и эмоционального восприятия значимости ситуации, а также характеристики психического статуса индивида. В результате физиологического стресса происходит нарушение гомеостаза (например, последствия травмы, ожога). Если при физиологическом стрессе реакции являются наиболее стереотипными, то при психологическом стрессе эти реакции в большинстве своем индивидуальны, часто противоположны и непредсказуемы. Так, на внешнюю угрозу один индивид реагирует гневом, другой – страхом и т. п. Таким образом, под стрессом понимается любое внешнее воздействие на субъект, которое вызывает изменения целого ряда эмоций и ведет к сокращению оперативных возможностей. Внешние признаки стресса обусловлены, как правило, степенью эмоциональной напряженности, видом и фактором стресса, типом психического статуса личности, окружающей средой и т. д. В психологической практике выделяют следующие общие признаки эмоциональной напряженности психофизиологического характера: возбуждение, тревога, изменения в моделях поведения, речи (ускоренная/замедленная); возникновение чувства усталости; соматоформные расстройства (голова, спина, суставы, органы ЖКТ); в эмоциональной сфере – невозможность сфокусировать внимание; ухудшение памяти; частые ошибки в работе; потеря чувства юмора; пристрастие к алкогольным напиткам; потеря аппетита. Модели поведения человека, в том числе и речевые, в результате посттравматических расстройств различного генеза привлекают сегодня внимание различных ученых в контексте междисциплинарного подхода. Проблемы адаптации личности в посттравматический период представляют собой актуальный предмет исследований не только для врачей специального профиля (неврологов, психиатров, психологов), но и психолингвистов.

В фокусе нашего внимания находятся формальные признаки речи, которые представляют собой маркеры эмоциональной напряженности. Средства для передачи напряженности существуют на каж-

дом уровне языка (лексическом, грамматическом, фонетическом). С точки зрения психолингвистики, исследования звучащей речи в естественном состоянии эмоциональной напряженности демонстрируют некоторые «помехи» в речемыслительной деятельности. Сбои проявляются в увеличении количества и протяженности пауз, поисковых слов и слов-паразитов, семантически нерелевантных повторах и некомуникативных жестах, сопровождающих речь, которые часто не осознаются говорящим. В условиях эмоционального стресса снижается словарное разнообразие речи, возникают сложности в производстве речевых конструкций, требующих сознательного контроля. Это выражается в увеличении количества синтаксически и логически незавершенных фраз и возрастании количества неконтролируемых и некорректируемых ошибок. Названные помехи в речевом потоке приводят к резким колебаниям общего темпа речи и, как следствие, вызывают колебания частоты основного тона [Носенко, Жабин].

При восприятии устной речи первостепенное значение получают фонетические параметры: темп, ритм, паузы, ошибки (оговорки), изменяется сила голоса, высота и тембр в сравнении с речью в относительно спокойном состоянии. Среди перечисленных терминов особое внимание в рамках психолингвистического анализа стоит обратить, на наш взгляд, на темпо-ритмические характеристики – паузацию, ошибки-оговорки – как индикаторы эмоциональной напряженности речи.

Под темпом понимается скорость протекания речи во времени (количество слогов в минуту). Он может быть быстрым, медленным и прерывистым. Темп речи неразрывно связан с интонацией и играет важную роль в выделении семантически важных отрезков [ЛЭС: 508].

Последовательное чередование ускорения и замедления темпа речи, напряжения и ослабления, долготы и краткости, подобного и различного в воспроизведении речи, согласно О.С. Ахмановой, образует ритм [Ахманова: 388]. Несмотря на то, что этот термин часто употребляется в целом ряде наук, точного определения «ритма» в науке до сих пор нет. Для нас представляет интерес психолингвистическая трактовка этого понятия. Недостаточная изученность феномена речевого ритма, по мнению Л.В. Величковой, объясняется сравнительно недавно возникшим интересом исследователей к звучащей речи. Важно отметить, что в звучащей спонтанной речи периодически повторяются некоторые ритмические структуры. Предположительно это зависит от типа синтаксических структур и жанра высказывания. Таким образом, мы имеем четко определенный набор ритмических структур, которые могут быть реализованы различными комбинациями синтаксических единиц [Велич-

кова: 40]. В этой связи логично рассмотреть понятие ритмической группы. Так, более слабые (безударные) элементы в потоке речи группируются вокруг сильных (ударных) и формируют ритмическую группу. Эти группы друг от друга разделяются паузами или мелодическими признаками [Stock: 107]. С точки зрения психолингвистического понимания ритмических групп выделение этих единиц происходит интуитивно, на уровне восприятия. Однако стоит отметить, что этот феномен исследуется также с фонетико-физиологической и лингвистической точек зрения [Stock: 26].

Неотъемлемой составляющей спонтанной устной речи являются ошибки-оговорки – явление, при котором говорящий заменяет нужное слово ошибочным или наоборот. В методике наших исследований мы предлагаем следующие трактовки разновидностей ошибок-оговорок: 1) фальш-старт – неправильное или некорректное начало фразы с последующей автокоррекцией, обусловленное, вероятнее всего, определенным уровнем психоэмоционального состояния говорящего; 2) фальш-повтор – повторение части фразы в звучащей речи без последующей автокоррекции. Так же как и заикание, фальш-повтор влечет за собой нарушение темпо-ритмической организации речи. Однако отличается от заикания тем, что не является клиникой невроза и/или заболеванием центральной нервной системы [Жабин]. Ошибки-оговорки в целом свидетельствуют о некотором ослаблении говорящим контроля над речемыслительной деятельностью, в результате которого определенный этап лексического отбора выносится в устную речь в незавершенном виде. Это явление наблюдается достаточно часто и представляет, скорее, закономерные и естественные издержки работы речевой деятельности. Именно такие сбои помогают в исследовании физиологии и психологии речи.

Таким образом, интерес для нас представляют формальные признаки речи говорящего в состоянии стресса как индикаторы эмоциональной напряженности. Темпо-ритмический анализ звучащей речи возможен в рамках проведения экспериментального исследования в естественных условиях с учетом психического статуса личности, ее характерологических особенностей и поведенческих моделей посттравматического реагирования.

Целью нашего исследования является психолингвистический анализ формальных параметров звучащей спонтанной речи в условиях острого патофизиологического травматического фактора стресса на уровне темпа, ритма, ошибок-оговорок. При этом сложность представляет собой не только организация и проведение эксперимента в естественных условиях, но и механизм описания результатов. Травматический стресс является наглядным примером ярко

выраженной острой реакции организма, вызванной патофизиологическим фактором. Очевидно, что эта реакция сопровождается определенными изменениями в организме человека, так как физическая травма является событием высокой интенсивности и оказывает непосредственное влияние на психоэмоциональную сферу человека.

Предметом исследования являются формальные признаки звучащей речи пациентов, находящихся в условиях патофизиологического острого стресса.

Объектом исследования, соответственно, послужили аудиозаписи речи пациентов, обратившихся к врачу с жалобами на травмы различного генеза (переломы, ушибы, колотые и резаные раны и т. д.). Чистота эксперимента заключалась в естественных условиях проведения (получение разрешения на осуществление аудиозаписи у пациентов, обстоятельства места и времени проведения приема пациентов). Всего было сделано 40 аудиозаписей, общее время звучания составило 170 минут. Корпус материала исследования составили 36 аудиозаписей (150 минут). 4 испытуемых в состоянии острого стресса были немногословны, речь носила ответный характер (реакции типа «да/нет») и возможности для психолингвистического анализа отсутствовали. Особую сложность в практическом исследовании представляли собой условия проведения эксперимента. Нам не удалось транскрибировать и проанализировать все речевые группы в репликах пациентов. В первую очередь это обусловлено техническими факторами. Аудиозаписи производились в естественных условиях стационара и сопровождались посторонними шумовыми помехами (посторонние голоса, эхо в помещении, отдаленность точки аудиорегистратора и т. д.), которые не позволяли ясно слышать речь испытуемого при прослушивании.

Для определения характеристик речи говорящего в рамках психологической типологизации личности мы используем принятую в общей психологической практике классификацию акцентуации личности К. Леонгарда. Под акцентуацией личности понимается чрезмерная выраженность отдельных черт характера и их сочетаний, представляющих собой крайние варианты нормы [Леонгард]. Выбранная нами классификация позволяет провести анализ психических доминант личности и делает возможным более подробный психолингвистический анализ речи с целью идентификации эмоционального состояния говорящего. Кроме того, по разработанной ранее схеме мы проанализировали психический статус каждого испытуемого в момент осмотра с целью определения состояния эмоциональной напряженности (более подробно см.: [Жабин]).

В ходе эксперимента нами были получены аудиозаписи бесед пациентов на приеме у врача-травма-

толога, составлены описания психического статуса пациентов, определены акцентуации пациентов, подготовлены транскрипты. Согласно механизму анализа формальных параметров речи в полученных текстах нами были проанализированы изменения темпа, ритма, позиции ударного, а также ошибки и оговорки в каждой ритмической группе. Анализ формальных признаков речи испытуемых проводился для каждого отдельного типа психической акцентуаций личности на темпо-ритмическом уровне: в конфигурации частотных ритмических групп (PГf) фиксировались ритмические параметры речи (протяженность ритмической группы в слогах и место ударного в ней); характеристики темпа речи отражались в количестве слогов в минуту (Т слог/мин); ошибки-оговорки регистрировались и описывались на всем массиве материала (количество фальш-стартов (FP), фальш-повторов (FR) и повторов (R). На данном этапе фиксировались также паузы хезитации с вокальным (v) и консонантным (k) наполнением.

Общий объем звучащего материала в ритмических группах составил 1982 PГ, 11674 слога, продолжительностью 150 мин. Измерение формальных показателей речи производилось по следующим параметрам: темп речи измерялся путем деления общего количества слогов в реплике на время ее звучания по каждому испытуемому; частотные PГ; сбои (ошибки-оговорки) регистрировались на всем массиве материала.

Аудитивный анализ речевого материала позволил нам сделать ряд практически значимых выводов.

Средний темп речи всех испытуемых составляет 108 слог/мин. Ударный слог имеет тенденцию к расположению в середине и конце речевой группы. У представителей тревожного типа акцентуации были зарегистрированы наиболее высокие показатели темпа речи (167 слог/мин), которые, по нашему мнению, свидетельствуют о стремлении как можно скорее «вытеснить» травматическое событие и получить помощь. У пациентов возбудимого и гипертимного типов акцентуации мы зафиксировали наиболее низкие показатели темпа речи. В норме поведение представителей возбудимого типа акцентуации характеризуется робостью, низкой контактностью и неуверенностью в себе. На наш взгляд, это подтверждается низкими показателями темпа речи. Гипертимный тип личности, напротив, отличает активная подвижность и коммуникабельность. В этом случае низкий темп речи, по нашему мнению, может свидетельствовать об эмоциональной напряженности в результате психологического ступора, обусловленного состоянием фрустрации в ситуации острого стресса.

Увеличение количества речевых сбоев (повторов, фальш-стартов и пауз-хезитаций) в состоянии эмоциональной напряженности характерно для всех пред-

Таблица 1

Результаты темпо-ритмических характеристик речи испытуемых с гипертимным типом акцентуации в состоянии эмоциональной напряженности

Формальный признак	Индикатор эмоциональной напряженности	
Количество реплик в рамках данной акцентуации	585	
PGf : количество слогов : ударность	2:2	
	4:2	
	4:3	
T слог/мин	82	
Место ударного слога (средний показатель)	4:3 --*--	
Ошибки-оговорки	фальш-старты (FP)	8
	фальш-повторы (FR)	17
	повторы (R)	17
	паузы хезитации (v)	25
	паузы хезитации (k)	3

Пример транскрипта речи испытуемого с гипертимным типом акцентуации в состоянии эмоциональной напряженности

Начальник сказал, надо быстрее позвать	12:2:12
там	1:1
ребят одних	4:2
я ж	1:1
чтоб побыстреей побежал	7:4:7
быстрее	3:2
бежу по ле	4:2
по лестнице	4:2
вниз спускаюсь	4:3
ии	--
нога	2:2
вот эта	3:2
как-то ступня	4:4

ставленных типов психических акцентуаций. С возрастом степени эмоциональной напряженности эти показатели уменьшаются.

Значительное количество ошибок и оговорок нами зарегистрировано у представителей эмотивного и гипертимного типов акцентуаций. Повышенная эмоциональность составляют психическую доминанту эмотивного типа личности. Чрезмерная активность в условиях стресса может сменяться общей подавленностью вплоть до дисфории, что, в свою очередь, провоцирует появление многочисленных ошибок в потоке речи.

У испытуемых с педантичным и возбудимым типами акцентуации мы наблюдали обратное явление. Так, педантичные пациенты отличаются скрупулезностью и инертностью. Очевидно, что в ситуации стресса активизируются процессы психоэмоциональной мобилизации, которая характеризуется небольшим количеством речевых сбоев при относительно высоком темпе речи. По тем же самым причинам наблюдается незначительное количество речевых сбоев у представителей возбудимого типа личности, несмотря на их природную импульсивность и активность.

Речь пациентов педантичного и гипертимного типов акцентуации характеризуется значительным коли-

чеством пауз-хезитаций. Напротив, меньшее всего пауз нами было зарегистрировано у представителей тревожного и возбудимого типов личности. Мы считаем, что в условиях эмоциональной напряженности эти изменения объясняются активизацией процессов мобилизации или торможения в психоэмоциональной сфере.

Количество пауз-хезитаций с вокальным наполнением значительно превосходит число пауз-хезитаций с консонантным наполнением у всех испытуемых. Это может быть обусловлено вокальными особенностями русского языка.

Увеличение количества реплик с возрастом степени напряженности наблюдается в речи представителей всех типов. Напротив, значительное уменьшение количества реплик характерно для речи с максимальной степенью напряженности.

Сокращение протяженности ритмических групп наблюдается у всех представленных акцентуаций в ситуации стресса.

Результаты анализа речи говорящих в состоянии эмоциональной напряженности свидетельствуют о закономерности расположения ударного слога в конце ритмической группы (8:7; 5:4; 4:3).

Экспериментальное исследование звучащей речи в ситуации острого (патофизиологического) стресса

Результаты темпо-ритмических характеристик речи испытуемых с возбудимым типом акцентуации в состоянии эмоциональной напряженности

Формальный признак	Индикатор эмоциональной напряженности	
Количество реплик в рамках данной акцентуации	80	
РГГ : кол-во слогов : ударность	6:3	
	2:1	
	1:1	
	4:4	
Т слог/мин	62	
Место ударного слога (средний показатель)	6:3 --*---	
Ошибки-оговорки	фальш-старты (FP)	0
	фальш-повторы (FR)	1
	повторы (R)	1
	паузы хезитации (v)	1
	паузы хезитации (k)	0

Пример транскрипта речи испытуемого с возбудимым типом акцентуации в состоянии эмоциональной напряженности:

– Болит в каком месте?
 Ну болит 3:3
 вот тут вот нажимаешь 7:2:6
 ну так вот прям 4:2
 вот тут вот прям 4:2
 вот 1:1
 нажимаю – вот здесь болит 8:3:6
 даже не знаю как объяснить 9:4:9
 вот так подвернулась нога 8:5:8
 я ищ пошел 4:4

подтверждает ранее полученные данные об изменениях в речи говорящего в условиях эмоциональной напряженности, вызванной психоэмоциональными факторами (см.: [Жабин]). Изменения формальных параметров речи зависят не только от психоэмоциональных характеристик и психического статуса говорящего, но и от степени его эмоциональной напряженности.

В ходе психолингвистического исследования нам удалось доказать возможность идентификации психоэмоционального состояния пациентов в ситуации травматического стресса по формальным признакам речи. Результаты эксперимента представляют практическую значимость с точки зрения диагностики и предупреждения стрессового расстройства, а также дальнейшего планирования лечения пациентов с учетом их психического статуса. С позиций психолингвистики настоящее исследование в целом представляет выводы об экспрессивных функциях звучащей речи на супraseгментном уровне.

Список литературы

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: ок. 7000 терминов. 2-е изд. Москва: Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.
 Величкова Л.В. Лингвистика и психолингвистика: проблемы определения единиц // Вестник Воронеж.

гос. ун-та. Сер. 1, Гуманит. науки. Воронеж, 1996. Вып. 2. С. 31–45.

Жабин Д.В. Речевая характеристика состояния стресса: монография. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2013. 155 с.

Леонгард К. Акцентуированные личности. Москва: Феникс, 1989. 358 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Сов. энциклопедия, 1990. 508 с.

Наенко Н.И. Психическая напряженность. Москва: Изд-во МГУ, 1976. 112 с.

Носенко Э.Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Днепропетровск: Днепропетр. гос. ун-т, 1975. 132 с.

Селье Г. Стресс без дистресса. Москва: Прогресс, 1982. 125 с.

Stock E. Sprechrythmus im Russischen und Deutschen. Hallische Schriften zur Sprachwissenschaft und Phonetik. Frankfurt am Main, Peter Lang Verlag, 2002. BD 8. 260 S.

References

Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov: ok. 7 000 terminov [Glossary of linguistic terms: about 7 000 terms]. Moscow, Sov. jenciklopedija Publ., 2-e izd., 1969, 608 p. (In Russ.)

Leongard K. *Akcentuirovannye lichnosti* [Accentuated personalities]. Moscow, Feniks Publ., 1989, 358 p. (In Russ.)

Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary], ed. by V.N. Jarceva. Moscow, Sov. jenciklopedija Publ., 1990, pp. 508. (In Russ.)

Naenko N.I. *Psihicheskaja naprjazhennost'* [Mental tension]. Moscow, MGU Publ., 1976, p. 112. (In Russ.)

Nosenko Je.L. *Osobennosti rechi v sostojanii jemotional'noj naprjazhennosti* [Features speech in a state of emotional tension]. Dnepropetrovsk, DSU Publ., 1975, 132 p. (In Russ.)

Sel'e G. *Stress bez distressa* [Stress without distress]. Moscow, Progress Publ., 1982, 125 p. (In Russ.)

Velichkova L.V. *Lingvistika i psiholingvistika: problemy opredelenija edinic* [Linguistics and psycholinguistics: problems of determining units]. Vestn. Voronezh.

gos. un-ta. Ser. 1, Gumanit. nauki [Voronezh State University Bulletin. Ser. 1: Humanities]. Voronezh, 1996, vol. 2, pp. 31-45. (In Russ.)

Zhabin D.V. *Rechevaja harakteristika sostojanija stressa* [Speech characterization of the state of stress]. Voronezh, VSU Publ., 2013, 155 p. (In Russ.)

Stock E. *Sprechrhythmus im Russischen und Deutschen*. Hallische Schriften zur Sprachwissenschaft und Phonetik. Frankfurt am Main, Peter Lang Publ., 2002, BD 8, 260 P. (In German)

Статья поступила в редакцию 23.09.2023; одобрена после рецензирования 27.10.2023; принята к публикации 02.11.2023.

The article was submitted 23.09.2023; approved after reviewing 27.10.2023; accepted for publication 02.11.2023.

АГОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В АМЕРИКАНСКОМ ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕБАТОВ УЧАСТНИКОВ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ПРАЙМЕРИЗ 2023 ГОДА)

Караулова Юлия Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры английского языка № 6, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), Москва, Россия, karaulova8@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0008-0634-7714>

Антюхова Екатерина Андреевна, доктор политических наук, доцент, доцент кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России), Москва, Россия, e.antukhova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-0860-4792>

Аннотация. В статье анализируются способы реализации агональных стратегий политических дебатов как одного из прототипных агональных жанров политического дискурса. Для анализа в рамках настоящего исследования были отобраны выступления политиков в ходе первых республиканских первичных дебатов, состоявшихся в штате Милуоки 23 августа 2023 года, трансляция которых проводилась каналом Fox News. Проведенный анализ позволил нам выявить трехуровневую структуру агональных стратегий, реализуемых политиками в рамках политических дебатов. Первый (базовый) уровень стратегий – интродуктивный – включает в себя стратегии самопозиционирования, самопрезентации и дискредитации оппонента (стратегии на понижение). Целью этих стратегий с точки зрения проявления агональности является позиционирование себя как лидера, достойного одержать победу, демонстрация своих неоспоримых преимуществ по сравнению с другими кандидатами и высвечивание негативных черт соперников. Варьирующие стратегии второго уровня состоят в оперировании информацией, поступившей от оппонента для речевого воздействия на реципиента, и включают стратегии самозащиты и дискредитации оппонента. Аддитивная стратегия третьего (высшего) уровня совмещает в себе цели и задачи стратегий двух других уровней, однако имеет и особую, присущую только ей цель – придание нового смысла фактам и явлениям, сообщаемым оппонентами, путем введения нового угла рассмотрения проблемы. Главными стратегиями на этом уровне выступают стратегии рационального и эмоционального убеждения, реализуемые тактиками введения новых фактов и нового аспекта, что имеет конечной целью установление новых смысловых связей в сознании реципиента на месте разрушения смысловых связей, изначально присутствовавших в речи политического оппонента. Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что жанр политических дебатов, будучи тактическим репертуаром стратегий агонального поведения, вербализуется различными средствами, при этом стратегии более высокого уровня могут пересекаться со стратегиями низших уровней, однако экспликация данных стратегий будет отличаться в зависимости от позиции стратегии в иерархии.

Ключевые слова: агональность, система стратегий, агональный тактический арсенал, политический дискурс, предвыборный дискурс, праймериз, политический оппонент.

Для цитирования: Караулова Ю.А., Антюхова Е.А. Агональные стратегии в американском предвыборном дискурсе (на материале политических дебатов участников республиканских праймериз 2023 года) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 160–167. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-160-167>

AGONAL STRATEGIES IN THE AMERICAN ELECTION CAMPAIGN DISCOURSE (A CASE STUDY OF THE POLITICAL DEBATES OF THE 2023 REPUBLICAN PRIMARY CANDIDATES)

Yulia A. Karaulova, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor of the Department of English No. 6, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA (MGIMO University), Moscow, Russia. karaulova8@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0008-0634-7714>

Ekaterina A. Antyukhova, Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA (MGIMO University), Moscow, Russia, e.antyukhova@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-0860-4792>

Abstract. The article analyses the methods of implementing the agonal strategies of political debate as one of the prototypical agonal genres of political discourse. For analysis, the speeches of politicians were selected during the 1st Republican primary debates held in the City of Milwaukee on August 23, 2023, streamed by the Fox News channel. The analysis allowed us to identify a 3-level structure of agonal strategies implemented by politicians within the framework of political debate. The 1st (basic) level of strategies – an introductory one – includes strategies for self-positioning, self-presentation and opponent defamation. The purpose of these strategies in terms of their agonal character is to position oneself as a leader worth winning the campaign, demonstrating individual undeniable advantages compared to other candidates and the expulsion of negative features of rivals. The verifying strategies of the 2nd level consist in operating with information received from the opponent aimed at producing an impact on the recipient, and include such strategies as self-defence and the opponent defamation. The additive strategy of the 3rd (highest) level combines the goals and objectives of the strategies of both lower levels; however, it has a special purpose inherent only to it – to give new meaning to the facts and phenomena reported by opponents, by introducing a new angle of tackling the problem. The main strategies at this level include ones of rational and emotional convictions realised by the tactics of introducing new facts and the new aspect ultimately aiming at establishing new semantic linkages in the recipient minds at the site of the destruction of semantic linkages, initially present in the speech of the political opponent. Thus, the study made it possible to ascertain that the genre of political debate, being a tactical repertoire of agonal behaviour strategies, is verbalised by various means, while strategies of a higher level can intersect with the lower ones' strategies, nevertheless making explication of these strategies different, depending on the place of the strategy in the hierarchy.

Keywords: agonality, system of strategies, agonal tactical arsenal, political discourse, election discourse, primaries, political opponent.

For citation: Karaulova Yu.A., Antyukhova E.A. Agonal strategies in the American election campaign discourse (a case study of the political debates of the 2023 Republican primary candidates). *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 160–167 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-160-167>

Агональность (сопоставительность, конфликтность, антагонистичность) можно рассматривать как ведущую интенцию [Атьман: 98] и системообразующий признак [Даутова: 54] предвыборного дискурса, под которым понимают разновидность политического дискурса, характеризующуюся строгими временными рамками, ограниченную конкретной предвыборной кампанией или агитационным периодом [Багана, Бочарова: 124], поскольку в данном жанре политического дискурса речевое взаимодействие коммуникантов организовано вокруг конфликта целей его участников [Иванова: 3] и характеризуется наличием обширного класса коммуникативно-дискурсивных практик агональной направленности [Романов], организованных в трехуровневую систему стратегий и тактик речевого воздействия [Иванова: 10].

Ю.М. Иванова, говоря о стратегиях речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов, относимых к прототипным агональным жанрам политического дискурса [Шейгал: 45], выделяет три уровня

таких стратегий: 1) интродуктивную стратегию базового уровня, используемую для первичного ввода информации; 2) варьирующую стратегию, состоящую в оперировании информацией, поступившей от оппонента для речевого воздействия на реципиента; 3) аддитивную стратегию, чей агональный характер проявляется благодаря разрушению установленных речью оппонента смысловых связей и установлению новых связей на месте разрушенных [Иванова: 15].

Очевидно, что данная классификация, равно как и другие классификации, существующие в политической лингвистике, например выделение таких агональных стратегий, как самоутверждение, конструирование образа врага, дискредитация оппонента [Василькова], самопрезентация, дискредитация оппонента, рациональное и эмоциональное убеждение избирателей, самозащита и уклонение от ответа [Атьман: 98], при всей своей логичности и системности требует пояснения и расширения, что побудило авторов исследования к выработке и анализу систе-

мы стратегий агонального поведения коммуникантов предвыборного дискурса на материале дебатов участников республиканских праймериз.

Предвыборная гонка в рамках 60-й президентской избирательной кампании 2023–2024 годов ещё только набирает обороты, основная борьба развернется в 2024 году, но уже сейчас можно проследить, как реализуются стратегии агонального поведения в предвыборном дискурсе на материале президентских праймериз, организуемых Республиканской партией для выдвижения единого кандидата от партии на президентских выборах 2024 года. В политической лингвистике существует множество работ, посвященных анализу выступлений лидеров президентской кампании, нами же предпринята попытка проследить реализацию агональных стратегий в самом начале выборного марафона даже в выступлениях явных аутсайдеров, которые, несмотря на понимание тщетности своих усилий, ведут предвыборную борьбу, применяя стратегии и тактики агонального поведения.

С февраля 2023 года до июня 2024 года праймериз пройдут во всех 50 штатах США, округе Колумбия, а также пяти территориях. Для анализа в рамках настоящего исследования были отобраны выступления политиков в ходе первых республиканских первичных дебатов, состоявшихся в штате Милуоки 23 августа 2023 года, трансляция которых проводилась каналом Fox News [Fox News].

В дебатах приняли участие кандидат в президенты от республиканской партии, бывший губернатор штата Арканзас Эйс Хатчинсон, бывший губернатор Нью-Джерси Крис Кристи, бывший вице-президент Майк Пенс, губернатор Флориды Рон Десантис, биотехнологический предприниматель Вивек Рамасвами, бывший посол США в ООН Никки Хейли, сенатор США от штата Южная Каролина Тим Скотт и губернатор Северной Дакоты Дуг Бурам.

Лидер рейтинга – Дональд Трамп – дебаты проигнорировал, сославшись на занятость и на своё уверенное лидерство в борьбе за право стать кандидатом от Республиканской партии, что, по словам политика, позволяет ему пропустить данный этап предвыборного марафона. Примечательно, что в этом же штате Милуоки, на этой же самой сцене летом 2024 года Республиканская партия объявит имя единого кандидата, который примет участие в финальной стадии борьбы за пост президента США.

Проведенный анализ позволил нам выявить трехуровневую структуру агональных стратегий, реализуемых политиками в рамках политических дебатов. **Первый (базовый) уровень** стратегий – **интродуктивный** – включает в себя стратегии *самопозиционирования, самопрезентации и дискредитации оппонента (стратегии на понижение)*. Целью этих стратегий с точки зрения проявления агональности

является позиционирование себя как лидера, достойного одержать победу, демонстрация своих неоспоримых преимуществ по сравнению с другими кандидатами и высвечивание негативных черт соперников.

Стратегия самопозиционирования реализуется главным образом невербальными средствами и может осуществляться как самим политиком, например демонстративное отсутствие главного претендента Дональда Трампа на дебатах как символ его бесспорного лидерства, при этом в то же самое время, когда транслировались дебаты, вышло его интервью американскому журналисту Такеру Карлсону; активностью выступающих, проявлением которой является количество эфирного времени, занятого каждым из участников дебатов (the cumulative speaking time in minutes), по данному критерию лидерами стали бывший вице-президент Майк Пенс (12,43 мин. – 4-е место в общем рейтинге) и биотехнологический предприниматель Вивек Рамасвами (11,63 мин. – 3-е место в рейтинге), в то время как выступления аутсайдеров, занимающих последние строчки в рейтинге, Дуга Бурама и Эйс Хатчинсона, в рамках двухчасовых дебатов длились всего 7,8 и 7,4 мин. соответственно [Republican presidential primary debate].

Кроме того, позиционирование политика может зависеть от действий организаторов дебатов – положение кандидатов на сцене во время дебатов, где центральное место занимали лидеры рейтинга – губернатор Флориды Рон Десантис (2-е место в рейтинге после Д. Трампа) и предприниматель Вивек Рамасвами (3-е место); а также реакции аудитории (многократные овации после слов одного из лидеров – Вивека Рамасвами – и выражение неодобрения (booing) как реакция на выступление одного из аутсайдеров – бывшего губернатора Нью-Джерси Криса Кристи (6-е место в списке из 9 кандидатов от Республиканской партии)).

Стратегия самопрезентации является одной из ведущих в жанре предвыборных дебатов, особенно на первом этапе, поскольку позволяет политику заявить о себе, раскрыть свои сильные стороны и обозначить преимущества перед соперниками. Данная стратегия реализуется тактиками самовосхваления и обещания.

Тактика самовосхваления чаще всего вербализуется такими средствами, как: 1) использование глаголов прошедшего времени, демонстрирующих достижения политика на том или ином государственном посту (We **cut** taxes in New Jersey. We **cut** debt in New Jersey (Крис Кристи) // I **created** a \$2 billion surplus that I passed over to my successor. And I made sure that we **shrunk** the size of government (Эйс Хатчинсон)); 2) использование превосходной степени сравнения прилагательных (*I'm the best prepared, the most tested, the most qualified and proven conservative in*

this race (Майк Пенс)); 3) использование адъективной структуры ‘the only’ с семантикой уникальности, исключительности (*I'm the only person along with Governor Hutchinson up on this stage who has actually run a United States Attorney's Office* (Крис Кристи)); 4) использование порядкового числительного ‘the first’ для позиционирования себя как лидера в том или ином вопросе (*I was the first person in this race to say that we've got to deal with the long-term national debt issues* (Майк Пенс)); 5) использование прочих лексем с семантикой лидерства (*I was a leader in the Congress of the United States. I led Indiana where we balanced budgets* (Майк Пенс)).

Некоторые кандидаты избрали иные приемы для самопрезентации. Например, губернатор Северной Дакоты Дуг Бурам, занимающий на момент дебатов последнюю строчку в рейтинге кандидатов от партии, выбрал прием скромного поведения – *I'm from a town of 300 people. It's a big deal to make it on the stage with all these folks*. 38-летний бизнесмен индийского происхождения Вивек Рамасвами презентовал себя как молодого и энергичного политика, чьи революционные идеи идут вразрез с существующими догмами – *There are two genders. Fossil fuels are a requirement for human prosperity. Reverse-racism is racism. An open border is not a border. Parents determine the education of their children. The nuclear family is the greatest form of governance known to man. Capitalism lifts us up from poverty. There are three branches of government not four. And the US Constitution, it is the strongest guarantor of freedom in human history. That is what won us the American Revolution. That is what will win us the revolution of 2024*).

Тактика обещания реализуется использованием синтаксического параллелизма с анафорическим повтором структур будущего времени ‘I will’ в составе условных предложений ‘if I become the President’, что имитирует клятву, даваемую президентом при вступлении в должность (*We will be energy dominant again in this country. I pledge to you as your president we will get the job done and I will not let you down* (Рон Десантис)). Эмфатический потенциал ‘I-will’ конструкций усиливается антитезой, в результате создается дихотомия «реальная негативная ситуация при нынешнем президенте» vs. «идеальная ситуация при мне, если я стану президентом» (*I'll get this economy sprinting, not crawling like it is right now* (Эйса Хатчинсон) // *No one has told you how to fix it. I'll tell you how to fix it. They need to stop the spending. They need to stop the borrowing* (Никки Хейли)).

Обещания, эксплицируемые модальными глаголами, несколько менее экспрессивны, чем ‘I-will’ конструкция, однако в совокупности с дихотомией «промахи нынешнего президента» vs «мои попытки исправить ситуацию» в сознании реципиентов

складывается необходимый образ политика-спасителя (*What we also need to understand is that Joe Biden's Bidenomics has led to the loss of \$10,000 of spending power for the average family. We can stop that by turning the spigot off at Washington, sending the money back to the states, and allowing the decisions to be made at their own houses* (Тим Скотт)). Экспрессивность образа усиливается благодаря использованию метафоры механизма *turning the spigot off at Washington* (*перекроем вентиль в Вашингтоне*).

Интересно, что в политических дебатах модифицированную функцию обещания может выполнять и угроза – как обещание, имеющее более экспрессивную окраску, создающее в сознании потенциальных избирателей образ некоего супермена, борющегося со злом, что также способствует реализации стратегии самопрезентации.

Чаще всего в дебатах к тактике угрозы прибегал Рон Десантис, который обещал отправить Джо Байдена в подвал (*We need to send Joe Biden back to his basement and reverse American decline*) и применять любые смертоносные средства против мексиканских наркокартелей (*So, as president, would I use force? Would I treat them as foreign terrorist organizations? You're darn right I would*). Использование сленга (*darn right*) и вопросов, организованных на основе принципа параллелизма, усиливает экспрессивность воззвания политика. Крис Кристи угрожал неотвратимостью наказания всем преступникам, даже таким, как Хантер Байден, которого он открыто обвинял в незаконном владении оружием и грозил тюремным сроком вплоть до десяти лет лишения свободы (*What we need to make sure that each and every one of these criminals understand is that the laws apply to everybody, and when Hunter Biden fills out a fake application, a false application, for a gun permit, and then is facing a 10-year mandatory minimum, which was mandated by legislation sponsored by his father, and then you have a Justice Department that walks away from those charges. We're telling people that the law doesn't apply to everybody. In a Christie administration, he would go to jail for 10 years*). Воздействующий потенциал речевой тактики угрозы амплифицируется экстралингвистической информацией о пребывании Кристи на посту федерального прокурора штата Нью-Джерси с 2001 по 2009 гг.

Стратегия дискредитации оппонента на базовом (интродуктивном) уровне эксплицируется в жанре политических дебатов следующим тактическим арсеналом: тактиками обвинения, обличения, насмешки.

Несмотря на то, что тактика отрицательного анализа (анализа-минус) довольно часто используется в различных жанрах политического дискурса для дискредитации политика и его политического курса, в жанре первичных предвыборных дебатов (праймериз), ког-

да кандидаты ограничены по времени, возможности детального анализа деятельности оппонента фактически не предоставляется, поэтому выступающие чаще прибегают к более лаконичной и действенной тактике обвинения.

В рамках дебатов кандидаты чаще всего обвиняли Байдена и его семью, Демократическую партию, Трампа, друг друга, Путина и Россию, Китай, мексиканских наркокартелей. Остановимся подробнее на некоторых из обвинений, представляющих интерес с языковой точки зрения.

Действующий президент США Джозеф Байден обвиняется в инфляции и общем экономическом спаде (*I understand why America is hurting. Biden's inflation is choking us* (Дуг Бурам)). Перлокутивный эффект данного обвинения усиливается благодаря использованию концептуальной морбиальной метафоры – Америке больно, Байден душит нас инфляцией. Байден и его администрация обвиняются в преступных растратах бюджета, вследствие чего семьи простых американцев беднеют (*Because every dollar they spend is a dollar that these people are not allowed to spend on their children and their grandchildren. It's robbing our country and it's wrong* (Крис Кристи)). Воздействующий потенциал усиливается благодаря использованию базовой для агональных жанров политического дискурса дихотомии «мы» vs «они», где кандидат отождествляет себя с бедствующим американским народом, противопоставляя себя алчному клану Байденов (*And it starts with understanding we must reverse Bidenomics so that middle class families have a chance to succeed again. We cannot succeed as a country if you are working hard and can't afford groceries, a car, or a new home while Hunter Biden can make hundreds of thousands of dollars on lousy paintings. That is wrong.* (Рон Десантис)).

В данном обвинительном акте политик говорит о продаже сыном Байдена своих «паршивых» картин (*lousy paintings*) за 500 тысяч долларов, что возмутило общественность. Кроме того, Десантис применил авторский окказионализм самого Байдена, который утверждал, что *Bidenomics is working* (*Байденомика работает*) в избличительной манере, говоря о том, что Байденомика не работает для простых граждан США. Громкие обвинения в распространении фентаниловой эпидемии и смерти двухсот тысяч человек от передозировки фентанилом в связи с нерешенными вопросами на границе с Мексикой и активизации деятельности мексиканских наркокартелей бросил в адрес Джозефа Байдена Дуг Бурам (*It's not just the 70,000 from fentanyl. We have lost 200,000 people to overdoses since Biden took office*).

Никки Хейли, бывший посол США в ООН, была единственной из участников дебатов, кто переложил вину за колоссальные растраты бюджета и увеличе-

ние государственного долга США до 33 триллионов долларов не на Байдена, а на отсутствующего на дебатах Доналда Трампа, а также на политических оппонентов, находящихся на сцене, – Рона Десантиса, Тима Скота и Майка Пенса (*And while they're all saying this, you have Ron DeSantis. You've got Tim Scott. You've got Mike Pence. They all voted to raise the debt. And Donald Trump added \$8 trillion to our debt. And our kids are never going to forgive us for this*).

Доналд Трамп – главный соперник в предвыборной гонке, имеющий многократное превосходство в рейтинге над остальными оппонентами. Вот почему многим аутсайдерам выгоден его выход из борьбы на основании выдвигаемых против него обвинений, в том числе обвинений в нарушении Конституции (*And so obviously, I'm not going to support somebody who's been convicted of a serious felony, or who has this is disqualified under our Constitution* (Эйса Хатчинсон)).

Наибольшему числу нападок со стороны участников дебатов подвергся самый молодой кандидат – Вивек Рамасвами, которого обвиняли в неопытности и некомпетентности, часто прибегая к применению стратегий насмешки и едкого сарказма. Так, например, Майк Пенс называет Рамасвами «неопытным салагой» (*rookie*), не способным восстановить страну, ослабленную Байденом (*Joe Biden has weakened this country at home and abroad. Now is not the time for on-the-job training. We don't need to bring in a rookie. We don't need to bring in people without experience*).

Вивек Рамасвами тоже довольно часто прибегает к тактике обвинения, противопоставляя себя, предпринимателя, не имеющего политического опыта, но сумевшего построить процветающую бизнес-империю, и опытных профессиональных политиков, которые не способны навести порядок в проблемных регионах своей страны, но при этом вмешиваются во взаимоотношения других стран (*And I find it offensive, that we have professional politicians on the stage that will make a pilgrimage to Kyiv, to their Pope, Zelensky, without doing the same thing for people in Maui or the Southside of Chicago or Kensington*). Перлокутивный эффект реализуемой тактики усиливается благодаря использованию развернутой метафоры – под паломничеством политика к Папе Зеленскому Рамасвами имел в виду поездку Криса Кристи в Киев. Поездка была совершена в начале августа 2023 года и, очевидно, была предпринята для набора политических очков перед дебатами в Милуоки.

Варьирующие стратегии второго уровня состоят в оперировании информацией, поступившей от оппонента, для речевого воздействия на реципиента, и включают стратегии самозащиты и дискредитации оппонента, которые в агональном жанре политических дебатов идут в одной связке – X нападает с целью дискредитации, Y обороняется.

Стратегия самозащиты, целью которой является опровержение политиком направленных против него обвинений, отвод от себя негативной или агрессивной информации и смягчение ответственности за совершенные проступки, проводится тактикой верификации, реализуемой двумя подтактиками: уличение оппонента во лжи и выделение некоторого эталона истинности.

Особенностями анализируемого формата дебатов является то, что ведущие канала Fox News Брет Байер и Марта Маккаллум задают вопросы участникам в обвинительной форме, что требует от политиков быстрого включения стратегии самозащиты.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что механизмы реализации данной стратегии были сходными у большинства участников дебатов – ведущие обвиняли политиков в экономическом спаде во вверенном им регионе или в неразумных бюджетных тратах, на что обвиняемые реагировали либо перекладыванием вины на кого-то другого или на сложившиеся обстоятельства: по мнению Тима Скотта, в данной ситуации виноват ковид (*There is no doubt that during the Trump administration we were dealing with the COVID virus. We spent more money*), большая представленность в штате Нью-Джерси членов Демократической партии, которые не давали губернатору штата Крису Кристи в полной мере реализовать свою политическую программу (*Yes, yes. And – and that's what happens when you inherit a blue state that has done that*). После перекладывания вины кандидаты переходили к демонстрации своих достижений.

Майк Пенс после «неудобного вопроса» выбрал тактику уклонения от ответа и сразу приступил к реализации тактики восхваления:

BAIER: You blamed the Biden administration spending for that increase. But, as Vice President, your administration spent more than, any prior, \$7.8 trillion added to the national debt, \$3.5 trillion of that before COVID. So, does that mean that you're part of the spending problem?

PENCE: Well, first of all, thanks for the question. Thanks for letting me respond, reference to our administration's record. I'm incredibly proud of the record of the Trump-Pence administration. In four short years, we rebuilt our military. We revived our economy. We unleashed American energy.

Особенностью реализации *стратегии дискредитации* оппонента на втором уровне, в отличие от базового уровня, где эта стратегия также реализуется, является ее стадийно-хронологическая вторичность, так как в этом случае стратегия дискредитации оппонента представляет собой обвинение, насмешку или обличение как реакцию на услышанное во время дебатов. Средства, вербализующие данную стратегию на этом уровне, характеризуются боль-

шей экспрессивностью и эмоциональностью. В тактический арсенал чаще включены сарказм, насмешка и даже издевка.

В ходе дебатов политические оппоненты часто перебивали друг друга, осуществляя вербальные атаки, обвиняя друг друга в некомпетентности, отсутствии стратегического мышления, узколюбости и косности. Больше всего нападок со стороны оппонентов обрушилось на самого молодого кандидата, воинственное поведение которого обращало на себя внимание. В ответ на выдвигаемые обвинения Рамасвами включал контртактику обличения, однако односложность ответов и неспособность применить тактику выделения некоторого эталона истинности не позволили кандидату реализовать данную контртактику в должной мере:

HALEY: A win for Russia is a win for China. We have to know that. Ukraine is the first line of defense for us. And the problem that Vivek doesn't understand is, he wants to hand Ukraine to Russia. He wants to let China eat Taiwan. He wants to go and stop funding Israel.

RAMASWAMY: False.

HALEY: You don't do that to friends.

RAMASWAMY: False.

RAMASWAMY: You've been pushing this lie all week.

Пример следующей словесной перепалки между Никки Хейли и Вивеком Рамасвами демонстрирует попытку последнего контратаковать в ответ на обвинения в отсутствии опыта на международной арене с использованием экспрессивного сленгизма *bogus wars* (*думые войны*), намекая на вымышленные предлоги, под которыми мастодонты американского политического истеблишмента ввязываются в военные операции по всему миру:

HALEY: ...America less. You have no foreign policy experience and it shows.

RAMASWAMY: And you know what?

HALEY: It shows.

RAMASWAMY: The – the foreign policy experience that you all have shows in the bogus wars (думые войны) we've gotten into.

Следующая словесная баталия между Крисом Кристи и Вивеком Рамасвами – пример жанра буффонады, где издевки (Кристи называет Рамасвами ChatGPT «нейросетью»), намекая на бессвязный характер его выступления, *amateur* (*непрофессионал*) перемежаются с сарказмом и обвинениями в двуличии Криса Кристи, намеками на его тесную связь с Бараком Обамой, от которой он теперь отрекается:

CHRISTIE: I've had enough -- I've had enough already tonight of a guy who sounds like ChatGPT standing up here. And the last person in one of these debates, Bret, who stood in the middle of the stage and said, "what's a skinny guy with an odd last name doing up here" was Barack Obama. And I'm afraid we're

dealing with the same type of amateur standing on the stage tonight.

RAMASWAMY: Give me a hug -- give me a hug just like you did to Obama.

CHRISTIE: The same type of amateur.

RAMASWAMY: And you will help elect me just like you did Obama, too. Give me that big (ph) hug, brother.

CHRISTIE: The same type of amateur.

Вивек Рамасвами противопоставляет себя людям-автоматам, марионеткам пиар-технологов с их заученными слоганами, называя себя патриотом, говорящим правду, сторонником революционных изменений (*The real choice we face in this primary is this. Do you want a super PAC puppet, or do you want a patriot who speaks the truth? Do you want incremental поступательный reform, which is what you're hearing about, or do you want revolution?*).

Аддитивная стратегия третьего (высшего) уровня совмещает в себе цели и задачи стратегий двух других уровней, однако имеет и особую, присущую только ей цель – придание нового смысла фактам и явлениям, сообщаемым оппонентами, путем введения нового угла рассмотрения проблемы [Иванова 2003]. Главными стратегиями на этом уровне выступают *стратегии рационального и эмоционального убеждения*, реализуемые тактиками введения новых фактов и нового аспекта, что имеет конечной целью установление новых смысловых связей в сознании реципиента на месте разрушения смысловых связей, изначально присутствовавших в речи политического оппонента. Приведем примеры актуализации стратегий этого уровня.

Майк Пенс разрушает идею Рамасвами о том, что президент США не может «распыляться» сразу на нескольких фронтах. Уникальность Америки как сверхдержавы требует от президента максимума усилий во всех сферах, и он, Майк Пенс, имеет достаточный опыт, чтобы дать этой стране то, чего она достойна:

Vivek, you recently said a President can't do everything. Well, I got news for you, Vivek. I've been in the hallway. I've been in the West Wing. A President in the United States has to confront every crisis facing America. I will put our nation back on the path to growth and prosperity and restore fiscal responsibility, just as I did in Congress and as governor.

Вивек Рамасвами – сторонник стратегий эмоционального убеждения и эмоциональной агитации – делает ставку на апеллирование к сфере чувств, однако, думается, эмоциональная агитация более эффективна в связке со стратегией рационального убеждения:

RAMASWAMY: The climate change agenda is a hoax. And the reality is the anti-carbon agenda is the wet blanket on our economy. And so, the reality is more people are dying of bad climate change policies than they are of actual climate change.

RAMASWAMY: The temperature (ph) is down by 98 percent.

В данном фрагменте своего выступления политик пытался разрушить сложившиеся мифы об изменении климата, сформировав в сознании реципиентов новое отношение к этой проблеме, которая на самом деле является не проблемой, а грандиозной аферой (*hoax*), преградой экономическому развитию (*the wet blanket on our economy*). Были предприняты попытки обоснования своей точки зрения (*The temperature (ph) is down by 98 percent*), однако они оказались неубедительными.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что жанр политических дебатов, будучи одним из прототипных агональных жанров политического дискурса, представляет собой трехуровневую структуру стратегий агонального поведения, тактический репертуар которых вербализуется различными средствами, при этом стратегии более высокого уровня могут пересекаться со стратегиями низших уровней, однако экспликация данных стратегий будет отличаться в зависимости от позиции стратегии в иерархии.

Список литературы

Атьман О.В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса // Политическая лингвистика: науч. журнал. Екатеринбург, 2011. Вып. 1 (35). С. 96–103.

Багана Ж., Бочарова Э.А. Предвыборный политический дискурс как особая сфера коммуникации // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. 2012. № 1. С. 121–125.

Василькова Н.Н. Реализация агональных стратегий в публичных спорах политического дискурса // Медиаскоп. 2018. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2413>

Даутова Л.А., Бадмацыренова Д.Б. Языковые особенности предвыборного дискурса (на материале американского предвыборного дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39). С. 53–57.

Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.

Романов А.А., Романова Л.Ю. Агональная эристика политической дискурсии: типовые разновидности, функции и сущностные характеристики // Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журнал. 2021. № 65. С. 1–21.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва; Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.

Fox News Republican Primary Debate From Milwaukee (Aug. 23). Election Central. URL: <https://>

www.uspresidentialelectionnews.com/2023/08/watch-live-first-republican-primary-debate-tonight-on-fox-news-aug-23/ (access date: 11.10.2023).

Republican presidential primary debate (August 23, 2023). URL: [https://ballotpedia.org/Republican_presidential_primary_debate_\(August_23,_2023\)](https://ballotpedia.org/Republican_presidential_primary_debate_(August_23,_2023)) (access date: 11.10.2023).

References

At'man O.V. *Verbalizacija strategij samoprezentacii v prezidentskih predvybornyh teledebatah kak agonal'nom zhanre politicheskogo diskursa* [The verbalization of the self-presentation strategy in the presidential pre-election television battles as the agonal genre of political discourse]. *Nauchnyj zhurnal «Politicheskaja lingvistika»* [Scientific journal "Political Linguistics"]. Yekaterinburg, 2011, vol. 1 (35), pp. 96-103. (In Russ.)

Bagana Zh., Bocharova E. *Predvybornyj politicheskij diskurs kak osobaya sfera kommunikacii* [Pre-election political discourse as a special sphere of communication]. *Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzby Narodov. Ser.: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 2012, No. 1, pp. 121-125. (In Russ.)

Dautova L.A., Badmacyrenova D.B. *Jazykovye osobennosti predvybornogo diskursa (na materiale amerikanskogo predvybornogo diskursa)* [Language features of the election discourse (based on the material of the American election discourse)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki: v 2 ch., ch. 2* [Philology. Theory and Practice: in 2 vols., vol. 2]. Tambov, Gramota Publ., 2014, No. 9 (39), pp. 53-57. (In Russ.)

Ivanova Ju.M. *Strategii rechevogo vozdejstviya v zhanre predvybornyh teledbatov: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Strategies of speech influence in the genre

of pre-election television battles: PhD thesis, summary]. Volgograd, 2003, 19 p. (In Russ.)

Romanov A.A., Romanova L.Ju. *Agonal'naja jeristika politicheskogo diskursii: tipovye raznovidnosti, funkcii i sushhnostnye harakteristiki* [Agonal eristic of political discourse: type varieties, functions and essential characteristics]. *Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [World of Linguistics and Communication: Electronic scientific journal], 2021, No. 65, pp. 1-21. (In Russ.)

Shejgal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Volgograd, Peremena Publ., 2000, 367 p. (In Russ.)

Vasil'kova N.N. *Realizacija agonal'nyh strategij v publichnyh sporah politicheskogo diskursa* [Implementation of agonal strategies in public political discourse disputes]. *Mediascope* [Mediascope], 2018, vol. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2413> (In Russ.)

Fox News Republican Primary Debate From Milwaukee (Aug. 23). Election Central. URL: <https://www.uspresidentialelectionnews.com/2023/08/watch-live-first-republican-primary-debate-tonight-on-fox-news-aug-23/> (access date: 11.10.2023).

Republican presidential primary debate (August 23, 2023). URL: [https://ballotpedia.org/Republican_presidential_primary_debate_\(August_23,_2023\)](https://ballotpedia.org/Republican_presidential_primary_debate_(August_23,_2023)) (access date: 11.10.2023).

Статья поступила в редакцию 18.10.2023; одобрена после рецензирования 02.11.2023; принята к публикации 07.11.2023.

The article was submitted 18.10.2023; approved after reviewing 02.11.2023; accepted for publication 07.11.2023.

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОСТФОЛЬКЛОРА: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Ильина Лариса Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры филологических дисциплин, Оренбургская духовная семинария, Оренбург, Россия, nerol2620@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1765-8610>

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвокультурного контекста деструктивных элементов постфольклора как части какосферы. Автор рассматривает постфольклор как форму народного творчества, реализуемую за пределами первоначального контекста и получающую современные интерпретации. На основе анализа научной литературы, постфольклорных текстов, собранных автором, и текстов, имеющих в свободном доступе в интернете, автор обоснованно доказывает, что деструктивными элементами постфольклора являются собственно инвективная лексика, создаваемый ею контекст, произнесение инвективной лексики, понимаемое как действие, и пассивное принятие данной лексики. Термин *инвективная лексика* автор считает наиболее общим, поскольку он сохраняет первоначальное значение (*нападки*) в смысле вербальной агрессии и передает намерение совершения действия, осуждаемого окружающими. В заключение статьи делается вывод, что деструктивные элементы постфольклора оказывают негативное воздействие на индивида и социокультурное пространство в целом, однако не всегда можно с уверенностью определить, насколько общество понимает и осознает влияние определенных элементов на свою культуру и общение, не говоря о более масштабном воздействии. Средством преодоления деструктивного влияния элементов постфольклора становится ответственность каждого человека за свои слова и действия в процессе общения.

Ключевые слова: постфольклор, какосфера, инвективная лексика, вербальная (словесная) агрессия, деструктивные элементы, лингвокультурный контекст, речевое взаимодействие.

Для цитирования: Ильина Л.Е. Деструктивные элементы постфольклора: лингвокультурный контекст // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 168–175. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-168-175>

Research Article

DESTRUCTIVE ELEMENTS OF POST-FOLKLORE: LINGUISTIC AND CULTURAL CONTEXT

Larisa E. Ilyina, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor of the Department of Philological Disciplines, Orenburg Theological Seminary, Orenburg, Russia, nerol2620@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1765-8610>

Abstract. The article is devoted to the study of the linguocultural context of the destructive elements of post-folklore as part of the cacosphere. The author considers post-folklore as a form of folkish lore, implemented outside the original context and receiving modern interpretations. Based on the analysis of scientific literature, post-folklore texts collected by the author, and texts freely available on the Internet, the author reasonably proves that the destructive elements of post-folklore include the invective vocabulary itself, the context it creates, the utterance of invective vocabulary, understood as an action, and passive acceptance this vocabulary. The author considers the term invective vocabulary to be the most general due to its retaining of the original meaning (attacks) in the sense of verbal aggression, and conveying of the intention of committing an action condemned by others. In conclusion, the article concludes that the destructive elements of post-folklore have a negative impact on the individual and the sociocultural space as a whole; however, it is not always possible to determine with certainty to what extent society understands and is aware of the influence of certain elements on its culture and communication, not to mention the broader impact. The means of overcoming the destructive influence of post-folklore elements is the responsibility of each person for its words and actions in the process of communication.

Keywords: post-folklore, cacosphere, invective vocabulary, verbal (speech) aggression, destructive elements, linguocultural context, speech interaction.

For citation: Ilyina L.E. Destructive elements of post-folklore: linguistic and cultural context. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 168–175. ISSN 1998-0817 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-168-175>

Деструктивные элементы речевого взаимодействия [Волков, Лысак] мы относим к *какосфере* (др.-греч. *κακός* – дурной, плохой). В научных и философских дисциплинах термин *какосфера* имеет разные интерпретации, но чаще всего используется для обозначения пространства или сферы, где доминируют негативные, деструктивные силы или явления.

В природной среде феномен *какосферы* изучал Г.А. Заварзин, указывая, что *какосфера* существует и «в умах» – человечество, разрушив природную среду и подменив её *какосферой*, изменило и себя [Заварзин: 12–18].

Какосфера как семиотическое пространство насыщена негативными текстами и образами, создающими барьеры для эффективного обмена информацией и достижения взаимопонимания между людьми, что приводит к конфликтам и искаженному восприятию действительности.

В религиозных учениях *какосфера* – это сфера зла, хаоса, беспорядка и разрушения, она является противоположностью мира, порядка и противостояет ему. В психологии этот термин описывает внутренний мир человека, полный негативных и суицидных мыслей.

Современное общество сталкивается с проявлениями *какосферы* в виде социальных проблем, таких как коррупция, преступность, агрессия, негативное воздействие на окружающую среду. Эти явления мы рассматриваем как проявления «сферы зла» в лингвокультурном контексте.

Карл Г. Юнг использовал понятие *тени* для описания части человеческой психики, представляющей собой неосознанные, отвергнутые или подавленные аспекты личности. *Тени* Юнга можно считать аналогом *какосферы* в индивидуальной психике (см.: [Найдыш]).

Рудольф Штайнер писал о духовных (и о демонических) сущностях, влияющих на человечество [Штайнер].

Философия языка В. Гумбольдта раскрыла психолого-лингвистические аспекты исследования языка (и сознания) с онтологической, бытийной точки зрения. Выводы В. Гумбольдта впоследствии позволили М. Хайдеггеру создать свою теорию взаимосвязи бытия, языка и сознания. Взаимозависимый характер языка и сознания играет важную роль в понимании культуры и общения (см.: [Лобанова: 83–87]).

Исследования взаимосвязи языка, мышления и культуры, а также изучение различных аспектов языковой деятельности выявили влияние практик употребления языка на формирование культурных ценностей, норм и мировоззрения людей [Маслова].

В гуманитарных науках термин *какосфера* не получил широкого распространения. Исследование *какосферы* в языковой среде проводится в рамках линг-

возкологии – нового направления языкознания, предметом изучения которого является состояние языка и языковой (речевой) среды.

Одним из проявлений *сферы зла* в лингвокультурном контексте является *инвективная лексика*, названием которой является усиление враждебности, агрессивности между участниками речевого взаимодействия.

Инвективная лексика в нашем исследовании – суть слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценочном компоненте содержания интенцию адресанта унижить, оскорбить адресата речи или третье лицо, обычно сопровождаемые намерением сделать это как можно в более резкой и циничной форме.

Ю.И. Левин считает конструкции, содержащие *инвективную лексику*, близкими к речевым актам, равноценным поступкам (перформативам). Обсценный стиль является лишь поверхностным выражением более глубоких обстоятельств [Левин: 66–70].

Б.А. Успенский обращает внимание на то, что в славянском язычестве *инвективная лексика* имела отчетливо выраженную культовую функцию, носила ритуальный характер», в повседневной жизни «черная брань» запрещалась [Успенский].

В.И. Жельвис определяет *инвективную лексику* как часть общенационального языка, которая официально не разрешена к использованию в лингвокультурной ситуации, но обязательно известна всем носителям языка [Жельвис: 11].

Проблему сквернословия в современном обществе, причины и функции распространения наиболее агрессивной части сквернословия – *мата* – исследовал И.А. Стернин [Стернин].

Дел Хаймс разработал концепцию коммуникативной компетентности, включающей внутреннее понимание говорящим ситуационной уместности языковых единиц и различных стилей речи, в том числе жаргонов и сниженной лексики [Hymes].

В научной литературе используются термины *сниженная лексика*, *обсценная лексика*, *табуированная лексика*, *эвфемизмы*, в бытовой сфере чаще используют выражения *ругательства*, *нецензурные слова*, *брань*, *мат*, *сквернословие*. В определенном смысле эти термины можно рассматривать как синонимы, однако лингвокультурные традиции и этимология данных выражений проводят между ними пусть не всегда достаточно чёткие, но границы.

Сниженная лексика (в этимологии прослеживается влияние термина *высокий стиль*) – это особая категория языковых единиц, характеризующихся отклонением от норм литературного языка в сторону простоты, неформальности и даже грубости.

Обсценная лексика (лат. *obscenus* – распутный, безнравственный) – языковые единицы, восприни-

маемые говорящими как недопустимые и непристойные.

Мат, матерные слова, матерная брань восходят к понятию *мать*, такой бранью оскорбляются три матери: Мать Божия, родная мать и мать сыра земля¹.

Табуированная лексика (англ. *taboo* (из полинез.) – строжайший запрет, оберегающий наиболее существенные стороны общественной деятельности и личной жизни людей) – слова и выражения (даже звуки), использование которых ограничено или запрещено ввиду социальных или религиозных традиций².

Нецензурные слова (лат. *sensura* – строгое суждение) – выражения, которые являются неприличными, оскорбительными или ненормативными в данном обществе.

Рамки статьи не позволяют продолжить анализ смысловых оттенков данных выражений. Для описания деструктивных элементов постфольклора в лингвокультурном контексте речевого взаимодействия мы будем говорить об *инвективной лексике*, считая этот термин наиболее общим, поскольку этимологически *инвективный* образуется через причастную форму *invehens* – *резко выражающийся* от *invectio* – *ввоз, привоз, въезд; нападки*, (далее от *veho* – *везу*)³. Термин *инвективная лексика* сохраняет первоначальное значение – *нападки* (в смысле вербальной агрессии), *выпад* (как прием речи) – и подчеркивает нарушение общепринятых норм и желание шокировать окружающих.

Мы сознательно приводим примеры с нейтральной литературно допустимой инвективной лексикой, другие, более яркие примеры ввиду повсеместного распространения легко восстанавливаются при чтении текста обобщающего характера.

В романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» современные реалии и философские размышления переплетаются со сниженной лексикой и эвфемизмами: «...публика была самая разношерстная, но больше всего было, как это всегда случается в истории человечества, свинорылых спекулянтов и дорого одетых **»⁴.

Российский телеведущий Владимир Соловьев, известный использованием резких формулировок, обращаясь к жителям Екатеринбурга в связи с протестами, связанными с «Ельцин Центром», сказал: *Давайте, мрази, сатанисты! Люблю я вас выводить на чистую воду. ...Кто из вас, сволочей, скажал и не хотел, чтобы был храм?*⁵.

В романе Джеймса Келмана «До чего ж оно все запоздало» используется характерный стиль внутренних монологов от первого лица, с сохранением сленга рабочих кругов Глазго: *Ах, это было безнадежно. Вот что ты чувствовал. Эти ублюдки. Что ты можешь сделать? Кроме как начать сначала, и он начал сначала»*⁶.

В песне «Полчеловека» Рита Дакота говорит о том, что человек чувствует себя неполноценным или потерянным, если становится слишком зависимым от партнера.

Перевернул, пересобрал,
А я – идеал того, как терять себя.
И до утра буду стирать все номера
Но знаю, **, наизусть...⁷

Группа «Ленинград» известна своими провокационными текстами, песня «WWW» не является исключением:

Когда переехал, не помню.
Наверное, был я бухой...
Когда тормозил меня мусор,
Прописки, мол, нет никакой...⁸

Изначально фольклорные произведения описывали естественные процессы и явления. Грубые (по меркам, установленным позднее) обороты речи – неотъемлемая часть фольклора, использовались в сакральном смысле. Особо следует обратить внимание на магическую роль слов. Язык в архаических культурах делился на две части: сокровенную и общую, использование в речи сокровенных слов обрекало говорящего (а иногда и всю семью, весь род) на смерть. Чаще всего сокровенные имена получали те явления, которых люди боялись: боги, болезни, дикие животные⁹.

В процессе литературной обработки фольклора определенную лексику расценили как непристойную, в результате чего часть произведений была приведена в соответствие с нормами общественной морали того времени, когда произведение готовилось к публикации, потеряв при этом свою самобытность, а часть произведений и авторов осталась неизвестной массовому читателю.

В постфольклоре грубые обороты речи являются одной из характеристик, передающей его аутентичность и непосредственность.

В постфольклоре инвективная лексика используется для социального комментария, усиления выражаемых эмоций, создания комического эффекта, оскорбления, порицания или унижения других людей.

Использование инвективной лексики *по привычке, для связки слов*, характеризует уровень культуры говорящего, результат воспитания или принадлежности к определенной группе.

Примеры инвективной лексики в постфольклоре чаще всего обнаруживаются в дворовом, студенческом, тюремном фольклоре, блатных песнях, частушках, анекдотах, граффити, настенных рисунках и надписях. Из произведений интернетлора – в демативаторах и пирожках. В семейных преданиях и байках встречаются описания ситуаций, связанных с использованием инвективной лексики без её прямого наименования. К теме запрета / избегания/ созна-

тельного неиспользования инвективной лексики регулярно обращаются в средствах массовой информации, на образовательных площадках в интернете.

Приведём ряд примеров.

Из семейных преданий («Я уже пять таких слов знаю»): В нашей компании, в семье П., был самый младший ребенок – Витя. Во время наших застолий и шумных бесед он крутился всегда где-то рядом. И вот однажды я рассказывал что-то, сопровождая рассказ «крепким словцом», меня кто-то одернул: «Не выражайся, Витька здесь», на что Витька, вынырнув из кустов, сказал: «Не переживайте, дядя Сережа, я уже пять слов таких знаю»¹⁰.

Из переписки в чате:

- ...Можно без мата?
- Стараюсь, но не получается.

Анекдот:

– Был я, мамань, в Париже, залез на Эйфелеву башню... Видно хорошо... Посмотришь налево – твою мать... Посмотришь направо – твою мать... Обернешься – твою мать... Да что ж ты плачешь-то, маманя?

– Ой, Вань, да красиво-то как... (анекдот конца прошлого века)¹¹

Из СМИ:

Сейчас, работая в школе, я не позволяю себе использовать мат. Это непедагогично! Хотя школьники, если нет рядом педагога, нередко позволяют себе. Я стараюсь культурно делать замечания, а что делать-то? Это показывает их ограниченность, считаю. Ведь на уроке они иногда двух слов не могут связать по теме¹².

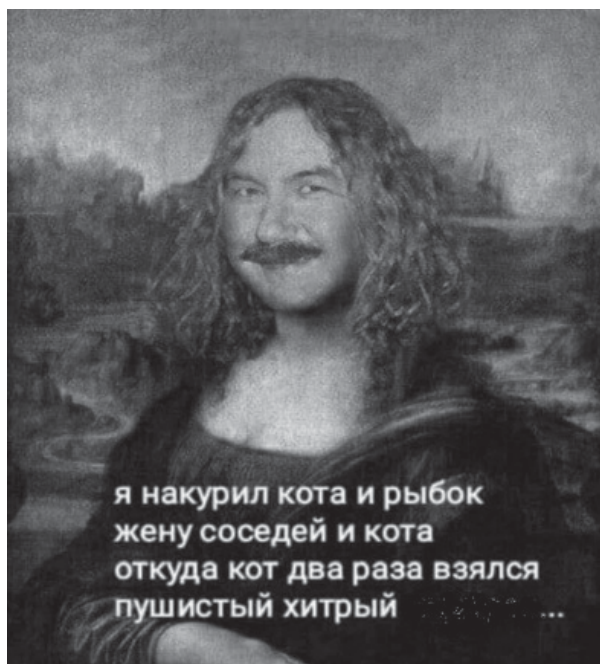

Рис. 1. Мем в сочетании с «пирожком», содержащим инвективную лексику¹⁵

Образовательные интернет-площадки:

Ущербность всегда агрессивна, и эта агрессивность проявляется, прежде всего, на уровне языка. Мат – это «формат» неудачников, слабых, неуравновешенных людей, которые не способны найти свое место в жизни¹³.

Из массовой культуры:

- Жена машину разбила!
- Вот жаль! А ты машину ей давал ... зачем?
- А я знаю, что ли¹⁴

Мемы (см. рисунки 1 и 2).

Приведенные примеры показывают, насколько явления какосферы прочно укоренились в нашей жизни, в речи, в текстах.

В лингвокультурном контексте деструктивными элементами постфольклора являются собственно *инвективная лексика, контекст*, создаваемый инвективной лексикой, произнесение лексики как *действие, пассивное принятие данной лексики*. Рассмотрим подробнее каждый из предложенных деструктивных элементов постфольклора.

Собственно инвективная лексика – список единиц инвективной лексики – будет уникальным в каждом языке и для каждой культуры. Образование инвективной лексики происходит с помощью различных лексико-семантических способов.

1. *Переход* в инвективную общеупотребительной лексики за счет средств языковой выразительности:

– *синонимизации* (например, слово *козёл* стало синонимом особенно оскорбительного слова для мужчины, *чайник* – синонимом слова *тупица*, но в отношении человека, не сведущего в компьютерной

Рис. 2. Мем с подписью, содержащей инвективную лексику¹⁶

технике, *тормоз* – синонимом *медлительный, сачок – уклоняющийся от работы*;

– сложной или стертой *метафоризации и метонимии*: *качалка – тренажер* для занятий бодибилдингом и *зал с тренажерами, качок – человек с накачанной мускулатурой*; *лепила – медработник, врач, плоскостопка – худая, плоскогрудая женщина, шкаф большой, да антресоль пустая* – о глупом человеке, «*Затыкай, нанюхались!*» в значении «*Хватит! Достаточно!*», *банк горел – кредит гасился* (демотиватор).

2. *Переход* в инвективную общеупотребительной иностранной лексики: *лузер – неудачник* (англ. *loser* от *lose* – проигрывать, уступать); *байтить – провоцировать* (англ. *bite* – кусать).

3. *Тембральная окраска* общеупотребительных слов: подтверждением наличия тембральных различий служит демотиватор (рис. 3).

4. *Трансформация* длинного или трудновоспроизводимого слова в более короткое: *жиза – сокращение от жизненно; ЧСВ – чувство собственной важности; рофл* (англ. ROFL – Rolling On the Floor Laughing) – кататься по полу от смеха.

5. *Займствования* из других языков с последующей адаптацией: *лафа́* (англ. *life*); *чика, две чики* (исп. *chica, dos chicas*).

6. *Переход* в инвективную лексику некоторых профессиональных терминов и слов, имеющих в данной профессии определенное значение: *бред – медицинский термин, бредятина – глупые мысли; дуб дубом* – в значении *глупый человек* (подчеркивается качество древесины дуба – твердость); *до лампочки; месилов*.

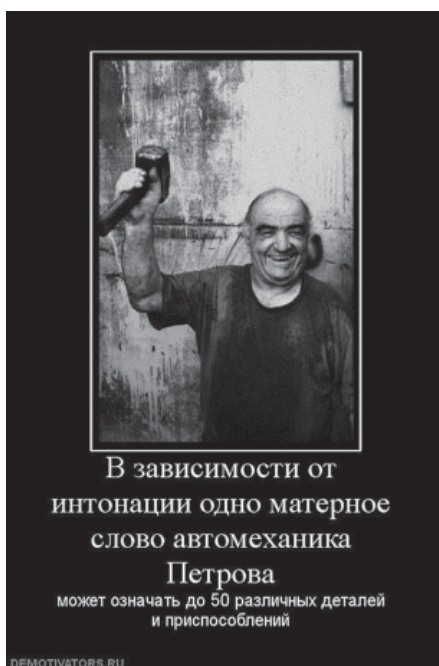

Рис. 3. Демотиватор, подтверждающий роль тембральной окраски слов¹⁷

7. Предельное выражение субъективно-оценочного значения слова – *уменьшение или увеличение*: *мужчинка, бабушка*, а также – *от горшка два вершка, море по колено*.

8. Соединение двух или нескольких слов (или корней), одно из которых инвективное, или их соединение содержит скрытое сравнение: терпилоиды (*терпеть* и *-оид*, англ. *-oid* из др.-греч. *εἶδος* – вид, облик), *литербол* (литр и *-бол* (ср. футбол)) – выпивка, *овердофига* (англ. *over* – сверх) – очень много.

9. *Займствование* имен и фамилий исторических и литературных персонажей, имен современников с выраженными отрицательными чертами: *птица Говорун, царь Дадон, Плюшкин, Чикатило, Мавроди*.

Отдельная единица инвективной лексики хранится в памяти, человек знает, что это плохое слово, но без контекста, без практики употребления оно переходит в пассивный словарь и становится менее опасным.

Второй из предложенных деструктивных элементов постфольклора – **контекст, создаваемый инвективной лексикой**.

Контекст усиливает ассоциации, благодаря которым инвективная лексика закрепляется в сознании. Общее наблюдение относительно практики употребления инвективной лексики в настоящее время – её использование является нарушением речевой способности, следствием личностного срыва, связанного с адаптацией к современной жизни, результатом (следствием) нахождения в маргинальной среде. Далее мы приводим наиболее распространенные контексты использования инвективной лексики.

Стрессовый контекст: адаптивное действие инвективной лексики проявляется при стрессе, боли или сильной усталости.

Возрастной контекст: в подростковом возрасте и у инфантилизованной молодежи инвективная лексика сопровождает, маркирует пробуждающую и/или неудовлетворенную сексуальность.

Агрессивный контекст: словесная агрессия подменяет реальную, это позволяет человеку оскорбить противника словом, а не действием. Вариантом агрессивного контекста является *командный мат* – архаическое, зооантропологическое проявление доминирования в группе. Подобным образом в стае животных самцы утверждали свое господство, в сфере деловых отношений сегодня в речи руководителя инвективная лексика присутствует как средство подчинения, как стиль руководства.

Контекст социальной принадлежности к определенной группе или сообществу, для опознания «своего» человека, отчасти также в плане профессиональной принадлежности (профессиональный сленг всегда содержит долю профессиональной инвективной лексики), но более в плане демонстрации культурно-

образовательной границы, которую человек не может или не должен переходить.

Компрессионный (скрытый протестный) контекст. Использование инвективной лексики объясняется возможностью выразить скрытый протест, для интеллигенции – это создание своего рода «некультурного» ареала, зоны недопустимости, укрывающей от давления трудностей российской жизни. Эротизация становится протестом против процессов, ведущих к сокращению рождаемости; широкое распространение криминального арго – протестом против давления чиновничьей и олигархической власти.

Контекст неразвитости и деградации: использование инвективной лексики в функции междометий восполняет скудность языка при умственной отсталости; у людей с неразвитой речью междометийные ругательства заполняют интервалы, необходимые для нахождения нужных слов и выражений, набор грубых выражений используется как словесные протезы.

Контекст исцеления. Интересны факты целебного действия инвективной лексики в экстремальных условиях. Вспомним эффект ругательств, произносимых немецким офицером перед строем советских солдат в концлагере, описанный М. Шолоховым в повести «Судьба человека». Подобный же эффект описывает Л.А. Китаев-Смык, когда 15 минут исполнения матерных частушек «песенниками-контрактниками» помогли восстановить силы солдат-срочников после многосуточного боя в Аргунском ущелье (в Чечне) [Китаев-Смык].

Рефлексивный контекст. Через инвективную лексику прослеживаются актуальные социокультурные темы и проблемы.

Контексты, создаваемые инвективной лексикой, описывают общие сценарии определенного порядка действий, совершаемых многократно каждым человеком в разное время, по разным причинам, в разном окружении.

Следующим деструктивным элементом постфольклора является **действие**. Действием мы считаем:

- произнесение/написание, прочтение/прослушивание инвективной лексики;
- выполнение любой операции, сопровождаемое инвективной лексикой;
- непристойные движения и жесты, равные по значению единицам инвективной лексики.

Каждое действие вызывает ответную реакцию и порождает цепочку действий, продолжающих деструктивное влияние. Первоначальное прочтение/прослушивание инвективной лексики в постфольклорном произведении может вызвать реакцию отторжения, отказа общаться с данным человеком или читать данное произведение. Но чаще всего мы находимся в ситуации пассивного слушателя, когда инвективная лек-

сика окружает нас (на улице, в транспорте, в соцсетях, в теле- и радиопередачах) и отказаться от неё не представляется возможным.

Четвертым деструктивным элементом постфольклора является **пассивное принятие инвективной лексики**. Пассивность не уменьшает деструктивного влияния, оказываемого инвективной лексикой.

В ходе исследования деструктивных элементов постфольклора в лингвокультурном контексте речевого взаимодействия было проведено анкетирование на тему использования в повседневном общении постфольклорных текстов, содержащих инвективную лексику. Анкетирование проводилось с целью выявить, насколько проблема употребления инвективной лексики осмыслена респондентами, существует ли осознание того, что инвективная лексика – это часть языка и культуры, оказывающая негативное влияние на человека. В анкетировании приняли участие 450 респондентов. Рассмотрим полученные результаты по каждому пункту анкеты:

1. *Употребление* постфольклорных текстов, *содержащих инвективную лексику, в повседневной речи.* Большинство респондентов (68,2 %) утверждают, что употребляют инвективную лексику (сюда вошли все ответы от «редко» до «постоянно»), никогда не используют инвективную лексику 15 % респондентов.

2. *Столкновение с инвективной лексикой в информационном пространстве.* Почти половина респондентов (46,3 %) сталкивается с инвективной лексикой ежедневно. Только 15,6 % сталкиваются редко или никогда.

3. *Влияние инвективной лексики на психоэмоциональное состояние.* Большинство респондентов (82 %) считают, что инвективная лексика негативно влияет на их психоэмоциональное состояние.

4. *Реакция на употребление инвективной лексики окружающими.* Большинство респондентов (77,2 %) реагируют на грубую лексику (ответы от «отношение нейтральное» до «чувствую себя некомфортно»). 8,1 % респондентов хотели бы обсудить проблему употребления инвективной лексики с человеком, употребляющим эти слова в повседневном общении.

5. *Рефлексия над значением инвективной лексики.* Большинство респондентов (80 %) задумываются о влиянии инвективной лексики на общество, причем для 45,6 % – это важный вопрос.

6. *Меры по минимизации использования инвективной лексики.* 48,8 % респондентов считают, что саморегуляция и самоконтроль в общении могут помочь минимизировать использование инвективной лексики. 9,4 % видят решение в проведении образовательных программ.

Таким образом, результаты анкетирования показывают, что инвективная лексика является частью повседневной речи многих людей, и большинство ре-

спондентов сталкиваются с ней в постфольклорных текстах регулярно. Хотя многие осознают негативное влияние инвективной лексики на психоэмоциональное состояние, не все готовы предпринимать активные действия для её минимизации. По мнению респондентов, саморегуляция и самоконтроль в общении являются наиболее предпочтительными методами борьбы с инвективной лексикой.

Заключение и выводы. Общение в XXI веке характеризуется наличием как позитивных (расширение границ обмена информацией, виртуальные встречи и работа в удаленном режиме, получение поддержки в социальных сетях), так и негативных элементов. Негативными элементами речевого взаимодействия являются неопределенность (нерешительность или непоследовательность) в вербальном и невербальном поведении коммуникантов, низкий уровень доверия, проявление агрессии, возможность аккумуляции и быстрого распространения ложной информации.

Осознание существования какосферы и инвективной лексики как её части в лингвокультурном контексте важно для понимания способности сакральных словесных формул вызывать эмоциональные и энергетические реакции у людей. В современном мире инвективная лексика стала частью нашего повседневного общения, так же как бытовой мусор стал частью нашего быта. Использование инвективной лексики связано с высоким уровнем стресса и накоплением неразрешенных проблем.

Инвективная лексика, восходящая к сакральным словесным формулам, в современном фольклоре и интернетлоре отражает динамику социокультурных процессов и рефлексии культурных тенденций.

В зависимости от контекста использования инвективная лексика служит средством выражения эмоций, инструментом социальной адаптации или выражением скрытого протеста. Несмотря на негативную коннотацию, инвективная лексика является частью языковой системы, отражая сложные процессы взаимодействия человека с окружающим миром.

Для адекватного понимания деструктивного влияния инвективной лексики постфольклора в лингвокультурном контексте следует учитывать не только собственно семантику словесной формулы, но и прагматическую семантику, при этом и произносимая форма, и ситуация, и реакция общества в определенном смысле типичны.

Рекомендациями и мерами минимизации влияния деструктивных элементов постфольклора являются избегание языковой агрессии, предвзятости и стереотипов, а также стремление к тому, чтобы слова и действия не наносили вреда другим и окружающему миру. Однако, как показывает исторический опыт, данные меры не могут быть навязаны в виде за-

претов, нарушение которых ведет к наказанию. Положительный результат возможен при осознании обществом существования проблемы и совместного поиска ее решения.

Примечания

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 4. Санкт-Петербург, 2004. С. 535–539.

² Словари онлайн.: Археологический словарь. URL: <https://rus-arheolog-dict.slovaronline.com/524-%D1%82%D0%B0%D0%B1%D1%83> (дата обращения: 23.08.2023).

³ Латинско-русский словарь / под ред. И.Х. Дворецкого. Москва: Русский язык, 1976. С. 552.

⁴ Виктор Пелевин. Чапаев и Пустота. URL: <https://biblioteka-online.info/book/chapaev-i-pustota/reader/> (дата обращения: 10.09.2023).

⁵ Владимир Соловьев назвал екатеринбуржцев «сатанинскими выродками». URL: <https://66.ru/news/entertainment/257404/> (дата обращения: 10.09.2023)

⁶ Келман Джеймс. До чего ж оно все запоздало (James Kelman. How Late It Was, How Late) / пер. С. Ильина (дата обращения: 23.08.2023).

⁷ Дакота Рита. Полчеловека. URL: <https://genius.com/Rita-dakota-half-a-person-lyrics> (дата обращения: 23.08.2023).

⁸ Группа «Ленинград». WWW. URL: <https://genius.com/Leningrad-www-lyrics> (дата обращения: 23.08.2023).

⁹ Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. N. Y., Oxford University Press, 1996, 321 p.

¹⁰ Архив автора.

¹¹ Стернин И.А. Проблема сквернословия. Воронеж: Истоки, 2011. С. 3.

¹² Мат занимает в моей жизни процентов 50. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/498276> (дата обращения: 23.08.2023).

¹³ Влияние мата на здоровье, образование и жизнь человека // Центр образования «Кудрово». URL: <https://educentr-kudrovo.vseovbr.ru/index.php/2-uncategorised/603> (дата обращения: 23.08.2023).

¹⁴ КВН. Если бы не было русского мата. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MC5OtXj9wFM&list=RDeAOV0Jq3nQU&index=1> (дата обращения: 23.08.2023).

¹⁵ Мем. URL: <https://gigi.click/picture/a-nakuril-kota-i-rybok-zenu-sosedej-i-kota-otkuda-kot-dva-raza-vzalsa-pusistyj-hitryj-pizma-MzM5Nzg1>

¹⁶ Мем. URL: https://bestmemes.ucoz.net/news/ja_perezvonju_tut_barsik_snova_besojobit/2021-11-14-1890

¹⁷ Демотиватор. URL: <https://gigi.click/picture/v-zzvisimosti-ot-intonzcii-odno-maternoe-slovo-evtomehznikz-petrova-mozet-oznacat-do-50-razlicnyh-MTA4NTAwMg>

Список литературы

Волков Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2014. 46 с.

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Москва: Ладомир, 2001. 328 с.

Заварзин Г.А. Какосфера. Москва: Ruthenica, 2011. 460 с.

Китаев-Смык Л.А. Психофизиологические и социально-психологические аспекты сексуальных инвектив и «матерной речи». URL: <https://psy.su/feed/9035/> (дата обращения: 23.08.2023).

Левин Ю.И. Об обценных выражениях русского языка // *Russian Linguistics*. 1986. № 10. С. 61–72.

Лобанова Н.И. Язык и сознание: Проблема взаимосвязи (Опыт анализа философии языка В. Фон Гумбольдта) // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 2010. № 123. С. 82–88.

Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. Москва: Гнозис, 2007. 302 с.

Найдыш В.М. Происхождение архетипов коллективного бессознательного // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: Философия. 2004. № 1 (10–11). С. 27–47.

Свечников Д., Ярасова Н. Как бороться с матом. URL: <https://azbyka.ru/kak-borotsja-s-matom> (дата обращения: 23.08.2023).

Стернин И.А. Проблема сквернословия. Воронеж: Истоки, 2011. 21 с.

Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Антимир русской культуры*. Москва: Ладомир, 1996. С. 9–107.

Штайнер Р. Низвержение духов Тьмы. Духовные подосновы внешнего мира. Москва: Энигма, 2022. 336 с.

Hymes D.H. On communicative competence. *Sociolinguistics*. London, Penguin, 1972, pp. 269–293.

References

Kitaev-Smyk L.A. *Psichofiziologicheskie i social'no-psihologicheskie aspekty seksual'nyh invektiv i «maternoj rechi»* [Psychophysiological and socio-psychological aspects of sexual invective and “obscene speech”]. URL: <https://psy.su/feed/9035/> (access date: 23.08.2023). (In Russ.)

Levin Ju.I. *Ob obscennyh vyrazhenijah russkogo jazyka* [On obscene expressions of the Russian language]. *Russian Linguistics*, 1986, No. 10, pp. 61–72. (In Russ.)

Lobanova N.I. *Jazyk i soznanie: Problema vzaimosvjazi (Opyt analiza filosofii jazyka V. Fon*

Gumbol'dta) [Language and consciousness: The problem of interrelation (Experience in analyzing the philosophy of language of V. von Humboldt)]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena* [News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen], 2010, No. 123, pp. 82–88. (In Russ.)

Maslova V.A. *Homo lingualis v kul'ture* [Homo lingualis in culture]. Moscow, Gnozis Publ., 2007, 302 p. (In Russ.)

Najdysh V.M. *Proishozhdenie arhetipov kollektivnogo bessoznatel'nogo* [The origin of the archetypes of the collective unconscious]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser.: Filosofija* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Ser.: Philosophy], 2004, No. 1 (10–11), pp. 27–47. (In Russ.)

Sternin I.A. *Problema skvernoslovija* [The problem of bad language]. *Voronezh, Istoki Publ.*, 2011, 21 p. (In Russ.)

Svechnikov D., Jarasova N. *Kak borot'sja s matom* [How to fight swearing]. URL: <https://azbyka.ru/kak-borotsja-s-matom> (access date: 23.08.2023). (In Russ.)

Shtajner R. *Nizverzhenie duhov T'my. Duhovnye podosnovy vneshnego mira* [Overthrow of the Spirits of Darkness. Spiritual foundations of the external world]. Moscow, Jenigma Publ., 2022, 336 p. (In Russ.)

Uspenskij B.A. *Mifologičeskij aspekt russkoj jekspressivnoj frazeologii* [Mythological aspect of Russian expressive phraseology]. *Antimir russkoj kul'tury* [Anti-world of Russian culture]. Moscow, Ladomir Publ., 1996, pp. 9–107. (In Russ.)

Volkov Ja.A. *Destruktivnoe obshhenie v kognitivno-diskursivnom aspekte: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Destructive communication in the cognitive-discursive aspect: DSc thesis, summary]. Volgograd, 2014, 46 p. (In Russ.)

Zavarzin G.A. *Kakosfera* [Cacosphere]. Moscow, Ruthenica Publ., 2011, 460 p. (In Russ.)

Zhel'vis V.I. *Pole brani. Skvernoslovie kak social'naja problema v jazykah i kul'turah mira* [Battlefield. Foul language as a social problem in the languages and cultures of the world]. Moscow, Ladomir Publ., 2001, 328 p. (In Russ.)

Hymes D.H. On communicative competence. *Sociolinguistics*. London, Penguin Publ., 1972, pp. 269–293.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 21.09.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 176–181. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 176–181. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 348.97

EDN WTUWNT

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-176-181>

О СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ В СТРАНАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО МАГРИБА XIV–XV ВВ.

Груздев Владислав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия; Херсонский государственный педагогический университет, Херсон, Россия, VGruzdev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Минеева Татьяна Германовна, доктор юридических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, t.mineeva@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9776-678X>

Аннотация. Страны Магриба занимают особое место в истории и теории права. Их правовые процедуры и институты складывались под влиянием различных факторов. В настоящее время правовые системы Северной Африки представляют собой комбинацию французского позитивного права, местных обычаев и мусульманского права. Однако процесс складывания правовых институтов Магриба шел достаточно долго, на него накладывали отпечатки как субъективные политические факторы, так и нормы обычного права берберских племен. Целью настоящего исследования является установление правового статуса судей в судебном процессе в средневековом Магрибе. Основным источником по изучению судебного процесса средневекового Магриба являются тексты фетв, составленных учеными юристами XIV–XV веков. Поэтому при изучении проблемы авторы статьи использовали метод анализа юридического текста в сочетании с принципом историзма. Основным результатом исследования стал вывод о том, что власть и судебные полномочия кади в отдаленных от центра государства регионах подменялись полномочиями других должностных лиц, зачастую действовавших на основании норм обычного права берберов. При противоречии норм мусульманского права и местных обычаев суд чаще выносил решение на основании норм обычного права.

Ключевые слова: Магриб, средние века, мусульманское право, маликитский мазхаб, суд, фетва, кади, берберы.

Для цитирования: Груздев В.В., Минеева Т.Г. О судебном процессе в странах средневекового Магриба XIV–XV вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 176–181. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-176-181>

Research Article

ON MEDIEVAL (THE 14TH TO 15TH CENTURIES) MAGHREB COUNTRIES' COURT

Vladislav V. Gruzdev, Doctor of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia; Kherson Pedagogic University, VGruzdev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Tatiana G. Mineeva, Doctor of Jural Sciences, Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, t.mineeva@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9776-678X>

Abstract. The Maghreb countries occupy a special place in theoretical and legal courses. Their legal procedures and institutions were influenced by various factors. Currently, North African legal systems are a combination of French positive law, local customs and Islamic law. However, the process of the formation of the legal institutions of the Maghreb took a long time; it was influenced by both subjective political factors and the customary law of the Berber tribes. The purpose of this study is to establish the legal status of judges in litigation in the medieval Maghreb. The main source for studying the judicial process of the medieval Maghreb are the texts of fatwas compiled by educated jurists of the 14th–15th centuries. Therefore, when studying the problem, the authors of the article used the method of analysing the legal text in combination with the principle of historicism. The main result of the study was the conclusion that the powers, including judicial, of the qadi in regions remote from the centre of the state were replaced by the powers of other officials, often acting on the basis of Berber customary law. When there was a conflict between the norms of Islamic law and local customs, the court more often made a decision based on the norms of customary law.

Keywords: Maghreb, Middle Ages, Islamic law, Maliki school of Islamic jurisprudence, court, fatwa, qadi, Berbers

For citation: Gruzdev V.V., Mineeva T.G. On medieval (the 14th to 15th centuries) Maghreb countries' court. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 176–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-176-181>.

Развитие правовых систем Северной Африки к современному периоду привело к объединению обычного права, шариата и континентального права. На территории Магриба сформировался правовой компромисс путем скрещивания двух основных правовых систем – мусульманского права и французского права. Сегодня в Магрибе мало что осталось от категорий мышления мусульманских юристов, хорошо описанных Огюстеном Берком [Berque A.: 42–48].

Французские исследователи доказательно продемонстрировали, что берберские обычаи, жизнеспособность которых испытывалась давлением, оказываемым на них маликитской школой мусульманского права, заставили именно мусульманское право стать живым и постоянно адаптирующимся к меняющимся социальным условиям. При этом Ж. Марси считал, что берберское право и право, основанное на Коране, представляли собой противоположные системы [Marcu: 35].

В своей монументальной «Истории судебной организации в странах ислама», первое издание которой вышло в 1938 году [Туан], Эмиль Тьян предложил первое обобщенное эссе об основных юрисдикциях средневекового ислама. Эта работа, которая по сей день остается важным справочником как для историков, так и для юристов и специалистов по исламу, и сейчас побуждает исследователей завершить, уточнить или опровергнуть результаты Э. Тьяна. Основываясь на доступных в то время источниках, Э. Тьян стремился реконструировать из разрозненных фрагментов систему правовых институтов, которые он считал относительно однородными во времени и пространстве. С тех пор были проведены многочисленные исследования, в том числе региональные, которые создали более сложный образ исламской судебной системы. Факт остается фактом: до недавних исследований множественное измерение судебных институтов, как правило, игнорировалось.

При этом Лоуренс Розен в своем исследовании суда кади в маленьком городке Сефру в Марокканском Среднем Атласе считал, что правосудие там характеризуется тенденцией к постоянному согласованию индивидуальных интересов. Розен стремится показать, с одной стороны, что решение правосудия является продуктом культурных соображений, с помощью которых кади измеряет влияние своего решения и инкриминируемого действия на структуру отношений рассматриваемой социальной общности. С другой стороны, он также считал, что конкретный случай Сефру является воплощением марокканской культуры, которая сама по себе – воплощение мусульманской культуры [Rosen: 64–65].

Исследование соотношения норм мусульманского права и обычаев племен Северной Африки показало противостояние множества «частично автономных и саморегулируемых социальных полей, которые также являются производителями правовых норм» [Al-‘Ālimī R., Dupret B.]. Таким образом, племена можно рассматривать как частично (но не полностью) автономные социальные поля, внутри которых действует особая форма права: племенное обычное право, урф.

Также можно предположить, что обычное право в мусульманских странах выступает как своего рода синтез обычая и фикха, где часть последнего может преобладать или, наоборот, оставаться второстепенной. Мы склонны полагать, что это сохранение обычая характерно для неарабского мусульманского населения.

Такова эта система сейчас, однако средневековый Магриб (IX–XV вв.) хотя и являлся частью исламского мира, тем не менее отличался от правовых идеалов светской теократии и, соответственно, формы судебного процесса и роль в нем участников не могли не различаться от того, что существовало в крупных государственных центрах.

Защита справедливости в исламе издавна характеризуется своей множественностью. В средние века, как и в эпоху Османской империи, судебными полномочиями обладали представители различных институтов: кади (qāḍī – обычный судья), сахиб аль-шурта (ṣāḥib al-shurṭa – начальник полиции), мухтасиб (muḥtasib – рыночный инспектор), сахиб аль-махалим (ṣāḥib al-maḥālim – офицер, отвечающий за возмещение ущерба, злоупотреблений), вали, халиф и т. д. Роль каждого из соответствующих судов не всегда была определена, и их юрисдикция часто пересекалась. Существование судов, специфичных для немусульманских общин, еще больше усугубило сложность этого институционального распротранения.

Сборники маликитских фетв периода позднего средневековья позволяют достаточно хорошо представить своеобразие хода судебного процесса в Магрибе того периода и выявить статус участников процесса. Чаще всего исследователями [Voguet 2014b] используется Nawāzil Māzūna, в котором собраны фетвы XIV–XV вв., применявшиеся юристами того времени. Публикации крупных фрагментов этого и других сборников фетв, таких как Bāb al-qadā' wa-l-ṣahādāt min nawāzil al-Burzulī и Al-Wanṣarīsī, Kitāb al-miy'ār al-muḡrib wa-l-ḡāmi' al-mu'rib 'an fatāwā hī Iffriqiya wa-l-Andalus wa-l-Maḡri, французскими исследователями, прежде всего Э. Воге, сделали возможным проанализировать юридический анализ текста фетв.

Правосудие, где бы оно ни осуществлялось в средневековом Магрибе, было организовано вокруг символической фигуры кади. Даже в районах, удаленных от городских центров, кади теоретически назначался центральной властью: султан, будучи верховным главой правосудия, осуществлял его либо лично, либо через представителей. Субъектной территорией является территория, на которую мог распространяться закон султаната. Она управлялась через судебную структуру, возглавляемую уполномоченным султаном человеком. Об этой функции главного кади достаточно подробно известно из исследований нескольких определений, содержащихся в сборнике фетв аль-Бурзули, на которые опираются практически все маликитские юристы этого периода [Van Staëvel: 41].

Великий кади, как и султан, имел право выносить смертный приговор, чего были лишены сельские кади. Такой вывод сделан на основании вопроса, заданного ибн Марзуку, известному юристу XV в. [Voguet 2014b: 240-243]. Ибн Марзук в своем юридическом комментарии подчеркнул разницу в теории права, выраженной аль-Бурзули, и существующими судебными практиками: «Кади городов в настоящее время уполномочены выполнять предписания Бога как закон возмездия или другие, потому что только султан наделяет их своей юрисдикцией» [Van Staëvel: 14]. Следовательно, кади сельской местности таким правом не обладали, раз их не назначил на должность непосредственно султан, поэтому пойманных в сельской местности разбойников, в том числе и берберов, следовало доставлять в суд кади ближайшего города. Сельским кади оставались дела, связанные с вопросами гражданского права: договоры, в том числе купли-продажи, наследственные дела, управление недвижимостью.

Впрочем, кади иногда утверждались теми, кто установил свою власть над регионом, например эмиром берберов, и такое назначение осуществлялось без разрешения султана. Полномочия такого кади не признавались маликитскими юристами, однако практика говорит о том, что некоторые судьи из регионов, слабо зависящих от центральной власти, были назначены действующим политическим лидером [Voguet 2014b: 106-107]. Эти регионы были полностью исламизированы, судебная организация, безусловно, была местной и независимой от государственного центра, но она следовала действующим правилам исламского правосудия, которым управляет кади.

Вопрос, заданный Абу л-Фаду аль-Укбани, еще одному известному юристу начала XV века, показывает особенность отправления правосудия в сельской местности: «Есть кади, который не получает жалования от султана или кого-либо еще и воздерживается собирать плату за составление своих ак-

тов или вынесение приговоров, поскольку большинство судей принадлежат к берберам» [Voguet 2014b: 232-233]. В этих случаях можно обнаружить относительную независимость этих судей, обусловленную тем, что они не были судьями, назначенными султаном, то есть государственными служащими, получающими жалование от центрального правительства. Они могли получать милостыню или в трудные времена обратиться за помощью к местной администрации, как это предполагается, когда мы видим, как кади просит шейха своего региона выделить ему землю, чтобы обеспечить ему средства к существованию. В этом последнем примере кади поддерживает опрошенный муфтий, который признает его статус судьи, хвалит его и поощряет выдачу ему содержания [Voguet 2014b: 106-107]. Таким образом, в местах, далеких от центров власти, кади действовал относительно автономно, под руководством местных властей, которые несли ответственность за назначение кади.

Дуалистический характер судов в исламских государствах на материалах Ирана и Саудовской Аравии обосновывается и отечественными исследователями [Гусейнова].

Когда мы изучаем судебную систему сельских районов, особенно если они находятся вдали от городских центров, то понимаем, что кади не единственный, кто вмешивался в процесс урегулирования правовых конфликтов. Если он, как правило, был участником судебного процесса в городах, то в местах, находящихся далеко от центров султанских держав, лишь изредка появляется в данном качестве, даже если предполагается его присутствие. В этом контексте выделение институциональных прерогатив кади позволяет показать, что если судебная власть в принципе осуществлялась по приказу и от имени центральной политической власти, то в сельской местности она также иногда присваивалась местными властями.

Такие местные власти в ряде случаев могли быть назначены уммали регионов, как они именуются в фетвах. Как и кади, уммали связаны обязательствами по отношению к султану, и их полномочия распространяются на определенную территорию. Теоретически можно предположить, что уммаль – это административный и финансовый агент, но фетва, изданная Абу л-Фадлом аль-Укбани, раскрывает интересную ситуацию, которая хорошо характеризует полномочия уммали. В фетве повествуется, что караван купцов возвращается из Судана с рабами, и во время пути один купец покупает у другого четырех женщин по цене, определенной между ними без учета торговой пошлины с обязательством заплатить сразу. Продавец рабынь погибает при пересечении Сахары. К прибытию в Ифрикию караван

попадает под юрисдикцию уммаля этого региона, который знает о сути этой сделки и обязывает покупателя уплатить в государственную казну сумму, которую он должен. Компетентность уммаля и его полномочия подтверждает правовед, которому был задан вопрос о справедливости требования: «Если бы повелитель правоверных поручил ему позаботиться об этом и других делах того же типа, его решение в этом случае эквивалентно решению кади, ответственного за управление богатством умершего. Однако обычаи и мнение имамов считают, что... местные представители власти выходят за пределы, установленные Справедливостью» [Voguet 2014b: 84-89].

Еще один персонаж, назначенный султаном, также появляется в качестве лица, имеющего судебные полномочия. Речь идет о каиде, эмире племени, назначенном (или признанном) султаном [Berque J.: 47]. Назначение уважаемых на местном уровне лидеров позволяет центральной власти сохранить влияние в отдаленных регионах. Мы не знаем точно, какие полномочия были делегированы этим каидам, но, возможно, именно они взяли на себя определенные судебные прерогативы, особенно в отношении уголовных дел.

Приведем следующий пример, взятый из фетвы Ибн Марзука. Вопрос был задан о ссоре между двумя людьми, один из них утверждал, что был ранен во время ссоры, но видимых повреждений не имел. Каид региона, куда направился предполагаемый пострадавший, арестовал обвиняемого [Voguet 2014b: 168-169]. Каида сопровождали отряд всадников и тюремщик. Обвиняемого заставили заплатить каиду определенную сумму и освободили. Заданный вопрос предполагает, что первоначальное обвинение было необоснованным, и поэтому возникает вопрос, был ли тот, кто был несправедливо обвинен, вправе требовать от обвинителя возместить то, что он был вынужден заплатить. Ответ Ибн Марзука однозначно дан в пользу обвиняемого, которому должна быть возмещена сумма, никаких комментариев по поводу законности роли каида не делается, поэтому можно только предполагать, насколько правомерным было вмешательство каида.

Известен еще один похожий комментарий Ибн Марзука, который касается следующего казуса: мужчину арестовывают и доставляют к каиду, который освобождает его, когда семья задержанного выплатила сумму в 10 динаров. Заданный вопрос также касался того, нужно ли возмещать расходы тем, кто заплатил 10 динаров [Voguet 2014b: 170]. Как и в предыдущем случае, юрист не дает заключения о правомерности вмешательства каида.

Можно назвать еще одного обладающего властными полномочиями представителя власти, который также мог выступать в роли судьи. Слово ха-

ким встречается в некоторых фетвах. Этот общий термин широко обозначает того, кто судит. Однако трудно понять, является ли это слово, когда оно встречается в данном случае, синонимом кади или же оно обозначает судью другого типа. Вопрос о статусе хакима был задан в начале XIV в., и в ответе говорится, что это доверенный юрист, если нет кади [Voguet 2014b: 171]. В данной фетве хакимом определен как судья, за которым юристы признают право разбирать правовой конфликт, при этом главным качеством хакима определена его честность.

По поводу различия статуса кади и хакима исследователи утверждают следующее: если кади занимается разрешением споров и исполнением назначенных в соответствии с законом наказаний, то хакимом в первую очередь стремится заключить сделку между сторонами [Hentati: 187]. Кроме того, прояснить ситуацию со статусом и полномочиями хакима может упоминание в *Nawāzil Māzūna* о том, что ибн Арифа, известный юрист XIV в. часто прибегал к суду хакима и утверждал, что в то время это было гораздо эффективнее, чем обращение к кади, к которому сложно подойти, особенно слабым [Voguet 2014a: 113–124]. Можно предположить, что суд хакима позволял интегрировать широко распространенные правовые практики в «официальную» систему, институционализировать местные традиции.

Наряду с хакимом мы также находим упоминание о советах известных представителей племен, например берберов, которые участвовали в разрешении конфликтов. Если подобное собрание пользовалось поддержкой юристов, то оно именовалось «собрание мусульман». Если же, наоборот, собрание представителей племени в чем-то было оппозиционно правовой доктрине маликитов, то оно не признавалось правомочным и ассоциировалось с несправедливостью, юристы отвергали любое его решение [Voguet 2014b: 172-173].

В качестве примера можно привести случай с человеком, который принес жалобу на собрание бедуинов, известное, по мнению юриста, тем, что они преступали законы. Тем не менее мы видим, что в местах, отдаленных от центра государства, люди спонтанно обращаются к этим местным властям для решения их конфликтов.

Говоря о местных практиках Магриба, позволяющих разрешать конфликты, нельзя обойти вниманием марабутов. Стабильность групп марабутов, своего рода сельских святых, соединяющих в себе как некоторые качества духовного подвижника, так и знание Корана в сочетании с религиозным престижем, делало их последним прибежищем для тех жителей отдаленных регионов Магриба, кому были нужны ходатаи-посредники. По мнению Н.Н. Дьякова, марабуты в XIV–XV вв. вполне могли сплотить и орга-

низовать массы мусульман Дальнего Магриба, в том числе и в правовой сфере [Дьяков: 60]. Марабуты утверждают себя в качестве посредников между конкурирующими властями, посредников для разрешения конфликтов. Несколько отдельных фетв показывают нам, как марабуты вмешиваются в регулирование межплеменной вражды. Фетва ибн Марзука содержит вопрос, имеют ли марабуты право рассматривать эти конфликты? Юрист отвечает: «Это обязанность каждого, кто имеет возможность внести свой вклад в обеспечение того, чтобы люди примирились», подтверждая такое посредничество, но избегая приписывать эту роль только марабуту: любой, кто окажется в таком положении, должен будет действовать так же, как и они. Однако фетва показывает, что марабутские группы были посредниками, признанными сельскими общинами, независимо от того, ведут ли они оседлый образ жизни или являются бедуинами, и что это признание вынуждает муфтиев включать их решения в право ислама [Voguet 2014b: 236–237]. Таким образом, юристы объединяют жизнь сельских общин и племенной образ жизни.

Сельские юристы, вынося решения по тем или иным делам, ориентировались на сборники фетв, которые должны были примирить нормы фикха и урф местных племен. Приведем, например, фетву тунисского юриста: дом прикрепляется к городскому валу так, что одна из его стен сама является валом. Эта стена приходит в упадок, и жители города хотят, чтобы ее отремонтировали. Так как хозяин дома отказывается взять на себя ремонт своей стены, то вопрос, заданный правоведам, следующий: «должны ли мы обязать по решению суда хозяина дома отремонтировать свою стену или всех жителей дома? должны ли они взять на себя этот ремонт [...] особенно, если им всем угрожают бедуины и мародеры, если авторитет султана падает или если султан не заинтересован в этом вопросе?» Ответ юриста предписывает всем жителям участвовать в восстановлении [Voguet 2004: 225–233]. Этот пример показывает, что владельцы домов, примыкающих к оборонительной стене, должны были регулярно поддерживать свои стены в порядке, но, прежде всего, если они не хотели этого делать или не имели средств, то это была обязанность всей общины, которая должна была оплатить расходы, понесенные на восстановление стены.

На этом примере мы также видим, что, когда власть, ответственная за обеспечение защиты города, недостаточна, община берет на себя обеспечение его защиты. Наконец, мы видим, что султан не только не является авторитетной властью для местных жителей, но либо мало заинтересован в защите крепостей, либо не имеет средств принять на себя роль защитника, которую он отводит себе. В любом случае

центральная власть далека от повседневной жизни и явно не озабочена поддержкой сельского населения.

Фетвы четко различают территории, находящиеся под защитой центральной власти, и регионы, которые избегают ее. Вожди племен, населяющих эти регионы, как правило, признаются нарушающими законы, а их судебные решения оспариваются. Но если султан присоединяется к угнетению и несправедливости, которые характеризуют вождей племен, он больше не отличается от этих конкурирующих вождей. Именно поэтому многие решения сельских юристов содержат если не прямое, то скрытое осуждение центральной власти.

Правовая доктрина маликитов среди прочего признает принцип, «обычаи стоят юридических оговорок», то есть если юрист в своем желании разрешить конфликт стремится к примирению права и обычая, то повсюду будут действовать местные практики, которые в конечном итоге будут приняты. Бабер Йохансен приводит в пример обычай договоров издольщины, широко практикуемый в центральном Магрибе [Johansen: 31–32]. По его словам, местные обычаи и общечеловеческие обычаи постоянно взаимодействуют: «в этом синаллагматическом договоре, часто упоминаемом в наших фетвах, продается не вещь, а человеческий акт, пахота, и этот вид продажи находится в открытом противоречии с тем, что разрешено исламским правом. Однако этот обычай принимается большинством маликитских юристов, которые таким образом хотят стандартизировать общепринятую и общую практику». Такое сопротивление обычаям шариату в конечном итоге способствует укреплению обычного права Магриба.

В заключение скажем, что если кади являются самыми известными судьями средневекового и современного ислама, то на самом деле они были далеки от монополизации отправления правосудия. Другие учреждения имели судебные прерогативы, например полиция (шурта), рыночная инспекция (хисба), губернаторы провинций и т. д. Возникли специальные суды, такие как военная юстиция (када аль-аскар) или суд по возмещению злоупотреблений (мазалим, иногда называемый «светским правосудием»). Тем не менее функционирование институтов за пределами судебной власти кади остается малоизученным, возможно, потому, что ученые – авторы наших источников – считали их находящимися на грани религиозного правосудия – единственного правосудия, которое они признавали законным. Таким образом, границу между юрисдикциями по-прежнему трудно определить, о чем свидетельствует всегда острый вопрос о реальных навыках кади в уголовных делах. Лучшее понимание этих институтов требует нового размышления над взаимодействием между различными судебными органами и их функционированием.

Библиографический список

Гусейнова П.А. Исламский уголовный процесс: религиозно-правовая природа и характерные черты (на примере Исламской республики Иран и королевства Саудовская Аравия): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016. 458 с.

Дьяков Н.Н. Мусульманский Магриб. Шерифы, тариаты, марабуты в истории Северной Африки (средние века, новое время). Санкт-Петербург: Изд. Санкт-Петербургского ун-та, 2008. 344 с.

Al- 'Ālimī R., Dupret B. Les procédures de justice tribale dans la société yéménite. Chroniques Yéménites, 2000, p. 8. URL: <http://Les-procedures-de-justice-tribale-dans-la-societe-yemenite-openedition.org> (дата обращения: 28.10.2023).

Berque A. Ecrits sur l'Algérie. Aix-en-Provence. Edisud, 1986, 322 p.

Berque J. L'Intérieur du Maghreb XVe-XIXe siècle. Paris, Gallimard, 1978, 546 p.

Hentati N. Mais le cadī tranche-t-il ? Islamic Law and Society, 2007, No. 14/2, pp. 180-203.

Johansen B. Coutumes locales et coutumes universelles aux sources des règles juridiques en droit musulman hanéfite. Annales Islamologiques, 1993, No. 27, pp. 31-32.

Marcy G. Le problème du droit coutumier berbère. La France méditerranéenne et africaine, 1939, fasc 1, pp. 7-70.

Rosen L. The justice of Islam. Oxford, Oxford University Press, 2000, 248 p.

Tyan É. Histoire de l'organisation judiciaire en pays d'Islam, préface d'Édouard Lambert. Annales de l'Université de Lyon, éd. Sirey, t. I. Paris, 1938, 524 p.

Van Staëvel J.-P. Droit mālikite et habitat à Tunis au xive siècle. Conflits de voisinage et normes juridiques d'après le texte du maître-maçon Ibn al-Rāmī. Le Caire, Institut français d'archéologie orientale, 2008, 694 p.

Voguet E. Le Maghreb central au IXe/XVe siècle Résistances à l'idéal islamique d'unité. Hypothèses, 2004, No. 1 (7), pp. 225-233.

Voguet E. De la justice institutionnelle au tribunal informel, le pouvoir judiciaire dans la bādiya au Maghreb medieval. Bulletin d'Etudes Orientales, 2014a, No. 63, pp. 113-124.

Voguet É. Le monde rural du Maghreb central (XIVe-XVe siècles). Réalités sociales et constructions juridiques d'après les Nawāzil Māzūna. Paris, Publications de la Sorbonne, 2014b, 512 p.

modern times)]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2008, 344 p. (In Russ.)

Gusejnova P.A. *Islamskij ugolovnyj process: religiozno-pravovaya priroda i harakternye cherty (na primere Islamskoj respubliki Iran i korolevstva Saudovskaya Araviya): dis. ... kand. jurid. nauk* [Islamic criminal process: religious and legal nature and characteristic features (using the example of the Islamic Republic of Iran and the Kingdom of Saudi Arabia): PhD thesis]. St. Petersburg, 2016, 458 p. (In Russ.)

Al- 'Ālimī R., Dupret B. Les procédures de justice tribale dans la société yéménite. Chroniques Yéménites, 2000, p. 8. URL: <http://Les-procedures-de-justice-tribale-dans-la-societe-yemenite-openedition.org> (дата обращения: 28.10.2023).

Berque A. Ecrits sur l'Algérie. Aix-en-Provence. Edisud, 1986, 322 p.

Berque J. L'Intérieur du Maghreb XVe-XIXe siècle. Paris, Gallimard Publ., 1978, 546 p.

Hentati N. Mais le cadī tranche-t-il ? Islamic Law and Society, 2007, No. 14/2, pp. 180-203.

Johansen B. Coutumes locales et coutumes universelles aux sources des règles juridiques en droit musulman hanéfite. Annales Islamologiques, 1993, No. 27, pp. 31-32.

Marcy G. Le problème du droit coutumier berbère. La France méditerranéenne et africaine, 1939, fasc 1, pp. 7-70.

Rosen L. The justice of Islam. Oxford, Oxford University Press Publ., 2000, 248 p.

Tyan É. Histoire de l'organisation judiciaire en pays d'Islam, préface d'Édouard Lambert. Annales de l'Université de Lyon, t. I, éd. Sirey. Paris, 1938, 524 p.

Van Staëvel J.-P. Droit mālikite et habitat à Tunis au xive siècle. Conflits de voisinage et normes juridiques d'après le texte du maître-maçon Ibn al-Rāmī. Le Caire, Institut français d'archéologie orientale, 2008, 694 p.

Voguet E. Le Maghreb central au IXe/XVe siècle Résistances à l'idéal islamique d'unité. Hypothèses, 2004, No. 1 (7), pp. 225-233.

Voguet E. De la justice institutionnelle au tribunal informel, le pouvoir judiciaire dans la bādiya au Maghreb medieval. Bulletin d'Etudes Orientales, 2014a, No. 63, pp. 113-124.

Voguet É. Le monde rural du Maghreb central (XIVe-XVe siècles). Réalités sociales et constructions juridiques d'après les Nawāzil Māzūna. Paris, Publications de la Sorbonne Publ., 2014b, 512 p.

References

D'yakov N.N. *Musul'manskij Magrib. SHerify, tariaty, marabuty v istorii Severnoj Afriki (srednie veka, novoe vremya)* [Muslim Maghreb. Sheriffs, tariqats, marabouts in the history of North Africa (Middle Ages,

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 09.11.2023.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 09.11.2023.

КОРРУПЦИЯ: СУБЪЕКТЫ, СОВРЕМЕННЫЕ ПРИЗНАКИ, ПОНЯТИЕ

Арзамасов Юрий Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Россия, iguip@guu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2429-2410>

Арзамасов Владислав Юрьевич, кандидат юридических наук, Государственный университет просвещения, Москва, Россия, arzamasov.vladislav@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-6978-4142>

Аннотация. В начале статьи подчеркивается актуальность проблемы коррупции как в нашей стране, так и за рубежом, для чего приводятся современные статистические данные. Проблема коррупции усугубляется в наши дни по многим причинам: неэффективная деятельность правоохранительных органов, цифровизация и связанные с ней новые виды преступлений коррупционной направленности, сращивание представителей госаппарата с криминальными структурами и т. д. В статье отмечается, что, несмотря на множество научных работ, посвященных коррупции, на сегодняшний день отсутствует единое понимание термина «коррупция». При этом многие исследователи отмечают локальный характер коррупционных преступлений. При раскрытии понятия «коррупция» авторы применили комплексный метод, проанализировав научные работы представителей различных гуманитарных наук, как отечественных, так и зарубежных, результатом чего явилось выявление признаков, характеризующих коррупцию не только как юридическую проблему, но и общесоциальную. Высказана идея о необходимости разработки единого правового международного документа, регламентирующего отношения, связанные с борьбой и предотвращением коррупции. Основываясь на данных проведенного анализа научной литературы, российского законодательства и судебной практики, было предложено общесоциальное понятие коррупции и его юридическое понятие. Сформулированные выводы имеют как теоретическое значение для развития разделов криминологии и науки уголовного права, так и практическое – для совершенствования легального законодательного понятия «коррупция».

Ключевые слова: коррупция, причины коррупции, коррупционные правонарушения, правоохранительные органы, преступления, виды коррупционных преступлений, признаки коррупции, общесоциальное понятие коррупции, юридическое понятие коррупции, дефиниция.

Для цитирования: Арзамасов Ю.Г., Арзамасов В.Ю. Коррупция: субъекты, современные признаки, понятие // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 182–190. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-182-190>

Research Article

CORRUPTION: CONTEMPORARY SUBJECTS SIGNS, CONCEPT

Yuriy G. Arzamasov, Doctor of Jural Sciences, Professor, Chief Scientific Associate, Department of Legal Theory and Interdisciplinary Legislative Investigations, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, iguip@guu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2429-2410>

Vladislav Yu. Arzamasov, Candidate of Jural Sciences, State University of the Enlightenment, Moscow, arzamasov.vladislav@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-6978-4142>

Abstract. In the foreword, topicality of the problems of corruption, both in Russia and abroad, is determined for which, modern statistical data are provided. The problem of corruption aggravates nowadays for a number of reasons: ineffective activities of authorities, digitalisation and associated new types of consequences of corruption, the merging of representatives of the state apparatus with criminal structures, etc. The article notes that, despite the many scientific works devoted to corruption, we still have no concept of “corruption” proper. At the same time, many researchers note the local nature of corruption crimes. When revealing the concept of “corruption,” the authors here had applied a complex method, analysing the scientific works of representatives of various humanities, both Russian and foreign, which resulted in the identification of signs characterising corruption not only as a legal problem, but also as a general social one. The idea was expressed about the need to develop a single legal international document regulating relations to fight and prevent corruption. Based on the analysis of scientific

literature, Russian legislation and judicial practice, a general social concept of corruption and its legal concept were proposed. The formulated conclusions are of theoretical significance for both criminology sections' development and criminal law science; they are also of practical significance for improving the legal legislative concept of "corruption".

Keywords: corruption, causes of corruption, corruption offences, law enforcement agencies, crimes, types of corruption crimes, signs of corruption, general social concept of corruption, legal concept of corruption, definition.

For citation: Arzamasov Yu.G., Arzamasov V.Yu. Corruption: contemporary subjects signs, concept. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 182–190 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-182-190>

1. Актуальность проблемы. Начать данную статью мы решили с цитаты древнегреческого философа Аристотеля не ради традиционного «украшения» работы изречением известного всему миру ученого, а для того, чтобы показать актуальность проблематики, связанной с коррупцией, как в прошлые тысячелетия, так и на современном этапе развития нашего социума и государства. Проблема коррупции усугубляется в наши дни по многим причинам: неэффективная деятельность правоохранительных органов, цифровизация и связанные с ней новые виды преступлений коррупционной направленности, сращивание представителей госаппарата с криминальными структурами и т. д. Еще 15 лет назад в статье, опубликованной в журнале «Государство и право», посвященной данной проблематике, профессор В.В. Лунеев отметил, что «ежегодно в стране совершается до 7 млн коррупционных деяний» [Лунеев: 24].

Сегодня официальные данные о преступлениях коррупционной направленности значительно отличаются от утверждения профессора В.В. Лунеева. Так, по заявлению Председателя Следственного комитета России А.И. Бастрыкина в 2022 г. только «следователи СК России направили в суд почти 89 тыс. уголовных дел, из них 10 тыс. – о коррупции, что на 9 % больше, чем в 2021 году»¹.

Конечно, данная статистика не является абсолютной, поскольку коррупционные деяния в большинстве случаев, если они не выявлены оперативными сотрудниками правоохранительных органов с помощью прослушивания, оперативного эксперимента либо не зафиксированы средствами видеонаблюдения, являются латентными, то есть незарегистрированными и, соответственно, не учтенными правоохранительными органами, о чем свидетельствуют современные исследования [Чернов: 103–106; Арзамасов В.: 237–250].

Тем не менее проблема коррупции в стране стоит довольно остро. Коррупция серьезно тормозит не только развитие экономики, мелкого и среднего бизнеса, но и науки и культуры. Без поддержки влиятельных родственников и друзей либо без взяток талантливым управленцам, экономистам, юристам

Покупающие власть за деньги
привыкают извлекать из нее прибыль

Аристотель

и специалистам в других областях деятельности довольно трудно сделать карьеру не только на государственной службе, но также в бизнесе, в науке, в отдельных направлениях искусства, в образовании. Видя такое положение вещей, у молодых людей возникают признаки правового нигилизма, проявляющиеся в недоверии к законодательству, к правоохранительным и контролирующим органам власти. Коррупция среди сотрудников государственных и муниципальных органов способствует расширению не только «теневых отношений» в бизнесе, но и реальному росту организованной преступности и терроризма.

Фактически коррупция во всех своих многообразных проявлениях не просто тормозит построение эффективного цивилизованного демократического государства в России, но реально представляет собой угрозу национальной безопасности. Недаром еще в 2015 г. в своем Указе от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» Президент России В.В. Путин отнес коррупцию к числу «основных угроз государственной и общественной безопасности»². В принятом на смену данному акту в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» «искоренение коррупции» было названо Президентом одним из национальных интересов Российской Федерации³, что лишним раз актуализирует не только проблему борьбы с коррупцией и предотвращения коррупционных правонарушений, но и необходимость научного исследования данного понятия и выявления причин его генезиса.

Более того, актуальность данной проблематики подтверждается также тем фактом, что, несмотря на различные формы правления в государствах, политические режимы и приоритеты в использовании методов госуправления, 177 стран подписали Конвенцию Организации Объединённых Наций против коррупции. Данный этап договорного нормотворчества можно рассматривать и как юридический факт, лишним раз подтверждающий то, что проблема коррупции полностью не решена практически ни в одной стране, это касается даже таких успешных в ее решении стран, как Дания, Новая Зеландия, Финляндия.

2. Коррупция: характеристики (признаки); основные подходы к пониманию. Несмотря на множество научных работ, посвященных коррупции, на сегодняшний день отсутствует единое понимание данного термина.

Обращение к этимологии говорит о том, что рассматриваемый термин имеет латинское происхождение, поскольку слово «согитреге» с латинского языка переводится как «растлевать». Непосредственно термин «согитио» имеет несколько иное значение, так как означает подкуп, порчу, что отчасти совпадает с его современной трактовкой.

По нашему мнению, современная коррупция имеет следующие характеристики (признаки).

Во-первых, с позиции формально-юридического подхода, главным образом с точки зрения позитивизма, когда под правом понимают систему статутного права, то есть норм законов и конкретизирующих их подзаконных актов, а также норм договоров нормативного содержания, коррупция – это **понятие, объединяющее все виды коррупционных правонарушений**. Согласно ч. 1 ст. 13 ФЗ «О противодействии коррупции», «граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации». Из сказанного следует, что разнообразные коррупционные правонарушения можно систематизировать не только по отраслевой типизации, но и по степени общественной опасности, выделяя при этом коррупционные преступления и коррупционные проступки.

Во-вторых, с точки зрения политики, политического руководства экономикой коррупция осуждается государством на концептуальном уровне. Причем в современной России это является характерным как на государственном федеральном и на региональном уровнях, так как закрепляется в различных государственных программах и программах субъектов Российской Федерации, так и на международном уровне, поскольку коррупция **наносит серьезный вред не только национальным государствам, но и международным отношениям**. Это касается не только экономики и политики, поскольку коррупция проникла в сферу культуры, образования, науки и т. д. Однако, как показало исследование, проведенное П.А. Кабановым, не всегда антикоррупционные программы являются эффективными, поскольку «отсутствует единый подход к оценке результативности антикоррупционных программ и срокам их реализации: 44,9 % всех программ принимаются на среднесрочную перспективу (на срок около трех лет); 40,5% – на краткосрочную перспективу (на срок до двух лет)»⁴. «В целом мониторинг состояния регио-

нальных антикоррупционных программ показывает, что они во многом противоречивы, а их заявленные цели являются труднодостижимыми в заявленном обозримом будущем»⁵.

В-третьих, **коррупция – это аморальное явление**. В этом отношении нельзя не согласиться с профессором Казанского (Приволжского) федерального университета Б.В. Сидоровым и аспирантом А.Е. Комиссаровым, которые не без основания утверждают, что «любая коррупция и любые ее проявления в объективной реальности являются аморальным явлением, действием или деятельностью, поскольку подрывают... этические ценности и справедливость» [Сидоров, Комиссаров: 124]. Не зря коррупционеров рядовые граждане часто называют «бесчестными» и «бессовестными» людьми, «паразитами общества», что подтверждают также серьезные социологические исследования. Например, согласно исследованию, осуществленному Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), «список самых серьезных проступков по мнению россиян возглавляют деяния, которые "...связаны с коррупцией (их осуждает 85 % россиян), и употребление наркотиков (90 %)"»⁶. Из сказанного вытекает, что коррупция – это **антисоциальное явление**, поскольку она осуждается значительным большинством граждан России.

Следующая характеристика (признак). Коррупция возникла не в прошлом веке, она, как справедливо отмечают современные исследователи, **имеет глубокие исторические корни**. Так, например, если говорить о данном явлении «в исторической ретроспективе в России...», то здесь «...выделялись два основных вида коррупции – мздоимство и лихоимство. Российские источники упоминают мздоимство еще в XIII в.» [Нисневич: 92].

На сегодняшний день коррупция прочно укоренилась в нашем социуме. В этой связи для полноценной и качественной борьбы с коррупцией необходимо понимать всю «симптоматику» происходящей ситуации. Это связано главным образом с тем, что данная «болезнь» протекала не год и даже не одно тысячелетие. Причем до Петра I под коррупцией понимали исключительно взяточничество, сейчас, как мы видим, она значительно трансформировалась.

В современных условиях развития экономики, введения Западом санкций против России, а также цифровизации различных направлений экономики, коррупция трансформируется и приобретает все новые и новые способы получения прибыли. Например, С.А. Попова и С.В. Акулин на современном этапе цифровизации выделили следующие формы передачи взятки: «...электронные кошельки, электронные подарочные сертификаты, домены сайтов, передача страницы в социальной сети, продажа цифровой тех-

нологии на специализированной платформе, передача скинов в компьютерных играх, флэш-накопитель с доступом к виртуальной валюте, покупка платных публикаций» [Попова, Акулин: 178]. Это позволило им сделать вывод о том, что в настоящий момент цифровая коррупция подразделяется «...на цифровую прибыль и доход, полученный при помощи цифровых технологий» [Попова, Акулин: 182].

Из сказанного следует, что с юридической точки зрения одним из признаков коррупции является **совокупность системных деяний в виде действий, осуществляемых за различные вознаграждения, либо выгоды.**

Субъекты коррупции с помощью цифровых технологий научились умело избегать юридической ответственности. В результате коррупция, как «ржа» на металле, проникает в разные сферы жизнедеятельности общества и государства. Это высказывание подтверждается тем, что обозначенная проблема неоднократно была предметом обсуждения на коллегиях правоохранительных органов. Так, 20 марта 2023 г. на расширенной коллегии МВД России Президент России, оценивая итоги работы данного федерального органа исполнительной власти в 2022 году, заявил, что «в условиях санкционного давления, а главное, с учётом тех масштабных задач развития страны, регионов, всех отраслей промышленности, которые мы сейчас решаем, принципиальное значение имеют такие направления работы, как обеспечение экономической безопасности и борьба с коррупцией»⁷.

Неоднократно проблемы коррупции рассматривались и на заседаниях ООН. Примером является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, которая была подписана и Российской Федерацией. При этом первой и важной задачей в этом документе значится «содействие принятию и укреплению мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней»⁸.

Такие задачи, на наш взгляд, обозначены в связи с тем, что одним из важных признаков (актуальной характеристикой) современной коррупции является ее **комплексность**. Данной точки зрения придерживается и Д.Б. Минингулова, утверждая, что «коррупция как комплексное явление, присущее современному государственному управлению большинства стран мира, является одним из факторов, негативно влияющих на эффективность государственной власти» [Минингулова: 61].

Между тем главным субъектом по предупреждению и пресечению коррупции являются не международные органы, а, прежде всего, национальные власти. Более того, в комментарии к ст. 7 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, который был принят Генеральной Ассамблеей

ООН 17 декабря 1979 г. сказано, что «понятие коррупции должно определяться в соответствии с национальным правом...»⁹.

Однако можно ли безоговорочно согласиться с данным утверждением? Очевидно, что нет! Если мы возьмем данный тезис на вооружение, то фактически отвергнем такое понятие, как международная коррупция, которая проявляется в подкупе высокопоставленных государственных служащих иностранного государства, руководителей международных общественных организаций, в переводе денежных средств, добытых преступным путем, в офшоры, в нарушении законодательства в сфере государственных закупок и т. д. Определенным толчком для интенсификации международной коррупции стало развитие экономики и международной торговли, а также появление новых политических технологий. Иными словами, детерминантой международной коррупции стала экономическая глобализация! По мнению С.П. Глинкиной, «любой разновидности коррупции, в том числе и так называемой “внутренней” или “национальной”, присущ международный характер» [Глинкина: 13]. Для подтверждения своих слов С.П. Глинкина ссылается на выступление бывшего вице-президента США А. Гора на Первом всемирном форуме по борьбе с коррупцией, на котором он отметил, что «никакая страна не в состоянии отгородиться от воздействия коррупции, имеющей место за ее пределами» [Глинкина: 13].

В этой связи актуализируется вопрос разработки **единого правового международного документа, регламентирующего отношения, связанные с борьбой и предотвращением коррупции.**

Несомненно, что одной из ключевых и важнейших задач демократического государства с цифровой экономикой, где на законодательном уровне запрещена монополизация экономической деятельности, где бизнес является особо подверженным влиянию с точки зрения коррупции, поскольку частые проверки предпринимателей со стороны различных контрольных структур, а также решения вопросов, связанных с проведением электронных торгов и аукционов, получением госконтрактов или иных задач, которые необходимо решать через распределяющие структуры государства, является борьба и предотвращение различных коррупционных проявлений в социуме. При этом сфера бизнеса в условиях цифровизации экономики особенно подвержена коррупции и противозаконным мерам, которые активно применяются преступниками с целью незаконного обогащения путем использования все новых и новых коррупционных схем, привлекая для этого людей, владеющих специальными знаниями в вопросах компьютерной безопасности (ст. 272 УК РФ), а также к использованию криптовалютных операций с целью непер-

сонифицированности проводимых сделок и иных способов сокрытия своей противоправной деятельности (ст. 193 УК РФ; ст. 193.1 УК РФ; ст. 198 УК РФ; ст. 199 УК РФ; ст. 199.1 УК РФ; ст. 199.2 УК РФ; ст. 199.3 УК РФ; ст. 199.4 УК РФ).

Помимо этого, необходимо учитывать также и степень латентности коррупционных преступлений, что в свою очередь приводит к неэффективной работе правоохранительных органов в борьбе с коррупцией. В этой связи российскому государству важно находить новые способы решения поставленных задач, «сегодня многие советы директоров, представляющие крупные и средние компании, все чаще для предотвращения и выявления коррупции стали прибегать к таким инструментам, как антикоррупционный комплаенс. С точки зрения теории права и государства данные действия можно охарактеризовать как активизацию деятельности институтов гражданского общества по противодействию коррупции» [Арзамасов Ю.: 6–8].

Не стоит забывать, что коррупционные деяния могут быть направлены на иные общественные институты, а не только на государственных служащих, проявляется это в получении различных «льгот» (внеочередное получение жилья, необоснованное премирование и т. п.) и привилегий (ст. 285 УК РФ), поскольку они содержат в себе не менее важные, а порой даже и более опасные и вредоносные способы решения задач коррупционной направленности, которыми не пренебрегают преступники, проникающие в определенные государственные и иные властные структуры. В этой связи профессор А.А. Арямов и Е.О. Руева в своей статье пришли к важному выводу о том, что «предметом коррупции могут быть не только выгоды имущественного характера, но и неимущественные выгоды: награды, продвижение по службе, ученые степени и звания, соавторство и т. п., что противоречит законодательному определению коррупции. В данном случае становится очевидным нарушение правила дефинирования: в законодательном определении объем понятия не соответствует его содержанию» [Арямов, Руева: 90–100].

С данным подходом к предмету коррупции нельзя не согласиться, поскольку в научных и высших учебных заведениях еще существует практика, когда руководители вузов и их структурных подразделений заставляют подчиненных сотрудников писать им или «нужным людям» статьи, монографии, диссертации либо предлагают поставить их в соавторство, хотя реально они вообще не писали данные научные работы.

Между тем из статьи А.А. Арямова и Е.О. Руевой следует, что одним из признаков коррупции является **получение выгоды**, поскольку, как было отмечено, коррупция не ограничивается только одним

имущественным обогащением. Проявлением коррупции является торговля должностями, званиями и т. п. При этом выгода от коррупционных действий может быть не только коррупционеру, но и членам его семьи, знакомым, начальнику, любовнице и т. д.

Помимо этого А.А. Арямов и Е.О. Руева справедливо поставили под сомнение легальную дефиницию коррупции, закрепленную в ФЗ «О противодействии коррупции», где говорится, что «коррупция: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»¹⁰.

Проведенный правовой анализ показывает, что помимо субъектов – лиц, злоупотребляющих должностным положением, – есть лица, которые получают незаконные блага от дачи взяток, коммерческого подкупа на получение выгодного контракта и т. п. При этом федеральному законодателю в легальной дефиниции коррупции необходимо учитывать также и посредничество в осуществлении таких деяний, как дача взятки и коммерческий подкуп. Ответственность данных субъектов предусмотрена в действующих составах УК РФ. Из этого следует, что анализируемая законодательная дефиниция в современных условиях уже не соответствует требуемому стандарту нормотворческой юридической техники, поскольку не отражает все аспекты (особенности) ее содержания.

Здесь справедливо актуализируются следующие вопросы. Может быть, проблема современной коррупции заключается только в неумелом управлении государственными структурами? Либо существует недостаточная прозрачность системы налогообложения, регистрации собственности, либо есть необходимость в более четком отборе кандидатов на государственные и муниципальные должности?

Конечно, все перечисленные проблемы актуальны, а это означает, что они косвенно могут влиять на состояние современной коррупции. Однако, как известно, преступное поведение напрямую не зависит от профессионализма государственных служащих, а также от эффективной и слаженной работы государственных органов.

Обозначенную проблематику нельзя сбрасывать со счетов, но здесь нужно иметь в виду и тот факт, что существуют «узкий» подход к пониманию коррупции, когда под субъектами коррупции понимают

только должностных лиц, и «широкий» подход, когда перечень коррупционеров не ограничивается только должностными лицами. Первый («узкий») подход к пониманию коррупции доминировал в конце 90-х гг. прошлого века в связи с тем, что он был нормативно закреплён в международных документах ООН. Так, например, в справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией говорится, что «коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгод в личных целях»¹¹.

В этой связи академик РАН, профессор Т.Я. Хабриева предложила научной общественности и практикам следующее понятие коррупции: «Противоправное использование должностным или иным лицом своего положения в целях получения ненадлежащей выгоды для себя или третьих лиц, предоставление другим лицам такой выгоды, а также посредничество и иные формы содействия в совершении указанных деяний» [Хабриева: 30]. Как мы видим, в данной дефиниции помимо термина «должностное лицо» было использовано словосочетание «иные лица», которое значительно расширило субъектный состав коррупционеров, что отражает реальное положение дел.

Между тем для полноценного раскрытия проблемы определения коррупции и ее субъектного состава будет не лишним обращение к научным работам представителей различных гуманитарных наук.

К примеру, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН А.Н. Пинчук, опираясь на работы немецкого социолога Н. Элиаса, французского исследователя П. Бурдьё и английского социолога Э. Гидденса, представляет коррупцию «как определенную разновидность социальных практик» [Пинчук: 91].

Однако здесь лучше было бы использовать термин «асоциальные практики». Такое замечание основано, прежде всего, на том, что коррупция фактически ломает общественные устои, поскольку она разрушает социум, его устойчивые связи, основанные на древних обычаях, профессиональных традициях, обычаях делового оборота, а также на моральных, партийных и религиозных нормах и принципах. В этой связи следует выделить такой признак коррупции, как **асоциальная практика**.

Проведя исторический анализ возникновения и распространения коррупции в России, исследователь Н.Е. Богданов пишет, что «коррупция является сложным, относительно массовым социально-правовым и исторически изменчивым (приспосабливающимся) явлением, представляющим угрозу как национальной безопасности государства, так и его существования в целом» [Богданов: 342].

Несмотря на то, что автор данной дефиниции вслед за В.В. Путиным справедливо указывает на то,

что коррупция как явление сегодня представляет реальную угрозу для безопасности нашего государства, применимо оно может быть только социологами и отчасти историками, но не юристами, поскольку субъекты коррупции в данном определении не указаны, что является недопустимым. Не ясны также цели и мотивы коррупционеров, что имеет важное значение для следователей и судей.

М.О. Изотов в кандидатской диссертации по социальной философии предлагает следующее определение: «Коррупция – это социальный феномен, предполагающий деятельность государственных служащих, связанную с использованием ими своего должностного положения в личных целях, приносящую деструктивный эффект и повышение энтропии в социальные процессы» [Изотов: 8].

Автор данной дефиниции справедливо утверждает, что коррупция является «социальным феноменом», но при этом он сам себе противоречит, необоснованно сужая субъектный состав коррупционеров, ограничивая его только государственными служащими. Буквальное толкование норм уголовного права показывает, что к субъектам коррупционных правонарушений следует относить не только государственных, но также муниципальных служащих, а также лиц, выполняющих определенные контрольные функции (проверяющих, экспертов и т. п.). К субъектам коррупционных преступлений следует также относить руководителей (представителей) различных фирм и корпораций, а также и рядовых граждан, которые для решения своих экономических, финансовых, карьерных и иных проблем прибегают к подкупу различных должностных лиц путем взяток и коммерческого подкупа.

Для превенции таких деяний в действующем УК РФ закреплён ряд коррупционных составов преступлений, предусматривающих ответственность для желающих посредством подкупа должностных лиц решить свои корыстные цели в бизнесе, строительстве, карьере, учебе и т. п. Согласно нормам уголовного закона такие физические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности по следующим статьям: 204 УК РФ – коммерческий подкуп, 204.1 УК РФ – посредничество в коммерческом подкупе, ст. 204.2 УК РФ – мелкий коммерческий подкуп, 291 УК РФ – дача взятки, 291.1 УК РФ – посредничество во взяточничестве, 291.2 УК РФ – мелкое взяточничество.

Нельзя сказать, что данные статьи сегодня работают на все 100 %, поскольку здесь мы уже поднимали важную проблему латентности данного вида преступлений, но определенная судебная практика по данным составам преступлений все же имеется. Например, в 2022 г. по ст. 291 УК РФ (дача взятки) были привлечены 2 786 человек, но осуждены

по данной статье были 2 146 человек, что составляет 77 % от общего числа привлеченных к уголовной ответственности. Картину, характерную для латентной преступности, мы видим, обратившись к анализу уголовной статистики о привлечении к ответственности за коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ). В 2022 г. по данной статье привлекались 428 человек, осуждены были только 329 человек, что составляет 77 % от общего числа¹².

Для более полноценной картины о том, что представляет собой коррупция, нелишним будет обращение к трудам зарубежных исследователей. Ученый Института социального менеджмента при Пекинском университете авиации и космонавтики Ду Чжичжоу полагает, что коррупция относится к злоупотреблению доверенной властью или ненадлежащему влиянию на вверенную власть [Ду Чжичжоу: 16].

Однако в данном случае китайский исследователь, по нашему мнению, значительно сузил субъектный состав коррупционеров. Почему он это сделал? Мы можем только догадываться, поскольку в КНР только санкция за дачу взятки составляет 5 лет, а в России, согласно ч. 1 ст. 291 УК РФ, – только два года лишения свободы. Может, он побоялся дальнейшей криминализации деяний.

Французский социолог П. Бурдьё под коррупцией понимает фактически третий элемент, предложенный выше: перераспределение общественных ресурсов или «неофициальное финансирование расходов», составляющее деятельность профессионального корпуса чиновников, руководящегося собственными целями [Бурдьё: 125–166].

Как видим, П. Бурдьё в своих исследованиях опирается на «узкий» подход к пониманию коррупции. С чем это связано?

Данные высказывания были сделаны автором еще в 90-е гг. прошлого века, поэтому они уже устарели, поскольку субъектный состав коррупционеров в последнее время расширяется, что обусловлено многими факторами (развитие социума, предпринимательства, переход к рыночным отношениям, недостаточная активность правоохранительных органов, изменение уголовного закона и т. д.).

Проведенный анализ показывает, что среди как отечественных, так и зарубежных исследователей есть совершенно полярные точки зрения относительно оценки коррупции. Например, еще в 60-е гг. XX века Н. Лефф, рассуждая о пользе экономической коррупции, утверждал, что «коррупция способствует ускорению работы административной машины, оптимальному распределению времени ожидания и, возможно, повышает норму сбережений» [Leff: 10].

Между тем такая точка зрения в последнее время находит поддержку практически только среди отдельных криминализованных предпринимателей.

При оценке коррупции уже давно стал распространенным подход, где наряду с негативными ее характеристиками параллельно выделяют и положительные черты. В этой связи примечателен подход Р. Теобальда, который выделил такие выгоды от коррупции, как стимулирование экономического роста и содействие политическому развитию. Примечателен и тот факт, что исследователь среди прочего в стимулирование экономического роста включал также «проникновение делового подхода в бюрократическую среду». К «негативными сторонами коррупции» он отнес: «1) препятствие экономическому росту (рас трата капитала, подавление предприимчивости, разбазаривание национальных ресурсов, ослабление управленческого потенциала, подрыв демократии); 2) фактор нестабильности и подрыва национальной интеграции» [Theobald: 548–559].

Даже при первом прочтении этих строк становится видно, что в своих рассуждениях Р. Теобальд фактически противоречил сам себе. В связи с такой не просто пораженческой, но и явно противоречивой позицией мы не можем признать его доводы вполне убедительными и научно обоснованными.

Проанализировав различные научные подходы и легальные дефиниции к пониманию коррупции, выделив при этом и рассмотрев основные характеристики (черты) современной коррупции, мы можем с уверенностью утверждать, что они характеризуют коррупцию не только как юридическую, но и общесоциальную проблему. К примеру, это является характерным для таких признаков, как комплексность, асоциальная практика, аморальность и др.

3. Общесоциальное и юридическое понятие коррупции. Применяя классический метод индукции, то есть когда научные дефиниции выводят из основных характеристик (признаков), представляется целесообразным выделить общесоциальное понятие коррупции. Так, с точки зрения общесоциального значения **коррупция – это имеющая глубокие исторические корни асоциальная практика, представляющая собой целый комплекс системных противоправных деяний, осуществляемых за различные вознаграждения либо выгоды, противоречащая национальным и международным установкам и общепризнанным моральным нормам и принципам.**

Однако обойтись в данном исследовании только одним понятием коррупции, хотя и с позиции ее общесоциального значения, не представляется возможным, поскольку здесь нет указания на субъектов противоправных деяний, что не позволяет рассматривать коррупцию как преступление.

В этой связи, основываясь на данных проведенного нами анализа научной литературы, российского законодательства, судебной практики, взяв на воору-

жение современные научные подходы к субъектному составу коррупции, мы предлагаем следующее рабочее юридическое понятие коррупции. **Коррупция представляет собой запрещенные российским и международным законодательством различные формы умышленных виновных противоправных деяний должностных лиц, а также лиц, осуществляющих должностные либо служебные функции, направленные на получение незаконной выгоды (личной, корпоративной, третьих лиц) в виде получения движимого или недвижимого имущества, услуг имущественного, авторского и иного характера либо имущественных, авторских и других прав для себя или для третьих лиц, а также посредничество в осуществлении таких деяний, дачу взятки и коммерческий подкуп.**

Конечно, в данном определении мы не претендуем на истину в последней инстанции. Тем не менее основные идеи данного понятия могут стать теоретической основой для разработки легального законодательного понятия коррупции, поскольку, как показало проведенное исследование, дефиниция понятия «коррупция», закрепленная в ФЗ «О противодействии коррупции», в современных условиях развития социума нуждается в корректировке.

Примечания

¹ СК РФ: число дел о коррупции достигло 10 тысяч в 2022 году. URL: <https://www.gazeta.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

² См.: СЗ РФ. 04.12.2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

³ СЗ РФ. 5 июля 2021 г. № 27 (часть II). Ст. 5351.

⁴ *Кабанов П.А.* Антикоррупционные программы субъектов Российской Федерации как средства противодействия коррупции: опыт критического анализа. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_12103.html#66 (дата обращения: 10.08.2023).

⁵ Там же.

⁶ Россияне определились с моралью. Топ-5 аморальных поступков // ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10190> (дата обращения: 10.08.2023).

⁷ Расширенное заседание коллегии МВД // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/> (дата обращения: 10.08.2023).

⁸ См.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml

⁹ Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения: 10.08.2023).

¹⁰ СЗ РФ. 29 декабря 2008 г. № 52 (часть I). Ст. 6228.

¹¹ Справочный документ о международной борьбе с коррупцией, подготовленный Секретариатом ООН. A/CONF. 169/14. 1995. 13 Apr.

¹² Судебная статистика в РФ // Агентство правовой информации, 2015–2023. URL: <https://stat.xn--7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 10.08.2023).

Список литературы

Арзамасов В.Ю. Латентная преступность: понятие, негетогенная природа, превентивные меры // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2022. № 1 (48). С. 237–250.

Арзамасов Ю.Г. Комплаенс как вид антикоррупционного мониторинга // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2022. № 22-2. С. 6–8.

Богданов Н.Е. Исторический анализ возникновения и распространения коррупции в России // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 340–353.

Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика: альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург, 1999. С. 125–166.

Глинкина С.П. Международная коррупция // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 13–30.

Ду Чжичжоу 杜治洲. Миньчжун юй фаньфу 民众与反腐 [Народные массы и антикоррупционная борьба] синьхуа чубаньшэ 新华出版社, 2015.

Изотов М.О. Коррупция в современной России: социокультурные основания и формы проявления: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2012. 192 с.

Лунеев В.В. Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11. С. 20–27.

Минингулова Д.Б. Правовое регулирование антикоррупционной оценки деятельности государственных служащих в Российской Федерации // International Journal of Civil Service Reform and Practice. 2015 (oct.). Vol. 5. С. 61–78.

Пинчук А.Н. Коррупция в свете социологических теории // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 2. С. 80–95.

Попова С.А., Акулин С.В. Новые формы коррупции, связанные с цифровыми технологиями // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 178–185.

Сидоров Б.В., Комиссаров А.Е. Правильное определение моральной и социально-правовой природы коррупции, ее признаков и форм отражения в действительности – основная юридическая предпосылка успешной антикоррупционной деятельности // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 2. С. 123–128.

Хабриева Т.Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Противодей-

стве коррупции: сб. аналитич. материалов. Москва, 2012. С. 5–17.

Чернов И.С. Латентная преступность в России // Южно-Уральские научные чтения. 2015. № 1 (1). С. 103–106.

Leff N. Economic development through bureaucratic corruption. *American behavioural scientist*, 1964, No. 2, pp. 8-14.

Theobald R. Patrimonialism. *World Politics*, 1982, vol. 34, No. 4, pp. 548-559.

References

Arzamasov V.Ju. *Latentnaja prestupnost': ponjatie, negomogennaja priroda, preventivnye mery* [Latent criminality: concept, inhomogeneous nature, preventive measures]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Law], 2022, No. 1 (48), pp. 237-250. (In Russ.)

Arzamasov Ju.G. *Komplaens kak vid antikorrupcionnogo monitoring* [Compliance as a type of anti-corruption monitoring]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestuplenijami i inymi pravonarushenijami* [Current problems in the fight against crimes and other offenses], 2022, No. 22-2, pp. 6-8. (In Russ.)

Bogdanov N.E. *Istoricheskij analiz vozniknovenija i rasprostraneniya korrupcii v Rossii* [Historical analysis of the occurrence and spread of corruption in Russia]. *Voprosy rossijskoj justicii* [Issues of Russian justice], 2023, No. 24, pp. 340-353. (In Russ.)

Burd'e P. *Duh gosudarstva: genesis i struktura bjurokraticeskogo polja* [The spirit of the state: the genesis and structure of the bureaucratic field]. *Pojetika i politika: al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii Rossijskoj Akademii nauk* [Poetics and Politics: Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, Institut jeksperimental'noj sociologii Publ.; St. Petersburg, 1999, pp. 125-166. (In Russ.)

Chernov I.S. *Latentnaja prestupnost' v Rossii* [Latent crime in Russia]. *Juzhno-Ural'skie nauchnye chtenija* [South Ural scientific readings], 2015, No. 1 (1), pp. 103-106. (In Russ.)

Du Chzhichzhou 杜治洲. *Min'chzhun juj fan'fu* 民众与反腐 *Narodnye massy i antikorrupcionnaja bor'ba* [Popular masses and anti-corruption struggle] *sin'hua chuban'shje* 新华出版社, 2015.

Glinkina S.P. *Mezhdunarodnaja korrupcija* [International corruption]. *Novaja i novejšaja istorija* [New and recent history], 2011, No. 1, pp. 13-30. (In Russ.)

Habrieva T.Ja. *Korrupcija i pravo: doktrinal'nye podhody k postanovke problemy* [Corruption and law: doctrinal approaches to problem-setting]. *Protivodejstvie korrupcii: Sbornik analiticheskikh materialov* [Anti-corruption: Collection of analytical materials]. Moscow, 2012, pp. 5-17. (In Russ.)

Izotov M.O. *Korrupcija v sovremennoj Rossii: sociokul'turnye osnovanija i formy projavlenija: dis. ... kand. filos. nauk* [Corruption in modern Russia: sociocultural grounds and forms of manifestation: PhD thesis]. Ivanovo, 2012, 192 p. (In Russ.)

Luneev V.V. *Korrupcija v Rossii* [Corruption in Russia]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2007, No. 11, pp. 20-27. (In Russ.)

Miningulova D.B. *Pravovoe regulirovanie antikorrupcionnoj ocenki dejatel'nosti gosudarstvennyh sluzhashhih v Rossijskoj Federacii* [Legal regulation of anti-corruption assessment of activities of civil servants in the Russian Federation]. *International Journal of Civil Service Reform and Practice*, 2015, oct., vol. 5, pp. 61-78. (In Russ.)

Pinchuk A.N. *Korrupcija v svete sociologicheskij teorii* [Corruption in the light of sociological theory]. *Gorizonty gumanitarnogo znanija* [Horizons of humanitarian knowledge], 2019, No. 2, pp. 80-95. (In Russ.)

Popova S.A., Akulin S.V. *Novye formy korrupcii, svyazannye s cifrovymi tehnologijami* [New forms of digital-related corruption]. *Juridicheskaja nauka* [Legal science], 2023, No. 3, pp. 178-185. (In Russ.)

Sidorov B.V., Komissarov A.E. *Pravil'noe opredelenie moral'noj i social'no-pravovoj prirody korrupcii, ee priznakov i form otrazhenija v dejstvitel'nosti – osnovnaja juridicheskaja predposylka uspešnoj antikorrupcionnoj dejatel'nosti* [The correct definition of the moral and socio-legal nature of corruption, its signs and forms of reflection in reality is the main legal prerequisite for successful anti-corruption activities]. *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii* [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2018, No. 2, pp. 123-128. (In Russ.)

Leff N. Economic development through bureaucratic corruption. *American behavioural scientist*, 1964, No. 2, pp. 8-14.

Theobald R. Patrimonialism. *World Politics*, 1982, vol. 34, No. 4, pp. 548-559.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 27.10.2023; принята к публикации 27.10.2023.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 27.10.2023; accepted for publication 27.10.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 191–194. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 191–194. ISSN 1998-0817

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья

УДК 342.951

EDN VILURJ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-191-194>

ЛИШЕНИЕ ЛИЦА УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ: К ВОПРОСУ О НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Черкасов Константин Валерьевич, доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), МИРЭА – Российский технологический университет, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, CherkasovKV1978@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9754-9619>

Аннотация. Статья посвящена исследованию института лишения учёной степени в России. Особое внимание уделено негативным последствиям лишения учёной степени как для самого лица – бывшего обладателя учёной степени, так и для иных участвующих в процессе защиты диссертации субъектов. Выявлены пробелы нормативного регулирования в данной области, а также недостаточная конкретность действующих правовых предписаний. Обозначены проблемные вопросы возможного лишения учёного звания профессора научного руководителя (научного консультанта) лица, лишённого учёной степени. В данном контексте рассмотрены различные варианты решения. Утверждается, что если нормативными или локальными актами организации установлены требования наличия учёной степени (её конкретного уровня) для замещения определённой должности и лицо замещает данную должность на этом основании, но в дальнейшем лишается учёной степени, то одновременно лишается и права замещать соответствующую должность. Обоснована необходимость уточнения существующей формулировки об ответственности оппонентов и ведущей организации, давших отзыв на диссертацию лица, лишённого позднее учёной степени. Отмечается, что действующие правовые предписания не ставят уровень неблагоприятных последствий в зависимость от основания лишения учёной степени, а также не предусматривают ответственности субъектов, давших положительный отзыв на автореферат диссертации лица, впоследствии лишённого учёной степени. Сформулированы предложения и рекомендации в исследуемой области в части оптимизации действующего законодательства вообще и совершенствования предписаний Положения о присуждении учёных степеней, в частности.

Ключевые слова: учёная степень, учёное звание, неправомерное заимствование, научный руководитель, оппонент, ведущая организация, диссертационный совет, отзыв.

Для цитирования: Черкасов К.В. Лишение лица учёной степени: к вопросу о неопределённости некоторых правовых последствий // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 191–194. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-191-194>

Research Article

DEPRIVATION OF A PERSON'S ACADEMIC DEGREE: ON THE ISSUE OF UNCERTAINTY OF SOME LEGAL CONSEQUENCES

Konstantin V. Cherkasov, Doctor of Jural Sciences, All-Russia State University of Justice, MIREA – Russian Technological University, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, CherkasovKV1978@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9754-9619>

Abstract. The article is devoted to the study of the institution of deprivation of an academic degree in Russia. Particular attention is paid to the negative consequences of deprivation of an academic degree both for the person itself – for the former holder of an academic degree, and for other subjects participating in the process of defending the dissertation. Regulatory gaps in this area have been identified, as well as insufficient specificity of current legal regulations. The problematic issues of possible deprivation of Professor academic title of a scientific supervisor (scientific consultant) of a person deprived of an academic degree are identified. In this context, various solution options are considered. It is argued that if regulatory or local acts of an organisation establish requirements for having an academic degree (its specific level) to fill a certain position, and if a person fills this position on this basis only to be subsequently deprived of an academic degree, then at the same time it is deprived of the right to fill the corresponding position. The need to clarify the existing wording on the responsibility of opponents and the leading organisation that had given feedback on the dissertation of the person later deprived of the academic degree, is substantiated. It is noted that the current legal regulations do not make the level of adverse consequences dependent

on the basis for deprivation of an academic degree, and they neither provide for the liability of subjects who had given a positive review of the dissertation abstract of the person who was subsequently deprived of the academic degree. Proposals and recommendations in the area under study are formulated in terms of optimising the current legislation in general and improving the requirements of the Regulations on the awarding of academic degrees, in particular.

Keywords: academic degree, academic title, illegal borrowing, scientific advisor, opponent, leading organisation, dissertation council, review.

For citation: Cherkasov K.V. Deprivation of a person's academic degree: on the issue of uncertainty of some legal consequences. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 191–194 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-191-194>

Глава VI Положения о присуждении учёных степеней¹ устанавливает возможность и процедуру лишения лица учёной степени, ранее ему присуждённой. В юридической литературе последних лет обстоятельно проанализированы проблемные аспекты данного института, особенно в контексте противодействия такому негативному явлению, как неправомерное заимствование. В результате сформулированы интересные и обоснованные предложения и рекомендации, к сожалению, пока не всегда нашедшие требуемого нормативного закрепления. Однако за пределами правовых исследований остались многие вопросы последствий для лица и связанных с защитой его диссертации участников, за исключением, пожалуй, запрета для научного руководителя (научного консультанта) лишённого учёной степени, состоять в диссертационных советах в течение последующих пяти лет [Габов: 223–234; Грачева, Васильева: 11–21; Мацкевич: 20–25; Осипов: 605–609; Шарый, Тарасенко: 122–133].

Между тем лишение лица учёной степени вызывает многие негативные последствия в непосредственном будущем, а также в некоторой отдалённой перспективе, причём как для него самого, так и иных субъектов защиты диссертации: научного руководителя (научного консультанта); членов комиссии и председателя диссертационного совета; оппонентов; лиц, утвердивших заключение организации и отзыв ведущей организации; ведущей организации. Речь идёт как о репутационной составляющей, так и о вполне прикладных моментах, на которых остановимся подробнее.

Во-первых, лишение лица учёной степени влечёт за собой также лишение его учёного звания, что предусмотрено главой VII Положения о присвоении учёных званий². Данная позиция вполне логична, ибо учёная степень сегодня выступает обязательным условием присвоения учёного звания, а потому лишение учёной степени, несомненно, должно иметь своим следствием лишение учёного звания, и инициатором в этом случае выступает Минобрнауки России. Но остался неурегулированным вопрос относительно учёного звания научного руководителя (научного консультанта) лица, лишённого учёной степени. Ведь одним из критериев присвоения учёного звания

профессора является подготовка в качестве научного руководителя или научного консультанта не менее трёх (для работников образовательных организаций) и не менее пяти (для работников научных организаций) лиц, которым присуждены учёные степени. Учитывая, что срок лишения учёной степени достаточно длительный и составляет десять лет со дня присуждения учёной степени диссертационным советом, вполне возможна ситуация, когда в течение этого срока научному руководителю (научному консультанту) будет присвоено учёное звание профессора с учётом присуждённой учёной степени лицу, которое впоследствии будет её лишено. При этом лишённым учёной степени может быть не один такой ученик, а два и более соискателя.

В этой связи возникает закономерный вопрос, подлежит ли лишению учёного звания профессора научный руководитель (научный консультант) лица, лишённого учёной степени, который в результате по факту перестал соответствовать обозначенному критерию для присвоения учёного звания профессора. Анализ правовых предписаний и возможность применения аналогии позволяет ответить утвердительно – да, но при условии соблюдения установленного десятилетнего «срока давности». Однако всё усложняется, когда научный руководитель (научный консультант) имеет больше учеников и даже при лишении некоторых из них учёных степеней всё равно сохранял тогда право или обладает сейчас правом на присвоение учёного звания профессора. Здесь вариант решения «судьбы человека» уже не столь очевиден. Полагаем, что, исходя из принципа гуманизма, в этом случае достаточно ограничиться в комплексе негативным репутационным воздействием информационного характера, а также установленным действующим законодательством временным запретом состоять членом диссертационного совета.

Во-вторых, наличие учёной степени нередко позволяет лицу замещать определённую должность, как правило в системе управления образовательной или научной организации, в том числе должность ректора (директора). Лишение учёной степени должно повлечь за собой и прекращение связанных с её обладанием прочих иных правовых состояний. По сути, присуждение и наличие учёной степени в данном

контексте выступает юридическим фактом возникновения иных правоотношений. Отсутствие же учёной степени следует рассматривать в качестве основания для прекращения базирующихся на ней правоотношений. В этой связи если нормативными или локальными актами установлены требования наличия учёной степени (её конкретного уровня) для замещения определённой должности и лицо замещает данную должность на этом основании, но в дальнейшем лишается учёной степени, то одновременно лишается и права замещать соответствующую должность. Представляется, что данная позиция могла бы найти закрепление в трудовом законодательстве и в Положении о присуждении учёных степеней.

В-третьих, в части неблагоприятных последствий для участников процесса защиты диссертации действующие правовые предписания чётко не различают и не разграничивают основания лишения лица учёной степени, не ставят эти последствия, а также их уровень в зависимость от основания для подачи заявления о лишении учёной степени. Вместе с тем пункт а) статьи 66 (1) Положения о присуждении учёных степеней относительно установления в дальнейшем судом или компетентным государственным органом фактов использования поддельных и подложных документов и недостоверных сведений не может и не должен влечь за собой негативные последствия для участников процесса и процедуры защиты диссертации, предусматривать их ответственность. Очевидно, что у субъектов, перечисленных в части 2 статьи 77 Положения о присуждении учёных степеней, нет обязанности быть в курсе обозначенных неправомерных действий соискателя учёной степени, а также возможности как-то выяснить эти моменты, повлиять на них. Оценивание ими диссертации включает исключительно содержательные аспекты научного труда, его актуальность, новизну и самостоятельность написания. Следовательно, нормы об ответственности лиц, участвующих в защите диссертации, нужно конкретизировать применительно к основанию лишения лица учёной степени.

В-четвёртых, требует уточнения применение позиции «репутационная ответственность» к оппонентам и ведущей организации, давших отзыв на диссертацию лица, лишённого позднее учёной степени. Дело в том, что предоставленные ими отзывы могут быть и отрицательными, в частности, по причине, на их взгляд, неправомерного заимствования, что не является непреодолимым препятствием для последующей защиты лицом диссертации в диссертационном совете. Отсюда имеет место определённая несправедливость, когда субъекты, давшие как положительный, так и отрицательный отзывы на диссертацию, имеют в итоге одинаковые последствия. Полагаем, что участники защиты научной

работы, давшие отрицательные отзывы на диссертацию, каких-либо негативных последствий нести не должны. В этой связи следует учесть это и изменить часть 2 статьи 77 Положения о присуждении учёных степеней, изложив её следующим образом: «... оппонентах, давших *положительный* отзыв на эту диссертацию... лице, утвердившем *положительный* отзыв ведущей организации на эту диссертацию, а также о ведущей организации, давшей этот *положительный* отзыв».

В-пятых, в настоящее время ответственность для участников защиты диссертации, давших положительный отзыв на автореферат диссертации лица, впоследствии лишённого учёной степени по основаниям б) и в) статьи 66 (1) Положения о присуждении учёных степеней, не предусмотрена. Данными субъектами могут выступать как индивиды – физические лица (специалисты, учёные), так и коллективы – группа физических лиц (кафедры, отделы, институты, иные подразделения). По-видимому, речь также должна вестись о репутационных негативных последствиях для данных участников «диссертационного процесса». Предлагается включить субъектов, давших положительные отзывы на автореферат диссертации лица, позже лишённого учёной степени, в состав лиц, информация о которых подлежит размещению в порядке статьи 77 Положения о присуждении учёных степеней.

В-шестых, в контексте заявленной проблематики отдельной проработки требует предусмотренный главой VII Положения о присуждении учёных степеней институт восстановления учёных степеней, где вопросам восстановления репутационной составляющей и трудовых прав внимания пока уделено недостаточно. Крайне желательна также унификация регулирования вопросов лишения учёных степеней в научных и образовательных организациях, наделённых правом их самостоятельного присуждения, что является отдельной проблемой. И что особенно важно и востребовано практикой – следует на понятийном и нормативном уровнях зафиксировать, что представляет собой плагиат, неправомерное заимствование, в чём могут состоять нарушения соискателем обязанности сослаться на автора и (или) источник заимствования материалов или отдельных результатов, какие конкретные манипуляции соискателя учёной степени образуют данное деяние. Такой подход позволит решить проблему неоднозначного толкования и восприятия указанных явлений. При этом проводимое разбирательство о лишении учёной степени не должно иметь обвинительный уклон, носить обвинительный характер, что и происходит сегодня, ибо заявитель при отрицательном решении Минобрнауки России о лишении учёной степени, как правило, не несёт никаких неблагопри-

ятных последствий, по крайней мере, сравнимых с теми, которые несёт обладатель учёной степени.

В целом поддерживая необходимость существования института лишения лица учёной степени, тем не менее нельзя не отметить некоторые его аспекты, требующие тщательной проработки и детального правового регулирования, учитывающие широкий спектр возможных и вероятных неблагоприятных последствий для многих участвующих в защите диссертации субъектов. В противном случае рассматриваемый институт не только будет иметь незаконченный вид, но и вызывать обоснованное недоумение. Нерешенные спорные моменты и нормативные пробелы рано или поздно неминуемо вызовут вал обращений граждан в суд за защитой своих прав. Наконец, нельзя не обратить внимание на один из аспектов проблемы. Довольно сложно предъявлять повышенные требования к участникам защиты диссертации в условиях работы механизма присвоения учёных степеней на общественных началах. Существующее положение диссертационных советов и иных участников процесса защиты диссертации, являясь советским историческим наследием, в современных социально-экономических отношениях неоднозначно.

Примечания

¹ О порядке присуждения учёных степеней: Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 40 (часть 3). Ст. 5074.

² О порядке присвоения учёных званий: Постановление Правительства РФ от 10.12.2013 № 1139 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 50. Ст. 6605.

Список литературы

Габов А.В. Темпоральные элементы института лишения ученой степени // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 223–234.

Грачева Е.Ю., Васильева Т.А. Повышение качества диссертационных исследований: новые требования, новые проблемы. Интервью с Председателем экспертного совета ВАК по праву // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13, № 1. С. 11–21.

Мацкевич И.М. Юридические проблемы экспертной деятельности ВАК при Минобрнауки России в фокусе совершенствования законодательства // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 20–25.

Осипов М.Ю. О некоторых проблемах совершенствования аттестации научно-педагогических и научных кадров // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник / ИНИОН РАН, отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов, Д.В. Ефременко. Москва, 2016. С. 605–609.

Шарый Л.Д., Тарасенко О.Ю. К вопросу об актуальности внесения изменений в Положение о порядке присуждения ученых степеней в Российской Федерации // Вестник Национального института бизнеса. 2019. № 36. С. 122–133.

References

Gabov A.V. *Temporal'nye jelementy instituta lishe-nija uchenoj stepeni* [Temporal elements of the institution of deprivation of an academic degree]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2021, No. 471, pp. 223–234. (In Russ.)

Gracheva E.Yu., Vasilyeva T.A. *Povyshenie kachestva dissertacionnyh issledovanij: novye trebovanija, novye problemy. Interv'ju s Predsedatelem jekspertnogo soveta VAK po pravu* [Improving the quality of dissertation research: new requirements, new problems. Interview with the Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission on Law]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2018, vol. 13, No. 1, pp. 11–21. (In Russ.)

Matskevich I.M. *Juridicheskie problemy jekspertnoj dejatel'nosti VAK pri Minobrnauki Rossii v fokuse sovershenstvovaniya zakonodatel'stva* [Legal problems of expert activity of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia in the focus of improving legislation]. *Juridicheskaja tehnika* [Legal technology], 2022, No. 16, pp. 20–25. (In Russ.)

Osipov M.Yu. *O nekotoryh problemah sovershenstvovaniya attestacii nauchno-pedagogicheskikh i nauchnyh kadrov* [On some problems of improving the certification of scientific, pedagogical and scientific personnel]. *Rossija: tendencii i perspektivy razvitija: ezhegodnik* [Russia: trends and development prospects: yearbook]. INION RAS, Dept. scientific cooperation; ed. by V.I. Gerasimov, D.V. Efremenko. Moscow, 2016, pp. 605–609. (In Russ.)

Shary L.D., Tarasenko O.Yu. *K voprosu ob aktual'nosti vnesenija izmenenij v Polozhenie o porjadke prisuzhdenija uchenyh stepeney v Rossijskoj Federacii* [On the issue of the relevance of amending the Regulations on the procedure for awarding academic degrees in the Russian Federation]. *Vestnik Nacional'nogo Instituta Biznesa* [Bulletin of the National Institute of Business], 2019, No. 36, pp. 122–133. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.10.2023; одобрена после рецензирования 07.11.2023; принята к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 17.10.2023; approved after reviewing 07.11.2023; accepted for publication 05.12.2023.

К ВОПРОСУ ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Вольфсон Владимир Леонович, кандидат юридических наук, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, vwolfson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9169-3161>

Аннотация. В цивилистической доктрине существует дискуссия относительно допустимости «отрицательных» обязательств – то есть тех, которые исполняются бездействием. По мнению автора, эта научная проблема оказывается семантическим клубком, в котором сплелись разнородные представления о существенных признаках обязательств. Её решение позволит не только распутать узел, но и проследить, к каким истокам идут смысловые нити, что позволит лучше понять природу смешавшихся юридических явлений. Отталкиваясь от понятия обязательства, автор показывает безосновательность представлений о видовой самостоятельности «отрицательных» обязательств: воздержание от действия – не более чем способ перемещения стоимостного блага. Не остаются без внимания и несостоятельные возражения против признания таких обязательств, в частности мнение об их несовместимости с запретом на ограничение правоспособности. Опровергается и представление о неприменимости к обязательствам, которые исполняются воздержанием от действия, общих положений об обязательствах. На практических примерах обсуждаются отличия от таких обязательств иных правовых явлений. По мнению автора, во избежание институциональной путаницы в ГК целесообразно включить указание на то, что обязательства могут исполняться воздержанием от действия.

Ключевые слова: понятие обязательства, субъективный интерес, негативное обязательство, исполнение обязательств, правоспособность.

Для цитирования: Вольфсон В.Л. К вопросу об отрицательных обязательствах в гражданском праве // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 195–204. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-195-204>

Research Article

ON THE ISSUE OF NEGATIVE OBLIGATIONS IN THE CIVIL LAW

Vladimir L. Volfson, Candidate Sciences (Jur.), North-West Institute of Management, Branch of RANEP, St. Petersburg, Russia, vwolfson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9169-3161>

Abstract. In the civil-law doctrine, there is a debate regarding the admissibility of “negative” obligations – that is, those performed by inaction. In the author’s view, this scientific problem turns out to be a semantic tangle in which conflicting ideas about the essential features of obligations are intertwined. The goal is not just to unravel the knot, but also to trace to what sources the semantic threads go, which will allow us to better understand the nature of mixed legal phenomena. Starting from the concept of obligation, the author shows the fallacy of the idea that inaction would amount to a kind of obligation on a par with action. Abstaining from action is nothing more than a way to transfer a value to another party. In order to enrich the scope of the study, the unsound objections to the recognition of such obligations are examined, one of those being the opinion of their incompatibility with the prohibition on limiting legal capacity. The article also refutes the idea that general provisions on obligations are inapplicable to obligations performed by abstaining from action. Finally, the work clarifies distinctions between such obligations and other legal phenomena with the use of case modelling. According to the author, in order to avoid institutional confusion, it is advisable to include in the Civil Code a provision indicating that obligations can be performed by abstaining from action.

Keywords: concept of obligation, performance of obligation, negative obligations, interests of the parties to civil legal relation, legal capacity.

For citation: Volfson V.L. On the Issue of Negative Obligations in the Civil Law. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 195–204 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-195-204>

Введение. В цивилистике имеется устойчивая, берущая начало ещё в римских дигестах [Хохлов: 34] традиция выделять в качестве иерархически равноправных видов обязательства с положительным и отрицательным содержанием. Традиция эта поддерживается отнюдь не всеми учёными – по-видимому, большинство не согласится с такой классификацией и отвергнет поэтому как «отрицательные», так и «положительные» обязательства [Власова: 17]¹. Тем не менее наше гражданское законодательство (п. 1 ст. 307 ГК РФ) говорит об отрицательном обязательстве («воздерживаться от определённого действия») как о самостоятельном по отношению к «положительному» обязательству виде. При этом признание видовой самостоятельности отрицательных обязательств едва ли будет иметь практические последствия. Нам трудно усмотреть заметные другим авторам сложности с применением к этим правовым явлениям общих положений об обязательствах [Договорное и обязательственное право: 19]. Но дело не только в частной опровержимости приводимых примеров. Видовое разнообразие обязательств столь велико, что общие положения в части параметров надлежащего исполнения построены как правила по умолчанию, учитывающие это разнообразие не посредством выделения автономных режимов, а допущением в большинстве случаев такого преодоления презумпции, которое само срабатывает по умолчанию, даже не требуя диспозитивной оговорки и соответствующего волеизъявления – правило перестаёт действовать, «если иное вытекает из существа обязательства». В конце концов, в ГК закреплено множество оговорок, рассчитанных на участие в обязательственных отношениях предпринимателей, что справедливо считается меньшим злом, чем выделение автономного правового режима, а уж тем более отрасли законодательства. Поэтому независимо от меры применимости правил о «положительных обязательствах» к «отрицательным» нет необходимости в предлагаемой такими авторами оговорке: «общая часть обязательственного права применяется к негативным обязательствам, если иное не следует из существа данного обязательства» [Договорное и обязательственное право: 19]: она лишь привела бы к системной консолидации законодательства во круг спорной научной классификации.

Но и думать, что вся проблема сводится к семиотической экономии, было бы неверно. За различиями в терминологии стоит концептуальное несходство взглядов на юридическую реальность. Снисходительность цивилистов к устоявшимся понятиям обманчива. Так, учёные, которые не признают обязательства с отрицательным содержанием [Груздев: 95], полагают, что «терминологию “негативное обязательство” можно использовать лишь условно, отдавая дань ци-

вилистической традиции» [Груздев: 95]. О.С. Иоффе мирился с тем, что в ст. 158 ГК 1964 г. содержалось указание на то, что как определённое действие должника, так и воздержание от такового являются равноценными видами обязательств, но «если в законе можно говорить, что кредитор вправе требовать от должника либо совершения действия, либо воздержания от него, то подобная альтернатива, воплощенная в научном понятии, страдала бы известной неточностью» [Иоффе 1975: 3]. Другие авторы, признавая видовую субстанциональность отрицательных обязательств, до такой степени отказывают им в совместимости с институтами обязательственного права², что считают необходимым, как уже упоминалось, такого рода автономность даже закрепить в законе. Но бывает, что гносеологическое несогласие авторов с существующей понятийной системой оборачивается радикальными терминологическими требованиями. Так, В.В. Молодавкин считает неверным относить бездействия к действиям в классификации юридических фактов, так как этот подход не принимает во внимание «внешнюю форму поведения должника», а таковая, как утверждается, образует достаточный критерий деления обязательств на позитивные и негативные; поэтому в систему юридических фактов следует ввести категорию «деяние», которая охватывала бы действие и бездействие [Молодавкин: 132].

Приведённых примеров, вероятно, достаточно, чтобы стало ясно, что проблема категоризации «отрицательных обязательств» отражает значительные концептуальные расхождения. Речь идёт о различиях в понимании существенных признаков обязательств. Противоречия относительно целого не могут не привести к разным трактовкам его отдельных видов – отсюда и разногласия относительно пары «действие – бездействие» в обязательствах, в подходах к признанию «неимущественных обязательств», в воззрениях на значение для обязательственного права запрета на сделки, ограничивающих правоспособность.

Что такое обязательство? В этой статье, конечно, не удастся поставить вопрос о природе обязательств как предмете самостоятельного изучения. Мы ограничимся тем, что определим здесь то понятие обязательств, из которого будем исходить в работе, укажем на его преимущества и раскроем термины, используемые в дальнейшем.

Воззрения автора традиционны для российской науки: обязательства – это гражданско-правовые отношения, а равно обязанности (иногда называемые обязательствами связками [Агарков: 179; Рожкова: 7]), которыми опосредуется *передача* имущественно-стоимостных благ из одного хозяйственного обладания в другое [Иоффе 1975: 4]. Указанием

на передачу, а в некоторых случаях (что, вероятно, ещё точнее) – на перемещение блага эти отношения отличаются от иных имущественно-стоимостных отношений, в частности вещных, корпоративных, а также отношений по поводу перехода прав, например на использование объектов интеллектуальной собственности. Что же касается отличия обязательств от неимущественных отношений, то, казалось бы, оно восходит к таксономическому признаку более высокого разряда, а потому не нуждается в пояснениях, однако мы вскоре увидим, что это не совсем так.

Природа любого частного правоотношения познаётся через существо интереса, выраженного в составляющих его содержание правах и обязанностях. Качественно (родовой принадлежностью) интереса поэтому должны объясняться и системные различия отдельных групп имущественно-стоимостных отношений [Вольфсон 2023]. Вещные правоотношения обеспечивают удовлетворение обладателем права своего интереса в вещи как в благе, имеющем стоимостную (товарную) оценку, удерживая иных лиц от вторжения в область таких интересов. Правоотношения по поводу объектов интеллектуальной собственности исключают доступ к использованию этих объектов иных лиц, кроме правообладателей или лиц, получивших от последних разрешение, тем самым позволяя извлекать доход от рыночного спроса на получение такого доступа [Вольфсон 2021: 144–145]. Корпоративные отношения регулируют поведение субъектов корпоративного управления, направленные на обеспечение участия корпорации в имущественно-стоимостных правоотношениях и на распределение прав на имущество корпорации между её членами в соответствии с долей их участия. Особенность же обязательств как вида имущественно-стоимостных отношений заключается в том, что посредством обязательств осуществляется перемещение имущественно-стоимостных благ (то есть объектов гражданских прав) между юридически равными субъектами. Интерес здесь удовлетворяется через регулирование действий по передаче имущественно-стоимостных благ (объектов гражданских прав) от одного лица к другому. Только такое, основанное на понимании экономических интересов участников отдельных видов гражданских правоотношений, воззрение на обязательства обеспечит стройность и эффективность правового регулирования и, как мы надеемся, позволит решить те задачи, которые ставит автор в работе.

Теперь следует определиться с терминологией, а точнее (ибо нет никакой научной доблести в том, чтобы изобретать новые значения взамен устоявшихся) – закрепить вытекающие из такого смыслонаде-ления значения, в которых будут ниже употребляться часто используемые в статье термины. Обязатель-

ством будет обозначаться как особая разновидность обязанности, так и гражданское правоотношение, частью которого является такая обязанность. Исходя из этого, если об обязательстве говорится как о правоотношении, его содержанием выступают права и обязанности сторон. Когда имеется в виду обязанность, появляется категория «предмет обязательства» – это действия обязанного лица.

Отрицательные обязательства: доктрина и реальность. Итак, в силу обсуждаемого воззрения содержание некоторых обязательств образуется воздержанием от действий (*non-facere*) или даже «претерпеванием» (*pati*), и это качество должно быть представлено в системном делении обязательственного права. Это воззрение возобладало и в сознании законодателя – в соответствии со ст. 307 в силу обязательства одно лицо обязано совершить в пользу другого лица определённое действие *либо воздержаться от определённого действия*, а в п. 6 ст. 393 устанавливаются санкции за ненадлежащее исполнение такого обязательства, причём оно эксплицитно названо «негативным». Таким образом, воздержание от действия признаётся родом обязательства, а не его исполнения. Вместе с тем ссылки на то, что негативные обязательства признаются в силу укоренившейся во влиятельных юрисдикциях традиции [Большакова: 22–23], едва ли состоятельны. Так, после реформы французского обязательственного права в ст. 1101 ФГК исчезло упоминание о таких обязательствах³, а ст. 241 ГГУ говорит о воздержании от действия как способе предоставления, что соответствует излагаемой в этой статье точке зрения. Для вывода о предпочтении такой классификации законодательствами иных стран также нет оснований⁴.

Стоит разобраться с тем, что же имеется в виду под воздержанием от действия, а ещё точнее – под действием как предметом обязательства как обязанности (или содержанием обязательства как правоотношения). Если допускается существование обязательств, в силу которых вовсе не происходит передача блага из одного хозяйственного обладания в другое, такую точку зрения следует отвергнуть – во всяком случае, с представленным выше пониманием обязательства в этой работе она не совместима. Однако в действительности обязательства, которые именуют отрицательными, точно так же, как их мнимые антиподы («положительные» обязательства), такой имущественный переход предусматривают. Только осуществляется он воздержанием от *фактических* действий. Иными словами, это не более чем технический способ исполнения⁵.

Отберём для дальнейшего обсуждения обязательства, обычно относимые к «отрицательным». Например, комитент или принципал принимают на себя обязательства не поручать продавать другим ли-

цам товары (оказывать услуги) определённого вида на том же рынке, на котором они поручили совершать соответствующие сделки от своего имени комиссионеру (п. 2 ст. 990) или агенту (п. 1 ст. 1007); агент обязуется не заключать с другими принципалами договоров, подобных заключенному им со своим принципалом, если их исполнение подразумевает действия на той же территории (п. 2 ст. 1007); аналогичные ограничения в интересах контрагента могут брать на себя как пользователь, так и правообладатель по договору коммерческой концессии (абз. 2–4 п. 1 ст. 1033). Если считать передаваемым по этим обязательствам благом приращение имущества кредитора в результате таких ограничений, тогда пришлось бы признать, что содержанием (предметом) обязательства является «воздержание» или «претерпевание»⁶.

Однако легко заметить, что в приведённых примерах из воздержания от действий *как такового* приращения имущества кредитора не возникает. Ведь от отсутствия активности на рынке одного из хозяйствующих субъектов участники этого рынка ещё не увеличат свои доходы. Это лишь одно из условий, которое может привести к такому итогу, но его наступление будет зависеть от множества иных обстоятельств. Но всё встаёт на свои места, если держать в фокусе внимания интерес субъектов правоотношения [Вольфсон 2023: 10] Здесь интерес явно направлен к тому, чтобы обеспечить контрагенту конкурентные преимущества. И отказ от конкуренции – вовсе не обязательно квалифицируемый как антиконкурентное воздействие на товарные рынки – есть не что иное, как услуга со стороны лица, принявшего на себя соответствующее обязательство. Исполняется же это обязательство путём *фактического* бездействия – именно *таким способом* должником предоставляется кредитору данная услуга. *Происходит то, что и должно происходить в любых обязательствах: перемещается имущественно-стоимостное благо, меняется лишь способ его передачи.* Точно такое же положение дел имеет место при обязательстве не разглашать конфиденциальную и иную ценную информацию (например, ст. 727, ст. 762, ст. 771), а также в любых подобных случаях, которые также бесосновательно относятся к отрицательным обязательствам [Карапетов, Савельев 2: 140]. Но можно представить себе и обязательство по передаче имущества (а не только по оказанию услуг), исполняемое путём воздержания от действия. Например, в соответствии с договором должник обязуется не выбирать сверх согласованной квоты какой-либо ограниченно доступный природный ресурс (лес, воду и т. п.) – и тогда кредитор, имеющий непосредственную возможность выборки (забора) данного ресурса, будет получать его в большем объёме, поскольку

имущественное приращение не зависит от опосредующих обстоятельств. Однако и здесь воздержание (претерпевание) от действия порождает это приращение не само по себе, а как технический способ передачи имущества: можно было бы сначала приобрести соответствующий объём блага, а затем доставить его контрагенту, а можно – просто не потреблять его.

Во всех этих случаях имеет место длежащее обязательство – должник обязан производить исполнение непрерывно в течение оговоренного периода времени. Такого рода обязательства хорошо известны гражданскому праву. Помимо того, что континуальность предоставления свойственна оказанию услуг, длежащимися являются обязательства по снабжению через присоединённую сеть энергией (§ 6 гл. 30 ГК) и энергоносителями (см. п. 2 ст. 548 ГК).

Несостоятельные возражения как ключ к пониманию проблемы. Некоторые возражения против «отрицательных обязательств» представляются неубедительными. И хотя нами такая категория также не признаётся как таксономический разряд обязательства, имеет смысл обратиться к этим доводам, поскольку углублению, а значит, и точности научной позиции способствует не только критика противоположной точки зрения, но и отмежевание от методически негодных аргументов в поддержку следующих из этой позиции выводов.

В научной литературе можно встретиться с указанием на то, что воздержание от определённых действий в фактическом смысле (пассивное поведение) не может составлять самостоятельный предмет обязательства и всегда лишь сопутствует активному поведению [Иоффе 1975: 3–4]. Думается, это не так. Вполне способны к самостоятельному существованию обязательства по нераспространению конфиденциальной информации, по отказу от коммерческой деятельности на определённом рынке, по воздержанию от потребления какого-либо ограниченного ресурса. Для обязательств первых двух видов понадобится правовое поле, дозволенное антимонопольным законодательством, а третье, вероятно, потребует и соблюдения санитарных норм⁷.

Ещё один довод против «отрицательных обязательств» возникает из представления об их несоответствии запрету на ограничение правоспособности путём совершения сделок, установленному в п. 3 ст. 22 ГК [Рожкова: 2]. Причём большая посылка этих доводов явно захватывает и возможность признаваемой в этой работе договорённости о воздержании от определённых действий как способе исполнения обязательства по передаче имущественного блага. Представляется, что указанное суждение не принимает во внимание ни сущность обязательства как всеобщего правового средства товарного оборота, ни сущ-

ность противопоставляемого обороту запрета. Там, где договор как основание обязательства является правомерным действием, вмешательство в договорную свободу ввиду того, что избранный сторонами, то есть по определению считающийся взаимовыгодным, способ взаимодействия по перемещению благ якобы лишает одну из сторон абстрактных юридических возможностей, основано на формальном понимании принципа недопустимости ограничения субъектами гражданского права собственной правоспособности. Этот принцип не может вести к ограничению заключения этими субъектами взаимовыгодных сделок⁸. Он призван не допустить возникновение лиц «второго сорта» – тех, кто в силу личной зависимости или иных причин, никак не связанных с получением выгоды, исключает для себя в будущем обладание субъективными правами. Именно поэтому обсуждаемый запрет касается только граждан – о распространении его по аналогии закона на юридические лица и публичные образования с их сконструированной уставными документами юридической личностью речь не идёт и идти не может. Кроме того, нередко можно встретить ошибочное наложение этого принципа на принцип недопустимости договорного определения содержания субъективного права собственности, тогда как закон исключает распоряжение правом собственности без распоряжения вещью, составляющей его объект. Поэтому сделки, предусматривающие отказ от распоряжения вещью, ничтожны ввиду нарушения императивно устанавливаемого в континентальных системах содержания права собственности, но не ввиду нарушения запрета, установленного в п. 3 ст. 22.

Отдельного внимания заслуживают суждения, которые высказывают как сторонники, так и противники «отрицательных обязательств»: речь идёт о низком уровне их совместимости, если признавать их существование, с общими положениями обязательственного права. При этом первые видят в этом повод для исправлений правового режима [Договорное и обязательственное право: 19; Молодавкин 2020: 267], вторые же – повод считать, что исправлять здесь нечего [Власова: 17]. О несостоятельности этого воззрения с точки зрения системного построения общих положений об обязательствах сказано во «Введении». Здесь хотелось бы отметить, что и отдельные примеры такой несовместимости, приводимые сторонниками этого мнения в его поддержку, выглядят неубедительно. Из того понимания обсуждаемого явления и тех его моделей, которые представлены в этой статье, следует, что возможны и зачёт встречных однородных требований по таким обязательствам, а равно их прекращение выплатой отступного или новацией, и частичное их исполнение, и возложение их исполнения на третье лицо, их цедирова-

ние и перевод долга, а также определение начала течения исковой давности. Так, обязательство комитента перед комиссионером о передаче тому имущественного предоставления в виде освобождения от конкуренции, которое исполняется воздержанием от заключения договоров с другими сбытовыми посредниками, в том случае, если комитент передаёт права собственности на товары или заключает иной договор о прекращении коммерческой деятельности на соответствующем рынке услуг с иным лицом, может (и должно) быть исполнено возложением исполнения данного обязательства на то лицо, которому он передаёт права на товары или рынок оказания услуг. Но избавить себя от исполнения такой должник вполне способен и путём перевода долга с соблюдением всех применимых правил. Субъективное же право на получение услуги по приобретению доли рынка, оказываемой должником путём воздержания от конкуренции, не обладает никакими особенностями, препятствующими его цессии кредитором тому лицу, которому тот уступает права по сбыту товаров или услуг на этом рынке. Времена, когда российское право не допускало уступки требования из длящегося исполнения, части требования или будущего требования (см. п. 2 и п. 3 ст. 384, ст. 388.1), давно прошли⁹. Ввиду длящейся природы исполнения посредством воздержания от определённого действия не возникает и проблем с определением начала течения исковой давности по требованиям из таких обязательств¹⁰. Аналогично, без всяких видимых проблем, применяются к обязательствам, исполняемым воздержанием от действия, и другие положения обязательственного права, которые сторонники указанной точки зрения считают неприменимыми. В тех же редких случаях, когда это не так (например, когда речь заходит о досрочном исполнении), это вновь обусловлено длящейся природой услуги, составляющей предмет обязательства, и, как говорилось, ни в какой мере не даёт поводов для спекуляций о выделении отрицательных обязательств в самостоятельный юридический анклав, поскольку на эти случаи рассчитана системная оговорка ГК об ином правиле, вытекающем из существа обязательства.

«Отрицательные обязательства» и внешне сходные явления. Наша работа не подразумевает обращения к так называемым «неимущественным» обязательствам в качестве самостоятельного предмета исследования. Самостоятельное изучение «неимущественных» обязательств потребовало бы углубленного обсуждения нематериальных благ, вещных прав (которые часто затрагиваются такими соглашениями), не говоря о терминологических уточнениях. Вместе с тем ввиду того, что примером «отрицательных обязательств» часто служат «неимущественные обязательства», следует сделать несколько оговорок

относительно этих последних. Тем самым мы ещё раз уточним и семантический объём нашего понимания отрицательных обязательств. Сделаем это на практических примерах, которые позволят нам избежать такого отождествления. Но начать нужно с того, что постановка вопроса о допустимости «неимущественных обязательств» страдает терминологической неточностью. Очевидно, что те, кто пытается обосновать их допустимость, ведёт речь не об обязательствах, а о двусторонних (относительных) гражданско-правовых отношениях. Именно в этом значении употребляет это выражение И.А. Покровский в своём известном рассуждении [Покровский: 134]. Когда же термин «обязательство» употребляется в точном научном значении, поводы для выделения неимущественных обязательств отпадают [Агарков: 227]. Думается, что в наше время нет никаких препятствий, в том числе и легальных, для признания правомерности регулятивных относительных отношений с неимущественным содержанием, если соответствующие соглашения не ограничивают правоспособность граждан и (или) не подразумевают оборотоспособность нематериальных благ. Более того, в законодательстве ощущается пробел в регламентации некоторых групп этих отношений, наиболее явным образом – в определении режима конфиденциальной переписки. При этом интерес сторон легко может превратиться в имущественный. Так, вполне правомерным представляется неимущественная обязанность (вовсе не «отрицательное», а равно не «неимущественное», обязательство) юридического лица, обладателя вещного права на нежилое помещение, воздерживаться от проведения вечеринок в определённые договором, принятая им по договору с соседями, проживающими в расположенных рядом жилых помещениях, дневные часы суток. Если эта обязанность установлена за плату, она остаётся неимущественной, поскольку плата за неё не превращает из неимущественного в имущественный интерес соседей – она лишь указывает на имущественную природу интереса пользователя нежилого помещения. Конечно, интерес соседей тоже может оказаться имущественным, о чём будет свидетельствовать требование о возмещении убытков, предъявленное ими в связи с проведением вечеринок юридическим лицом в нарушение договора. Что же касается часто включаемой в договоры авторского заказа обязанности автора не предоставлять своё произведение третьим лицам до обнародования, то и она вполне допустима, хотя и очевидно противоречит абсолютной природе права на обнародование, а потому несоблюдение этой обязанности может повлечь только договорную ответственность, но не сделает недействительной запрещаемую договором сделку.

Часто предлагаемый в качестве примера «отрицательных обязательств» корпоративный договор [Хох-

лов: 33] – в части, в которой он содержит обязанности не приобретать доли (акции) в уставном капитале по цене выше или ниже согласованной сторонами, а также ранее определённых обстоятельств, – не является обязательством в значении этого понятия, которого мы придерживаемся в работе. Предметом такого рода соглашений является осуществление корпоративного управления, а не перемещение товарных благ.

Обязанность хранителя без согласия поклажедателя не пользоваться сданной на хранение вещью иначе чем в целях обеспечения её сохранности (ст. 892) есть не «отрицательное обязательство», а обязанность воздерживаться от пользования имуществом, вещное право на которое принадлежит другому лицу¹¹.

Отдельного упоминания заслуживает сделка *pactum de non cedendo* – соглашение об отказе кредитора от совершения цессии. С нашей точки зрения, эта сделка не порождает «отрицательное обязательство» в том смысле, в каком оно понимается в этой работе, то есть воздержания от действия как способа исполнения обязательства по передаче какого-либо блага. Всё дело в том, что *pactum de non cedendo* – это не сделка, порождающая обязательство, а договорное условие обязательства, независимо от того, является ли само это обязательство договорным, о его субъектном составе. Можно сказать иначе: отказ от цессии – это способ конструирования обязательства, но не способ его исполнения. Было бы странно объявлять такое соглашение основанием возникновения отдельного обязательства, тем самым отрывая соглашение о субъектах обязательства от самого этого обязательства, и при этом ещё пытаться выявить здесь переход между сторонами имущественного блага. Очевидно, что *pactum de non cedendo* вписывается в контекст взаимодействия сторон обязательства, прежде всего согласования их интересов, заданный другими его условиями [Вольфсон 2019: 64].

Наконец, от отрицательных обязательств, объектом которых всегда является передача имущественного блага, необходимо отличать передачу права, что удобно сделать, сопоставляя обязательства с договорами по распоряжению исключительным правом.

В завершении этой работы мы покажем, как сделанные в ней выводы позволяют решить дилемму, которая неоднократно предлагалась в литературе¹² в качестве модельного теста существования как «отрицательных», так и «неимущественных» обязательств. Может ли считаться правомерным соглашением, по которому один из соседей обязуется перед другим соседом за вознаграждение воздерживаться в дневные часы от игры на музыкальном инструменте? Логика, обосновывающая допустимость такого рода обязательства, может отталкиваться от тезиса о его единстве с теми, по которым обязанная сто-

рона распоряжается своим правом пользования (как, например, по договорам аренды, ссуды и жилищного найма), что тождественно ограничению этого права; при таком подходе отличие обязательства о воздержании от игры на музыкальном инструменте от указанных допустимых обязательств виделось бы только в том, что оно способствует приращению имущества «кредитора» без передачи имущественного блага (пользования объектом собственности), то есть является правомерным отрицательным обязательством. Но этот тезис ошибочен. Обязательства из договоров аренды, ссуды и найма являются обязательствами по передаче вещи как имущественно-стоимостного блага; вещь является по экономической сути своей товаром. Ничего подобного не происходит при принятии на себя ограничений по пользованию жилым помещением, которые *не* сопровождаются передачей этого помещения контрагенту. Во-первых, как уже отмечалось, такая сделка исключена императивно определяемым содержанием права собственности: им нельзя распорядиться (в том числе и без его отчуждения), не распорядившись вещью; право собственности, как право вещное, неотделимо от вещи в континентальном правопорядке. Во-вторых, это соглашение не имеет отношения к обязательствам ввиду невозможности указать на передаваемое стоимостное благо в хозяйственное обладание кредитора – жилое помещение не выступает здесь как товарное благо. В-третьих, по этой же причине оно противоречит ст. 40 Конституции, гарантирующей каждому гражданину право на жилище. Нет сомнений, что жилище в конституционном смысле является иным объектом прав, нежели жилое помещение как объект гражданских прав; это не только изолированное жилое помещение, имеющее признаки недвижимости и пригодное для постоянного проживания граждан (п. 1 ст. 141.4 и гл. 18 ГК); но и помещение, по существу своему предназначенное для удовлетворения их жилищных нужд. Ограничение в удовлетворении жилищных нужд недопустимо; не должно быть граждан разного «сорта» по отношению к этой фундаментальной социальной гарантии. Причём лишение себя права заниматься музыкой в своём жилище – относительно невинный, но методологически бесценный пример: если бы соответствующая сделка считалась правомерной, она открывала бы юридической мысли дальнейшие перспективы – тогда можно вообразить сделки, по которым гражданин-собственник, пусть и за плату, не вправе был бы появляться у себя дома или, наоборот, покидать жилое помещение лишь по разрешению или с предварительным уведомлением другого лица, либо же обязан был находиться в определённой комнате своей квартиры. В-четвёртых, ограничение собственного права на жилище может образовывать и добровольное ограниче-

ние правоспособности (п. 3 ст. 22 – например, при отказе от возможности покидать жилое помещение).

Заключение. Таким образом, в так называемых «отрицательных обязательствах» осуществляется юридически значимый переход имущественно-стоимостных благ посредством особого способа исполнения – воздержания от фактических действий. Следовательно, как легальное, так и доктринальное выделение отрицательных обязательств в качестве самостоятельного, отдельного от «положительных обязательств» вида является ошибкой. Тем не менее во избежание раскрытой выше институциональной путаницы между действием как юридическим понятием, составляющим предмет обязательства (как обязанности) и его содержанием (как правоотношения), с одной стороны, и фактическим действием в виде активного поведения, с другой, следовало бы указать на то, что обязательства могут исполняться воздержанием от действия.

Примечания

¹ Укажем здесь как на некоторых сторонников, так и противников этого деления из числа известных цивилистов, чьи воззрения не представлены в этой работе ввиду ограниченности её объёма и задач. К первым можно отнести И.Б. Новицкого, В.А. Рясенцева, Е.А. Суханова; к их оппонентам – Д.И. Мейера, В.П. Грибанова, В.С. Толстого, М.В. Кротова, Н.Д. Егорова, В.А. Белова, В.В. Грачёва.

² Так, по мнению А.Г. Карапетова, «большая часть норм общей части обязательственного права сформулирована путем индуктивного обобщения частных коллизий и споров, подавляющее число из которых возникло в связи с обязательствами позитивными, и поэтому их применение к негативным обязательствам часто невозможно или требует тех или иных модификаций» [Договорное и обязательственное право: 19]. Сходные высказывания можно встретить и у других авторов [Молодавкин 2020: 266].

³ Ранее во французской доктрине такие обязательства выделялись. Так, Л. Жюлио де ла Морандьер указывал на три основных вида обязательств: «обязательство передать», обязательство совершить определённое действие и обязательство воздержаться или воздерживаться от определённых действий, «в силу которого должник обязан к несовершению соответствующих действий (продавец торгового предприятия обязывается перед его приобретателем не открывать в городе предприятия, однородного с проданным)» [Морандьер: 59].

⁴ Деление обязательства на положительные и отрицательные не обнаруживает явной корреляции с годом кодификации гражданского законодательства. Оно имеется, напр., в ГК Чехии 2012 г. (ст. 1789), Испании 1889 г. (ст. 1088), Бразилии (ст. 250–251), За-

коне об обязательствах Швейцарии (ст. 98), в ст. 398 ГК Португалии 1966 г., подобно ГГУ, говорится о возможности отрицательного предоставления; сходные положения предусматривает ГК Квебека (ст. 1373). Это деление отсутствует в ГК Италии 1942 г., в ГК Румынии 2011 г. К способу исполнения обязательств отнесено воздержание от действия в ст. III. – 1:102 (2) Модельных правил европейского частного права (далее – DCFR).

⁵ Согласно известному указанию Г.Ф. Шершеневича, «подведение под понятие “действие” воздержания не составляет противоречия; воздержание не есть бездействие, – это не отсутствие воли, направленной на определенный результат, а, напротив, наличность такой воли» [Шершеневич: 144]. Учёный приводит и примеры таких обязательств: «договор о том, чтобы одно лицо однородной торговлей не подрывало дела другого, или договор издательский, в силу которого автор, уступая издателю права издания, обязывается не издавать сам своего сочинения, хотя бы и со значительно изменённым содержанием, но под тем же заглавием» [Шершеневич: 144]. Таким образом, он не поддерживает выделение этих обязательств в разряд, обладающий тем же иерархическим уровнем, что и положительные обязательства, хотя и говорит об обязательствах с «отрицательным содержанием».

⁶ Отсюда уже остается один шаг до признания «отрицательными обязательствами» вообще всяческих воздержаний, даже тех, которые равноценны отсутствию субъективного права – и тогда воздержанием объявляются, например, «обязательство» арендодателя смириться с тем, что его вещь пользуется арендатор [Большакова: 21]. Критику категории *pati*, особенно в смешении с *non-facere*, см. у М.М. Агаркова [Агарков: 213; 281–285].

⁷ В гражданском законодательстве также есть нормы, которые запрещают подобные сделки, если они устанавливают обязательство не вступать в правоотношения с лицами, не соответствующими определённому категориальному либо территориальному критерию (п. 3 ст. 1007). Обычно в литературе данное ограничение рассматривается как антимонопольная мера – таково, например, мнение М.В. Кротова [Возмездное оказание услуг: 180]. Если это так, то подобное вторжение другой отрасли права в поле гражданско-правового регулирования следует считать системной нормотворческой ошибкой. Однако правильнее было бы, исходя из контекста, задаваемого отраслевой принадлежностью, усматривать здесь попытку не допустить ограничение правоспособности.

⁸ См. п. 9. Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с примене-

нием положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре», в котором было признана совместимость отрицательных ковенантов кредитного договора с запретом на добровольное ограничение правоспособности.

⁹ Первые правовые позиции ВАС, допускавшие уступку требований из длящихся обязательств, а также уступку части требования, появились ещё в начале нулевых годов: Постановления Президиума ВАС РФ от 9 октября 2001 г. № 42105/00, от 18 декабря 2001 г. № 8955/90, от 25 декабря 2001 г. № 164/01.

¹⁰ То, что срок исковой давности по обязательствам с определённым сроком исполнения начинается по окончании срока исполнения, вовсе не ставит должника «в невыгодное положение, растягивая срок исковой давности» [Молодавкин 2020: 267]: как во всех обязательствах с длящимся исполнением, давность начинает течь после каждого нарушения (см., например, ст. III. – 7:203 DCFR). А то, что в таком рассуждении ошибочно представляется сроком исполнения, в действительности является сроком самого обязательства.

¹¹ Что возвращает нас к критике категории *pati* – см. об этом выше.

¹² См., например, об этом у И.А. Покровского, который использовал этот пример как довод, подтверждающий существование неимущественных обязательств [Покровский: 134–136].

Список литературы

Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. Москва: АО «Центр ЮрИнФОР», 2002. 490 с.

Большакова А.Д. Негативные обязательства по праву России и зарубежных стран // Юридическая наука. 2020. № 5. С. 20–24.

Возмездное оказание услуг. Поручение. Действия без поручения. Комиссия. Агентирование: Пост. комментарий гл. 39, 49–52 ГК РФ / под ред. П.В. Крашенинникова. Москва: Статут, 2011. 192 с.

Власова А.В. Структура субъективного гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1998. 28 с.

Вольфсон В.Л. Недобросовестность как диагноз злоупотребления субъективным гражданским правом. Москва: Проспект, 2019. 80 с.

Вольфсон В.Л. Об интересе автора в распространении репутации его уникального интеллектуального решения // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3 (33). С. 141–168.

Вольфсон В.Л. Теория злоупотребления правом. Москва: Проспект, 2023. 160 с.

Груздев В.В. Осуществление субъективных гражданских прав и исполнение гражданско-правовых

обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 8. С. 91–96.

Де ла Морандьер Ж. Гражданское право Франции. Москва: Изд-во юрид. лит-ры, 1958. 742 с.

Договорное и обязательственное право (общая часть): Постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; под ред. А.Г. Карапетова. Москва: М-ЛОГОС, 2017. 1120 с.

Иоффе О.С. Обязательственное право. Москва: Юридическая литература, 1975. 880 с.

Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. Т. 2. Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. Москва: Статут, 2012. 453 с.

Молодавкин В.И. Исполнение негативных обязательств в системе юридических фактов // Инновационный дискурс развития современной науки: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 3 июня 2021 года). Петрозаводск: Междунар. центр науч. партнерства «Новая Наука», 2021. С. 129–133.

Молодавкин В.И. Негативные обязательства: некоторые проблемы правового регулирования // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 266–268.

Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Москва: Статут, 1998. 353 с. (Классика российской цивилистики).

Рожкова М.А. К вопросу о динамике обязательств / подг. для «СПС КонсультантПлюс». 2002. С. 2. URL: <https://rozhkova.com/pdf/AR19.pdf> (дата обращения: 6.10.2023).

Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учеб. пособие. Москва: Статут, 2015. 288 с.

Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. Т. 2. Особенная часть. Москва: Юрайт, 2023. 450 с.

References

Agarkov M.M. *Obiazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Obligation in the Soviet Civil Law]. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [Obligation in the Soviet Civil Law [Selected Works on the Civil Law]: in 2 vols., vol. 1. Moscow, Tsentr IurInfoR Publ., 2002, 490 p. (In Russ.)

Bol'shakova A.D. *Negativnye obiazatel'stva po pravu Rossii i zarubezhnykh stran* [Restrictive Covenants in Russian and Foreign Legislation]. *Iuridicheskaia nauka* [Legal Science], 2020, No. 5, pp. 20–24. (In Russ.)

De la Morand'er Zh. *Grazhdanskoe pravo Frantsii* [French Civil Law]. Moscow, Izdatel'stvo iuridicheskoi literatury Publ., 1958, 742 p. (In Russ.)

Dogovornoe i obiazatel'stvennoe pravo (obshchaia chast'): *Postateinyi kommentarii k stat'iam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Contract and Obligation Law (General Part): Article-by-article commentary to the Art. 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation], V.V. Baibak, R.S. Bevzenko, O.A. Beliaeva and etc., ed. by A.G. Karapetov. Moscow, M-LOGOS Publ., 2017, 1120 p. (In Russ.)

Gruzdev V.V. *Osushchestvlenie sub"ektivnykh grazhdanskikh prav i ispolnenie grazhdansko-pravovykh obiazannostei* [The Implementation of Subjective Civil Rights and Fulfillment of Civil Law Duties]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2017, No. 8, pp. 91–96. (In Russ.)

Ioffe O.S. *Obiazatel'stvennoe pravo* [Law of Obligation]. Moscow, Iuridicheskaja literatura Publ., 1975, 880 p. (In Russ.)

Karapetov A.G., Savel'ev A.I. *Svoboda dogovora i ee predely: v 2 t. T. 2. Predely svobody opredeleniia uslovii dogovora v zarubezhnom i rossiiskom prave* [Freedom of Contract and Its Limits: in 2 vols. Vol. 2. The Limits of Freedom to Establish the Provisions of Contract in Foreign and Russian Law]. Moscow, Statut Publ., 2012, 453 p. (In Russ.)

Khokhlov V.A. *Obshchie polozheniia ob obiazatel'stvakh: Uchebnoe posobie* [General Provisions on Obligations. Study Guide]. Moscow, Statut Publ., 2015, 288 p. (In Russ.)

Molodavkin V.I. *Ispolnenie negativnykh obiazatel'stv v sisteme iuridicheskikh faktov* [The Fulfillment of Negative Obligations in the System of Juridical Facts]. *Innovatsionnyi diskurs razvitiia sovremennoi nauki: sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Petrozavodsk, 3 iyunia 2021 goda.* [The Innovational Discourse in the Development of Modern Science. Collected papers of the 5th International Scientific Practical Conference. Petrozavodsk, June 3, 2021]. Petrozavodsk, Novaia nauka Publ., 2021, pp. 129–133. (In Russ.)

Molodavkin V.I. *Negativnye obiazatel'stva: nekotorye problemy pravovogo regulirovaniia* [Negative Obligations: Some Issues of Legal Regime]. *Molodoi uchenyi* [Young Scholar], 2020, No. 23 (313), pp. 266–268. (In Russ.)

Pokrovskii I.A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The Main Problems of the Civil Law]. Moscow, Statut Publ., the series 'Classic Texts of the Russian Civil Law Science', 1998, 353 p. (In Russ.)

Rozhkova M.A. *K voprosu o dinamike obiazatel'stv* [On the Issue of the Inner Movement in Obligations]. «SPS Konsul'tantPlius» [Legislation Assistant System 'Consultant Plus'], 2002, p. 2. URL: <https://rozhkova.com/pdf/AR19.pdf> (access date: 6.10.2023). (In Russ.)

Shershenovich G.F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava: v 2 t. T. 2. Ossobennaya Chast'* [The Textbook on the Russian Civil Law: in 2 vols., vol. 2. Special Part]. Moscow, Iurait Publ., 2023, 450 p. (In Russ.)

Vlasova A.V. *Struktura sub"ektivnogo grazhdanskogo prava: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [The Structure of Subjective Civil Law: Candidate's Dissertation ... in Juridical Sciences]

ture of Subjective Civil-Law Right: PhD thesis, summary]. St. Petersburg, 1998, 28 p. (In Russ.)

Vol'fson V.L. *Teoriia zloupotrebleniia pravom* [Abuse of Law as a Theory]. Moscow, Prospekt Publ., 2023, 160 p. (In Russ.)

Vol'fson V.L. *Nedobrosovestnost' kak diagnoz zloupotrebleniia sub"ektivnym grazhdanskim pravom* [Bad Faith as a Diagnosis of Abuse of Law in the Exercise of Subjective Right]. Moscow, Prospekt Publ., 2019, 80 p. (In Russ.)

Vol'fson V.L. *Ob interese avtora v rasprostraneniі reputatsii ego unikal'nogo intellektual'nogo resheniia* [The Author's Interest in Disseminating Reputation of a Unique Intellectual Creation]. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam* [The Journal of the Intellec-

tual Property Rights Court], 2021, No. 3 (33), pp. 141-168. (In Russ.)

Vozmezdnoe okazanie uslug. Poruchenie. Deistviia bez porucheniia. Ko-missii. Agentirovanie: Post. komentarii gl. 39, 49-52 GK RF [Paid Provision of Services. Assignment. Actions without Instructions. Commission. Agency: Article-by-article commentary to Chapters 39, 49-52 of the CC of the RF], ed. by P.V. Krasheninnikov. Moscow, Statut Publ., 2011, 192 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 27.11.2023.

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 27.11.2023.

ОРГАНИЗОВАННЫЕ ФОРМЫ ОНЛАЙН-МОШЕННИЧЕСТВА: ВИДЫ, СОДЕРЖАНИЕ И ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Полстовалов Олег Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-4991-990X>

Галяутдинов Рушан Радикович, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия, rushan-94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1205-7608>

Аннотация. Использование современных технологий мошенниками для обмана граждан стало одним из атрибутов современности: возникли организованные формы онлайн-мошенничества. В научной литературе данной теме уделено недостаточное внимание. Авторы настоящего исследования предприняли попытку систематизировать формы организованного онлайн-мошенничества, обозначить его структурные элементы. Данная статья является первой в цикле из трех статей, посвященных этой теме. Авторы из обширного массива проявлений мошенничества выделяют наиболее типизированные виды организованных форм онлайн-мошенничества и анализируют специфику их криминалистической характеристики. В исследовании систематизируются виды организованных форм онлайн-мошенничества, выделяются их характерологические особенности и механизмы достижения преступного результата. На основе теории и правоприменительной практики определены ключевые виды организованных форм онлайн-мошенничества и приведена типизированная криминалистическая характеристика части таких преступлений.

Ключевые слова: онлайн-мошенничество, формы онлайн-мошенничества, криминалистическая характеристика, мошенники, киберпреступления, интернет-пространство, онлайн-преступления, правоприменительная практика.

Для цитирования: Полстовалов О.В., Галяутдинов Р.Р. Организованные формы онлайн-мошенничества: виды, содержание и элементы криминалистической характеристики // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 205–211. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-205-211>

Research article

ORGANISED FORMS OF ONLINE FRAUD: TYPES, CONTENT AND ELEMENTS OF FORENSIC CHARACTERISTICS

Oleg V. Polstovalov, Doctor of Jural Sciences, Professor of the Department of Criminology of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology, Ufa, Bashkortostan autonomy, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-4991-990X>

Rushan R. Galyautdinov, Candidate of Jural Sciences, Associate Professor of the Department of Criminology of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology, Ufa, Bashkortostan autonomy, Russia, rushan-94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1205-7608>

Abstract. The use of modern technology by fraudsters to cheat citizens has become one of the attributes of nowadays: organised forms of online fraud have emerged. Insufficient attention is paid to this topic in the scientific literature. The authors of this study have attempted to systematise the forms of organised online fraud and outline its structural elements. This article is the first one in a cycle of three articles devoted to this topic. The authors identify the most typical types of organised forms of online fraud from the vast array of fraud manifestations and analyse the specifics of their criminalistic characteristics. Types of online fraud organised forms are systematised in the study; their characterological features and mechanisms of achieving the criminal result are highlighted. On the basis of theory and law enforcement practice, online fraud organised forms' key types are identified with some of these crimes' criminalistic typisation characterised.

Keywords: online fraud, forms of online fraud, criminalistic characteristics, fraudsters, cybercrimes, Internet space, online crimes, law enforcement practice.

For citation: Polstovalov O.V., Galyautdinov R.R. Organised forms of online fraud: types, content and elements of forensic characteristics. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 205–211 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-205-211>

Введение. Проблема изучения видов мошенничества, а также их криминалистической характеристики не отличается исключительной научной новизной, поскольку рассматривалась в многочисленных научных трудах по теме исследования [Комаров: 50]. При этом, несмотря на многостороннее исследование, проблема тщательного изучения видов мошенничества обладает непреходящей актуальностью ввиду постоянного совершенствования различных форм мошенничества, а также структурных элементов их криминалистической характеристики. Такие термины, как «электронное мошенничество», «интернет-мошенничество», «онлайн-мошенничество» прочно обосновались в сознании общества как проявления киберпреступности. На наш взгляд, с учетом анализа научных воззрений [Лопашенко: 55], а также правоприменительной практики обозначенные термины являются синонимами, определяющими действия киберпреступников, направленных на завладение информационными данными или финансовыми средствами пользователя Интернета. Несмотря на общность обозначенных нами понятий, полагаем, что специфика «онлайн-мошенничества» заключается в большей сложности, обусловленной многокомпонентностью составляющих признаков преступлений [Потапова: 52].

Ежегодно суммарный оборот денежных средств, добытых посредством мошеннических схем, опробованных в сфере виртуального мира, составляет сотни миллиардов рублей и находится под пристальным вниманием правоохранительных структур [Кецко: 59].

На современном этапе развития онлайн-мошенничества создано огромное количество различных способов и вариантов осуществления мошеннических действий, которые, по нашему мнению, можно дифференцировать на две большие группы: частные и организационные формы онлайн-мошенничества. Предметом нашего исследования стали именно организованные формы онлайн-мошенничества [Дворянкин: 20].

Организованные формы онлайн-мошенничества: виды, содержание и элементы криминалистической характеристики.

Характерологические особенности преступности рассматриваемого вида различаются в зависимости от сферы реализации преступных намерений организованных криминальных групп мошенников. Учитывая высокую степень распространенности мошеннических действий в определенных сферах жизнедеятельности граждан, выделим, на наш взгляд, наиболее часто встречающиеся в практике виды организованных форм мошенничества: 1) в сфере онлайн-кредитования, банковской деятельности в целом; 2) в сфере финансовых пирамид и псевдоинвести-

ционной деятельности в целом; 3) в сфере оказания онлайн-услуг и торговли; 4) в области манипуляции сознанием посредством организации различного рода псевдотренингов, тоталитарных сект, закрытых деструктивных сообществ.

Обозначенный нами перечень организованных видов мошенничества по завладению преступниками денежными средствами посредством онлайн-формата не является исчерпывающим по причине своего многообразия, а также ограничен объемом научного исследования. Нередко выделенные нами виды организованных форм мошенничества характеризуются пересечением их подвидов, что превращает сферу реализации преступных намерений в своеобразный конгломерат, в котором технологии списания денежных средств с банковских карт координируются, например, с оказанными услугами псевдомедицинского характера, выдачей кредита, организацией мнимой инвестиционной деятельности.

Как показывает правоприменительная практика, в инструментальной рациональности способа совершения мошенничества нередко заложены основы обеспечения безопасности от самой возможности уголовного преследования действительных бенефициаров мошеннической схемы [Полстовалов: 48].

Необходимо отметить, что виды организованных форм онлайн-мошенничества нельзя отождествлять с проявлениями частных случаев мошенничества. К примеру, реализация мошенничества в сфере получения социальных выплат главным образом носит частный характер, но в ряде случаев перерастает в организованную форму мошенничества, призванную приносить доход оказывающим такого рода «юридические услуги» околomoшенническим компаниям [Потетин: 87].

Приведем конкретный пример из правоприменительной практики, отражающий проявление такого вида мошенничества. Так, обвиняемая в совершении мошенничества В. доверилась уговорам неустановленной следствием цыганки о возможности путем оформления материнского капитала на несуществующего ребенка заработать 50 000 рублей, передав посреднику последней перечень необходимых для совершения мошенничества документов. После передачи документов посреднику В. по телефону позвонили и сообщили о необходимости встретиться с человеком, который даст ей на подпись требуемые документы. В., следуя указаниям злоумышленников, приехала на обозначенное место и подписала необходимые документы, не читая их. Последующие действия В. были направлены на получение части от суммы материнского капитала на второго ребенка, которого у нее не было. По независящим от виновных причинам преступный умысел не был доведен до конца. То обстоятельство, что следствие не уста-

новило всех причастных к преступлению на момент вынесения приговора В., говорит о высокой слаженности работы мошенников по этой схеме¹.

Проанализируем обозначенные нами виды организованных форм онлайн-мошенничества, выделив элементы их криминалистической характеристики.

Вид организованной формы мошенничества в сфере онлайн-кредитования, банковской деятельности в целом характеризуется высоким уровнем латентности и изобретательностью способов убеждения потерпевших в необходимости совершить необходимые для реализации замысла мошенников действия.

Приведем пример из правоприменительной практики. Так, 50-летней Ш. позвонило неизвестное лицо, представившееся сотрудником сотовой компании, и сообщило, что злоумышленники пытаются оформить на нее кредит. Чтобы помешать им, необходимо установить на мобильный телефон приложение «RustDesk». Затем злоумышленник звонил неоднократно с разных телефонных номеров, добившись от Ш. установки необходимого приложения. Потом по указанию мошенника Ш. совершила вход в мобильное приложение банка, установленного на ее телефоне. Впоследствии злоумышленники списали со счета, принадлежащего потерпевшей, более 300 000 рублей².

Совершение онлайн-мошенничества в сфере банковской деятельности обусловлено использованием преступниками, во-первых, психологических приемов, направленных на убеждение потерпевших в необходимости совершения тех или иных действий. В частности, мошенники, используя авторитет правоохранительных органов, в телефонном разговоре представляются сотрудником полиции и сообщают, что мошенники оформляют на потерпевшего кредит, и необходимо помешать им сделать это, установив приложение на телефон, передав данные банковской карты и так далее. Психологические приемы проявляются в избрании злоумышленником строгого тона голоса, уверенность в необходимости действовать быстро, чтобы немедленно нейтрализовать действия якобы «мошенников». В практике нередки случаи, когда для убеждения потерпевшего в том, что звонящий является сотрудником полиции, злоумышленники направляют в мессенджер WhatsApp фотографии соответствующих удостоверений.

Во-вторых, помимо психологических приемов злоумышленники обеспечивают и информационную составляющую своих замыслов, в частности: совершение изъятия денежных средств потерпевшего через установленные приложения, использование номеров телефонов, схожих с официальными номерами банков, направление на телефон потерпевших СМС-сообщений о попытке оформления кредита через банковское приложение.

Для данного вида организованной формы мошенничества характерно создание целых колл-центров, работающих на «общую кассу» с последующим распределением прибыли. При этом посредством использования утечки персональных данных организуются агрессивные «обзвоны» определенной и легко внушаемой «целевой аудитории» [Пойманова: 87].

Личность преступника в таких преступлениях характеризуется не только наличием организаторских способностей в подготовке легенды для реализации преступления, а также механизмов его информационного сопровождения, но также и наличием познаний в области психологии, позволяющих выработать тактику общения с конкретным потерпевшим с целью убедить его в действительности сообщаемых сведений.

Характеристика личности потерпевшего в таких преступлениях, как правило, позволяет дать ответ на вопрос о причине, по которой потерпевший стал жертвой мошенника. Как правило, жертвами преступников данного вида мошенничества становятся доверчивые люди, в основном пожилого возраста, которые не способны быстро анализировать сведения, сообщенные мошенниками.

Следующий вид анализируемой нами формы мошенничества – в сфере псевдоинвестиционной деятельности и финансовых пирамид [Яковлева Л.В., Яковлев В.В.: 54].

Финансовые пирамиды выступают своего рода индикатором экономического неблагополучия населения, социальной неустроенности граждан, сопряженных с их правовой и финансовой безграмотностью, распространенным в нашем обществе стремлением к легким деньгам.

Типичным примером финансовой пирамиды является преступная деятельность руководства и сотрудников кредитного потребительского кооператива «АлмазИнвест». В период с августа по декабрь 2014 года в ряде субъектов Российской Федерации специалист договорного отдела данного кредитного потребительского кооператива, вступив в предварительный сговор с председателем правления, а также с неустановленными лицами, умышленно совершила хищение денежных средств у 252 граждан на общую сумму 37 763 152,79 рублей³.

Криминалистическая характеристика рассматриваемого вида мошенничества заключается в том, что для реализации преступных намерений злоумышленникам необходимо создать благоприятную обстановку реализации своих намерений, видимости эффективности и выгоды своей деятельности для своих участников.

В качестве способов обеспечения видимости успешного функционирования преступники осуществляют следующие действия: по регистрации

юридического лица в онлайн-среде, позволяющей в кратчайшие сроки и при отсутствии должной системы контроля привлечь средства вкладчиков; организации агрессивной и широкомасштабной рекламы своей деятельности в сети Интернет; созданию видимости успешной и сверхприбыльной хозяйственной деятельности путем предоставления онлайн-отчетов; сокрытию истинных намерений и факта неминуемого финансового краха посредством все более интенсивного привлечения средств новых вкладчиков [Яковлев А.В.: 99].

Соккрытие следов преступления, как правило, носит характер физического и онлайн-уничтожения всей «черной» и относительно «белой» бухгалтерии. Ряд виновных, которые нередко выступают основными выгодоприобретателями от реализации мошеннической схемы финансовой пирамиды, установить не представляется возможным, поскольку их контакты с «исполнительной дирекцией» носят временный и конспиративный характер.

Личность преступника характеризуется наличием высоких организаторских способностей. Нередко мошенничество в рассматриваемой сфере осуществляют люди, имеющие высшее образование, как правило в области экономики, юриспруденции, финансовой деятельности, поскольку деятельность финансовых пирамид направлена не только на привлечение максимального количества «вкладчиков», но и на предотвращение внимания к их деятельности со стороны правоохранительных органов, пока руководителями пирамиды не будет получена максимальная прибыль [Голованенко, Григорьева: 486].

Личность потерпевшего характеризуется высокой степенью виктимности и обусловлена тем, что жертвами преступления становятся люди, как правило, не имеющие высокого уровня образования, в связи с чем готовые поверить в возможность получения легких денег, дохода без особых усилий. Зачастую потерпевшими становятся лица молодого возраста, также лица с невысоким уровнем дохода, стремящиеся заработать.

Следующий вид организованной формы мошенничества – в сфере оказания интернет-услуг и онлайн-торговли, которые объединены в одну типологическую группу ввиду высокой схожести их схем мошеннических хищений.

Криминалистическая характеристика данного вида мошенничества проявляется в необходимости использования преступниками широкого спектра способов совершения деяния.

Общие тенденции реализации намерений совершения мошенничества в современных условиях в сфере торговли и оказания услуг определяются следующими тенденциями: 1) все чаще мошенники прибегают к агрессивному маркетингу при продвижении

своих товаров и услуг, как правило ненадлежащего качества и с завышенной стоимостью, используя интернет-ресурсы для рекламы своих псевдоуслуг; 2) активизируется электронная и максимально анонимная форма расчетов; 3) предпринимаются усилия для придания видимости законности действий мошенников, порой заключаются мнимые сделки; 4) мошенники все чаще прибегают к подделке документов для реализации своих преступных намерений [Сочнева, Потылицына: 76].

Приведем пример из правоприменительной практики. В г. Баймак Республики Башкортостан в социальной сети «ВКонтакте» с целью хищения чужого имущества А.А.Т. создал «фейковую» учетную запись под наименованием «Илья Гуру» с копией контента аккаунта. В ходе переписки с потерпевшей злоумышленник ввел ее в заблуждение относительно того, что является администратором экстрасенса Александра Шепса и осуществит запись на прием к экстрасенсу за денежное вознаграждение. Расчет был произведен посредством электронных платежей «qiwicom»⁴.

Личность виновного в рассматриваемом виде мошенничества не имеет принципиального значения, за исключением конкретной роли каждого соучастника в преступной группе и специфики их взаимодействия.

Личность потерпевшего в рассматриваемой сфере также не отличается особой спецификой, виктимность жертвы обусловлена в данном случае лишь невнимательностью покупателя товаров и услуг, проявлении высокой степени доверчивости в сфере интернет-торговли, когда продавец и предоставляемые им услуги дистанционны.

Применительно к жертвам мошенничества, сопряженного с предоставлением якобы услуг по поиску работы со стороны недобросовестных «частных служб занятости», необходимо отметить, что потерпевшими становятся социально неустроенные граждане, поддающиеся на яркие вывески, агрессивную рекламу о гарантированном трудоустройстве и высокой заработной плате. Как правило, на деле услуги по представлению работы либо не оказываются, либо многократно завышены, либо работа фактически не соответствует ожиданиям, представленным злоумышленниками [Малянова, Нугаева: 142].

Еще один выделенный нами вид организованной формы мошенничества – в области манипуляции сознанием посредством организации различного рода псевдотренингов, тоталитарных сект, закрытых деструктивных сообществ, в которых сама деятельность создает благоприятные условия для незаконного обогащения посредством обмана адептов соответствующего «культа».

Главной целью тоталитарных сект и созданных по их принципу тренингов личностного роста, де-

структивных общественных движений является получение прибыли их руководителями. Учитывая, что участники таких организаций находятся в сильной психологической зависимости от разного рода пасторов, гуру, тренеров, такие виды мошенничества обладают гиперлатентным характером и обнаруживаются правоохранительными органами только в случае поступления соответствующих заявлений от потерпевших [Степанов: 66].

Криминалистическая характеристика рассматриваемого вида мошенничества заключается в использовании преступниками такого способа совершения деяния, как вербовка новых адептов, которые выстраиваются у основания мошеннической пирамиды. Организации сектантского толка имеют свою иерархию, в которой верхушка секты обогащается за счет ее основания, получая доход от своих адептов, «уверовавших в коммерческий успех предприятия».

Механизм реализации мошеннических схем обозначенных нами организаций проявляется в эксплуатации адептов, которая заключается во внушении идеалов веры в некое божество, личностный рост, неминуемый успех и грядущее материальное благополучие.

Методы вербовки, работы в группе, в сетевом пространстве избираются наиболее эффективные, ориентированные на максимально широкую аудиторию, направленные на некритическое принятие преподносимых псевдоценностей. Для этих эфемерных перспектив личностного роста, достижения личной гармонии и материального благополучия, рая на земле и после смерти с минимальными усилиями тоталитарные секты и другие подобные им сообщества ставят необходимое условие финансовой поддержки работы организации.

Личность мошенников характеризуется наличием познаний в области психологии, необходимых не только для осуществления вербовки новых адептов, но и для внушения им определенных идей, поддержание их приверженности организации, что способствует обеспечению финансирования.

Характерные черты личности потерпевшего свидетельствуют о том, что специфика его виктимного поведения в значительной степени позволила ему стать жертвой мошенников: потерявшие или ищущие смысл жизни отчаявшиеся люди, перенесшие психологическую травму либо жизненную трагедию, зачастую сами находят организации, в которых исповедуются те идеалы, к которым стремятся такие люди.

Таким образом, криминалистическая характеристика организованных форм мошенничества носит разноплановый характер и зависит от сегмента соответствующего криминального бизнеса. Способы реализации мошеннических намерений, как и подготовка к преступлению такого рода, а также сокрытие его

следов, выступают универсальными приемами и методами криминального бизнеса в целом, где преступный доход становится главной целью действий виновных.

Заключение. Проведенный анализ научных воззрений и правоприменительной практики позволил нам выделить ключевые виды организованных форм онлайн-мошенничества: 1) в сфере онлайн-кредитования, банковской деятельности в целом; 2) в сфере финансовых пирамид и псевдоинвестиционной деятельности в целом; 3) в сфере оказания онлайн-услуг и торговли; 4) в области манипуляции сознанием посредством организации различного рода псевдо-тренингов, тоталитарных сект, закрытых деструктивных сообществ. Ключевой характер данных видов мошенничества обусловлен тем, что эти виды представляют собой наиболее распространенные проявления мошенничества в определенных сегментах общественной жизни, которые были сгруппированы авторами в самостоятельные виды, обладающие общностью признаков криминалистической характеристики. Специфика криминалистической характеристики проанализированных нами видов организованных форм мошенничества определяется особенностями сегмента общественной жизни, в которой реализуется тот или иной вид мошенничества. Общность признаков криминалистической характеристики проявляется в наличии разработанных и опробированных преступниками способов реализации своих намерений, распределением ролей злоумышленников, слаженностью и быстротой их работы. Личность преступника характеризуется наличием у него не только информационного инструментария для совершения преступления, но и определенных познаний в области психологии человека. Личность потерпевшего во многом характеризуется виктимным поведением, обуславливающим способность стать жертвой мошенника, проявляя излишнюю доверчивость по отношению к демонстрируемым намерениям виновного. Криминалистическая характеристика организованных форм онлайн-мошенничества позволяет понять логику действий преступников, что может быть полезно в определении направлений изобличения преступников, выбора наиболее эффективных методов и приемов ведения расследования.

Примечания

¹ Приговор от 17 июля 2019 г. по делу № 1-203/2019 по обвинению Стояненко В.Ф., в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 159.2 УК РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/plVWd1R3uObd/?regulartxt=мошенничество%2C+матерински> (дата обращения: 10.08.2023).

² Уголовное дело № 12301800010000210 // Архив Отдела МВД России по Давлекановскому району за 2023 год.

³ Именно такая формулировка была сделана в материалах дела и, в частности, в приговоре, хотя очевидно, что председатель правления располагал куда большими дискреционными полномочиями.

⁴ Уголовное дело № 1-95/2017 по обвинению А.А. Тагирова в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ // Архив Баймакского городского суда Республики Башкортостан.

Список литературы

Голованенко М.Е., Григорьева А.Е. Интернет-мошенничество: финансовые пирамиды // StudNet: научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей. 2020. № 12. С. 485–491.

Дворжанкин О.А. Интернет-мошенничество – это новая интернет-технология или жадность и алчность неистребимы? // Национальная ассоциация ученых. 2021. № 64. С. 16–21.

Кецко К.В. Преступность в сфере электронной коммерции // Российский следователь. 2021. № 9. С. 58–63.

Комаров А.А. Интернет-мошенничество: проблемы детерминации и предупреждения: монография. Москва: Юрлитинформ, 2013. 184 с.

Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. Москва: Инфра-М, 2012. 229 с.

Мальянова К.П., Нугаева Э.Д. Способы совершения мошенничеств при трудоустройстве в Российской Федерации // Юристы-Правоведы. 2020. № 1 (92). С. 141–145.

Пойманова Л.А. Мошенничество в банковской сфере: понятие, признаки, виды // Сибирский юридический вестник. 2018. № 2 (81). С. 84–89.

Полстовалов О.В. К исследованию способов совершения организованных форм мошенничества в новой экономической реальности // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2020. № 3 (3). С. 45–52.

Потанова А.В. Мошенничество в сети Интернет: криминологическая характеристика и проблемы квалификации // StudNet: научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей. 2020. № 6. С. 52–57.

Потетин В.А. К вопросу о квалификации мошенничества при получении социальных выплат (ст. 159.2 УК РФ) // Право и практика. 2021. № 7. С. 84–90.

Сочнева Е.Н., Потылицына В.А. Особенности классификации мошенничества в сфере торговли // Бюллетень науки и практики. 2018. № 6. Т. 4. С. 75–81.

Степанов М.В. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 159.1 – 159.6 УК РФ: методич. рекомендации. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. 179 с.

Яковлев А.В. О криминалистической характеристике мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид» // Вестник Московского университета. 2014. № 4. С. 98–102.

Яковлева Л.В., Яковлев В.В. Способы совершения и особенности расследования мошенничеств, совершенных по принципу финансовых пирамид // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 2 (81). С. 84–89.

References

Cochneva E., Potylicyna V. *Osobnosti klassifikacii moshennichestva v sfere trgovli* [Features of the classification of fraud in the field of trade]. *Bjulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and practice], 2018, No. 6, pp. 75-81. (In Russ.)

Dvorjankin O. *Internet moshennichestvo - jeto novaja Internet tehnologija ili zhadnost' i alchnost' neistrebymy?* [Is Internet fraud a new Internet technology or is greed and greed indestructible?]. *Nacional'naja associacija uchenyh* [National Association of Teachers], 2021, No. 64, pp. 16-21. (In Russ.)

Golovanenko M., Grigor'eva A. *Internet moshennichestvo: finansovye piramidy* [Internet fraud: financial pyramids]. *StudNet: nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal dlja studentov i prepodavatelej* [Scientific and educational magazine for students and teachers «StudNet»], 2020, No. 12, pp. 485-491. (In Russ.)

Jakovlev A. *O kriminalisticheskoy harakteristike moshennichestv, sovershennyh po principu «finansovyh piramid»* [On the criminalistic characteristics of frauds committed on the principle of “financial pyramids”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow University], 2014, No. 4, pp. 98-102. (In Russ.)

Jakovleva L., Jakovlev V. *Sposoby sovershenija i osobnosti rassledovaniya moshennichestv, sovershennyh po principu finansovyh pyramid* [Methods of commission and features of investigation of frauds committed on the principle of financial pyramids]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, No. 2 (81), pp. 84-89. (In Russ.)

Kecko K. *Prestupnost' v sfere jelektronnoj kommercii* [Crime in the field of e-commerce]. *Rossijskij sledovatel'* [A Russian investigator], 2021, No. 9, pp. 58-63. (In Russ.)

Komarov A. *Internet-moshennichestvo: problemy determinatsii i preduprezhdeniya* [Internet fraud: problems of determination and prevention]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013, 184 p. (In Russ.)

Lopashenko N. *Posyagatelstva na sobstvennost* [Encroachments on property]. Moscow, Infra-M Publ., 2012, 229 p. (In Russ.)

Malyanova K., Nugaeva J. *Sposoby sovershenija moshennichestv pri trudoustrojstve v Rossijskoj Fede-*

racii [Proposals for improving legislation in the Russian Federation]. *Jurist-Pravoved* [Lawyer – Jurist], 2020, No. 1 (92), pp. 141-145. (In Russ.)

Pojmanova L. *Moshennichestvo v bankovskoj sfere: ponjatie, priznaki, vidy* [Fraud in the banking sector: concept, signs, types]. *Sibirskij juridicheskij vestnik* [Siberian Legal Bulletin], 2018, No. 2 (81), pp. 84-89. (In Russ.)

Polstovalov O. *K issledovaniu sposobov sovercheniya organizovannyh form mochennishestva v novoi ekonomicheskoj realnosti* [On the study of ways of committing organized forms of fraud in the new economic reality]. *Vestnik Instituta prava bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir State University Institute of Law], 2020, No. 3, pp. 45-52. (In Russ.)

Potapova A. *Moshennichestvo v seti Internet: kriminologicheskaja harakteristika i problemy kvalifikacii* [Fraud on the Internet: criminological characteristics and problems of qualification]. *StudNet: nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal dlja studentov i prepodavatelej* [Scientific and

educational magazine for students and teachers «StudNet»], 2020, No. 6, pp. 52-57. (In Russ.)

Potetinov V. *K voprosu o kvalifikacii moshennichestva pri poluchenii social'nyh vyplat (st. 159.2 UK RF)* [On the question of the qualification of fraud in receiving social benefits]. *Pravo i praktika* [Law and practice], 2021, No. 7, pp. 84-90. (In Russ.)

Stepanov M. *Osobennosti kvalifikacii prestuplenii, predusmotrennyh st. 159.1-159.6 UK RF* [Features of the qualification of crimes under Articles 159.1 - 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation]. N. Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2014, 179 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.10.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 05.10.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for publication 05.12.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 212–219. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 212–219. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

УДК 342.5

EDN JQJROI

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-212-219>

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СТАТУСА ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Зуев Роман Олегович, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, zuev.ramzes2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3191-4268>

Надин Алексей Николаевич, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП), Москва, Россия, alex.nadin00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3563-5877>

Аннотация. В настоящей работе представлена авторская концепция отдельных положений рамочного Федерального закона «О федеральных территориях». Исследователями предложены структурное видение будущего законодательного акта, конкретизированы нормы, определяющие общие принципы правового статуса федеральных территорий: предмет регулирования и цели принятия федерального закона, категориальный аппарат, принципы и порядок образования федеральных территорий, их виды, цели и основания создания федеральных территорий. Также в статье проанализированы правовые основы и доктринальные подходы, опосредующие порядок создания и функционирования территориальных единиц особого типа в системе публичной власти Российской Федерации.

Ключевые слова: федеральная территория, рамочное регулирование, Сириус, публичная власть, территориальное образование, создание федеральных территорий.

Для цитирования: Зуев Р.О., Надин А.Н. К вопросу о законодательном регулировании статуса федеральных территорий в Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 212–219. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-212-219>

Research Article

ON THE ISSUE OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE STATUS OF FEDERAL TERRITORIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Roman O. Zuev, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, zuev.ramzes2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3191-4268>

Aleksey N. Nadin, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, alex.nadin00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3563-5877>

Abstract. In this article the authors' concept of certain provisions of the framework Federal Law "On Federal Territories" is presented. The researchers proposed a structural vision of the future legislative act, concretised the norms defining the general principles of the legal status of federal territories: the subject of regulation and the purpose of the adoption of the federal law, basic terms and concepts, the principles and procedure for the formation of federal territories, their types, the purpose and grounds for the creation of federal territories. The article also analyses the legal foundations and doctrinal approaches mediating the procedure for the creation and functioning of territorial units of a special type in the system of public authority of the Russian Federation.

Keywords: federal territory; framework regulation; Sirius; public authority; territorial formation; creation of federal territories.

For citation: Zuev R.O., Nadin A.N. On the issue of legislative regulation of the status of federal territories in the Russian Federation. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 212–219 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-212-219>

Крупная конституционная реформа 2020 г. затронула целый спектр вопросов организации и функционирования публичной власти: систему и порядок взаимоотношений федеральных органов государственной власти, государственную службу, местное самоуправление, судебную власть и прокуратуру, социальные обязательства государства. В Конституцию страны были внесены и изменения, касающиеся федеративного устройства, одним из которых стала новая редакция ч. 1 ст. 67 Конституции¹, согласно которой территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. На территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные территории (далее – ФТ). Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом.

Зарубежным правовым порядкам такие территориальные образования уже известны (они существуют в Бразилии, Индии, Малайзии и некоторых других федеративных государствах). При этом такие территории можно разделить на две основные группы: столичные территории и ФТ, которые не являются территорией столиц [Каримов: 53]. Учитывая, что в России столица размещена в границах специфического вида субъекта федерации – города федерального значения, очевиден вывод о том, что по замыслу авторов соответствующей поправки на территории нашей страны будут образованы исключительно ФТ второго вида.

Обращение к зарубежному опыту было едва ли не основным способом обоснования необходимости имплементации института ФТ в национальный правовой порядок. На него, в частности, ссылался один из сопредседателей рабочей группы по внесению изменений в Конституцию РФ сенатор А.А. Клишас, комментируя соответствующую инициативу члена этой группы С.А. Харитоновой². Между тем в юридической литературе справедливо отмечается, что, несмотря на этот фактор, понимание статуса и назначения ФТ в России заметно отличается от того, которое существует в других государствах, «поскольку единственную на данный момент российскую территориальную единицу этого типа сближает с зарубежными одноименными территориальными единицами главным образом терминология» [Лексин: 30].

Как верно отмечается в научной среде, поправка к ст. 67 отечественной Конституции имеет дискреционный характер, предполагая возможность (не обязанность) создания таких территорий [Хабриева, Клишас: 26]. Буквальное толкование соответствующих положений правового акта высшей юридической силы не обеспечивает определенность при установлении способа регулирования правового статуса

конкретной ФТ, а также в целом рамочного регулирования отношений, возникающих в области создания и функционирования ФТ.

Более того, сформулированная законодателем общая формула позволяет не только формировать каждую ФТ в соответствии с конкретным федеральным законом либо обеспечивать функционирование возникших на территории России ФТ на основании федерального закона, регламентирующего общие вопросы создания и правовых основ функционирования таких территориальных единиц, но и предоставляет возможность принятия единого федерального закона для всех ФТ, объектом регулирования которого станут как общие вопросы функционирования ФТ, так и специальное регулирование конкретных новых федеральных единиц особого типа (своеобразная общая и специальная части).

В ходе первой практической реализации нового конституционного положения законодателем был избран способ правового регулирования образования и функционирования ФТ путём принятия отдельных федеральных законов по каждой такой территории³, первым из которых стал Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ «О федеральной территории “Сириус”» (далее – Федеральный закон № 437-ФЗ)⁴.

Между тем использование такого подхода видится спорным. Как верно отмечает Б.Р. Каримов, в случае отсутствия общего закона о федеральных территориях возникает правовая неопределенность: они обладают равным статусом, но функционируют при отсутствии общих норм и принципов, либо же отсутствие такого закона вовсе свидетельствует о различиях в статусе отдельных федеральных территорий, основания которых неясны [Каримов: 57]. Правовое регулирование посредством использования не только специальных, но и общих норм является одной из особенностей романо-германской правовой семьи, используется в различных отраслях права, в том числе и российского. В частности, такой подход используется для регулирования иных территориальных единиц в России, например закрытых административно-территориальных образований.

Предполагаем, что рамочное регулирование публично-правового статуса ФТ в России видится более перспективным с юридико-технических позиций, так как позволяет сформулировать в отдельном законодательном акте общие вопросы для всех ФТ в России. Такая регламентация, в свою очередь, позволит при конструировании правовых норм об отдельной ФТ уделить большее внимание специфике такой территории, исключит излишнюю громоздкость (массивность) правил поведения и в целом будет соответствовать принципу правовой определенности и логике законодательного регулирования [Виноградов: 9–10].

Кроме того, член Рабочей группы по внесению изменений в Конституцию РФ С.А. Харитонов, впервые высказывая свою идею конституционного закрепления института ФТ, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечал, что их создание было бы правильно осуществлять в соответствии с федеральным конституционным законом⁵. Актом именно такого уровня логично установить основы нового для российского конституционного права вида территориального образования, а особенности функционирования отдельных ФТ определять уже федеральными законами. Помимо прочего, такой подход позволит в будущем исключить возможную конкуренцию норм законодательства о ФТ с иными законодательными актами [Стариков: 22–23], в частности Федеральным законом от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»⁶ и Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁷.

Однако окончательная редакция ч. 1 ст. 67 Конституции хоть и до сих пор не лишает законодателя возможности принять рамочный закон о ФТ, необходимость которого, по нашему мнению, не вызывает сомнения, но допускает его принятие только в форме федерального закона.

В настоящем исследовании считаем возможным представить собственный взгляд на концепцию рамочного федерального закона о ФТ (безусловно, за основу взят ряд норм Федерального закона № 437-ФЗ).

По нашему представлению, с точки зрения структуры такой законодательный акт должен содержать несколько глав, к примеру:

Глава 1. Общие принципы правового статуса федеральных территорий.

Глава 2. Полномочия органов публичной власти федеральной территории. Особенности осуществления полномочий федеральных государственных органов, органов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации на федеральной территории.

Глава 3. Организация публичной власти в федеральной территории.

Глава 4. Экономические основы деятельности.

Глава 5. Заключительные положения.

В главе первой, посвященной общим принципам правового статуса ФТ, должны быть отражены: предмет регулирования и цели принятия федерального закона, категориальный аппарат, принципы и порядок образования ФТ, их виды, цели и основания создания ФТ. Помимо этого, внимание должно быть уделено вопросам действия федерального законодательства, законодательства субъекта (субъектов) Российской Федерации, муниципальных правовых актов на ФТ, правовым актам органов публичной власти ФТ, процедуре изменения границ ФТ и т. д.

В части установления понятийного ряда в рамочном федеральном законе о ФТ, по нашему мнению, должно быть раскрыто содержание как минимум таких терминов, как «федеральная территория», «органы публичной власти федеральной территории», «Устав федеральной территории».

Под органами публичной власти федеральной территории, как представляется, необходимо понимать органы, осуществляющие властные полномочия на федеральной территории и наделённые определенной компетенцией в соответствии с Уставом федеральной территории и федеральными законами.

В свою очередь, Устав федеральной территории – основной нормативный правовой акт федеральной территории, принимаемый представительным органом федеральной территории и устанавливающий систему органов публичной власти федеральной территории, экономические и иные основы функционирования федеральной территории.

С учётом используемого в Федеральном законе № 437-ФЗ определения ФТ «Сириус», в рамочном законе термин «федеральная территория», на наш взгляд, мог бы быть определён как публично-правовое образование, имеющее особый конституционно-правовой статус, определяемый общегосударственным стратегическим значением, создаваемое в соответствии с отдельными законодательными актами, определяющими особенности осуществления публичной власти органами федеральной территории, и не являющееся субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием.

Представляется, что изложенный термин ФТ позволит обозначить подлинную правовую природу указанного территориального образования, отграничить её правовой статус от субъекта федерации и (или) муниципального образования [Чуклин: 12–13; Алексеева: 18–19], а также определить цели создания таких территорий. К тому же приведенная формулировка будет в большей степени соответствовать правовой позиции отечественного органа конституционного контроля⁸.

В юридической литературе предлагаются различные варианты определения термина «федеральные территории». Например, под ними предлагается понимать особые административно-территориальные единицы, входящие в состав федерации без права законодательной автономии и представительства в федеральных органах [Сухарев, Крутских, Сухарева: 798]. Также их определяют как территории в федеральном государстве, не входящие в состав субъекта федерации, находящиеся в непосредственном управлении федеральных органов или назначенных ими лиц [Авакьян: 619]. Иная дефиниция федеральной территории даётся В.В. Виноградовым: это географический район, расположенный на территории како-

го-либо из субъектов страны, управляемый при этом федеральными органами власти в силу его значимости для процессов, связанных с развитием государства [Виноградов: 39].

Кроме того, в научной среде вызывает обоснованную критику определение ФТ как публично-правового образования. Во-первых, по справедливому замечанию профессора Н.Л. Пешина, в условиях отсутствия в российском законодательстве формально-юридического определения термина «публично-правовое образование» Федеральный закон № 437-ФЗ, по сути, предлагает определить один термин с неясным правовым содержанием через другой со столь же неясным правовым содержанием [Пешин: 38]. Во-вторых, термин «публично-правовое образование» используется главным образом в цивилистических отраслях права для обобщённого обозначения публичных субъектов как участников частноправовых отношений. Причём указанные субъекты исчерпывающим образом определены в ст. 125 Гражданского кодекса РФ⁹ (далее – ГК РФ): Российская Федерация, её субъекты и муниципальные образования. Поэтому данная правовая коллизия может быть устранена двумя способами: либо путём изменений ГК и других законодательных актов, в которых упоминается термин «публично-правовое образование», либо путём пересмотра законодателем своей позиции по статусу ФТ и корректировки одного лишь Федерального закона № 437-ФЗ.

Логичным и рациональным выглядит предложение профессора Н.Л. Пешина о том, что «федеральные территории должны стать своего рода административно-территориальными единицами, подчиненными федеральному уровню власти» [Пешин: 37]. То есть такие территории следует считать единицами не федеративного, а административно-территориального устройства как системы организации и осуществления государственного управления.

Профессор И.В. Лексин предлагает следующий вариант определения рассматриваемого понятия: федеральной может быть объявлена территория муниципального образования или нескольких муниципальных образований, в пределах которой осуществление региональных полномочий (а также факультативно решение вопросов местного значения) передается Российской Федерации в лице соответствующих органов и должностных лиц [Лексин: 32]. Учитывая опыт создания первой федеральной территории, на наш взгляд, можно также добавить, что такой территорией может быть объявлена часть территории муниципального образования.

С учётом всего вышеизложенного термин «федеральная территория» в рамочном законе может иметь и следующий альтернативный вариант определения: имеющее особый конституционно-правовой статус,

определяемый общегосударственным стратегическим значением, административно-территориальное образование, в пределах которого устанавливаются особенности организации публичной власти в виде передачи Российской Федерации в лице органов федеральной территории права на осуществление полномочий по предметам ведения субъектов Российской Федерации и на решение вопросов местного значения, а также определяется специфика осуществления экономической и иной деятельности.

Принципы образования ФТ имеют схожий характер с принципами федерализма, однако приобретают собственную специфику в условиях обеспечения общегосударственного стратегического значения. К таким принципам образования ФТ можно отнести: государственную целостность; приоритет прав и свобод личности, их признания, соблюдения и защиты государством; равноправие и самоопределение народов, проживающих на соответствующей территории; соответствие целей образования ФТ стратегическим интересам Российской Федерации; единство системы публичной власти.

Грамотное и точное формулирование целей создания ФТ необходимо для определения правового режима организации публичной власти на указанной территории в соответствии с определенной парадигмой государственной деятельности [Сычев: 61–63]. Такая цель может быть обусловлена как интересами всего многонационального народа России, являющегося источником власти, так и интересами конкретного территориального публичного коллектива, что требует оформления определенного уровня самоуправления [Чуклин: 12].

Кроме того, цели формирования ФТ могут быть зафиксированы в документе стратегического планирования – Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, утверждаемой главой государства.

Некоторые исследователи указывают, что большинство целей, предусмотренных ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 437-ФЗ, относятся в той или иной степени ко всем публично-правовым образованиям. В связи с этим В.А. Майборода делает вывод, что «создание нового публично-правового образования – федеральной территории – фактически преследует достижение двух новых, ранее не стоявших перед публично-правовыми образованиями целей: сохранение олимпийского спортивного, культурного и природного наследия и создание благоприятных условий для выявления, самореализации и развития талантов» [Майборода: 17].

Также необходимо отметить, что предусмотренные Федеральным законом № 437-ФЗ цели создания федеральной территории могут быть взяты за основу при формулировании этих целей в рамочном

Федеральном законе «О федеральных территориях». При этом в новом законодательном акте следует установить неисчерпывающий перечень целей создания ФТ:

1) формирование благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения;

2) сохранение уникальности и исторического наследия территорий, на которых проживают коренные народы;

3) сохранение естественных экологических систем, природных ландшафтов и природных комплексов, поддержание экологического разнообразия;

4) развитие обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей экономики, развитие туризма, санаторно-курортной сферы, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции;

5) ускорение социально-экономического развития территорий, формирование инвестиционно привлекательной среды;

6) развитие исследовательской деятельности (проведение прикладных, поисковых научных исследований, экспериментальных разработок, получение результатов интеллектуальной деятельности, иных научных и (или) научно-технических результатов);

7) обеспечение безопасного функционирования находящихся на их территории организаций, осуществляющих разработку, изготовление, хранение и утилизацию оружия массового поражения, военных и иных объектов;

8) иные цели, соответствующие Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации.

Считаем важным подчеркнуть, что основания создания ФТ должны иметь исключительный характер, то есть такое территориальное образование скорее является исключением, а не правилом (в частности, на такой подход ориентирует нас ч. 1 ст. 67 отечественной Конституции). Причем исключительный характер оснований создания ФТ означает, что субъект (субъекты) Российской Федерации, в состав территории которого (которых) изначально входила указанная территория, не способен (не способны) обеспечивать реализацию целей создания ФТ.

Рассматриваемый подход позволит обозначить первоочередную необходимость обеспечения баланса единства территории и особого порядка формирования специальных территориальных единиц.

С проблемой определения целей образования ФТ тесно связан вопрос определения их видов.

Комплексный анализ отечественного законодательства о статусе специальных территориальных

единиц (особые экономические зоны¹⁰; Арктическая зона РФ¹¹; закрытые административно-территориальные образования¹²; территории, связанные с особыми природными объектами¹³) позволяет утверждать, что все они находятся в составе субъектов федерации и финансируются из государственного бюджета.

Предполагаем, что в целях исключения конкуренции правоположений об указанных специальных территориальных единицах и ФТ особого типа виды ФТ должны быть изложены в рамочном законе таким способом:

1) территории, созданные в сферах обеспечения экономического развития и инвестиционной привлекательности;

2) территории, созданные в сферах обеспечения сохранения природного богатства и развития туризма;

3) территории, созданные в сфере обеспечения национальной безопасности;

4) территории, созданные в сфере обеспечения сохранения мест традиционного проживания и природопользования коренных малочисленных народов;

5) территории, созданные в сфере обеспечения благоприятных условий для выявления, самореализации и развития талантов.

Между тем считаем целесообразным конкретизировать в законодательном акте требования к конкретным видам ФТ. Например, ФТ, созданные в сферах обеспечения экономического развития и инвестиционной привлекательности, должны соответствовать определенным характеристикам, а именно обладать: а) потенциалом для привлечения инвестиций и создания новых рабочих мест; б) инфраструктурой, которая позволит обеспечить эффективное функционирование экономики и социальной сферы; в) уникальными природными, культурными, историческими, экономическими и социальными ресурсами, которые могут быть использованы для развития региона; г) стратегией развития региона, которая определяет приоритетные направления деятельности и механизмы их реализации.

ФТ, сформированная в сфере обеспечения национальной безопасности, должна обладать: транспортной инфраструктурой, позволяющей быстро перемещать войска и технику по всей территории; энергетической инфраструктурой, предоставляющей надежное энергоснабжение, тепловые сети и другие объекты; инфраструктурой обеспечения питания и водоснабжения, предполагающей надежное снабжение населения и военных подразделений пищей и водой; инфраструктурой обеспечения безопасности, включающей в себя системы видеонаблюдения, контроля доступа, охраны периметра и другие средства.

Отдельная статья рамочного закона должна обеспечивать правовую регламентацию процедуры образования ФТ. Отсутствие такой нормы в действующем

ишем Федеральном законе № 437-ФЗ является его существенным недостатком [Авакьян: 15].

Профессор И.В. Лексин верно отмечает внутреннее противоречие, появившееся в ч. 1 ст. 67 Конституции в связи с внесёнными изменениями. Дело в том, что первое предложение ч. 1, определяющее состав территории Российской Федерации, осталось неизменным («территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними»). Второе же предложение допускает создание ФТ «на территории Российской Федерации». Вследствие этого толкование данной нормы применительно к расположению ФТ относительно субъектов Федерации может быть различным [Лексин: 30]:

- ФТ могут формироваться за счет сокращения территории субъектов РФ;
- федеральными могут именоваться территории в рамках территорий отдельных субъектов РФ (не вычленившись из их территорий, находясь при этом под фактическим федеральным управлением);
- ФТ могут быть выделены «поверх» компонентов территории Российской Федерации, перечисленных в первом предложении ч. 1 ст. 67 Конституции РФ (в частности, располагаться на стыке разных субъектов РФ, включать участки внутренних вод и территориального моря).

На наш взгляд, наиболее близким к буквальному является последний вариант толкования. Более того, гипотетически такая ситуация может возникнуть в случае образования федеральных территорий в сфере обеспечения сохранения природного богатства, когда крупные природные комплексы располагаются на территории нескольких регионов.

Учитывая ранее приведённые рассуждения, основанные на предложении профессора Н.Л. Пешина считать федеральные территории единицами административно-территориального устройства с федеральным управлением, по нашему мнению, было бы логично использовать в качестве рабочих два последних из указанных вариантов толкования ч. 1 ст. 67 Конституции РФ, не вычленив часть территории субъекта для образования федеральной территории.

С чисто технической точки зрения вопрос о порядке создания ФТ и установления их границ не представляет сложности, первый опыт законодателя в этом плане можно считать приемлемым: каждая ФТ создаётся в соответствии с отдельным федеральным законом, в котором определяются также её границы.

Что же касается вопроса о необходимости и форме выражения соответствующим субъектом и муниципальным образованием мнения относительно перехода части их территории под, скажем так, «управленческую юрисдикцию» федерального центра, представляется, что речь должна идти имен-

но об учёте мнения региона и муниципалитета, а не об их согласии, поскольку вопросы обеспечения общенациональных интересов не должны находиться в жёсткой зависимости от одобрения отдельно взятым территориальным публичным коллективом. То есть высказанное субъектом РФ или муниципальным образованием отрицательное мнение по вопросу создания на его территории ФТ не должно отменять либо препятствовать реализации решения федеральных органов, такая позиция может быть лишь основанием для поиска компромиссов.

Более того, разумным представляется учитывать мнение регионов и муниципалитетов не в целом по вопросу образования ФТ, а только относительно установления границ этих территорий. Потенциальной же формой выражения мнения субъекта РФ по данному вопросу может стать постановление его законодательного органа, а мнения муниципального образования – решение представительного органа местного самоуправления. Предполагаем, что процедура выражения мнения относительно установления границ ФТ большинством голосов депутатов представительного органа субъекта РФ и муниципального образования, в отличие от проведения референдума субъекта РФ и местного референдума, не требует значительных финансовых затрат и обладает большей оперативностью.

Таким образом, предлагается закрепить в рамочном законе о ФТ следующее положение: при установлении границ ФТ учитываются мнения субъекта (субъектов) РФ и муниципального образования (муниципальных образований), на территориях которых создается ФТ. Мнение субъекта (субъектов) РФ выражается в форме постановления его (их) законодательного органа (законодательных органов), а мнение муниципального образования (муниципальных образований) – в форме решения представительного органа местного самоуправления.

Указанный механизм учёта мнения предлагается использовать также и в случае изменения границ ФТ. При этом считаем целесообразным указать в рамочном законе положение, отсутствующее в Федеральном законе № 437-ФЗ, о том, что инициатива изменения границ ФТ принадлежит местному населению, органам местного самоуправления, органам публичной власти ФТ, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, федеральным органам государственной власти.

Примечания

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.

² Инициатива о «федеральной территории» заслуживает особого внимания // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2020. 6 фев. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/113261/> (дата обращения: 30.05.2023).

³ Клишас: По каждой федеральной территории будет отдельный закон // Российская газета. 2020. 11 дек. URL: <https://rg.ru/2020/12/11/klishas-po-kazhdoj-federalnoj-territorii-budet-otdelnyj-zakon.html> (дата обращения: 30.05.2023).

⁴ Федеральный закон от 22.12.2020 № 437-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О федеральной территории «Сириус»» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8583.

⁵ Группа по изменениям в конституции работает поправку о создании федеральных территорий // ТАСС. 2020. 6 фев. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7699223> (дата обращения: 30.05.2023).

⁶ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Рос. газ. 2021. 27 дек.

⁷ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Рос. газ. 2003. 8 окт.

⁸ П. 3.1 Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Рос. газ. 2020. 17 марта.

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1): от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁰ Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Рос. газ. 2005. 27 июля.

¹¹ Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // Рос. газ. 2020. 16 июля.

¹² Закон РФ от 14.07.1992 № 3297-1 (ред. от 15.04.2022) «О закрытом административно-территориальном образовании» // Рос. газ. 1992. 26 авг.

¹³ Федеральный закон от 14.03.1995 № 33-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об особо охраняемых природных территориях» // Рос. газ. 1995. 22 марта.

Список литературы

Авакьян С.А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2023. № 1. С. 3–21.

Алексеева Т.М. Отдельные аспекты деятельности публичной власти на федеральной территории // Мировая судья. 2022. № 1. С. 18–23.

Большой юридический словарь / А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. Москва: Инфра, 2003. 858 с.

Виноградов В.В. Порядок создания федеральных территорий в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 6. С. 9–11.

Виноградов В.В. Федеральная территория как принципиально новый вид организации публичной власти в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 38–39.

Каримов Б.Р. Федеральные территории в Российской Федерации: первый опыт создания и проблемы конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 51–58.

Конституционное право: энциклопедический словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. Москва: Норма, 2001. 675 с.

Лексин И.В. Федеральные территории в России: перспективы и проблемы реализации конституционных нововведений // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 28–33.

Майборода В.А. Легитимация публично-правовой природы федеральной территории // Нотариус. 2022. № 1. С. 15–19.

Пешин Н.Л. Территориальная организация публичной власти в границах федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 35–40.

Стариков С.С. К вопросу о конституционно-правовом статусе органов публичной власти федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 21–25.

Сычев В.В. Создание федеральной территории «Сириус» в управленческой парадигме принятия решений: от появления «территории знаний» к строительству «страны умных и договороспособных людей» // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 60–68.

Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 240 с.

Чуклин А.В. К вопросу об организации публичной власти на федеральной территории // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 11–14.

References

- Alekseeva T.M. *Otdel'nye aspekty deiatel'nosti publichnoi vlasti na federal'noi territorii* [Certain aspects of the activity of public authorities in the federal territory]. *Mirovoi sud'ia* [Мировой судья], 2022, No. 1, pp. 18-23. (In Russ.)
- Avak'ian S.A. *O roli konstitutsionnogo prava v usloviakh novykh zadach i kontseptual'nykh reshenii dlia politicheskogo budushchego Rossii* [On the role of constitutional law in the context of new tasks and conceptual solutions for the political future of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Episode 11: Law], 2023, No. 1, pp. 3-21. (In Russ.)
- Chuklin A.V. *K voprosu ob organizatsii publichnoi vlasti na federal'noi territorii* [To the question of the organization of public authorities in the federal territory]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2021, No. 10, pp. 11-14. (In Russ.)
- Karimov B.R. *Federal'nye territorii v Rossiiskoi Federatsii: pervyi opyt sozdaniia i problemy konstitutsionno-pravovogo regulirovaniia* [Federal territories in the Russian Federation: the first experience of creation and problems of constitutional and legal regulation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2022, No. 3, pp. 51-58. (In Russ.)
- Konstitutsionnoe pravo: entsiklopedicheskii slovar'* [Constitutional law: an encyclopedic dictionary], ed. by S.A. Avak'ian. Moscow, Norma Publ., 2001, 675 p. (In Russ.)
- Leksin I.V. *Federal'nye territorii v Rossii: perspektivy i problemy realizatsii konstitutsionnykh novovvedenii* [Federal territories in Russia: prospects and problems of implementation of constitutional innovations]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2021, No. 8, pp. 28-33. (In Russ.)
- Maiboroda V.A. *Legitimatsiia publichno-pravovoi prirody federal'noi territorii* [Legitimation of the public law nature of the federal territory]. *Notarius* [Notary], 2022, No. 1, pp. 15-19. (In Russ.)
- Peshin N.L. *Territorial'naia organizatsiia publichnoi vlasti v granitsakh federal'nykh territorii* [Territorial organization of public authorities within the boundaries of federal territories]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2021, No. 7, pp. 35-40. (In Russ.)
- Starikov S.S. *K voprosu o konstitutsionno-pravovom statuse organov publichnoi vlasti federal'nykh territorii* [On the issue of the constitutional and legal status of public authorities in the federal territory]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2023, No. 3, pp. 21-25. (In Russ.)
- Sukharev A.Ia., Krutskikh V.E., Sukhareva A.Ia. *Bol'shoi iuridicheskii slovar'* [Big law dictionary]. Moscow, Infra Publ., 2003, 858 p. (In Russ.)
- Sychev V.V. *Sozdanie federal'noi territorii «Sirius» v upravlencheskoi paradigme priniatiia reshenii: ot poavleniia «territorii znaniia» k stroitel'stvu «strany umnykh i dogovorospobnykh liudei»* [Creation of the federal territory “Sirius” in the managerial decision-making paradigm: from the emergence of the “territory of knowledge” to the construction of a “country of smart and negotiable people”]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2023, No. 2, pp. 60-68. (In Russ.)
- Tematicheskii kommentarii k Zakonu Rossiiskoi Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniia otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniia publichnoi vlasti»* [Thematic comments to the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities”], T.Ia. Khabrieva, A.A. Klishas. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2022, 240 p. (In Russ.)
- Vinogradov V.V. *Poriadok sozdaniia federal'nykh territorii v Rossiiskoi Federatsii* [The order of creation of federal territories in the Russian Federation]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State authority and local government], 2022, No. 6, pp. 9-11. (In Russ.)
- Vinogradov V.V. *Federal'naia territoriia kak printsipial'no novyi vid organizatsii publichnoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii* [Federal territory as a fundamentally new type of public authority organization in the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2022, No. 1, pp. 38-39. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.06.2023; одобрена после рецензирования 21.06.2023; принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 02.06.2023; approved after reviewing 21.06.2023; accepted for publication 25.10.2023.

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Серова Юлия Геннадьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, julsug2011@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3824-5543>

Аннотация. В связи с созданием в Российской империи правового института справочных контор о кредитоспособности у предпринимателей появилась возможность заказать справку о кредитоспособности потенциального контрагента, однако в силу объективных причин данный способ являлся достаточно длительным по времени. Сведения, отражаемые в справке, носили конфиденциальный характер. В XIX – начале XX вв. в России отсутствовал единый государственный публичный реестр информации, характеризующий финансовую благонадежность участников торгового оборота. Автором исследуются общедоступные источники получения данных о кредитоспособности контрагента, которые могли использоваться торговцами и промышленниками дореволюционного периода для принятия решения о заключении договора, в том числе с условиями кредитной сделки. Имеющаяся в Российской империи общедоступная информация о кредитоспособности клиентов – это сведения, собранные и хранящиеся в справочных конторах о кредитоспособности, предоставляемые последними в различных форматах заинтересованным лицам. В статье рассматриваются заимствованные из зарубежной практики и применяемые в отечественном торговом обороте способы обеспечения информацией предпринимателей. Важным источником приобретения сведений о кредитоспособности были данные, полученные из средств массовой информации. При этом риски достоверности данной информации принимало на себя лицо, использующее эти сведения. При написании статьи автором был изучен большой массив периодических изданий, использованы научные работы ученых дореволюционного периода, а также исследованы архивные документы, некоторые из которых не были изучены в юридической доктрине ранее.

Ключевые слова: кредитоспособность, справочное бюро о кредитоспособности, кредитор, средства массовой информации, общедоступные сведения о кредитоспособности, справка о кредитоспособности, финансовая благонадежность.

Для цитирования: Серова Ю.Г. Общедоступные сведения о кредитоспособности лиц в Российской империи (историко-правовой анализ) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 220–225. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-220-225>

Research Article

PUBLICLY AVAILABLE INFORMATION ON THE CREDITWORTHINESS OF INDIVIDUALS IN THE RUSSIAN EMPIRE (HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS)

Yulia G. Serova, Candidate of Jural Sciences, Senior lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, julsug2011@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3824-5543>

Abstract. Due to the establishment of the legal institute of reference offices on creditworthiness in the Russian Empire, entrepreneurs had the opportunity to order a certificate of creditworthiness of a potential counterparty; however, for objective reasons, this method was quite long in time. The information reflected in the certificate was confidential. The 19th – the early 20th centuries' Russia lacked the unified state public register of information characterising the financial reliability of trade turnover participants. The author investigates publicly available sources of obtaining data on the creditworthiness of the counterparty, the pre-revolutionary period merchants and industrialists could use to make a decision on concluding a contract, including with the terms of a credit transaction. The publicly available information on the creditworthiness of clients in the Russian Empire is information collected and stored in reference offices on creditworthiness, provided by the latter in various formats to interested parties. The article examines the methods of providing entrepreneurs with

information borrowed from foreign practice and used in Russian trade. An important source of acquiring information about creditworthiness was data obtained from mass media. At the same time, the risks of the reliability of this information were assumed by the person using this information. When writing the article, the author studied a large array of periodicals, used scientific works of scientists of the pre-revolutionary period, and also studied archival documents, some of which had not been studied in the legal doctrine before.

Keywords: creditworthiness, reference bureau on creditworthiness, lender, mass media, publicly available information on creditworthiness, certificate of creditworthiness, financial reliability.

For citation: Serova Yu.G. Publicly available information on the creditworthiness of individuals in the Russian Empire (historical and legal analysis). *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 220–225. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-220-225>

Оперативный доступ к информации о финансовой благонадежности контрагента является крайне актуальным и в настоящее время, был он важным и в прошлом. На современном этапе при совершении кредитной сделки у кредитора есть возможность ознакомления с кредитной историей¹ потенциального заемщика. Кредитор может ознакомиться и с иной информацией, характеризующей финансовую благонадежность контрагента и размещаемой на различных общедоступных ресурсах².

Во второй половине XIX в. в Российской империи были созданы экономические, политические и социальные предпосылки для развития торгового оборота, расширения географии контрагентов, увеличения количества сделок, совершаемых на условиях предоставления кредита, – все это обуславливало необходимость совершенствования процесса получения информации о кредитоспособности лиц. На начальном этапе такого рода сведения предприниматели получали через наведение дружественно-деловых справок, путем обмена письмами с государственными органами, учетными комитетами, а также посредством запроса справок полиции и податной инспекции [Генкин: 1; Серова: 23–28]. Справочные конторы, которые стали выдавать справки о кредитоспособности, появились в России в XIX веке, «в 1899 г. существовало пять официально не разрешенных контор о кредитоспособности» [Федоров], а в 1905 году был принят специальный закон, который регулировал их деятельность. В законодательстве Российской империи³ предусматривался концессионный порядок открытия справочных контор о кредитоспособности, то есть заявителю необходимо было получить предварительное разрешение министра торговли и промышленности по согласованию с министром внутренних дел на открытие таких учреждений. Учредителями справочного бюро о кредитоспособности могли быть физические лица, учреждения, торгово-промышленные предприятия, предусматривалось право создания таких контор промышленными союзами. Законодательно была установлена обязанность учредителей по внесению залога в размере 25 000 рублей «для обеспечения могущих возникнуть на них исков». Отчетность, формы выдаваемых документов и поря-

док делопроизводства справочных контор о кредитоспособности регулировались Правилами о порядке делопроизводства и отчетности справочных контор о кредитоспособности, утвержденными 23.11.1905 г.⁴ Выдаваемые справочными бюро справки о кредитоспособности носили характер «конфиденциальных документов». Сам процесс получения такой справки, включая время на запрос, сбор материала, подготовку письменного документа, был длительным: с учетом почтовых пересылок сроки могли составлять несколько недель и даже месяцев. При этом у предпринимателей существовала острая потребность оперативного получения данных о кредитоспособности своих клиентов, необходимость определения «с достаточной точностью и скоростью действительное материальное положение лица, желающего воспользоваться кредитом» [Шиммельпфенг: 9].

Какие же публичные сведения, определяющие кредитоспособность лиц, были доступны предпринимателям того времени?

Интересная практика была реализована бюро о кредитоспособности в США, которые помимо разовых справок по запросам клиентов ежеквартально издавали специальные издания. Это были справочники, содержащие сведения о кредитоспособности предприятий, осуществляющих деятельность в Соединенных Штатах Северной Америки и Канаде, включающие сведения об их капиталах и прибылях. Так, в книге⁵ «Commercial Reports», издаваемой компанией «Бродстрит» (Broadstreet), содержались сведения о кредитоспособности более чем полутора миллионов лиц и фирм, занимающихся торговыми, промышленными, кредитными и иными операциями. Книга служила только для предварительных оценок: за более подробными сведениями о контрагенте клиенту надо было обращаться непосредственно в подразделение компании, «которое письменно сообщает сведения лишь благоприятные; в противном случае запросившее лицо приглашается в контору и сведения ему читаются, но не даются в руки» [Справочные конторы: 2]. Такие справочные книги предоставлялись только подписчикам, то есть тем лицам, с кем у справочной конторы о кредитоспособности было заключено соглашение на предоставление сведений.

Аналогичный подход был реализован и в Российской империи. Интерес представляет справочная книга С. Клячкина 1901, при издании которой автор руководствовался: 1) «желанием многочисленных клиентов иметь для ориентировки во всякого рода коммерческих делах справочную книгу» и 2) «сознанием, что книга эта окажет большую услугу банкирским конторам, фабрикантам, агентам в случае необходимости моментальной справки о купце» [Справочная книга: 1]. Справочник 1901 г. включал в себя данные о сорока тысячах торговцев, ведущих свою деятельность в более чем 2 000 населенных пунктах Российской империи. При этом информации о компаниях, осуществляющих деятельность в таких крупных городах, как Москва, Санкт-Петербург и Варшава, в книге не было в связи с «нестойкостью и неуловимостью движения дел о тамошних мелких торговцев, неоднократно в течение года меняющих свою фирму» [Справочная книга: 1]. Какая же информация, в том числе коммерческая, содержалась в данном сборнике? Во-первых, имя и фамилия торговца; во-вторых, данные о том, какого рода торговлей занимался предприниматель: мануфактурная, бакалейная либо галантерея; в-третьих, сведения о годовом обороте предприятия – не в суммарном выражении, а в виде указания на то, что оборот является большим (особенно выделялись в книге предприятия с годовым оборотом более 500 000 рублей), средним или малым. На основании этого показателя все компании в справочнике были отнесены к первому, второму или третьему разряду. При этом, как указывалось в разъяснениях к книге, при определении размера оборота и при отнесении его к одной из групп учитывались «местные условия сбыта». Таким образом, предприятие, имеющее определенный годовой доход, в одном населенном пункте могло быть отнесено справочной конторой к среднему, а в другом городе или селе – к большому или малому. Справочная книга не продавалась, а издавалась в количестве, соответствующем числу абонентов-клиентов справочной конторы. В 1903 году справочной конторой С. Клячкина был издан указатель фабрик и заводов. Потребность в такого рода справочниках существовала в Российской империи, хотя «за границей по любой отрасли имеются специальные справочные издания с самыми подробными и точными указаниями – у нас этот род литературы ждет своих деятелей» [Клячкин: 19]. Сборники содержали ограниченный набор сведений, и с учетом издания их раз в год информация могла потерять свою актуальность, но при отсутствии иных источников информации данная книга вполне могла использоваться для получения быстрых необходимых сведений.

В целях предупреждения негативных последствий крайне востребованными в торговых кругах были

коммерческие сведения о неплатежах, банкротствах, арестах имущества предпринимателей, поскольку все это являлось ярким показателем отсутствия финансовой стабильности потенциального контрагента. За рубежом существовал международный союз обществ промышленников, купцов, банков и ремесленников «Кредитреформ», который формировал и направлял своим клиентам списки компаний и физических лиц со сведениями о неплатежах, аресте движимого имущества и иной информацией, негативно характеризующей финансовое положение лиц [Генкин: 15]. В Российской империи регистрация неплательщиков и предоставление о них сведений была впервые реализована в 1910 году «Обществом заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», затем к регистрации неплатежей присоединились и иные торгово-промышленные организации (к 1912 г. их было уже 17) [Справочная контора: 3]. «Черные списки» о неплательщиках – нарушителях договорных обязательств – обобщались, формировались и рассылались только участникам данных союзов.

Важным источником оперативной информации о финансовом положении и кредитоспособности лиц в Российской империи были средства массовой информации.

Так, в декабре 1910 г. в Москве вышла специальная коммерческая газета «Кредитор», учредителем которой выступило «Товарищество Справочных контор о кредитоспособности С. Клячкина и К^о». В первом номере данного издания определялось, что основная задача выпуска газеты – «заполнить пробел, сильно ощущаемый нашей торговлей и промышленностью в обстоятельном справочном органе, который давал бы возможность с наименьшей затратой времени ориентироваться в повседневных явлениях коммерческой и промышленной жизни страны»⁶. Подписка газеты «Кредитор» была доступна за плату любому заинтересованному лицу.

Наличие действующей сети корреспондентов по всей стране, богатый архив, накопленный за период деятельности справочной конторы (по данным из годового отчета⁷ «Т-ва Справочных контор о кредитоспособности С. Клячкин и К^о» за 1910 год, действовало шесть отделений справочной конторы, за отчетный год было выдано 378 456 коммерческих справок), – все это позволило освещать события, явления, изменения в предпринимательской жизни страны.

Издание выходило ежедневно, в связи с этим наиболее ценными сведениями, которые размещались в данной газете, являлась информация о коммерческой деятельности конкретных торговых фирм и производственных предприятий. Так, в газете существовала рубрика «Прекращение платежей», где

приводились данные о предпринимателях, прекративших исполнять свои финансовые обязательства. При этом указывался либо просто факт нарушения условий об оплате (например, в Житомире «прекратили платежи А.Т. Шляпочник – бакалейная торговля, Я.М. Винокур – галантерея, Б. Штейман – готовое платье, Г. Блох – мануфактура...»⁸), либо содержалась более подробная информация о суммах обязательств, о том, кому передано дело, о дальнейших действиях предпринимателя (например, в Иркутске «М.П. Окунев, торгующий писчебумажными товарами и имеющий типографию, прекратил платежи на сумму свыше 50 000 рублей и дело перевел на чужое имя»⁹ или в Санкт-Петербурге «Николай Александрович Молчанов, мануфактурист, торговавший в гостинном дворе, прекратил платежи на пятьдесят тысяч рублей и скрылся»¹⁰).

В части сведений о благонадежности фирм для предпринимателей был интересен раздел «Хроника торговых фирм». Здесь помещались следующие данные. О ликвидационных процедурах: «Александр Степанович Санников, открывший в 1903 г. в Оренбурге торговлю модно-галантерейными товарами, в настоящее время ликвидирует ее и к новому году совершенно прекращает таковую»¹¹; о создании новых предприятий: «“Алышев и Акжитов”». Учредители и вкладчики: коллежский регистратор Фатих Ибрагимович Алышев кр. Касимовского у. Усман Изатумович Акжитов. Т-во полное, складочный капитал 5 000 руб. местонахождение конторы – С.-Петербург, Семеновский плац, Беговое здание. Право подписываться предоставлено обоим товарищам. Срок не определен»¹²; о восстановлении дел: «Рыбинск. Фирма М.П. Гринберг, год тому назад ликвидировавшая мануфактурную торговлю, недавно вновь начала функционировать»¹³; о перемене собственников фирм: «...из состава мануфактурной фирмы “Либерман и Йоффе”, г. Йоффе выступил»¹⁴; о преобразованиях в предприятиях: «Иннокентий Захарович Баранов, торгующий галантерейными товарами, преобразовал свою фирму в «Т-во И.З. Баранов и К^о»»¹⁵.

Появление такого издания было хорошим подспорьем для получения оперативных сведений о кредитоспособности, при этом данные, размещаемые в газете – это были сведения, получаемые от корреспондентов справочного бюро о кредитоспособности «Т-ва Справочных контор о кредитоспособности С. Клячкин и К^о», что косвенно подтверждало качество данного материала, поскольку выпуск и распространение «Кредитора» было своего рода рекламой услуг, оказываемых справочным бюро.

Кроме газеты «Кредитор» информация о кредитоспособности лиц стала появляться и в других изданиях. Так, например, в газете «Коммерсант», которая

также выпускалась ежедневно, размещалась следующая информация. О неплатежах: например, «приостановил платежи С. Баскин, бывший комиссионер московской мануфактурной фирмы, владелец крупной мануфактурной торговли, пассив 50 000 рублей. Пострадали московские фирмы»¹⁶; о задолженностях: например, «Г.А. Фиркович, имеющий в Ельце универсальный магазин, по выданным обязательствам не платит, но торговать продолжает. Точная сумма задолженности пока не известна, но, по слухам, доходит до 40 000 рублей»¹⁷; о прекращении исполнения обязательств: например, «В Москве прекратил платежи торговый дом С. Евгулатовой и К^о. Пассив торгового дома определяется в 70 000 рублей. Кредиторы русско-азиатский банк в сумме 20 000 предъявили иски в коммерческом суде и получили приказы на обеспечение иска и чайная фирма Шведова в сумме 4 000 рублей с наложением ареста на товары торгового дома... Неплатеж объясняется запоздалой зимой и вообще заминкой в делах меховой торговли. Сама Евгулатова из Москвы скрылась»¹⁸.

Интересной в вопросе формирования данных о кредитоспособности представляется предложенная редакцией газеты «Коммерсант» рубрика «Список торговых фирм». В данном разделе размещались адреса всех торговых фирм по разным отраслям торговли и по всем городам России с изложением краткой истории фирмы, а также с указанием оборотов данного предприятия. Таким образом, в течение года каждый подписчик мог получить «ценный справочник по интересующим его отделам отечественной торгово-промышленной деятельности»¹⁹. Так, например, в данной рубрике: «Яков Моисеевич Левитан (улица Пушкинская, д. Шнейдера) часы, золотые и серебряные изделия. Дело существует 12 лет с оборотом до 30 000 рублей. Лучший магазин на месте»; «Бывший компаньон Бостаншеева, Григорий Борисович Хазизов, получил от него лет 5 тому назад оптовое галантерейное и платочное дело. Оно продолжает развиваться и оборот определяется до 175–180 000 рублей. В Нахичевани имеет недвижимость. Пользуется доверием и кредитом»²⁰. Безусловно, такого рода общедоступная информация представляла интерес для предпринимателей и могла служить оперативным источником получения информации о кредитоспособности клиентов и потенциальных контрагентов.

Кроме оперативности получения сведений о кредитоспособности важным для получателей было и качество выдаваемой в газетах информации. Здесь надо отметить, что на практике были случаи указания на некорректность публикуемой информации. Например, в газете «Кредитор» от 30.12.1910 г. № 21 указывалось, что «в газете «Коммерсант» стали появляться несоответствующие действительности сооб-

щения о неплатежах некоторых фирм и приостановлении платежей». В данном же номере приводятся примеры указания недостоверной информации. Так, например, по сообщению газеты «Коммерсант» у Габуня из Кутаиса имелась задолженность, достигающая 200 000 рублей; мануфактурная торговля, по сведениям газеты, еще не закрыта. В газете «Кредитор» по данному факту приводятся сведения о том, что Виссарион Григорьевич Габуня прекратил платежи еще в январе 1910 г. и тогда же уехал за границу «лечиться»²¹. А в газете «Кредитор» от 14.01.1911 г. № 32 также были приведены примеры некорректной информации, и здесь же редакцией отмечалось, что «газета «Коммерсант» черпает сведения для отдела своего «Списка торговых фирм» из устарелых архивных справок специальных контор, сообщенных в свое время абонентам конфиденциально»²².

В Российской империи информация о кредитоспособности контрагента была востребована среди участников торгового оборота, так же как и на современном этапе. Появившиеся в начале XX в. справочные конторы о кредитоспособности по запросу своих клиентов предоставляли сведения о кредитоспособности лиц. Подготовка справки требовала времени, данные, содержащиеся в ней, носили конфиденциальный характер. Несмотря на наличие такого формата получения сведений о кредитоспособности, существовала потребность в публичных источниках информации, позволяющих оперативно получать данные о финансовой благонадежности лиц. В законодательстве Российской империи²³ содержались нормы об обязательном публичном размещении информации о несостоятельности должников в периодических изданиях («Сенатских объявлениях», местных «Губернских ведомостях»). Опубликованные объявления дополнительно вывешивались на дверях суда и биржи. Придание гласности сведениям о несостоятельности должников являлось необходимым процедурным элементом в делах о банкротстве и было направлено прежде всего на информирование кредиторов для своевременного предъявления ими своих требований в суд. В рамках торгово-кредитных отношений в целях заключения сделок у предпринимателей существовала потребность в оперативной информации о финансовой благонадежности своих контрагентов – действующих участников торгового оборота. В правопорядке Российской империи не существовало института публичного реестра юридических лиц, в том числе содержащего информацию об их финансовой деятельности. Значимую роль в обобщении и предоставлении сведений о благонадежности предпринимателей широкому кругу лиц сыграли справочные бюро о кредитоспособности. Они на основе имеющихся у них данных стали готовить для своих абонентов справочные издания. Появление специальных периодических из-

даний, образованных справочными конторами о кредитоспособности, способствовало оперативному доступу к информации о финансовой благонадежности лиц, занимающихся торговой, производственной деятельностью. При этом выпуск «повременных изданий», куда относились и специализированные газеты, содержащие информацию о кредитоспособности лиц, регулировался в Российской империи нормами Устава о цензуре и печати²⁴. Вопросы ответственности за недостоверность информации о кредитоспособности лиц, размещаемой в периодических изданиях, является отдельной проблемой, не входящей в предмет настоящей статьи, и будут рассмотрены в отдельном историко-правовом исследовании. В рамках данной работы на основе проведенного анализа дореволюционного законодательства о справочных конторах о кредитоспособности, а также массива периодических изданий исследованы порядок и практика размещения общедоступных сведений о кредитоспособности лиц. Анализ такого рода информации позволял предпринимателю в Российской империи оценить риски при заключении сделок, в том числе с элементами кредита. Однако потребность в едином реестре общедоступных достоверных данных, характеризующих правосубъектность и финансовую благонадежность участников торгового оборота, оставалась крайне актуальной.

Примечания

¹ О кредитных историях: Федеральный закон от 30.12.2004 № 218-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) // КонсультантПлюс: справ. правовая система (дата обращения 02.08.2023).

² Реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) (<http://zakupki.gov.ru>); Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (<https://fedresurs.ru>); Единый федеральный реестр сведений о банкротствах (<https://bankrot.fedresurs.ru>); Единый государственный реестр юридических лиц, Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей (<http://nalog.gov.ru>)

³ Свод законов Российской империи. Т. XI, ч. 2. Устав торговый. Ст. 46, примеч. 2. 1906.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате: от 3.01.1906 г. № 2, отд. 1-й, ст. 5. С. 7.

⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 20. Оп. 4. Д. 4869. Л. 2–10.

⁶ Кредитор. Специальная коммерческая газета. 1910. № 1. С. 2.

⁷ Кредитор. Специальная коммерческая газета. 1911. № 43. С. 2.

⁸ Кредитор. Специальная коммерческая газета. 1910. № 2. С. 2.

⁹ Кредитор. Специальная коммерческая газета. 1910. № 1. С. 3.

¹⁰ Кредитор. Специальная коммерческая газета. 1910. № 4 С. 3.

¹¹ Кредитор. Специальная коммерческая газета. 1910. № 5. С. 3.

¹² Кредитор. Специальная коммерческая газета. 1910. № 2. С. 3.

¹³ Кредитор. Специальная коммерческая газета. 1910. № 16. С. 2

¹⁴ Кредитор. Специальная коммерческая газета. 1910. № 5. С. 3.

¹⁵ Кредитор. Специальная коммерческая газета. 1910. № 17. С. 2.

¹⁶ Коммерсант. 1911. № 416. С. 2.

¹⁷ Коммерсант. 1911. № 416. С. 2.

¹⁸ Коммерсант. 1911. № 420. С. 2.

¹⁹ Коммерсант. 1911. № 416. С. 2.

²⁰ Коммерсант. 1911. № 445. С. 2.

²¹ Кредитор. Специальная коммерческая газета. 1910. № 21. С. 2.

²² Кредитор. Специальная коммерческая газета. 1911. № 32. С. 2.

²³ Устав судопроизводства торгового / сост. А.М. Нюнберг. Москва: Правоведение И.К. Голубева, 1913 г. URL: <http://www.znaniium.com>

²⁴ Устав о цензуре и печати // Свод. зак. Т. XIV: изд-е 1890 г., прод. 1902 г., с изм. по 1 июля 1905 года / сост. И.Н. Лодыженский, И.В. Ратьков-Рожков. Санкт-Петербург, 1905.

Список литературы

Генкин Д.М. Справки о кредитоспособности (юридическое исследование) / предисл. проф. Г.Ф. Шершеневича. Москва: Изд-е Бр. Башмаковых, 1911. 115 с.

Клячкин С.Г. Справочное дело в России. Москва, 1912. 32 с.

Серова Ю.Г. Институт собирания информации о благонадежности контрагентов в России (историко-правовой анализ) // История государства и права. 2012. № 7. С. 23–28.

Справочные конторы о кредитоспособности // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 27. С. 2.

Справочная контора о кредитоспособности Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района. Москва: Тип. П.П. Рябушкинского, 1912. 32 с.

Справочная книга Клячкина (по торговым фирмам России). 1901 г. / контора коммерческих справок С. Клячкина. 1-е изд. Лодзь; Варшава: Тип. Е. Скворонского, 1900. 2132 с.

Справочный указатель фабрик и заводов всей России. 1-е изд. Лодзь: Справочная контора С. Клячкина, 1903. 380 с.

Федоров Ф. Справочные конторы о кредитоспособности // Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: <http://booksite.ru> (дата обращения: 03.08.2023).

Шиммельпфенг В. К вопросу об обеспечении кредитных взаимоотношений / Институт В. Шиммельпфенга. Санкт-Петербург: Тип. А. Бенке, 1912. 24 с.

References

Fedorov F. *Spravochnye kontory o kreditosposobnosti* [Reference offices about creditworthiness]. *Slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona* [Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron]. URL: <http://booksite.ru> (access date: 03.08.2023). (In Russ.)

Genkin D.M. *Spravki o kreditosposobnosti (iuridicheskoe issledovanie)* [Certificates of creditworthiness (legal research)]. Moscow, 1911, 115 p. (In Russ.)

Kliachkin S.G. *Spravochnoe delo v Rossii* [Reference case in Russia]. Moscow, 1912, 32 p. (In Russ.)

Serova Yu.G. *Institut sobiraniia informatsii o blagonadezhnosti kontragentov v Rossii (istoriko-pravovoi analiz)* [Institute for Collecting Information on the Reliability of Counterparties in Russia (historical and Legal analysis)]. *Istoriia gosudarstva i prava* [History of State and law], 2012, No. 7, pp. 23-28. (In Russ.)

Shimmel'pfeng V. *K voprosu ob obespechenii kreditnykh vzaimootnoshenii. Institut V. Shimmel'pfeng* [On the issue of ensuring credit relations. V. Schimmelpfeng Institute]. St. Peterburg, 1912, 24 p. (In Russ.)

Spravochnye kontory o kreditosposobnosti [Reference offices on creditworthiness]. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli* [Bulletin of Finance, Industry and Trade], 1905, No. 27, 2 p. (In Russ.)

Spravochnaia kontora o kreditosposobnosti Obshchestva zavodchikov i fabrikantov Moskovskogo promyshlennogo raiona [Reference office on the creditworthiness of the Society of Breeders and Manufacturers of the Moscow Industrial District]. Moscow, 1912, 32 p. (In Russ.)

Spravochnaia kniga Kliachkina (po trgovym firmam Rossii) [Klyachkin's reference book (for trading firms in Russia)], 1901. Warsaw, 1900, 2132 p. (In Russ.)

Spravochnyi ukazatel' fabrik i zavodov vsei Rossii [Reference index of factories and plants throughout Russia], 1903, 380 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.06.2023; одобрена после рецензирования 21.06.2023; принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 02.06.2023; approved after reviewing 21.06.2023; accepted for publication 25.10.2023.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи... [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г: (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов **(н.п.)** В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божилев И., Тотоманова А., Билярски И. Борилев синодик. София: Паблшинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 s. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛЮ, 2006. 332 с

Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. “Gorestnaja profanacija” (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) [“Woeful profanation” (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoricheskiy sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Nepomniashchii V.S. *Pushkin v svete ochevidnostei* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Слостенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskiy mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory “Moscow – Third Rome” and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal “Word”]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). *Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!*
3. Кавычки в тексте – елочки «», если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. *Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.*
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2023 – Т. 29 – № 4

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Реестровая запись: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 21.02.2024.
Дата выхода в свет 02.04.2024.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 29,0.
Уч.-изд. 30,2 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 28.

Подписной индекс: **18902**

Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 63-49-00 (доб. 3130)**, факс: **(4942) 31-13-22.**
Адрес электронной почты: **vestnik@ksu.edu.ru**
Сайт журнала: **<https://vestnik.ksu.edu.ru>**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна